

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

ПЕТЕРБУРГ

1995

№ 3

Редакция «Нового Часового» приносит глубокую благодарность
нашим читателям и друзьям в Русском Зарубежье.

В 1995 г. в «Общественный фонд» журнала
поступили пожертвования от
Н.Л.Казанцева (Аргентина), *А.Б.Иордана* (США),
Р.В.Полчанинова (США), *Л.К.Максимовой* (США),
Б.С.Максимова (США), *Л.В.Жадан* (США).

НОВЫЙ ЧАСОВИЙ

Русский
военно-исторический
журнал

Russian Military History Journal

№ 3

С.-Петербург
1995

Издатель: Языковой Центр филологического факультета СПбГУ

Редакционный совет: *К.М.Александров*
В.Г.Бортневский
А.Б.Егоров
В.Б.Конасов
В.М.Монахов

О.А.Поливанов
Б.А.Старков
А.В.Терецук (отв. редактор)
С.Л.Фирсов
М.Н.Яковлев

Секретарь редакции: *Е.С.Егорова*

Адрес редакции: Российская Федерация, 197198, С.-Петербург, Мытнинская наб., 5/2
Телефон: (812) 238-47-09. Факс: 233-06-72

Представитель журнала в Москве: *Шатунов Юрий Александрович*

105077. Москва, ул. Первомайская, 101
(Институт национальных проблем
образования, зам. директора)
Тел.: (095) 461-92-45. Факс: 461-92-45

Представитель журнала в Вологде: *Конасов Виктор Борисович*

160024. Вологда, ул.Северная, д.28-А, кв.31
тел.: (81722)46431

Представитель журнала в Германии: *Фризен Иван Иванович*

J.Friesen
Flurscheideweg 15, D—65936
Frankfurt a.M. BRD

Представитель журнала в США: *Бортневский Виктор Георгиевич*

Victor G.Bortnevski
3066 Emerson str., Palo Alto, CA,
94306, USA
Phone: (415)856-8203

Банковский счет журнала

В России: Т/с 48100609216 Гаванский филиал
АО БАНК «Санкт-Петербург»
кор/счет 700161848
с/сч 748911301
МФО 044030748; 171326

В Германии: J.Friesen («НОВЫЙ ЧАСОВОЙ»—С.-Петербург)
Frankfurter Volksbank e G. Frankfurt am Main
BLZ: 50190000 Konfo—NR.: 0301188471

Издание журнала осуществляется при участии издательства «Logos» (С.-Петербург).

Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать какие-либо материалы «Нового Часового», должны предварительно сообщить о своих намерениях редакционному совету журнала.

ISBN 5-87403-010-7

© «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ», 1995

© С.-Петербургский гос. ун-т, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

- Артамонов А.А. Жилищное обеспечение отставных офицеров в Российской армии (Исторический обзор) 5
- Шишов А.В. Загадка Порт–Артурской трагедии: тайна гибели адмирала Макарова (Историческая гипотеза) 10
- Фирсов С.Л. Военное духовенство накануне и в годы Первой мировой войны . . 21
- Чепарухин В.В. Григорий Распутин. Последняя точка? 33
- Кашеваров А.Н. Взаимоотношения советской власти и Русской Православной Церкви в начале Гражданской войны 37
- Бортневский В.Г. Разведка и контрразведка Белого Юга (1917—1920 гг.) . . . 50
- Чернов С.В. Спецслужбы фашистской Германии в Великой Отечественной войне. Краткая историческая справка 59
- Конасов В.Б., Терещук А.В. Долгий путь на родину: Репатриация немецких военнопленных из СССР (*Продолжение*) 67
- Александров К.М. Казачество России в 1941—1943 гг.: неизвестные страницы истории 76
- Цветков И.Ф. Эхо трагедии «U–250» (К 50–летию Победы в Великой Отечественной войне) 96
- Почтарев А.Н., Ржешевский О.А. Последний штурм (К 50–летию битвы за Берлин) 118

Эссе

- Фирсов С.Л. Великие кануны (Некоторые социально–психологические аспекты российской истории начала XX столетия) 128

Из истории русской военно–конструкторской мысли

- Нацваладзе Ю.А. Конструктор стрелкового оружия А.И.Судаев 139

Наши публикации

- Дякин В.С. Николай, Александра, Распутин и Камарилья 148
- Трагедия обреченных (К 50–летию насильственных репатриаций: Свидетельства и воспоминания) 165
- Гибель музыкантской команды (К 50–летию Победы в Великой Отечественной войне) 171

Неизвестные документы

По следам публикаций журнала «Новый Часовой»

Степаков В. Еще раз об инциденте в Майниле 26 ноября 1939 г. 173

Неожиданный ракурс

«Один за всех и все за одного» (полковая песня). Слова штаб-ротмистра
барона П.Н.Врангеля 176

Персоналии

Михайлов А.А. Герой Кавказа (Григорий Иванович Глазенап) 177

Коршунов Ю.Л. Не только поэт, но и моряк (Великий Князь
Константин Константинович) 182

Лурье В.М. Адмиралы Военно-Морского Флота СССР 187

Историческая публицистика

Романовский С.И. Некоторые зигзаги российского исторического процесса . . 200

Пилецкая Т.Л. Луиза Кессених — женщина-улан 210

Интервью

Донат Константинович Жеребов 218

Русский Скаутъ

Хроника деятельности 224

Скаутмастер Р.В.Полчанинов. К истории юных разведчиков —
русских скаутов 227

Жилищное обеспечение отставных офицеров в российской армии (Исторический обзор)

Выполнение военными служащими обязанностей, связанных с защитой государства, требует от них большой затраты моральных и физических сил и даже самой жизни. Поэтому во многих странах мира военным служащим предоставляются определенные льготы, связанные с обеспечением жильем, медицинским обслуживанием, организацией досуга, оплатой транспортных расходов и т.д. Государство принимает на себя конкретные обязательства, закрепленные в законодательном порядке, связанные с социальным и материально-бытовым обеспечением военными служащих во время прохождения ими службы и после увольнения в запас.

Славянские народы, положившие начало русскому государству, жили отдельными родами или племенами. Местом объединения рода служило удачно расположенное и укрепленное поселение, город. Обязанности по защите города от нападения возлагались на всех членов рода, способных держать оружие. С образованием княжеств (IX—X вв.), военные функции стали выполнять специально создаваемые князьями дружины. По окончании ведения военных действий, по мнению некоторых историков, дружинники размещались по различным городам на “прокорм”, а наиболее знатные из них назначались в города и волости, которые обязывались их кормить, наместниками. При этом “кормление” дружинников и передача во временное пользование на поместном праве города или волости, являлись соответственно наградой за службу и вознаграждением за обязанность служить. В связи с тем, что дру-

жинник был вольным человеком, то есть служил кому хотел, пока мог и имел к этому желание, понятие о его каком-либо материальном обеспечении после завершения службы отсутствовало¹.

Необходимо отметить, что, естественно, существовал присмотр за престарелыми и ранеными воинами, но лишь в семьях и общинах, объяснимый только родственными связями.

С укреплением княжеской власти и введением христианства признание за увечными и ранеными воинами (независимо от их сословия) становится сначала частной, а затем и правительственной деятельностью, которая во многом была ориентирована на использование возможностей Церкви. “Тогда же игумен Киево-Печерской Лавры Феодосий устроил при своей обители особый двор с церковью для убогих и увечных <...> Можно думать, что правильное устройство богадельни получили в начале XIII столетия; в это время увечные и бедные поселялись при церквях и монастырях и получали от них содержание”².

В конце XV — начале XVI столетия поместья стали раздаваться князьями людям, служившим им, во временное пользование, но только с условием их бессрочной службы, службы до полной старости или гибели. При этом выделенная под поместья земля принадлежала лицу не только во время его непосредственной службы, но и после ее завершения. В случае смерти владельца поместье оставалось за его семьей до тех пор, пока в роду были лица, состоявшие на службе князя. Следова-

но можно сделать вывод о том, что сложившаяся в XVI в. поместная система включала в себя не только вознаграждение за службу, но и пенсионное начало.

В XVII в. воинская служба была пожизненной, в отставку уходили только вследствие физической невозможности к несению службы, но в то же время служба была практически единственным источником средств существования. Оставить же без попечения отставных воинов государство не могло. При этом практиковались несколько видов призрения, касающихся размещения: 1) оставление за отставными всего поместья или его части; 2) назначение кормления, воеводство; 3) помещение в богадельни, а несколько позднее к ним прибавилось 4) определение на жительство в монастыри.

Создававшиеся в XVII в. богадельни располагались при церквях и монастырях, наибольшей известностью из которых пользовались Корнильев и Печерский монастыри. Несмотря на то, что число богаделен было значительным, в царствование Федора Алексеевича (1676—1682) были учреждены новые богадельни, преимущественно для служилых людей, получивших увечья и оказавшихся без крова и средств к существованию. Упомянутые богадельни можно считать первым опытом создания инвалидных домов, но насколько удачно был реализован этот замысел, осталось неизвестным.

Особо следует отметить такой способ заботы об отставных, как помещение их в монастыри, несмотря на то, что первоначально в них помещались лишь рядовые стрельцы (командиры имели в своем распоряжении поместья). Но со временем среди помещавшихся на жительство в монастыри, значительную часть стали составлять офицеры (поэтому этот способ для нас особенно интересен и далее мы к нему еще обратимся). Просуществовал указанный способ до середины XVIII столетия.

В царствование Петра I поместная система перестала существовать и основное значение в деле призрения отставных военных (служба которых все еще оставалась бессрочной), заняло помещение их на жительство и пропитание в богадельни и монастыри, при этом отставники имели право выбора указанных заведений. Проживали отставные военные либо в самих монастырях, либо в монастырских слободах. Причем, кроме предоставляв-

шегося им крова, лица, имевшие офицерские звания, получали порции согласно своему чину и денежное содержание (пенсии) по утвержденному внутреннему гарнизонному окладу. Складывалась ситуация, при которой отставной офицер, проживавший при монастыре, имел большие доходы, чем офицер, находившийся на службе. Поэтому в 1731 г. порции были отменены, а денежное содержание сократилось до 2/3 жалованья по гарнизонному окладу, что значительно осложнило положение отставных военных.

В 1736 г. появилась новая форма заботы государства об отставниках. Соответствующими указами давалось разрешение выделять желающим на определенных условиях наделы пустовавших земель, но лишь в окраинных губерниях (Казанской, Астраханской, Оренбургском крае). На каждую семью положено было отводить от 30 до 45 десятин (43 га) и давать пособие на первое обзаведение. Но в 1746 г. землей стали наделять лишь дееспособных людей, а в скором времени предоставление наделов отставным военным прекратилось.

Принимая во внимание тот факт, что большая часть забот об отставных военных ложилась на духовенство, монастыри под разными предлогами старались не принимать к себе на жительство отставников. Тем самым, основной способ “призрения” за демобилизованными пришел в упадок (монастыри лишь платили определенные суммы денег в казну), но вследствие этого новое развитие получили богадельни.

С 1735 г. организация и обеспечение богаделен финансировались из бюджета государства. Количество их увеличивалось, в развитии и обустройстве стремились достичь европейского уровня, имея в перспективе цель — создание сети инвалидных домов. Офицеры, проживавшие в таких домах, получали денежное и продовольственное содержание. Но указанные меры были реализованы лишь частично, что напоминает ситуацию, сложившуюся в 1670–х гг. и упомянутую ранее.

Большое значение обеспечению военных после их увольнения придавалось в 1760—1790 гг. во времена Екатерины II. Шаги, принятые правительством в этом направлении, заключались в следующем: указом от 26 февраля 1764 г. монастыри окончательно освобождались от обязанности принимать на пропитание отставных военных; на содержание ин-

валидов из церковных доходов изымалось 125 000 рублей; были определены города (31), в которые отсылались на проживание оставшие военные; в богадельни помещались исключительно немощные люди, что позволило за счет сокращения числа богаделен улучшить условия жизни инвалидов, содержащихся в них. В этот же период велось проектирование и строительство инвалидных домов, один из которых специально для штаб- и обер-офицеров вместимостью около 100 человек был открыт в Москве в 1779 г.³

На рубеже XVIII—XIX столетий забота об отставных военных со стороны правительства уменьшилась, что выразилось в ликвидации некоторой части инвалидных домов. В то же время отмечается активность частных лиц в деле “призрения” старых и больных воинов. Проектируются и возводятся инвалидные дома в Троице-Сергиевой Лавре в 1805 г.; при Воспитательском доме в Москве в 1810 г. и другие. Война 1812 г. обострила вопроса об обеспечении инвалидов, раненых и офицеров, уволенных в отставку, что привело к созданию 18 августа 1814 г. специального комитета, впоследствии называвшегося Александровским комитетом о раненых. Примерно с 1825 г. обеспечение материальных потребностей отставных офицеров велось практически в одном направлении — им назначались пенсии. Александровский комитет осуществлял политику государства в отношении уволенных офицеров.

Появление и развитие новых форм материального обеспечения офицеров, уволенных в отставку в XIX столетии, прослеживается в «Своде военных постановлений». Этот сборник законов неоднократно переиздавался, начиная с 1838 г. При этом он включал в себя новые указы и постановления, касавшиеся прохождения воинской службы.

В 1838 г. было определено, что “каждый отставной военный офицер, при старости и увечьях нуждаясь в пропитании и призрении, может быть определен в военную богадельню, для сего устроенную...”⁴. К числу учрежденных богаделен относились: Чесменская в Санкт-Петербурге на 16 офицеров и 400 нижних чинов, Измайловская в Москве на 20 офицеров и 400 солдат, Инвалидный дом в городе Нежине и многие другие. В 1853 г. названные учреждения не только упоминались в статьях «Свода...», но также были определены лица, которые помещались в них, и порядок внут-

ренного содержания. Так как покровительство Александровского комитета заключалось не только в помещении инвалидов в благотворительные заведения, то был определен размер дохода, имея который, отставной офицер не мог рассчитывать на помощь комитета. Для генералов указанный доход составлял 3000 рублей, штаб-офицеров — 1500 рублей, обер-офицеров — 1000 рублей в год⁵. В 1882 г. вводится в действие т.н. запасно-отпускной билет с указанием в нем места жительства, которое выбрал для себя уволенный в отставку офицер. Этот запасно-отпускной билет для генералов, штаб- и обер-офицеров являлся видом на жительство⁶. Будет уместным привести здесь слова, сказанные фельдмаршалом графом Мольтке в заседании германского парламента 26 февраля 1886 г.: “Дайте армии закон о пенсиях, если вы хотите, чтобы она выполняла свое назначение, если вы желаете видеть армию сильной и всегда проникнутой бодрим духом”. Понятие “пенсия” трактуется Мольтке не в узком смысле этого слова — как денежное пособие, а как комплекс мероприятий, направленных на социальное и материальное обеспечение уволенных военнослужащих. С 1894 г. всем офицерам, находящимся под покровительством Александровского комитета, стали выдаваться “квартирные деньги”, предназначенные для оплаты снимаемой квартиры. Размер этой выдачи зависел от воинского звания офицера и местности, в которой проживал отставной офицер⁷. Таким образом, к началу XX в. в России сложилась целая система обеспечения уволенных в отставку офицеров, гарантированная законодательными актами и постановлениями правительства. Контроль за выполнением законов на государственном уровне осуществлял influentialный Александровский комитет о раненых.

Говоря о советском периоде, имеет смысл рассмотреть вопрос об обеспечении жильем увольняемых офицеров в моменты массового сокращения ВС, т.е. в ситуациях, схожих с происходящим ныне процессом.

Первое большое сокращение советских ВС, предусматривающее оставление в рядах армии 562 000 человек, относится к 1924—1928 гг. 29 октября 1924 г. был утвержден «Кодекс законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и РККФ и их семей». В кодексе за увольняемыми офицерами закреплялось право на первоочередное получе-

ние жилой площади из общего жилого фонда; местные исполнительные власти обязывались в кратчайшие сроки предоставлять жилье уволенным офицерам, а в случае несоблюдения положений «Кодекса» органы прокуратуры должны были возбуждать дела против виновных.

После Великой Отечественной войны произошло значительное сокращение численности личного состава, что нашло свое отражение в предоставлении определенных льгот демобилизованным офицерам, в том числе и при получении ими жилья. Министерством и ведомствам предписывалось передавать в распоряжение Исполкомов 10% жилой площади вновь построенных и восстановленных домов для расселения на этой площади исключительно демобилизованных военнослужащих; офицерам, прослужившим не менее 25 лет, выдавались ссуды в размере 20 000 рублей в рассрочку на 10 лет для строительства индивидуальных домов; отводились в бессрочное и бесплатное пользование земельные участки в городах, поселках и дачных местностях для строительства дачных домов в размере 0,5—0,75 га⁸. В последующие документы, касающиеся материально-бытового обеспечения уволенных в отставку офицеров, перечисленные выше льготы входили в качестве основополагающих, что не мешало разработке и внедрению новых форм предоставления жилья уволенным в отставку офицерам.

15 января 1960 г. Верховный Совет СССР принял решение о значительном сокращении ВС. В соответствии с этим законом 20 января 1960 г. было издано постановление о трудоустройстве и материально-бытовом обеспечении военнослужащих, подлежащих увольнению из армии. Для решения жилищного вопроса предусматривались такие мероприятия, как: обязательная беспрепятственная постоянная прописка уволенных офицеров и членов их семей во всех городах и населенных пунктах страны (исключение составляли Москва, Ленинград, Киев) в течение 3-х месяцев со дня прибытия в указанный город; постройка на праве личной собственности жилого дома в 1 или 2 этажа с числом комнат от 1 до 5 и общей площадью до 60 кв. м, как в городе, так и вне его; получение ссуды на индивидуальное жилищное строительство в размере 7000 рублей с погашением в течение 7 лет, начиная со второго года выдачи ссуды (ссуду до 1000 рублей с погашением

в течение 1,5 лет). Исполнительные органы и предприятия обязывались оказывать содействие индивидуальным застройщикам в отводе земельных участков, строительстве жилых домов и отпуске строительных материалов по государственным ценам, предоставлении транспорта и т.д. Кроме того, офицерам, уволенным в отставку и пожелавшим выехать на постоянную работу в колхозы и совхозы, предоставлялись льготы в соответствии с п.19 Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 03.12.1959. В эти льготы включалось получение кредита в размере 20 000 рублей на 10 лет, из которых 50% погашалось за счет бюджета, а остальная плата производилась по простривости 2 лет с момента получения ссуды⁹.

В 70-х гг. офицерам было дано право на вступление в жилищно-строительные кооперативы (ЖСК). При этом военнослужащим, увольняемым в запас и тем, которым до выхода на пенсию оставалось не более 3 лет, предоставлялось право вступления в ЖСК в первоочередном порядке. Учитывая специфику жизни офицеров, тем из них, кто проходил службу за границей, в районах Крайнего Севера, в обособленных гарнизонах, разрешалось вступать в ЖСК не по месту службы, а в избранных ими городах и населенных пунктах. Разрешение на вступление в ЖСК следует отнести к мероприятиям, направленным на решение жилищного вопроса после их демобилизации. Очевидно, что строительство кооперативной квартиры в определенном городе предполагало, что этот город должен стать местом жительства офицера после увольнения из армии¹⁰.

Настоящий краткий исторический очерк заканчивается 1980-ми гг., в которые к обеспечению жильем уволенных в запас офицеров государство подходило, как и прежде.

Подводя итог сказанному, следует выделить определенные этапы рассмотренного процесса. 1. В феодальной России XIII—XVII вв., когда армия была нерегулярной, воины надеялись поместьями, остававшимися за семьей и после смерти владельца. 2. С XVIII и до XIX столетия с введением регулярной армии способы попечения отставных военных включали в себя выделение им земельных участков, помещение на жительство в богадельни и монастыри, определение перечня городов, в которые направлялись на жительство ушедшие в отставку офицеры. 3. С развитием капитализма

в России, т.е. в конце XIX — начале XX столетия, существовавшие к тому времени способы обеспечения отставных офицеров усовершенствовались, что нашло свое отражение во введении запасно-отпускных билетов и выдаче “квартирных” денег. 4. С 1917 до 1980-х гг. увольняемым в запас офицерам предоставлялись: первоочередное получение жилой площади, денежные ссуды на строительство частных домов, земельные участки, право на вступление в ЖСК.

В социальном плане надо учитывать, что с XIII и до начала XX столетия командиры княжеских дружин, а впоследствии офицеры, в большинстве своем принадлежали к обеспеченным слоям населения. Все перечисленные способы удовлетворения жильем ушедших в отставку офицеров, относящиеся к указанному времени, были применимы, как правило, к малоимущим, тяжело больным и немощным людям.

В советский период офицерский корпус перестал быть определенным сословием, и хотя в денежном исчислении материальное положение офицеров было лучше, чем у большинства

населения, тем не менее, этих средств явно не хватало на обустройства офицера после увольнения в запас. Поэтому вместо небольшой части офицерского корпуса, нуждающегося в обеспечении жильем после увольнения, как это было до Октябрьской революции, после 1917 г. государство получило практически 100% офицеров, сталкивающихся с этой проблемой, решить которую государство в полной мере не могло.

Таким образом, в историческом очерке показано, что забота об уходящих в отставку офицерах есть прерогатива государства, а формы и способы попечения отставных военнослужащих взаимосвязаны с политическим строем государства и принципом организации Вооруженных Сил¹¹.

Исторический обзор, как нам представляется, свидетельствует о необходимости более глубокого изучения этого процесса и заставляет взглянуть на современный зарубежный опыт, чтобы избежать ошибок в поиске оптимальных путей решения жилищной проблемы увольняемых в запас офицеров.

Примечания

¹ Соловьев Н.И. Пенсии военным офицерским чинам и их семьям в России, Германии, Австрии и Франции. СПб., 1893. С.58.

² Там же. С.59.

³ Там же. С.87.

⁴ Свод военных постановлений. Ч.2. Кн.1. СПб., 1838. Ст.1632.

⁵ Свод военных постановлений 1869 г. Ч.2. Кн.8. СПб., 1902. Ст.753.

⁶ Там же. Кн.7. СПб., 1892. Ст.749, 775.

⁷ Там же. Кн.8. СПб., 1902. Ст.803.

⁸ Греков А.П. Льготы и государственное обеспечение военнослужащих и их семей. М., 1951. С.48, 54.

⁹ Льготы по трудоустройству и материально-бытовому обеспечению для военнослужащих, увольняемых из армии в соответствии с Законом о новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР. М., 1960. С.5, 22—25.

¹⁰ Паршин М.Я. Льготы военнослужащим и их семьям. М., 1976. С.45.

¹¹ Соловьев Н.И. Указ. соч.

Загадка порт-артурской трагедии: тайна гибели адмирала Макарова (Историческая гипотеза)

Трагедией для Порт-Артура стала гибель 13 апреля 1904 г. командующего флотом Тихого океана вице-адмирала Степана Осиповича Макарова, последнего выдающегося адмирала русского флота. Его гибель относится к тем загадкам, тайнам в истории войн, когда казалось бы роковые случайности решающим образом влияли на их ход и исход.

Но случайной ли была гибель героя порт-артурской обороны вместе со своим флагманским кораблем — эскадренным броненосцем «Петропавловск»?*

Вернемся к событиям того трагического дня, во многом определившего дальнейшую судьбу морской крепости Порт-Артур. И во многом повлиявших на ход русско-японской войны 1904—1905 гг.

... В ночь на 13 апреля по заданию командующего флотом в море вышло восемь миноносцев. Им было приказано осмотреть рейдовые стоянки на островах Эллиот. При обнаружении десантных средств японцев, готовившихся к высадке сухопутных войск на побережье Маньчжурии, надлежало их атаковать.

При переходе в район поиска два замыкающих отряд миноносца — «Смелый» и «Страшный» — отстали. Корабли разлучились друг с другом в ночи под сильным ливнем. Командовавший отрядом капитан 2 ранга М.Бубнов решил подождать отставших по курсу движения к островам Эллиот. Но вскоре, заметив

на ночном горизонте силуэты неизвестных кораблей, пошел им навстречу. Оказалось, что это были японские миноносцы, находившиеся в дозоре. Бубнов вознамерился их атаковать. Но противник при примерном равенстве сил не принял ночного боя и поспешил уйти. Русские миноносцы взяли курс на Порт-Артур. Возвращались они не в полном составе — на эскадре это заметили еще по дымкам.

Дальше события разворачивались по времени так, как их зафиксировал в своих записях старший офицер крейсера «Диана» В.Семенов.

5 часов 25 минут. Неожиданно вкоре в направлении на юго-восток в пелене ненастного утра замелькали огоньки и оттуда донеслись раскаты орудийных выстрелов. Опознать сражающихся за дальностью для сигнальщиков Золотой горы не было возможности. Однако стало ясно, что дерутся миноносцы.

Тут на рейд прибыл один из отставших — миноносец «Смелый». Его командир лейтенант М.Бахирев доложил адмиралу Макарову о положении «Страшного». Как потом выяснилось, наш миноносец около часа ночи, отбившись от отряда, в розысках его встретил группу японских миноносцев и примкнул к ним, приняв их за своих. Это была чудовищная ошибка, какие бывают на войне. Японцы тоже не заподозрили в нем неприятеля. Вплоть до рассвета корабли в строю кильватера совместно бродили в окрестностях Порт-Артура.

Утром «Страшный» поднял над собой русский андреевский флаг. Тут недоразумение обнаружилось, и завязался отчаянный бой один против шести.

* Построен в 1894 г. Вступил в строй в 1897 г. Водоизмещение — 11 354 т. Скорость хода — 17 узлов (31,5 км/час). Вооружение — четыре 305-мм орудия, двенадцать — 152-мм, десять — 47-мм и двадцать восемь — 37-мм орудий, 6 торпедных аппаратов. Экипаж — 633 человека.

Уже в самом начале неравной схватки нашему миноносцу не повезло. Вражеский снаряд попал в заряженный торпедный аппарат «Страшного». Взрыв его вывел из строя многих моряков. Погиб командир корабля капитан 2 ранга К.Юрасовский. В ходе боя из строя вышла вся артиллерия. Была повреждена машина. Но «Страшный» не переставал отвечать на жесткий огонь японцев — лейтенант Е.Малеев до конца косил врагов из пятиствольной митральезы. От многочисленных повреждений русский миноносец начал погружаться в воду.

В это время шедший впереди малым ходом «Смелый» увидел бой, повернул обратно и попытался оказать помощь. Но плотным огнем японских кораблей, к которым направлялись два крейсера, русский миноносец был отогнан.

Получив такое известие, Макаров немедленно выслал на помощь «Страшному» дежурный броненосный крейсер «Баян». За ним из гавани на внешний рейд стала выходить вся эскадра. Как ни спешил быстроходный «Баян» на помощь нашему миноносцу, он опоздал и смог только разогнать врагов, круживших на месте гибели «Страшного». Японские миноносцы полным ходом бежали на юг к приближавшимся легким крейсерам, которые русские моряки прозвали «собачками».

Командир «Баяна» не колебался в принятии решения. Крейсер прикрыл своим бортом плавающие обломки, за которые держались немногие оставшиеся в живых матросы «Страшного», для спасения которых были спущены шлюпки. Наш корабль стоял на месте, приняв неравный бой с японскими крейсерами.

7 часов 10 минут. На помощь «Баяну» уже спешили крейсера «Новик» и «Аскольд».

Но дежурный крейсер уже возвращался. «Собачки» его не преследовали. Они, видимо, не желали приближаться к береговым батареям порт-артурской крепости на дистанцию их стрельбы. Или просто выманивали отряд русских кораблей подальше в море, демонстрируя свою малочисленность.

7 часов 15 минут. Из гавани на внешний рейд вышел «Петропавловск» под флагом командующего флотом. За ним — эскадренный броненосец «Полтава».

Подошедший «Баян» семафором, сигналами и беспроволочным телеграфом доложил на «Петропавловск» о том, чему был свидетель. Командир крейсера не был уверен, что в горячке неравного боя успел подобрать всех (было

спасено пять матросов); на обломках, разбросанных волнами, могли держаться и еще кто-нибудь из экипажа погибшего миноносца.

Хотя появление японских крейсеров, их бой с «Баяном» позволяли предполагать, что к Порт-Артуру подходят главные силы Соединенного флота Страны восходящего солнца, Макаров не раздумывал. Адмирал немедленно приказал:

— Быть в строю кильватера. «Баяну» быть головным и вести эскадру к месту. Всем — смотреть за плавающими предметами.

8 часов ровно. Эскадра шла курсом на юго-восток. В кильватере за дежурным кораблем шли «Петропавловск», «Полтава», «Аскольд», «Диана» и «Новик».

Навстречу из утренней дымки появились «собачки», но уже предводимые двумя броненосными крейсерами. Японские корабли шли смело, хотя и видели, что русский отряд сильнее. Завязалась перестрелка с дальней дистанции.

8 часов 10 минут. Японцы круто повернули и стали уходить на юг, по всей видимости, к своим главным силам. На наших кораблях потеря от огня противника не было.

Некоторое время корабли эскадры кружились на месте гибели «Страшного», высматривая среди волн, не увидят ли кого, но безрезультатно. До Порт-Артура было примерно 15 миль. Привычный глаз мог различить, как остальная часть эскадры выходит из гавани на внешний рейд.

8 часов 40 минут. В дождливой пелене обрисовались силуэты шести японских броненосцев «Миказа», «Фуджи», «Асахи», «Хацусе», «Шикишима», «Яшима» и двух броненосных крейсеров — «Кассуга» и «Ниссин». Головным шел флагманский корабль адмирала Того. Броненосные корабли сопровождали легкие крейсера. Вражеская эскадра держала курс на русский отряд, в составе которого было только два броненосца. Теперь превосходство было на стороне японцев и притом весьма значительное.

Чтобы не понести неоправданные потери, Макаров решил принять бой под защитой береговых батарей, соединившись с остальной эскадрой. Русские корабли в кильватерном строю, следуя за флагманом, повернули к Порт-Артуру. Концевыми шли более тихоходные крейсера «Аскольд» и «Диана». Дистанция между ними и японскими броненосцами начала быстро уменьшаться.

9 часов ровно. Расстояние от «Дианы» до головного японского броненосца «Миказа» уже составляло всего 38 кабельтовых. Противник почему-то не стрелял с такой удобной для него во всех отношениях дистанции.

9 часов 15 минут. Корабли вошли в район действия порт-артурской крепостной артиллерии (6—7 миль).

9 часов 20 минут. Броненосный неприятельский флот, так и не сделав ни одного выстрела, прекратил преследование и склонил свой курс к западу...

Около 9 часов 30 минут. Корабли отряда шли обычным курсом возвращения на внешний рейд Порт-Артура в двух милях от берега. Здесь к ним присоединились эскадренные броненосцы «Пересвет» и «Победа». Эскадра, вышедшая в полном составе (кроме поврежденных кораблей), пошла в кильватерном строю вдоль берега, выстраиваясь в боевую линию. Все ожидали приближения неприятельской эскадры и начала боя.

По свидетельству очевидцев (В. Семенова — старшего офицера крейсера «Диана», мичмана В. Шмитта — младшего флаг-офицера командующего флотом, капитана 1 ранга В. Яковлева — командира эскадренного броненосца «Петропавловск» и других), адмирал Макаров был полон решимости дать в тот день генеральный бой Соединенному флоту адмирала Хэйхатири Того¹. Об этом говорили все действия Степана Осиповича 13 апреля. Но произошло иное.

9 часов 43 минуты. У правого борта флагмана раздался взрыв. Над броненосцем мгновенно вырос громадный, раза в два превышающий его высоту, столб черно-бурого дыма и пламени, который совершенно окутал корабль. Затем раздался другой взрыв — под мостиком и более сильный. Из сердцевины «Петропавловска» вылетела масса огня с желто-зеленым и бурым дымом. Силой взрыва были сорваны носовая башня, фок-мачта, мостик, трубы, часть кожуха. Мачта всей тяжестью обрушилась на развороченный мостик, где находился адмирал Макаров. Один из сигнальщиков — Бочков пытался спасти командующего, лежащего ничком в крови на мостике. Но корабль шел на дно и матроса смыло.

Броненосец после второго взрыва резко накренился на правый борт, затем его корма приподнялась, обнажив работающий в воздухе винт, который крошил падающих в воду людей.

9 часов 45 минут. Когда купол дыма и пламени несколько поднялся вверх и развеялся, корпус броненосного корабля наполовину своей длины уже был под водой и высоко-поднятая, вся объятая пламенем корма быстро уходила в воду, усеянную обломками и тонущими людьми.

Все это произошло в течение двух минут. Когда некоторое время спустя водолазы обследуют погибший броненосец, то они увидят, что мощный взрыв разорвал «Петропавловск» на две части.

А что же в это время делали японцы, свидетели разыгравшейся на море трагедии? Воспользовались ли они временной суматохой на порт-артурской эскадре, вызванной гибелью флагманского броненосца и своего командующего? Использовали ли они такой удобнейший момент для нанесения огневого удара (и скорее всего почти безответного) по русским кораблям?

Нет, ничего подобного не было сделано адмиралом Х. Того. Японской Соединенный флот медленно скрывался за горой Ляотишань, как бы намереваясь начать оттуда обычную бомбардировку крепости...

Кроме командующего флотом Тихого океана на флагманском броненосце погибли начальник штаба флота контр-адмирал М. Мо-лас, 27 офицеров и 620 матросов, а также знаменитый русский художник-баталист В. Верещагин. Спасти удалось лишь немногих — 73 матроса, 5 младших офицеров, командира «Петропавловска» капитана 1 ранга В. Яковлева и великого князя Кирилла Владимировича.

По заключению морского технического комитета броненосец коснулся мины (или минной банки — по другим предположениям)². После ее взрыва под носовыми минными аппаратами и погребам «Петропавловска» произошли взрывы от детонации пироксилина в судовых минах (в носовой части броненосца хранилось до 50 мин заграждения) и 12-дюймовых снарядах, воспламенение и взрыв пороховых и патронных погребов и взрыв цилиндрических котлов.

Спустя некоторое время возле того самого места, где погиб «Петропавловск», водолазы обнаружили еще один «минный букет» — целую связку японских мин. Так что морской технический комитет в своем заключении вероятнее всего ошибся — для подрыва с целью уничтожения эскадренного броненосца требо-

валась не одна мина, а целая минная банка. Для надежности.

Гибель выдающегося флотоводца потрясла Россию, вызвала широкий отклик за рубежом.

Степан Осипович Макаров командовал флотом Тихого океана всего 36 дней, но и за это короткое время сумел сделать очень многое для обороны Порт-Артура, оставив глубокий след в сердцах защитников русской крепости. С гибелью командующего флот остался без боевого руководителя.

Как в России, так и за границей, в том числе и в Японии, порт-артурской трагедии 13 апреля было уделено большое внимание. Причем и в печати, и в официальных военных кругах почти единогласно признавалось, что главной потерей для России была гибель адмирала С.О.Макарова.

Так, английская газета «Таймс» писала: «Россия лишилась прекрасного корабля, но еще более потеряла в лице человека, которому предстояло, вероятно, сделать русский флот важным фактором в войне. Его потеря и род гибели наносит тяжелый удар русскому флоту, не говоря об исчезновении доблестного и вдохновляющего начальника, влияние которого, внося новый элемент в войну, признавалось и японцами. Суждение неприятеля — лучшее доказательство того, что Макаров, с признанным обладанием им в совершенстве морской науки, соединял качества великого моряка...»

Нисколько не желая сомневаться в наличии умственных сил России, мы можем сказать, что с кончиной адмирала Макарова Россия теряет вождя, которого трудно будет заменить»³.

Даже в Японии было выражено официальное сожаление по поводу кончины адмирала Макарова. От имени всего морского штаба один из его начальников Огасавара объявил, что кончина эта является потерей для всех флотов в мире и что адмирал Макаров был одним из лучших в мире адмиралов.

Празднества, устроенные на японских островах по случаю гибели эскадренного броненосца «Петропавловск», отличались большой сдержанностью.

В Нуоге было устроено большое шествие, причем толпа японцев несла тысячу белых флагов в честь погибших русских моряков. В голове колонны несли знамена с надписью: «Мы неутешно печалимся о смерти храброго русско-

го адмирала». Оркестр играл траурные мелодии. А в японскую поэзию великий флотоводец вошел как «враг доблестный!»

Изучая историю русско-японской войны 1904—05 гг., историю героической обороны Порт-Артура, обстоятельства гибели броненосца «Петропавловск», невольно задаешься вопросом: случайной ли была гибель флагманского корабля с адмиралом С.О.Макаровым на борту?

Думается, что нет. Уж много прямых и косвенных фактов свидетельствует о том, что мина (или минная банка — и это точнее всего) появилась на пути эскадренного броненосца отнюдь не в результате обычной минной постановки у входа в военно-морскую базу противника в ходе войны на море.

Активный участник обороны Порт-Артура с моря, очевидец гибели флагманского корабля и действий двух противоборствующих сторон В.Семенов, в то время служивший старшим офицером крейсера «Диана», составил карту-схему тех трагических событий 13 апреля. Он лично хорошо знал адмирала Макарова по совместной службе в Кронштадте и был опытным штурманом, поэтому в достоверности вычерченных им данных на карте-схеме не приходится сомневаться.

Так вот, на «Плане берега от Белого волка до Сикоу», вычерченном В.Семеновым, в одной единственной точке совпадают две линии. Первая — линия обычного крейсирования эскадры под флагом командующего на внешнем рейде Порт-Артура при появлении главных сил противника (знаменитая «макаровская восьмерка»). Вторая — обычный путь флагмана, крейсеров, канонерок и миноносцев при выходах для поддержки с моря нашего правого фланга. И именно в данной точке соприкосновения минная опасность подстерегала «Петропавловск». Штурманские расчеты В.Семенова подтверждают это⁴.

О том же пишет в биографическом очерке «Вице-адмирал Степан Осипович Макаров» его близкий друг и биограф барон Ф.Ф.Врангель: «Причиной взрыва броненосца были японские мины, положенные на пути обычного маневрирования эскадры...» Обычного. Этот вывод сделан из бесед со многими флотскими офицерами — участниками порт-артурской обороны⁵.

Но ведь можно возразить — на этой mine или минной банке мог подорваться любой другой русский корабль?

Да, мог. Но подорваться именно в данной точке мог и должен был именно флагманский корабль, эскадренный броненосец «Петропавловск», — у других вероятность подрыва имела здесь гораздо и гораздо меньшая. А у легких кораблей, миноносцев, например, ее вообще не было — минная опасность таилась на определенной глубине, где мины мог коснуться своим корпусом только корабль с большой осадкой — броненосец или броненосный крейсер.

И вот еще почему. При обычном крейсеровании порт-артурской эскадры по «макаровской восьмерке» и при выходе в море отрядов русских кораблей, а также при их возвращении в базу впереди всегда шел флагманский корабль. И не обязательно им должен был быть броненосец «Петропавловск» — флагманом мог быть (если того требовали обстоятельства) и любой другой быстроходный корабль эскадры, с мощным вооружением, а значит, и глубоко сидящий в воде.

Командующий флотом Тихого океана всегда находился на своем флагманском корабле — таково было правило С.О.Макарова. Он всегда и во всем показывал личный пример, всегда шел в бой первым. Таким его знали на Черном море во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. и во время командования Практической эскадрой флота Балтийского моря. Не изменил своему правилу Степан Осипович и в ходе обороны Порт-Артура. Место командующего и флагмана японцы знали точно — только впереди.

Противник не мог не оценить роли нового командующего флотом Тихого океана в обороне русской крепости и объективно служившего серьезной помехой в осуществлении далеко идущих планов Японии. Ведь положение дел на Дальнем Востоке прямо зависело от положения дел на море. Японское командование на сей счет не строило никаких иллюзий.

Газета «Ниппон Симбун» в статье от 18 сентября 1903 г. писала: «Нынешние отношения с Россией должны окончиться войной <...> Напрасно думают, что война будет продолжаться 3—5 лет. Русская армия уйдет из Маньчжурии, как только флот русский будет разбит»⁶.

Появление в порт-артурской крепости инициативного, волевого, решительного командующего флотом, хорошо разбирающегося в вопросах стратегии и тактики, пользующего-

ся у личного состава громадным личным авторитетом японцы ощутили сразу. Макаров незамедлительно отверг формулу «не рисковать», с которой с одинаковым «успехом» держались: царский наместник адмирал Алексеев — на море, и командующий царскими войсками в Маньчжурии генерал Куропаткин — на суше. Степан Осипович считал на войне преступлением расхаживать команды боевых кораблей, придерживаться тактики «не рисковать» (чем? Встречей с неприятелем?) и «сбережения всяческого вверенных ему судов» (от кого? От неприятеля и его снарядов?).

При Макарове порт-артурская эскадра активно противостояла Соединенному флоту Японии: русские корабли искали в море встречи с противником, постоянно велась разведка, была налажена система обороны Порт-Артура с моря, поднялся дух его защитников. Более того, инициатива в войне медленно, но неуклонно начала переходить на сторону России.

При таком противодействии русского флота высадка на Ляодунский полуостров с моря нескольких японских армий стояла под большим вопросом. Во всяком случае она была сопряжена с риском понести ощутимые потери как в десантных судах, так и в личном составе. Адмирал Того, военачальники «божественного микадо» предвидели такую возможную ситуацию хотя бы потому, что новый командующий русскими военно-морскими силами вел настойчивую разведку японских сил и средств.

За короткое время командования Макарова (чуть больше месяца) порт-артурская эскадра выходила в море 6 раз, за остальное же время — всего три раза: один раз при адмирале Старке и два при адмирале Витгефте.

Японцы понимали, что сухопутную крепость можно обойти, военно-морскую базу можно блокировать. Но что делать с флотом, командующий которого признает только активные действия против неприятеля? А все кратчайшие и удобные дороги на поля Маньчжурии вели через море.

Чтобы свести на нет боевую активность еще достаточно мощной порт-артурской эскадры, японцам надо было сделать следующее: или разгромить, уничтожить ее в морском бою, или с помощью минных постановок и брандеров надежно запереть во внутренней гавани. Первое сделать они просто не могли и не решились, а второе у них не получилось даже после нескольких попыток. Оставался третий

путь и вполне в самурайском духе. Который, кстати, и не требовал большого напряжения сил и средств. Следовало просто убрать командующего флотом Тихого океана и тогда цель достигнута.

Совершить, скажем, покушение на адмирала на берегу не представляло для японской разведки никакой трудности — в Порт-Артуре было более чем достаточно шпионов. Но Макаров почти все время находился на кораблях и на берегу бывал лишь в исключительных случаях. А удобный случай мог представиться не скоро.

Оставался последний путь — уничтожить командующего флотом вместе с флагманским кораблем. Уничтожить — но не в честном, открытом морском бою. И здесь японская разведка просто не могла не сказать своего “веского” слова, выдав военно-морскому командованию всю необходимую информацию и сделав, вне всякого сомнения, необходимые расчеты.

Вообще для японской разведки не было особых секретов в Маньчжурии, в том числе и в Порт-Артуре. О наличии широкой агентурной сети на театре военных действий русское командование имело ясное представление. И неудачи царских войск по полям Маньчжурии в немалой степени являются результатом действий японской разведки. В истории русско-японской войны 1904—05 гг. тому есть ряд примеров.

Правящие круги Японии приоритетное значение шпионажу придавали всегда. Еще в середине века в стране была создана такая система полицейского шпионажа и притом в таких размерах, которые были совершенно немислимы для стран Европы. С последнего десятилетия прошлого века начинается внешний шпионаж, который был крайне необходим для осуществления планов внешнеполитической экспансии Страны восходящего солнца.

Известно, что приступив к широкому развертыванию разведки, японцы послали специальную миссию для получения советов у небезызвестного Вильгельма Штибера, о котором в правительственных кругах Германии шутили: “Все у Штибера полицейское, даже фамилия” (Штибер по-немецки — собака-ищейка). Начав службу прусским шпионом в Австрии, он по настоянию “железного канцлера” Бисмарка был назначен министром полиции у короля Пруссии Фридриха-Вильгельма.

Подбирая кадры для разведывательных

органов, японские власти играли на чувстве патриотизма, показателем которого считалось беспрекословное повиновение и готовность отдать жизнь ради Микадо.

В те годы шпионажем занимались не только государственные органы Японии — военное и морское ведомства — но также частные “патриотические общества”. Особенно большую роль среди них играло «Общество черного океана», созданное в конце 80-х гг. прошлого века, финансируемое богатейшими людьми страны. Именно агенты этого общества и селились в виде мелких торговцев, парикмахеров, ремесленников, домашней прислуги в Северо-Восточном Китае, Корее, Маньчжурии, особенно в районах, занятых войсками царской России — в крепости Порт-Артур, городе Дайрене, селениях и городах, где строились укрепленные пункты или были расквартированы воинские части.

Резиденты — офицеры японского Генерального штаба — часто выступали в роли содержателей публичных домов, опекурилен, под личиной фотографов, лавочников, нередко приказчиков, поваров, кочегаров и официантов на параходах. Резиденты являлись руководителями небольших шпионских групп, участниками которых были китайцы и корейцы. Их вербовали из числа бедняков, готовых на трудную и опасную работу за самое грошовое вознаграждение, которое, однако, порой спасало их семьи от угрозы голодной смерти. Японская разведка поощряла инициативу и самостоятельность в действиях резидентов.

Широко использовалась японскими шпионами беспечность, некомпетентность да и просто продажность некоторых царских чиновников и офицеров. При этом к началу военных действий имелись хорошо подготовленные шпионские кадры. Поэтому всюду, куда вступали японские войска, они находили своих людей, знакомых с местностью и местными условиями. Но еще большее значение имели, конечно, разведывательные группы, остававшиеся позади русских войск.

Это были ячейки, состоящие, как правило, из китайцев. Каждый постоянный шпион обслуживался тремя или четырьмя курьерами, через которых он регулярно посылал сведения японскому командованию. Курьерами были бродячие торговцы и кули, неграмотные и часто не понимающие смысла того, что они делают. Очень трудно было выявить таких курье-

ров среди бесчисленных толп носильщиков, погонщиков скота, нищих и просто бродяг, которыми были заполнены города и дороги Маньчжурии.

Для доставки донесений применялось множество уловок и ухищрений. Донесения помещали в подошвы, в складки одежды, вплетали в косы китайцев, вставляли в золотые зубы, прятали в телегах, перевозивших домашнюю утварь.

Особый размах приобрел шпионаж в Порт-Артуре после того, как крепость осадила японская армия. Здесь наиболее важные секретные документы и сведения добывали те вражеские шпионы, которые находились на службе у царских чиновников, старших офицеров в качестве... домашней прислуги и домашних парикмахеров.

За какую только работу не брались японские шпионы и разведчики, чтобы собирать нужные Генеральному штабу и морскому ведомству Японии сведения. Известно, например, что подрядчиком по очистке нечистот в Порт-Артуре был помощник начальника штаба 3-й японской армии. Частые поездки "подрядчика" по городу, обычно сидевшего на асенизационной бочке, оказались для вражеского командования весьма полезными. Командующий осадной армией генерал Ноги был прекрасно осведомлен о каждом уголке крепости.

Среди японских шпионов в Порт-Артуре долгое время успешно работал старый китаец Лин. Вставные его золотые зубы долгое время служили для переноски донесений. Лин записывал свои донесения с помощью лупы и рисовал кроки местности на мельчайших кусочках пергаментной ткани, после чего он скатывал их в шарики, величиной не более булавочной головки, которые вкладывал в один из своих вставных пустых золотых зубов, затем заделывал зуб воском и водворял его на старое место.

Во время неожиданной облавы, проведенной в Порт-Артуре, китаец был пойман. Сохранение его вставных золотых зубов было обнаружено совершенно случайно.

Много японских шпионов было среди переводчиков — китайцев и корейцев, работавших в царской армии и в местной администрации.

В японской армии и на флоте было немало людей, хорошо знакомых с Россией. Так, начальник разведывательного отдела 1-й армии полковник Хагино прожил в России семь лет.

А начальник штаба маршала Ойямы — главного штаба японских войск в войну — генерал Кодама долгое время жил в Амурской области. Его считают автором плана войны с царской Россией. Кодама получил прозвище "генерала-топора" за то, что он высказывал мысль о том, что в политике, как и в битве, острый топор лучше тупого кинжала⁷.

Конечно, бдительность русских солдат, матросов, офицеров, пограничной стражи — особенно во время боевых действий — поставила серьезный заслон на путях действия вражеской разведки. Да и русская контрразведка проделала определенную работу. Но все-таки эффективность деятельности шпионов и разведчиков противника в Маньчжурии и Порт-Артуре была высокой.

Командир японского корабля Нирутака в своем дневнике откровенно сообщал о том, на каком уровне проходил сбор разведанных о порт-артурской эскадре и крепости. Он пишет: "Недавно в Порт-Артуре опять был наш шпион, штабной офицер. Мы посылаем их туда уже давно. Этот офицер говорит, что русские и не помышляют о войне <...>

Я думаю, что русские и в мыслях не имеют, что мы уже начинаем. Я слышал в Сасебо, что мы не будем заранее объявлять войну, так как это совершенно непонятный, глупый европейский обычай".

И далее:

"Перед адмиралом [Х.Того. — А.Ш.] лежала карта Желтого моря и специальная карта Порт-Артура. Мы все сели вокруг стола, и штабной офицер дал каждому из нас план рейда и гавани Порт-Артура, на котором было подробно указано все положение русской эскадры и место каждого корабля <...> Адмирал сказал нам <...> приблизительно следующее:

— Господа!.. На плане Порт-Артурского рейда, который каждый из вас только что получил, точно отмечено место стоянки [вашего. — А.Ш.] русского судна. План этот снят нашим штабным офицером, ездившим переодетым в Порт-Артур. По его мнению, враг не подготовлен встретить наши нападения, так как ждет объявления войны с нашей стороны"⁸.

Судя по иностранным источникам, японцы были прекрасно осведомлены не только о корабельном составе и вооружении порт-артурской эскадры, ее командных кадрах и их способностях, но и о расположении загради-

тельных минных полей, защищавших с моря русскую крепость, местонахождении береговых батарей и больших прожекторов, предназначенных для ослепления противника при нападении с моря или с суши.

Пример военной бдительности, заботу о ней показал сам новый командующий флотом Тихого океана. Первые приказы адмирала Макарова после его прибытия в Порт-Артур говорят о необходимости сохранения военной тайны. Приказ № 1 от 29 февраля требовал, чтобы командиры кораблей принимали распоряжения командующего только в запечатанных пакетах, хранили лично у себя, а в случае угрозы захвата противником — уничтожали их.

Без сомнения агентурные данные о постоянных курсах русской эскадры во время выхода ее из порт-артурской гавани и возвращении обратно, эволюциях, совершаемых русскими кораблями при крейсерстве, расположении заградительных минных полей, береговых батарей и прожекторных установок позволили японским штабным специалистам точно рассчитать точку постановки минной банки на пути флагманского корабля. В достоверности разведывательных данных не приходилось сомневаться — их готовили шпионы из числа офицеров японского флота и Генерального штаба.

Такая точка могла быть только одна — в том самом месте, где “макаровская восьмерка” соприкасалась с обычным курсом отрядов боевых судов эскадры, уходящих в море или возвращающихся в базу. А то, что адмирал Макаров будет идти на флагманском корабле и вести за собой эскадру — здесь сомнений просто не могло быть. Так что помешать уничтожению броненосца «Петропавловск» с командующим на борту (или другого флагманского корабля) могла только случайность. Макаров должен был погибнуть.

Адмирал Того торопился. Развертывание сухопутных операций против русской армии в Маньчжурии могло затянуться из-за решительных действий порт-артурской эскадры на подступах к Ляодунскому полуострову.

12 апреля с наступлением темноты специальный отряд японских кораблей и вспомогательное судно — минный крейсер «Корио-мару» приблизился в Ляодуну. Темнота помешала сразу определить точно свое местонахождение неприятельским постановщикам мин. Их

несколько раз с берега освещали прожекторами, но огня не открывали — боялись обстрелять своих (несколько раньше к островам Эллиот были высланы русские миноносцы).

Вот что пишет очевидец тех событий: “В тот день вечером трудно сказать, что именно, но несомненно в лучах прожектора Крестовой горы обрисовывались силуэты нескольких судов <...> наши прожекторы до них «не хватили» около двух миль. Особенно мешала разоблачить, в чем дело, сетка мелкого дождя, освещенная прожекторами... Казалось, что подозрительные силуэты не то стоят на месте, не то бродят взад и вперед по тому же месту”⁹.

Подозрительные суда “бродили” на одном и том же участке внешнего рейда Порт-Артура с одной целью — предельно точно поставить на пути русского флагмана минную банку. Определить место сброса “минного букета” в ночных условиях было сложно. Поэтому пришлось и “побродить” перед Крестовой горой. И, к сожалению, расчет японских штурманов оказался верен. Утром следующего дня произошла порт-артурская трагедия.

Ночью Макарову доложили об обнаружении неизвестных судов на внешнем рейде и спросили разрешение на открытие огня.

“Эх!.. Кабы знать! — досадно махнул рукой адмирал... — Вернее всего — наши же!.. Не умеют ходить по ночам!.. Отбились, растерялись... и теперь толкнутся около Артура! И своих найти не могут, и вернуться не решаются, чтобы за японцев не приняли!.. Чистое горе!.. — но тотчас же, поборов свою досаду, он добавил спокойным, уверенным тоном:

— Прикажите точно записать румб и расстояние. На всякий случай, если не наши, надо будет завтра же, с утра, протралить это место. Не набросали бы какой дряни...”¹⁰

Но гибель на рассвете следующего дня миноносца «Страшного», вызванный ею спешный выход в море русских кораблей, появление вблизи Порт-Артура главных сил Соединенного флота Японии, сбор Макаровым эскадры для предстоящего морского сражения (а в том, что он решил в тот день поступить именно так, сомневаться не приходится), — все это как-то заслонило события минувшей ночи, казавшиеся такими мелкими по сравнению с тем, что ожидалось.

Ни сам адмирал Макаров, ни кто-либо из

его окружающих не вспомнили о подозрительных силуэтах, смутно виденных сквозь сетку дождя, озаренную лучами прожекторов. А ведь силуэты кораблей появились именно в вершине “восьмерки”, которую русские суда описывали при крейсерстве — восточнее Крестовой горы и южнее горы Белого волка. Протралить этот участок рейда хотя бы контрольным проходом тральщиков, поискать, “не набросали ли какой дряни”, — об этом в штабе командующего словно забыли.

Теперь надо вернуться к тем трагическим событиям утра 13 апреля и попытаться ответить на два вопроса, которые до сих пор остаются без ответа.

Первый. Почему главные силы Соединенного флота Японии под командованием адмирала Х.Того, состоящие в тот день из 6 больших броненосных кораблей, не обстреливали замыкавшие отходящий русский отряд тихоходные крейсера «Аскольд» и «Диану»?

Казалось, все было за то, чтобы они стали удобной мишенью для более мощной артиллерии японских эскадренных броненосцев. Дистанция — всего 38 кабельтовых, причем она все время сокращалась. Противник мог обстрелять наши крейсера и в зоне огня береговых батарей крепости — риск здесь был для него минимальный из-за крайне низкой эффективности такой стрельбы по морским целям.

Адмирал Того не мог не знать о положении дел в крепостной артиллерии, в том числе и о применявшихся снарядах. Макаров имел резкое объяснение с царским наместником адмиралом Алексеевым, когда узнал, что броненосные снаряды для береговой артиллерии не снаряжаются, что фугасных вообще нет, а с чугунными снарядами допускается стрельба лишь уменьшенными зарядами. Поэтому на большие расстояния такие снаряды просто не долетали. Кроме того, нанеся повреждения замыкавшим кильватерный строй крейсерам, японцы в случае ответного огня могли бы заметно снизить его силу.

Все это так.

Но японцы, преследовавшие наш отряд, во главе которого как обычно шел флагман, видели, каким курсом русские корабли направлялись на соединение с выходящей из гавани остальной эскадрой. А курс вел прямо на минную банку. Противник мог только желать,

чтобы ни в коем случае курс «Петропавловска» не изменился по их вине.

Ведь, если бы начался обстрел «Аскольда» и «Дианы», адмирал Макаров никогда не оставил бы их без своей поддержки. А это означало морской бой, в котором корабли русского отряда должны развернуться для ведения ответного огня. И тогда кто знает, какой русский броненосец или тяжелый крейсер мог наскочить на с такой точностью установленную минную банку, хорошо укрытую под водой. Японцы надеялись на удачу — ведь они обладали всей необходимой информацией, а постановка “минного букета” производилась ими хоть и в ночных условиях, но беспрепятственно со стороны защитников крепости.

Поэтому японцы и отказались от большого соблазна накрыть огнем эскадренных броненосцев два заметно отставших русских крейсера. Адмирал Того хотел и надеялся получить в тот день без единого выстрела более весомый результат. И он его получил. Штурман «Петропавловска» вел флагманский броненосец точно по привычному, выверенному курсу.

Второй вопрос. Почему после гибели «Петропавловска» (а на кораблях Того хорошо видели взрыв и знали, что за корабль пошел на дно) японцы не нанесли артиллерийского удара по русской эскадре, которая не только потеряла своего командующего, но и пришла в замешательство, которое не сразу удалось устранить? И еще — почему японцы в такой исключительно выгодной для них ситуации почти три недели не показывались больше у стен Порт-Артура?

Да, в то трагическое утро противник мог нанести значительный урон пришедшей в замешательство порт-артурской эскадре, управление которой было на некоторое время утеряно. Но что означало повреждение или потопление нескольких русских кораблей по сравнению с тем, что можно было достигнуть с приходом на место Макарова нового командующего флотом. Японцы просто дали царскому военному командованию время почти в три недели для уничтожения всего того, что завел Степан Осипович на порт-артурской эскадре и в системе обороны крепости с моря.

Сразу же после гибели Макарова в Порт-Артуре появился царский наместник Алексеев.

Приняв на себя командование флотом Тихого океана, он поднял свой адмиральский флаг на эскадренном броненосце «Севастополь», на котором были погнуты лопасти винтов — в море на таком корабле далеко не выйдешь. А с 22 апреля командующим флотом был назначен контр-адмирал В.Витгефт.

Японское командование не просчиталось. Свою игру оно вело без проигрыша. За неполные три недели (вражеская разведка доносила о делах крепости весьма оперативно) все, что успел сделать Макаров, было сведено на нет. Боевая эскадра вновь замерла во внутренних бассейнах Порт-Артура. Даже обязательное дежурство крейсеров на внешнем рейде крепости было отменено. Алексеев и Витгефт приложили немало стараний, чтобы восстановить порядки, существовавшие на эскадре до войны и в ее начале, когда командовал вице-адмирал Старк.

Строгое правило «беречь и не рисковать» воцарилось снова. Такой поворот дела японцы отметили сразу и, думается, их восторгу не было предела.

Выезжая в связи с угрозой блокады Порт-Артура с суши в Мукден Алексеев дал новому командующему флотом Витгефту указания в прежнем духе: «В виду значительного ослабления наших морских сил активных действий не предпринимать, ограничиваясь лишь производством рекогносцировок крейсерами и отрядами миноносцев для атаки неприятельских судов. При этом посылку тех или других об-

ставить такими условиями, чтобы не подвергать их без нужды особому риску».

Инициатива на море вновь и окончательно перешла к японскому Соединенному флоту. Такова была цена гибели эскадренного броненосца «Петропавловск» и находившегося на его борту командующего русским флотом Тихого океана вице-адмирала Степана Осиповича Макарова.

Дальше события разворачивались по сценарию, разработанному в кабинетах Генерального штаба Страны восходящего солнца. 22 апреля японцы начали высадку с моря в районе Бицзыво на Квантунский полуостров 2-й армии под командованием генерала Оку. Вслед за ней стала высаживаться с моря 3-я армия генерала Ноги, предназначавшаяся для осады Порт-Артура. В то же время в операционной зоне порт-артурской эскадры, в районе Дагушаня, стала высаживаться 4-я армия под командованием генерала Нодзу. И только одна японская армия — 1-я, которой командовал генерал Куроки, высадившись в портах западного побережья Кореи, вошла в Маньчжурию по суше.

При переходе морем к Ляодунскому полуострову армады японских десантных судов со многими десятками тысяч солдат на борту противодействия со стороны флота царской России не встретили. Адмирал Хейхатиро Того и японская разведка обеспечили такую гарантированную безопасность без единого выстрела — ценой всего лишь в один «минный букет».

Примечания

1 См.: Шмитт В.П. Гибель эскадренного броненосца «Петропавловск» // Морской сборник. 1911. № 10.

2 Островский Б.Г. Адмирал Макаров. М., 1954. С.312.

3 Таймс. 1904. 1 апреля.

4 Семенов В. Расплата. СПб., 1907. С.95.

5 Цит. по: Семенов В. Указ. соч. С.66.

6 Ниппон Симбун. 1903. 18 сентября.

7 Японский шпионаж против России не ограничивался только пределами Дальнего Востока. Он активно проводился и в европейской части страны. Так, например, морской офицер Ясуносуки Ямомото долго служил поваром в Одессе, собирая сведения о русской черноморской эскадре. В сентябре 1904 г. в Петербурге были арестованы японцы — мелкие служащие одной пароходной компании — Кензо Камакура и Сейко Акиоши. Оба приняли православие, активно посещали церковь, а один из них, Камакура, в день ареста предполагал обвенчаться со своей русской невестой. Лишь после ареста выяснилось, что под маской служащих скрывались кадровые морские офицеры, собиравшие информацию о Балтийском флоте.

Военно-морским атташе Японии был до 1901 г. опытный разведчик Хиросо, свободно владевший русским языком. Затем он адмиралом Того отзывается обратно на флот, где активно участвует в подготовке к войне.

Успехи японской разведки в те годы объяснялись прежде всего полной беспечностью царских властей.

Всего лишь один пример. Петербургские заводы, исполнявшие заказы флота (Путиловский, Балтийский, Франко-Русский, Невский и Канонерский), имели немало производственных секретов, до которых японцы и были допущены. В результате решения Адмиралтейства, желавшего запутать японцев ускоренной работой верфей, те, нисколько не испугавшись, сразу же выяснили, в какой стадии строительства находятся лучшие русские броненосцы типа «Бородино», точно рассчитав время их боевой готовности после спуска на воду.

⁸ Вотинков А. Японский шпионаж в русско-японской войне 1904—1905 гг. М., 1934. С.52—53.

⁹ Семенов В. Указ. соч. С.94—96.

¹⁰ Там же.

Военное духовенство накануне и в годы Первой мировой войны

Вопрос о влиянии священнослужителей русской армии и флота в войсках в годы Первой Мировой войны в последнее время уже поднимался отечественной исторической наукой¹. Однако, думается, что тему эту еще долгие годы нельзя будет считать полностью исследованной; многие аспекты ее только предстоит осмыслить, по-новому изучив источники и литературу, а многие — и заново для себя открыв.

К таким “новым” можно отнести проблемы социально-психологического плана, вопрос о роли высокопоставленных деятелей “военно-духовного ведомства” (прежде всего — протопресвитера {с 1911 г.} русской армии и флота Георгия Ивановича Шавельского) на принятие тех или иных решений, касавшихся не только военных иереев, но и относившихся до всей многомиллионной русской армии; а также вопросы “внутриведомственного характера” и т.п.

В данном очерке мы постараемся означить некоторые принципиальные, по нашему мнению, вопросы, характеризующие достаточно непростое положение военных священников в последние годы существования самодержавного строя в России.

За два с половиной года до начала Мировой войны — в конце 1911 г. — священник 84-го пехотного Ширванского Его Величества полка Григорий Цитович, задумавший выпустить в свет фундаментальный справочник с историко-статистическими описаниями храмов армии и флота, обратился к военным пастырям с письменной просьбой помочь ему в сборе необходимого материала. Помимо пришедших к нему письменных откликов, Г.Цитович, используя также неопубликованные документы, официальные хроники полков, энциклопедии и прочие материалы, издал в

1913 г. уникальную книгу, в которой собрал материалы практически по всем военным храмам (в том числе и походным), имевшимся в 12-ти военных округах и на флотах Российской империи.

Максимальное число военных храмов — 103 — приходилось на столичный (С.Петербургский) военный округ. Всего же — и в СПб, а также Виленском, Варшавском, Московском, Киевском, Одесском, Казанском, Кавказском, Туркестанском, Омском, Иркутском и Приамурском военных округах — насчитывалось 603 храма². По морскому ведомству на 1913 г. числилось 30 береговых церквей и 43 церкви, расположенных на военных судах (в том числе и плавучая военная тюрьма в городе Севастополе)³. Таким образом, общее число состоящих в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства храмов составляло 676⁴. Численность же военных священников в мирное время доходила до 730 человек⁵. Подобные солидные цифры говорят сами за себя: ведомство военного протопресвитера представляло — с формальной точки зрения — значительную организацию, главной целью которой было исполнение религиозно-нравственных нужд русской армии.

В мирное время военные священники справлялись со своими обязанностями, хотя при отсутствии единых “нормативных документов” их деятельность, по большому счету, ничем не отличалась от служения “штатских” батюшек, а со спецификой военной службы многие иереи знакомы были весьма недостаточно. (Исключение, как правило, составляли только священники флота.) При этом, из-за колоссальных территорий, на всем пространстве которых располагались военные гарнизоны, ни глава “военно-духовного ведомства”, ни данный ему в 1912 г. помощник, ни Духовное

правление не могли быть посредниками между протопресвитером и подчиненным ему, разбросанным по всей России, духовенством. Такими посредниками являлись дивизионные и местных церквей благочинные. Их было не менее ста, и рассеяны они были по разным российским уголкам⁶. Следовательно, необходимо было организовать работу благочинных, снабдить их соответствующими указаниями, т.е. помочь им наладить деятельность полковых иереев. Особенно это было актуально для священников западных округов, войска которых в случае начала войны первыми столкнулись бы с неприятелем.

Для того, чтобы наладить серьезную работу по духовному окормлению войск в новых внешнеполитических условиях, когда возможность разгорания мощного общеевропейского пожара становилась принципиально реальной и понималась всеми серьезными политиками⁷, необходимо было, как минимум, систематизировать позитивный опыт деятельности священников на недавней Русско-Японской войне и проанализировать многочисленные «нестроения» в работе «военно-духовного ведомства». Заметим также, что 1905 г. явился своего рода предупреждением о недостаточной лояльности «властям предрежащим» православного воинства. Понятия, на которых в течение десятилетий держалась вся военная идеология России — «За веру, царя и Отечество», по мнению такого компетентного современника и участника основных событий тех лет как А.И.Деникин, — «в народную массу, в солдатскую толщу <...> достаточно глубоко не проникали»⁸. По мнению генерала, религиозность русского народа к началу XX столетия несколько пошатнулась, что охарактеризовано им было как «процесс духовного перерождения русского народа». «Я исхожу лишь из того несомненного факта, — писал А.И.Деникин, — что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Казарма же, отрывая людей от привычных условий быта, от более уравновешенной и устойчивой среды с ее верою и суевериями, не давала взамен духовно-нравственного воспитания. В ней этот вопрос занимал совершенно второстепенное место, заслоняясь всецело заботами и требованиями чисто материального, прикладного порядка»⁹.

«Большое время» (по выражению о. Г.Шавельского) было дополнительным и самым, наверное, трагическим фактором, который влиял на все стороны церковной жизни, в том числе и на ее деятельность в армии. Однако это вовсе не означало, что коли катастрофа неминуема, то любые реформы в принципе бесполезны. Проблема заключалась в другом: все изменения в «военно-духовном ведомстве» приходилось делать на фоне обострения многих социальных проблем, а также падения религиозности среди молодого поколения¹⁰, которое и составляло костяк русской армии.

Энергичный и сравнительно молодой военный протопресвитер в течение трех довоенных лет сумел, как нам представляется, укрепить свое ведомство, подготовить необходимые документы и инструкции «военному священнику» (на случай войны), лично ознакомиться с жизнью армейского духовенства, которым управлял. Имея в качестве одной из главных своих обязанностей возможно более частое посещение военных и морских частей, Шавельский регулярно совершал поездки в гарнизоны, где изучал положение своих подчиненных и их нужды, а также знакомился с духовными запросами армии и флота. Военные власти всячески помогали ему в этом: ежегодный кредит, отпускавшийся протопресвитеру «на разъезды», составлял 5 тысяч рублей; при поездках на железной дороге ему предоставлялось отдельное купе 1-го класса или даже целый вагон¹¹.

В течение управления о. Г.Шавельским «военно-духовным ведомством» статус его служащих несколько вырос — так, например, 27 июля 1912 г. чины канцелярии Духовного правления протопресвитера получили «форму обмундирования по образцу чиновников Главных Управлений Военного ведомства»¹², что в бюрократической России свидетельствовало об укреплении позиций протопресвитера и — соответственно — его служб в Военном министерстве. 16 марта 1914 г. император утвердил и дополнение к закону от 23 июня 1912 г. о пенсиях и единовременных пособиях чинам Военного ведомства и их семьям. Согласно этому акту, право на получение с 1-го января 1912 г. пенсий стали иметь как семьи умерших «во время состояния на службе по военному ведомству с 1 января 1909 г. до 1 января 1912 г.», так и семьи «офицерских и классовых чинов и священнослужителей, убитых и про-

павших без вести на войне с Японией, умерших от ран, полученных в сражениях в ту же войну, и умерших со дня начала этой войны от болезней происшедших вследствие условий военного времени”¹³.

Как видим, православное духовенство не было забыто, более того — семьи его представителей получили во всем одинаковые права с семьями других “офицерских и классных чинов”. (Забегая вперед, стоит также отметить, что во время войны утвержденным царем 25 августа 1915 г. положением Военного Совета была учреждена специальная должность Секретаря при протопресвитере (в VI , т. е. подполковничьем, классе), на которую назначили коллежского асессора Ексакустодиана Махароблидзе¹⁴. В следующем — 1916-м — году Махароблидзе получил новое повышение: он стал исполнять обязанности Начальника Полевой канцелярии протопресвитера при Штабе Верховного Главнокомандующего, т.е. была создана новая, ранее не существовавшая должность. К тому же и факт наличия у протопресвитера собственной Полевой канцелярии — весьма значительное доказательство влияния “военно-духовного ведомства” в Ставке.)

Во всем этом, думается, была немалая личная заслуга протопресвитера русской армии и флота. Имевший большую поддержку в Военном министерстве (в лице Министра генерал-адъютанта В.А.Сухомлинова) и у командующего войсками Санкт-Петербургского военного округа Великого князя Николая Николаевича (Младшего), о. Г.Шавельский в довоенные годы сумел заслужить также и расположение российского венценосца. Все это нельзя недоучитывать, когда затрагивается вопрос о различных изменениях и реформах в “военно-духовном ведомстве” перед Первой Мировой войной. Тонкий и умный дипломат, о.Георгий, пытаясь ни с кем не ссориться, лавируя между различными борющимися друг с другом “группами” — и в Военном министерстве, и в придворных кругах, — сумел добиться серьезных позитивных изменений в жизни управляемого им армейского и флотского духовенства. Прежде всего, он подготовил специальную инструкцию для военных пастырей на случай войны и боевых действий. Сам прошедший Русско-Японскую кампанию, о.Георгий воочию увидел, что отсутствие четких регламентирующих документов не столько стимулирует самостоятельность военных пастырей в период

ведения армией боевых действий, сколько зачастую придает этой самостоятельности уродливые черты.

В связи с этим, по его инициативе, получившей одобрение генерала Сухомлинова, в 1914 г. прошел первый (и — в дореволюционной России — единственный) Всероссийский съезд военного и морского духовенства. Первоначально протопресвитер предполагал собрать съезд в августе, но затем передумал и решил провести его с 1-го по 10-е июля 1914 г. в Петербурге¹⁵. По указанию Шавельского на съезд были вызваны — от 12 военных округов России — 41 человек (18 протоиереев и 23 священника), а также по 4 представителя от морского и от судового духовенства (соответственно — 4 протоиерея и 4 священника)¹⁶. В повестке дня съезда значилось несколько вопросов, разработывавшихся первоначально в 8-ми секциях (в первой — вопрос о памятке [т.е. об инструкции] военному священнику; во второй занимались богослужебными вопросами; третья называлась “учительной”; четвертая — библиотечной; пятая — миссионерской; шестая — правовой; седьмая — благотворительной и восьмая — “по свечному делу”). К названным выше секциям затем были добавлены еще четыре: морская; по борьбе с алкоголизмом; по религиозно-нравственному воспитанию заключенных; и о суде чести.

На состоявшихся 7 общих собраниях было заслушено 12 докладов, произошел обмен мнениями между делегатами. Сравнительно небольшое время работы и слишком обширная программа не позволили военным священникам рассмотреть все означенные в повестке дня вопросы с одинаковой полнотой. Тем не менее, съезд сыграл огромную роль в жизни военного духовенства, которое впервые смогло открыто обсудить наболевшие проблемы своего ведомства. Так, говоря о различных препятствиях к плодотворной деятельности духовенства, многие участники съезда заявляли, что “в нередких случаях военное начальство произвольно вмешивается в чисто пастырскую деятельность духовенства, что священники не являются полноправными членами офицерской корпорации, что в материальном отношении они поставлены хуже, чем всякий капитан”¹⁷. В данном случае для нас важно не только то, что это правда, но и то, что военные иереи чувствовали себя “униженными и оскорбленными” по сравнению с офицерами, т.е. испытывали яв-

ный комплекс неполноценности и открыто заявляли об этом. В настоящем контексте становятся понятными слова одного из активных участников съезда протоиерея Романа Медведя, сказанные им вскоре после того, как делегаты окончили свою работу. “Военный пастырь в своих трудах стеснен необычайно, — писал протоиерей. — Будут сняты сковывающие его путы, и деятельность русского военного пастырства расцветет необычайно на пользу нашего христоролюбивого воинства”¹⁸.

Впрочем, как снять “путы” (помимо решения чисто материальных вопросов) ясно не представлял себе никто из участников съезда. Военные начальники (часто даже несмотря на личную религиозность) видели в священнослужителях лишь требоисполнителей, чему способствовало, среди прочего, то обстоятельство, что “казарменный режим, где все — и христианская мораль, и религиозные беседы, и исполнение обрядов — имело характер официальный, обязательный, часто принудительный, не мог создать надлежащего настроения. Командовавшие частями знают, — писал генерал Деникин, — как трудно бывало разрешение вопроса даже об исправном посещении церкви”¹⁹.

Помимо названных проблем, непростая ситуация к началу Мировой войны сложилась и в самом офицерском корпусе. Кроме материальных проблем (русские офицеры были исключительно плохо обеспечены государством), и в армии сказывалась та тяжелая нравственно-психологическая атмосфера, которая — и опосредованно, и непосредственно — ощущалась многими жившими в то время людьми. “Офицеры бегут, недавно была созвана комиссия для борьбы с пьянством, растет число самоубийств... — писал современник. — Сумерки, тяжелые сумерки сгущаются в нашей жизни...”²⁰. Пытаясь найти выход из такого удручающе тяжелого положения, автор статьи — некто Борис Филатович — отмечал: “Вся эта какая-то общая разочарованность, изжитость давит и заставляет опускать руки начинающего работу, а если нет подъема духа в офицере, то что же может быть в солдатах?”²¹ Какой же выход видится Б.Филатовичу и в чем? Его он видит в “добром пастыре”, независимом, незатронутым служебными передрягами, который научит офицеров верить, любить свою жизнь и который примирит их между собой. “Он придет теперь, потому что до сих пор его

держали в тени”, — патетически заявлял автор²².

Призыв ликвидировать разобщенность армии от Церкви, без сомнения, характеризовал отношение к духовенству в армии несмотря на все реверансы в его (духовенства) адрес достаточно определенно и не в пользу “батюшек”.

С другой стороны, тот факт, что подобная статья была опубликована в «Вестнике Военного и Морского духовенства», также весьма показателен и свидетельствует о том, что проблема укрепления “морального духа” армии стояла перед войной достаточно остро.

Говоря о подготовке военных священников к предстоящей войне, стоит сказать также и о том, что по предложению Духовного правления, состоявшего при протопресвитере, к 1914 г., на случай экстренной надобности, были в большом количестве изготовлены Военно-походные церкви для воинских частей, с полным комплектом церковно-богослужебных предметов по особо утвержденной Военным Советом 26 июля 1912 г. таблицы. По этой причине в течение всей войны “военно-духовное ведомство” полностью было снабжено военно-походными церквями, испытывая чаще проблемы с укомплектованием этих “передвижных храмов” священническими кадрами, а также с подготовкой пастырей к ответственному военному служению.

Протопресвитер русского военного духовенства о.Георгий Шавельский, прекрасно осознававший причины возраставших со стороны Военного ведомства к армейским иереям требований, видимо и поэтому тоже, стремился максимально полно разрешить вопрос об обязанностях своих подчиненных, особенно в случае возможного начала боевых действий.

Эта задача и была основной для военных священников — участников июльского съезда. В своих воспоминаниях Шавельский особо отмечал как позитивное то обстоятельство, что “на Великую войну наши священники <...> выехали со строго разработанной и съездом одобренной инструкцией”²³. Инструкция вводила в точный курс работы и круг обязанностей всех, прибывавших на театр военных действий, священников. Она указывала полковому и бригадно-артиллерийскому священнику, что их место во время боя не тыловой обоз, а передовой перевязочный пункт, где обычно скоплялись раненые. Если же обстоятельства требовали, военный священник должен был

идти и в окопы и — даже — на окопы. Строевой пастырь имел обязанность, помимо выполнения своих собственно священнических функций, помогать врачам; заведывать выносом с поля боя убитых и раненых; заботиться о подержании в порядке могил убитых; извещать их родственников, а также родных раненых воинов; писать письма от имени больных на их родину; размещать походные библиотеки и т.д.²⁴ Но главное, что должны были делать священники на фронте, — это утешать, морально помогать переносить лишения, стараться быть той “нравственной опорой”, на которой, собственно, и держится армия любого государства.

“Священники первые должны показать своим пасомым пример твердости веры, стойкости в исполнении долга, трезвости и благоповедения. Замеченные в нетрезвости и неблагоповедении будут увольняемы из ведомства”, — говорилось в инструкции о работе священнослужителей в боевой обстановке²⁵. Разумеется, в боевой обстановке бывало разное, но абсолютное большинство священнослужителей показали себя с самой лучшей стороны и как пастыри Церкви, и как солдаты Родины.

Таким образом, думается, можно согласиться с мнением о. Г.Шавельского о том, что значение инструкции для военного и морского духовенства было колоссально. Трудно представить себе действия армейских иереев в обстановке невиданной ранее войны без каких-либо конкретных, хотя бы в общем регламентирующих их деятельность, документов; тем более, что в условиях ведения крупномасштабных боевых действий слаженность всех военных управлений (в том числе и “военно-духовного”) имеет принципиальное значение. Помимо этого, большое значение играло и то обстоятельство, что ведомство военного протопресвитера, его “управительный аппарат”, представлял из себя стройную организацию. И хотя окончательно он сложился уже во время Великой войны, реформирование его, начавшееся еще в довоенный период, сыграло не последнюю роль в деле налаживания работы армейских и флотских пастырей в боевых условиях. Так, после 1905 г. было Высочайше утверждено положение, согласно которому вводились должности главных священников фронта. Занимавшие эту должность иереи должны были объединять деятельность духовенства конкретного фронта, при этом находясь в полном подчинении протопресвитера. Неудачным

было создание должностей священников, состоявших при штабах армий, так как их обязанности, кроме совершения богослужений, никак не оговаривались²⁶. Однако у протопресвитера существовала возможность корректировать неудачные решения или отдельные пункты “Высочайше утвержденного” по его ведомству Положения — о.Георгий имел право учреждать новые должности, если они не требовали содержания от казны. В результате, появились должности гарнизонных благочинных в местах, где было несколько священников, а также благочинных запасных госпиталей, чьи должности и были возложены на мало до того обремененных обязанностями священников при штабах армий. К тому же и сам царь дополнил Положение распоряжением, согласно которому протопресвитер во время войны должен был находиться при штабе Главнокомандующего, а не в столице²⁷. Незадолго перед революцией — в 1916 г. — в ведомстве Шавельского появились армейские проповедники (по одному в каждой армии), в обязанности которых входило постоянно объезжать воинские части своей армии, проповедуя и “поднимая дух” солдат. Создание такого рода должностей — достаточно яркий пример целенаправленной деятельности руководителей “военно-духовного ведомства”, активно искавших новые формы пропаганды и агитации в войсках. В конце того же 1916 г. были учреждены и новые должности главных священников Балтийского и Черноморского флотов²⁸. Проведенная, таким образом, реорганизация позволила протопресвитеру русской армии и флота четко и слаженно управлять находившимися во время войны в его подчинении более чем пятью тысячами священно- и церковнослужителями, чья самоотверженная деятельность не раз вызвала благодарность Верховных Главнокомандующих — и Великого князя Николая Николаевича, и императора Николая II²⁹. Прозвошедшая вскоре революция свела на нет все действия армейских и флотских священников, однако данное обстоятельство не может уменьшить грандиозную работу “военно-духовного ведомства” по религиозному и патриотическому воспитанию воинов российской армии, о причинах неудачи которой мы кратко скажем в конце настоящей работы.

Мировая война, несмотря на то, что ее ждали и к ней готовились, стала для многих неожиданностью; более того — по воспомина-

ниям митрополита (а в описываемое время — архимандрита) Вениамина (Федченкова), — “в мирских сельских крестьянских массах <...> воодушевления [после обнародования Манифеста о войне с Германией. — С.Ф.] не было, а просто шли на смерть, исполнять свой долг по защите Родины”³⁰. В этих условиях голос Церкви (а большинство воинов российской армии являлись православными), ее напутствие и поддержка во время исключительно тяжелой борьбы против сильного врага были важны и естественны. От того, насколько она справится с этой задачей, зависело и моральное состояние армии, ее желание бороться и побеждать. Однако в данном вопросе не все было благополучно — “война ввела в духовную жизнь воинов два новых элемента: с одной стороны моральное огрубление и ожесточение, с другой как будто несколько углубленное чувство веры, навеянное постоянной смертельной опасностью”³¹.

В специальном послании по случаю начала войны Св.Синод посвятил несколько строк и русским воинам, заявив им, “что святая Церковь Христова непрестанно будет молиться ко Господу, да сохранит Он вас невредимыми под кровом Своим и да дарует венец вечного царствия тем, коим суждено будет пасть в славном бою”³².

Действительно, с первых же дней войны Православная Церковь приняла самое активное участие в деле организации посильной помощи армии и флоту. Уже 20 июля (здесь и далее — старый стиль) определением за № 6502 Св. Синод призвал монастыри, церкви и паству делать пожертвования на раненых и на помощь лицам, призванным на войну. Монастыри и другие подведомственные Православной Церкви учреждения призывались подготовить все возможные места под госпитали, а также — подыскать способных к уходу за ранеными лиц. Во всех храмах в пользу Красного Креста — были установлены кружки для пожертвований и т.п.³³

Но все же максимальная нагрузка в связи с началом войны легла на плечи военных священников, ряды которых с середины 1914 г. выросли почти в 5 раз. Именно оно духовно “обслуживало” войска, несло ответственность за “моральное состояние” частей и подразделений воевавшей России.

В первые дни все казалось благополучным. Официальный орган протопресвитера

русской армии и флота — «Вестник Военного и Морского духовенства», — публиковавший, среди прочего, и разного рода воспоминания, в 1914 г. поместил на своих страницах «Записки о походе» некоего священника Александра Горбачевича, в которых сообщалось (под датой 24 июля), что “настроение в войсках и вообще в народе не оставляет желать ничего лучшего”³⁴. В дальнейшем (в 1915 и в 1916 гг.) подобные вышеприведенной записки больше не появлялись. Эйфория первых дней войны прошла, а серые будни не оставляли — увы — места столь оптимистическим реляциям. (Исключение составило лишь сообщение неизвестного С.А.С., озаглавленное «Из наблюдений военного священника» {ВВиМД. 1916. № 1. С.11—12.}. Патетический тон наблюдений, впрочем, не только оставляет большие сомнения в полной достоверности упомянутого выше сообщения, но и заставляет предположить определенную “социальную заданность” последнего.)

Прекрасно понимая, что во все времена на примерах военных доблестей предков воспитывались новые поколения, о. Г.Шавельский уже через полтора месяца после начала боевых действий — 2 сентября 1914 г. — рассылает “духовенству воинских частей действующих армий и госпиталей” директиву под № 177, в которой “усердно просит” всех священников “без замедления сообщать ему о всех подвигах, совершенных в обслуживаемых ими частях как отдельными лицами: офицерами, врачами, нижними чинами, так и целыми этими частями, описывая каждый подвиг возможно подробно, с указанием времени, места, лиц, а также о всем, что может свидетельствовать о доблести наших войск”³⁵. Благодетель этой же директивой обязывались сообщать о подвигах священников. Уже вскоре такого рода материал стал поступать в редакцию «Вестника Военного и Морского духовенства» и (видимо, частично) публиковаться. Доведенное до конца, это дело могло бы в итоге завершиться созданием своеобразной «Книги памяти» I Мировой войны, однако произошедшая вскоре революция свела и это начинание на нет.

В течение второй половины 1914 и до 1917 г. «Вестник...» регулярно публиковал списки “выбывшим священнослужителям воинских частей действующей армии”, по которым можно составить впечатление о том, насколько активно участвовали священнослужи-

тели в той войне. Всего было опубликовано шесть списков. В каждом из них имелись графы, в которых указывалось (причем поименно), кто убит, пропал без вести, находится в плену, ранен, контужен, эвакуирован по болезни и т.д.

В том случае, если первоначальная информация была неверна, делались специальные дополнения в последующих списках. Подводя общие итоги потерям военных священников на фронтах I Мировой войны, протопресвитер Шавельский отмечал, что “убитых и умерших от ран священников было более 30”, а раненых и контуженных — более 400. При этом, “более ста военных священников попали в плен. Пленение священника, — писал он, — свидетельствует, что он находился на своем посту, а не пробавлялся в тылу, где не угрожает опасность”³⁶. Многие иереи за свое бесстрашие были награждены: 14 человек получили Георгиевский крест³⁷, 227 — золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, 85 человек было награждено орденом св. Владимира 3-ей степени с мечами, 203 священника стали кавалерами этого ордена 4-ой степени, 304 — получили св. Анну 2-ой степени с мечами, а 239 человек — тот же орден 3-ей степени³⁸. Один священнослужитель (сам протопресвитер) был награжден орденом св. Александра Невского, а один архиерей — участник войны — панагией на Георгиевской ленте³⁹.

Принимая посильное участие в войне, священники “военно-духовного ведомства” не забывали, однако, и о своем послевоенном будущем (которое, впрочем обмануло их ожидания) — уже в 1914 г. все военные и морские священники стали отчислять ежемесячно по 3 рубля на благотворительно-просветительские нужды своего ведомства. В 1915 г. на эти деньги в Ессентуках было приобретено три дома и 142 десятины земли в Старицком уезде Тверской губернии. Целью первого приобретения являлось обустройство курортов для лечения военных священников; целью второго — возведение поселка для престарелых и недееспособных священников и приюта для воинов-инвалидов. Его строительство было начато в 1916 г., однако после 1917 г. все дело свернули.

Ознакомившись с начинаниями военного протопресвитера, Николай II дал о. Георгию разрешение обратиться во все воинские части с просьбой сделать отчисления из хозяйствен-

ных сумм на продолжение начатого строительства⁴⁰.

“Я думал, — писал протопресвитер, — что в моем распоряжении окажется не менее 15—20 миллионов рублей, на которые я смогу не только возвести поселок, но и устроить ведомственную типографию, книжное издательство и даже основать свою собственную военно-духовную школу, с особым специальным курсом, которая подготовила бы достойных пастырей для армии и флота.

Действительность разбила все мои предположения”⁴¹.

Действительность разбила также и “предположения” главного священника армий Юго-Западного фронта протоиерея В.Грифцова, предложившего в своем воззвании к подчиненным ему о.о. благочинным “благовременно подумать о каком-либо добром деле”. В качестве таких дел протоиерей предложил учредить стипендии “в одном из военных заведений в увековечение в народной памяти великих подвигов армии и военного духовенства и всех великих жертв”, а также организовать выдачу “пособий священникам, потерявшим трудоспособность на войне, и их вдовам и сиротам”. Все это предполагалось достигнуть личными пожертвованиями⁴². Пожертвования стали поступать, о чем можно найти соответствующие упоминания в «Вестнике» за 1915—1916 гг. В дальнейшем, подобные отчисления стали поступать и от военного духовенства Северо-Западного фронта (в том числе и на устройство поселка для духовенства, а также Инвалидного дома и госпиталя).

На построение Инвалидного дома в Старицком уезде военный протопресвитер получил деньги и от “Высочайших особ”: императора — 1000 рублей, а также от Великого князя Сергея Михайловича — 500 рублей. Кроме того, деньги для военного духовенства дал и близкий к самодержцу генерал-адъютант К.Д.Нилов (200 руб.)⁴³. Дело было, разумеется, не в сумме, а в прецеденте: на нужды военного духовенства и опекаемых им учреждений жертвовал сам царь.

Другой важной задачей, которую должно было решать военное духовенство в 1914—1917 гг., являлась задача окормления попавших в плен солдат и офицеров российской армии. Однако подобная религиозная поддержка православных земляков была для священнослужителей делом явно непростым. Их считали

шпионами, им не доверяли — священника в лагере обычно сопровождал конвоир и переводчик. Молиться за царя и за Великого князя Николая Николаевича было запрещено, не разрешались также и беседы за богослужением⁴⁴. Однако, несмотря ни на что, плен для многих стал “дверью в Церковь” — именно с ее помощью находившиеся в германской неволе русские соорганизовались в единое религиозное сообщество. Еще лучше становится понятна роль Церкви в данном вопросе, если принять к сведению то обстоятельство, что Св. Синод учредил специальную комиссию “по удовлетворению религиозно-нравственных нужд русских военнопленных”. Своим определением от 13—20 января 1916 г., он учредил (под председательством протопресвитера Шавельского) комиссию, которая могла командировать в Австрию и Германию священников; снабжать находившихся в плену иереев всем необходимым для совершения Богослужений; посылать военнопленным издания религиозно-нравственного, общелитературного и научного содержания⁴⁵. Комиссия получала различные денежные пожертвования, позволявшие ей организовать непрерывную отсылку в лагеря военнопленных всего необходимого.

(Стоит, видимо, отметить и тот факт, что 21 марта 1916 г. появился указ, в котором сообщалось, что председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии сенатор Кривцов просил у Св. Синода благословения на рассылку трудов Комиссии о жестокостях немцев и об их бесчеловечном отношении к русским военнопленным епархиальным архиереям для оглашения в приходских церквях. Синод признал распространение таких сведений желательным⁴⁶.)

Ведомство военного протопресвитера активно участвовало и в исключительно сложной, своего рода “миссионерской” деятельности на отвоеванных у Австрийской империи галицийских землях. Населенная униатами — последователями так называемой “греко-латинской” Церкви, Галиция оказалась серьезным испытанием для русского православного духовенства. Со времени появления первых отрядов русской армии на австрийской территории, униатский вопрос был поставлен, таким образом, в практическую плоскость. Первоначально назначенный управляющим церковными делами в оккупированных областях архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий

(Георгиевский), искренно желавший разрешить униатский вопрос максимально эффективно, совершенно не представлял себе стратегической обстановки на Юго-Западном фронте, недооценивал возможность изменения военной ситуации не в пользу России и, соответственно, побочные результаты слишком активных “обращений” тысяч униатов в православие. (В условиях войны австрийское правительство рассматривало такого рода “переходы” как показатель нелояльности и даже измены и соответственно этому поступало). Поэтому, как нам представляется, стремление Г.И.Шавельского приостановить всякие воссоединительные действия в Галиции было обусловлено пониманием вышеперечисленных причин. Узнав, помимо прочего, и из церковной прессы о темпах миссионерского движения в Галиции, а также о методах его проведения в жизнь, военный протопресвитер сделал доклад Верховному Главнокомандующему, который, в итоге, уже от своего имени заготовил и послал императору телеграмму с просьбой приостановить действия не в меру ретивых сотрудников архиепископа Евлогия⁴⁷. “Я не очень сочувствую созданию особого управления церковными делами в Галиции, — откровенно сказал архиепископу при посещении последним Ставки Великий князь Николай Николаевич. — Война — дело неверное: сегодня повернется так, завтра иначе”⁴⁸. Однако интерпретировал слова Главковерха Евлогий по-другому. Волынский архиерей посчитал, что Николай Николаевич разделяет точку зрения Шавельского, “которому не нравилось нарушение единства военного управления всей занятой войсками территории”⁴⁹. В любом случае, вплоть до обвального отступления русских войск из Галиции (после майского — 1915 г. — наступления немцев) деятельность возглавлявшегося Евлогием и поддерживавшегося Обер-Прокурором Св.Синода В.К.Саблером управления по большому счету не прекращалась. Лишь после нового занятия Галиции (по результатам весеннего наступления 1916 г.), Шавельский сумел добиться передачи в ведение его управления дел галицийских униатов. Сам протопресвитер в своих воспоминаниях отмечает, что генерал-губернатор Галиции граф Г.А.Бобринский передал ему желание Николая II, согласно воле которого о.Георгий и составил записку по вопросу о церковном деле в Галиции и в Буковине. В этой записке осо-

бо подчеркивалось, что желательно не принимать в занятых русскими войсками областях вознаграждения за требы от униатов; идти навстречу всем их духовным нуждам и при этом не говорить ни слова о воссоединении, не требовать предварительного присоединения к Православной Церкви⁵⁰. Одобренная графом Бобринским, генералом Алексеевым, архиепископом Могилевским Константином и начальником снабжения Юго-Западного фронта генералом Эльснером, она, в конце концов, получила и “Высочайшее” одобрение⁵¹. Таким образом, в итоге контроль за решением униатского вопроса был передан в руки протопресвитера русской армии и флота, личное влияние которого на ход в том числе и церковных дел за годы войны исключительно выросло⁵².

К концу 1916 г. около 50 православных пастырей служили в униатских приходах Галиции, в своей деятельности руководствуясь циркулярами “военно-духовного ведомства”.

Укрепление роли протопресвитера в жизни страны в один из наиболее драматических моментов ее истории, естественно, сделало его должность весьма желанной для многих представителей не только белого духовенства, но и архиереев (тем более, что протопресвитер, в силу своей должности, постоянно встречался с императором и мог воздействовать на принятие различных решений, часто далеких от его непосредственной компетенции). Видимо, через это обстоятельство и стоит рассматривать любопытное явление, получившее распространение уже в первые месяцы после начала войны: к о.Георгию осенью 1914 г. поступило предложение Св.Синода принять в свое ведомство на должность рядового священника архиерея. Заручившись согласием императора, епископ Трифон (в миру — князь Туркестанов) получил назначение в штаб 7-ой армии. Следующим был Таврический архиепископ Димитрий, прослуживший судовым священником несколько месяцев подряд. Известность, которую они получили, добровольно “унизились”, а также награды и т.п. послужили прекрасной “приманкой” и для других русских архиереев. По словам Шавельского, “в армию потянулись еще несколько епископов и среди них, в своем роде «знаменитый» искатель приключений архиепископ Владимир Путята”. Это было “последней каплей”: терпение Шавельского лопнуло и в июне 1915 г. он испросил аудиенции у императора, сумев доказать

последнему, что назначения епископов в армию — “антиканоничны по существу” и вредны для дела. С тех пор протопресвитер был изобавлен от “рядовых военных епископов”⁵³. Трудно предполагать, почти не имея заслуживающих доверия источников, какие точно цели были у архиереев, стремившихся попасть на фронт. Однако совершенно очевидно, что присутствие епископов в ведомстве белого иерея — даже протопресвитера — в качестве его подчиненных умаляло значение последнего, делало его положение по меньшей мере двусмысленным (прежде всего в глазах православных воинов, видевших явное несоответствие сана и должности “рядового епископа”).

В течение всех лет войны, каждый месяц — до десяти дней — протопресвитер проводил среди боевых частей, объезжал полки и бригады, бывая и в окопах, и в госпиталях. Везде он совершал богослужения и проповедывал⁵⁴. Разумеется, он не мог не видеть, что в войсках не все благополучно, что “боевой дух” находится не на должной высоте. Особенно в так называемых “запасных батальонах”, число которых исключительно выросло в 1916 г. Некоторые батальоны насчитывали по 18—25 тысяч человек. Неудивительно, что священники в этих соединениях не справлялись со своими обязанностями, прежде всего из-за масштабной требуемой от них работы. “Недостаточность наличных духовных сил для воспитания в запасных батальонах, — писал о. Г.Шавельский, — в особенности сильно ощутилась во второй половине 1916 г., когда усталость от войны дала себя чувствовать сильнее и когда одновременно с этим выявились симптомы разлагающей пропаганды”⁵⁵. Впрочем, дело было не столько в пропаганде сектантов, о которой писал протопресвитер, сколько в том, что общая моральная обстановка в армии к 1917 г. ухудшилась — приходившее на фронт пополнение было уже совершенно иным, чем в начале войны. К тому же и “двухлетняя война не могла не расшатать нравственные устои армии. Нравы огрубели, — писал генерал барон П.Н.Врангель, — чувство законности было в значительной мере утеряно. Постоянные реквизиции, — неизбежное следствие каждой войны, — поколебали понятие о собственности. Все это создавало благоприятную почву для разжигания в массах низменных страстей, но, повторяю, необходимо было, чтобы искра, зажегшая пожар, была бы брошена извне”⁵⁶. Особенно опасны

были эти “низменные страсти” в последний период войны, когда окончательно выяснилось, что достижение победы Россией (совместно с союзниками) — реальная, уже обозначившаяся во времени задача. Неудивительно поэтому, что в декабре 1916 г. о.Георгий Шавельский составил специальную докладную записку генералу Гурко (замещавшему М.В.Алексеева), в которой доказывал необходимость принятия экстраординарных мер для духовного воспитания и укрепления армии, в особенности запасных ее частей. В период происходившей в то время подготовки к весеннему наступлению 1917 г., он решил организовать (для усиления и оживления работы на фронте духовенства) съезды православных иереев. В съездах должны были участвовать все дивизионные благочинные, представители от духовенства госпиталей, санитарных поездов, запасных батальонов и т.д.

На Северном фронте съезд должен был собраться 26 февраля (в Пскове); на Западном — 8 марта (в Минске); на Юго-Западном — 17 марта (в Бердичеве), на Румынском — 26 марта (в Кишиневе)⁵⁷. Реальная жизнь внесла в этот план свои коррективы: до революции состоялся лишь съезд военного духовенства Северного фронта, на котором протопресвитера заверили, что “дух войск хороший”⁵⁸...

Произошедшие вскоре после этого события доказали явную ошибочность делегатов-священников, собиравшихся в Пскове...

Стихия вышла из под контроля.

Спустя несколько лет после поражения Белого Дела, пытаясь понять причины и истоки русской Смуты, генерал А.И.Деникин с горьким сожалением отметил, “что духовенству [во время I Мировой войны. — С.Ф.] не удалось вызвать религиозного подъема среди войск”. Впрочем, генерал тут же оговорился,

что оно в этом нисколько не виновато. “Но вместе с тем, — заметил он далее, — духовенству не удалось создать и более прочную связь с войсками. Если офицерский корпус все же долгое время боролся за свою командную власть и военный авторитет, то голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось”. При этом А.И.Деникин отметил, что “съезды духовенства в Ставке и в штабах армий не имели никакого реального значения”⁵⁹.

Говоря о невинности военных пастырей, генерал имел в виду то обстоятельство, что на войне не было места для религиозного экстаза, Думается, дело заключалось не только в этом. Русское духовенство (в том числе и военное) слишком тесно было связано с властью, причем эта связь была опасна для духовенства прежде всего тем, что приучала (и приучила) к пассивному следованию в форватере государственного корабля — по всем вопросам и серьезным, и второстепенным.

Это, можно предположить, и послужило причиной того трагического обстоятельства, что военные пастыри не смогли переломить ситуацию — “в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития в последствии звериных инстинктов”⁶⁰.

Тем не менее, не подлежит сомнению, что русское армейское духовенство внесло свой значительный вклад в дело достижения так и не состоявшейся победы над врагом, искренно стремясь пробудить в воинах лучшие чувства: любовь к Богу и к Родине, патриотизм и храбрость.

Печальный финал не должен закрыть от нас этого обстоятельства.

Примечания

¹ См., напр: Сенин А.С. Армейское духовенство России в Первую Мировую войну // Вопросы истории. 1989. № 10. С.159—165.

² Подсчитано нами по: Цитович Г.А. Храмы армии и флота: Историко-статистическое описание. Пятигорск, 1913. Ч.1. С.19—519.

³ Там же. Ч.2. С.3—40.

⁴ Подсчитано нами.

⁵ См.: Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т.2. С.93.

- 6 Там же. С.95.
- 7 См. напр.: Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С.79—121.
- 8 Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. М., 1991. С.78.
- 9 Там же. С.78—79.
- 10 См., напр.: Всеподданнейший отчет обер-Прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1911—1912 годы. СПб., 1913. С.153—157.
- 11 Шавельский Г. Указ. соч. Т.1. С.93.
- 12 Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗ-III). Пг., 1915. Т.XXXII. Отд.1. С.1179.
- 13 Вестник Военного и Морского духовенства. (В дальнейшем — ВВиМД.) 1914. № 15—16. С.536.
- 14 Там же. 1915. № 25. С.706.
- 15 Шавельский Г. Указ. соч. С.79.
- 16 См.: ВВиМД. 1914. № 13—14. С.456—458.
- 17 Там же. № 15—16. С.550.
- 18 Медведь Р., прот. Впечатления от первого съезда военного и морского духовенства (1—10 июля 1914 г.) // Там же. С.553.
- 19 Деникин А.И. Указ. соч. С.79.
- 20 Филатович Б. Луч света. (Из писем духовного сына) // ВВиМД. 1914. № 13—14. С.483.
- 21 Там же.
- 22 Там же. С.485.
- 23 Шавельский Г. Указ. соч. Т.2. С.93.
- 24 См.: Там же. С.93—94.
- 25 ВВиМД. 1914. № 17. С.599.
- 26 Шавельский Г. Указ. соч. С.96.
- 27 Там же.
- 28 Там же. С.96—97.
- 29 В своих воспоминаниях протопресвитер Г.И.Шавельский писал: “В конце 1916 года Государь как-то сказал мне: — От всех приезжающих ко мне с фронта военных начальников я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников в армии. Еще решительнее, в присутствии членов своего штаба, отозвался в 1915 году Великий князь Николай Николаевич: — Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии. Я дважды слышал от него эти слова”. (Там же. С.102).
- 30 Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С.143.
- 31 Деникин А.И. Указ. соч. С.79. В настоящем очерке у нас нет возможности исследовать корни подобного дуализма, однако высказать гипотезу по этому поводу, думается, возможно. Русская деревня всегда была (и в начале XX века продолжала еще оставаться) искренно верующей, традиционно православной. При этом в жизни ее все большее место начинал играть город, с его субкультурой и “новыми ценностями”. То обстоятельство, что многие молодые деревенские жители до войны успели побывать в больших городах и “вкусить изнанку городской культуры” (по выражению современника), получить “полузнание”, о котором с ужасом писали тогда многие (См. напр.: Крюков Ф. Без огня // Русское Богатство. 1912. № 12. С.161—186.), а также пережить революционный 1905 год с его многочисленными крестьянскими волнениями и попытками осуществить “черный передел”; делало их “горючим материалом”, легко воспламеняющимся при любых нестроениях и внутривполитических кризисах. Пока государство (и Церковь) были в состоянии контролировать социально-психологическую “атмосферу” хотя бы отчасти, за этот “материал” можно было не слишком волноваться, но как только здание российской государственности в 1917 г. упало — до того спокойные “серые мужички”, одетые в солдатские шинели, доказали, что “моральное огрубление” явно перевешивает в них “углубленное чувство веры”.
- 32 Церковные Ведомости. 1914. № 30. С.347.
- 33 Там же. С.348—349.
- 34 ВВиМД. 1914. № 18. С.652.
- 35 Там же. № 20. С.697.
- 36 Шавельский Г. Указ. соч. Т.2. С.106.
- 37 Там же. С.104.

- 38 Кандидов Б. Империалистическая война и религия. М., 1933. С.22.
- 39 Он же. Церковный фронт в годы Мировой войны. [М., 1929]. С.112.
- 40 Шавельский Г. Указ. соч. С.106—107.
- 41 Там же. С.108.
- 42 ВВиМД. 1915. № 4. С.111.
- 43 Там же. 1916. № 6. С.161.
- 44 Жукович А., священ. Из воспоминаний пленного священника // Там же. № 15—16. С.483.
- 45 Там же. № 9. С.262.
- 46 Там же. С.259.
- 47 Шавельский Г. Указ. соч. С.167—168.
- 48 Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т.Маиухиной. М., 1994. С.240.
- 49 Там же.
- 50 Шавельский Г. Указ. соч. С.34—35.
- 51 Там же. С.37. Митрополит Евлогий в своих воспоминаниях не совсем точно пишет, что записка эта была подана Николаю II графом Бобринским — она же была лишь подана через него. Митрополит также ошибочно отмечает, что во главе нового церковного управления был поставлен протоиерей Титов (Евлогий, митр. Указ. соч. С.256). Профессор-протоиерей, доктор церковной истории Киевской Духовной Академии и крупнейший знаток униатского вопроса Ф.И.Титов являлся только помощником о. Г.Шавельского на правах главного священника фронта. (См.: Шавельский Г. Указ. соч. С.38.)
- 52 Об этом, например, свидетельствуют и “сплетни”, имевшие место в высших кругах российского общества. Так, А.В.Кривошеин сообщал Г.Шавельскому, что последнего ненавидит председатель Гос. Думы М.В.Родзянко, который “всюду кричит: сейчас Россией правят три человека: Алексеев, Шавельский и Воейков”. Ту же фразу сам Шавельский слышал и от высокопоставленного чиновника Св.Синода В.И.Яцкевича. (Там же. С.206).
- 53 Там же. С.171.
- 54 Там же. С.97.
- 55 Там же. С.269.
- 56 Воспоминания генерала барона П.Н.Врангеля. М., 1992. Ч.1. С.7.
- 57 Шавельский Г. Указ. соч. С.284.
- 58 Там же. С.287.
- 59 Деникин А.И. Указ. соч. С.79.
- 60 Там же. С.80.

Григорий Распутин. Последняя точка?

Среди всех естественных прав человека есть одно неотъемлемое право — право на погребение после смерти в соответствии с традициями культуры своего народа. На исторических персонажах, оставивших глубокий след в истории, это, как свидетельствует та же история, не распространяется. Судьба их тела после смерти еще долго остается достоянием страстей толпы — от попыток “увековечивания” мощей в саркофаге до “бесследного” уничтожения, причем грань между этими вариантами очень зыбка и случайна. Примеры из российской истории очевидны, один из них достоин подробного рассмотрения.

Убийство Г.Распутина 16 декабря 1916 г. достаточно хорошо известно, описано и проанализировано. Гораздо менее известны дальнейшие обстоятельства, связанные с судьбой его тела.

Поскольку Григорий Распутин был политическим символом определенной эпохи, режим, пришедший на смену царизму, решил бороться с инерцией влияния последнего на массы. Сразу же после Февральской революции Временное правительство озабочилось точным установлением места погребения Г.Е.Распутина-Новых. В те дни общественность была совершенно в неведении, куда исчез найденный труп “старца”. По этому поводу в городе ходили самые невероятные слухи. Правительство опасалось, “как бы впоследствии обнаруженная могила Распутина не превратилась в место религиозного паломничества”, как бы “память о нем не была превращена черной сотней в легенду”¹.

Необходимость решения этой ответственной и деликатной проблемы вызвала тайную политическую акцию, имевшую свое организационное и техническое обеспечение, а также конкретные временные рамки (3—11 марта 1917 г.). Цель акции — “Труп Распутина... во что бы то ни стало, тихо, без шума найти и уничтожить”². Ее организатором стал Времен-

ный комитет Государственной думы, назначивший для этого своих уполномоченных. Первый этап (“найти”) был поручен Е.И.Лаганскому, ответственным за второй этап (“уничтожить”) стал Ф.П.Купчинский, человек, давший в печать единственный вариант информации об этом в 1917 г.³ По “свежим следам” заметим, что последний в своих записках ни словом не упоминает о Е.И.Лаганском и вообще о первой части акции. Лаганский более объективен, ссылаясь на рассказ Купчинского, однако и его информация не совпадает в деталях с описанием последнего. До сих пор эти две публикации, разнесенные во времени десятилетним отрезком и написанные ответственными исполнителями начальной и заключительной стадии акции, служат основой информации по изучаемому вопросу, причем материал Лаганского менее известен. Эти источники никогда критически не анализировались, не сопоставлялись, каждое слово в них воспринималось буквально. Однако, несмотря на броскость и конкретность заголовков, обе заметки содержат ряд явных несообразностей, оставшихся незамеченными современниками и вызывают вопросы, не имеющие ответа в текстах и впервые поставленные в статье автора настоящей публикации⁴. Главный вопрос — было ли сожжение (“Собралась толпа зевак... устроили настоящее публичное ауто-да-фе. Пепел разметали по ветру. Теперь ищи могилу старца!”⁵) явным или тайным? Конечно, информация дозировалась и политизировалась. Кроме того, каждый автор не избежал соблазна показать свою решающую роль, находчивость и незаменимость. Однако при этом ни Лаганский, ни Купчинский не дают ответа на вопрос — куда направилась с Конюшенной площади машина с гробом, в какой пункт за городом? Купчинский косвенно намекает, что места назначения не было, а были “ночные мытарства”, метания по городу. Почему автомобиль оказался именно в Лесном? Ведь инициатором акции в целом был А.Ф.Керенский, в те дни министр юстиции; по Купчинскому, идея со-

жения определилась при личной встрече с ним министра-председателя князя Г.Е.Львова, после которой последний небрежно бросил: "...князь поручил мне попутно ликвидировать Распутина окончательно"⁶. Он же упоминает о том, что в курсе дел был и общественный градоначальник проф. В.А.Юревич. Сомнительно, чтобы при столь высоких рангах инициаторов акции не было какого-то осмысленного варианта действий, кроме чистой импровизации конкретного исполнителя — заведующего автобазой Купчинского. В упомянутых версиях есть несовпадение и в датах перевоза тела из Царского Села на Конюшенную площадь, в помещение автобазы Временного правительства (по Лаганскому, в тот же день, 5 марта, по Купчинскому — 9 марта). Информация о костре в лесу как единственном и главном инструменте выполнения заключительной части акции (вот и третий вопрос — а возможно ли это технически?) исходит только от Купчинского! Напомним, именно он отвечал перед организаторами, кем бы они ни были, за строгое исполнение акции в соответствии с ее целью — уничтожить тело бесследно с соблюдением конспирации.

Любопытно, что десять лет спустя после событий Е.И.Лаганский впервые освещает подробности первого этапа и очень бегло пишет о заключительном этапе, ссылаясь на слова того же Ф.П.Купчинского (в 1926 г. его уже не было в живых) и фактически очень вольно пересказывая версию последнего. Приводимые Е.И.Лаганским разговоры "в толпе" политически тенденциозны и явно придуманы; реплики толпы, по версии Ф.П.Купчинского, также не выдерживают критики. Правда, надо воздать должное Е.И.Лаганскому за то, что он первым опубликовал в своем очерке фотокопию (факсимиле оригинала) акта о сожжении тела Г.Распутина, в целом совпадающую с текстом акта, приведенного Ф.П.Купчинским, однако имеющую весьма существенные отличия в указании места сожжения. Это копия экземпляра № 2, который во время публикации принадлежал Музею революции в Ленинграде.

Для связности и лучшего понимания последовательности событий нужно сказать несколько слов о предыстории рассматриваемой нами политической акции. После убийства в Юсуповском дворце на Мойке тело Распутина было сброшено в Невку; затем найдено и перевезено в инвалидный дом (богадельню) в районе Московского проспекта, где было приведено в приемлемое для захоронения состоя-

ние. По строжайшему указанию двора к нему никто не допускался; даже епископу Илиодору, другу покойного, не было разрешено отправить службу в богадельню. "... около 4 ночи, на 21 декабря, из Петрограда прибыл, наконец, санитарный автомобиль, груженный передетыми в штатское городовыми, которым и был вручен положенный в цинковый гроб труп Распутина, предварительно заколоченный в наружный ящик". Куда увезли гроб, заведующий богадельней генерал не знал. Единственное, что он смог указать на допросе 5 марта 1917 г.: "Санитарный автомобиль с телом старца, выехав за ворота богадельни на Московское шоссе, повернул налево. Больше ничего не знаю!"⁷ Налево — значит к Царскому Селу!

В Царском Селе место захоронения Распутина было засекречено, хотя многие догадывались о назначении тайно возводимой деревянной часовни в отдаленной части Александровского парка. В начале марта 1917 г. уже не стоило особого труда найти его и проверить догадку на месте. Это и было выполнено группой солдат, возглавлявшейся Лаганским, выехавшим туда на «Студебеккере» автобазы Государственной думы. Тело было найдено, отождествлено. На груди Распутина лежала иконка Богородицы с подписями царицы и ее дочерей (через месяц икона была продана на черном рынке каким-то американцам). Гроб "в ту же ночь вырыли из могилы... поместили в громадный ящик от рояля и под видом музыкального инструмента отправили в товарном вагоне в Петроград", где его "перевезли, с соблюдением строжайшей тайны, в придворные конюшни на Конюшенной площади"⁸, ставшие автобазой Временного правительства. Купчинский дает свой вариант этой перевозки, но оба единогласно называют конечный пункт. Тем временем, по-видимому, окончательно решался вопрос и определялись технические детали задуманной акции. Ночью с 10 на 11 марта Купчинский с несколькими верными людьми погрузил рояльный футляр с гробом на грузовик и отправился за город. Законный вопрос — куда?

Оставим на совести авторов живописные подробности, приводимые Купчинским ("бегающие по набальзамированному трупу бледно-зеленые огоньки"), пафос Лаганского ("устроили настоящее публичное ауто-да-фе. Пепел разметали по ветру") и обратимся собственно к документам. Приведем текст акта о сожжении, факсимильно воспроизводимый Лаган-

ским на одной и той же странице с явно противоречащей ему версией.

“Акт о сожжении трупа Григория Распутина.

Мы, нижеподписавшиеся, между 7 и 9 часами утра [выделено мною. — В.Ч.], совместными силами сожгли тело убитого Григория Распутина, перевезенное на автомобиле уполномоченным временного комитета Государственной Думы Филиппом Петровичем Купчинским, в присутствии представителя Петроградского общественного градоначальника ротмистра 16 уланского Новоархангельского полка, Владимира Павловича Кочадеева. Самое сожжение имело место около большой дороги Лесного в Пискаревку, в лесу, при абсолютном отсутствии посторонних лиц, кроме нас, руки свои приложивших [выделено мною. — В.Ч.].

Представитель от Общественного
Петроградского Градоначальника
ротмистр 16 Уланского Новоарх. п.

В.Коч[г—?]адеев

Уполномоч. Врем. Ком. Госуд. Думы

Купчинский

Студенты Петроградского Политехнического
Института милиционеры: С.Богачев, Н.Моклович,
Р.Фишер, М.Шабалин, [две подписи неразборчивы]

Печать: Петроградский Политехнический институт.
Начальник охраны.

Акт был составлен в моем присутствии и подписан [два неразборчивых слова] дежурный по караулам прапорщик [подпись неразборчива]”.

Полная несовместимость указания на абсолютное отсутствие посторонних и публичность комментируется Лаганским так: утверждение в акте “неверно и объясняется тем, что Купчинский, видимо, не хотел, чтобы Временное правительство [? — В.Ч.] узнало об инциденте в Лесном”. Надуманность такой интерпретации акта очевидна: при публичном сожжении на глазах “толпы зевак” сохранить тайну невозможно от кого бы то ни было, от прессы, в частности. Однако ни одной публикации в газетах и журналах об этом событии нет! Единственное исключение — журнал «Солнце России» с версией, изложенной именно Купчинским, ответственным за исполнение акции в строгом соответствии с ее целью! По форме факсимильный акт из «Огонька» совпадает с текстом акта в «Солнце России», за исключением порядка подписей и времени действия (у

Купчинского — между 3 и 7 часами!). Несовпадение версий Лаганского и Купчинского, возникновение двух версий акции вместо единственной, принимаемой за истину в последней инстанции, не позволяет пройти мимо третьей версии, которая существовала преимущественно в устной форме в очень специфической среде — семьях научно-технической элиты, обитателей служебных домов Петроградского Политехнического института.

Логично в качестве истинного текста принять факсимильное воспроизведение акта в «Огоньке». Если акт в чем-то и неточен, то только в сознательной неполноте указания места сожжения (опять-таки в строгом соответствии с целью акции!). На основе упоминаемых в акте деталей и лиц после слов “около большой дороги Лесного в Пискаревку, в лесу” следовало бы написать “в котельной Петроградского Политехнического Института”. Все прочие детали официального акта абсолютно точны. Обвинение же в неточности справедливо лишь на первый взгляд. Дело в том, что “около большой дороги Лесного в Пискаревку, в лесу”, в соответствии с представлениями того времени, далеко за городом, располагался Политехнический институт со строго охраняемой территорией, фактически автономный университетский городок со своей электростанцией, образцовой мощной котельной, водопроводом и даже газовым заводом. Эта деталь ставит на место все несообразности и снимает все вопросы при анализе опубликованных материалов, в том числе и вопрос о технической возможности сожжения трупа на костре из случайных сырых дров, даже с использованием запаса бумаги и картона; в заснеженном мартовском лесу, с развеиванием пепла по ветру. Закрытая загородная территория отвечала всем условиям задуманной политической акции.

На этой строго охраняемой территории с пропускным режимом, в казенных квартирах постоянно проживали профессора, преподаватели и служащие института, работавшие там, как правило, всю жизнь. Такое серьезное событие не могло пройти бесследным в этой замкнутой, корпоративной среде. И действительно, в семьях академиков М.А.Шателена, В.Ф.Миткевича и других, живших тогда (и живущих до сих пор) на территории института, передавались рассказы о кремации тела Распутина в котельной института. Такую информацию довелось услышать и автору настоящей публикации около 20 лет назад от проф. Г.Н.Шуппе, со ссылкой на личный рассказ М.А.Шателена.

Надо просто искать письменные свидетельства, несомненно существующие, хотя многое и утрачено.

И, тем не менее, уже нашлось по крайней мере одно документальное свидетельство. Летом 1994 г. при создании фонда А.И.Морозова (это весьма необычный человек, живший на территории института с 1913 г. до смерти в 1955 г.) в Фундаментальной библиотеке СПбГТУ встретился документ под названием «Конспект для автобиографии». Воспроизводим одну из записей:

“1917 г. Исторические дни в институте. Февраль—март. Я избран в Совет Рабочих и Солдатских депутатов от Политехнического института. Заседания Совета в Таврическом дворце. Политические деятели того времени <...> Встреча Плеханова в Народном доме. Сожжение тела Распутина в котельной Политехнического института. Пожар Окружного суда на Литейном <...>”⁹

Таким образом, анализ всего комплекса имеющихся по данному вопросу публикаций свидетельствует о неоднозначности версии Ф.П.Купчинского об обстоятельствах кремации тела Распутина 11 марта 1917 г. Костер, если он и был, имел только символический характер. Полное бесследное уничтожение возможно было только при использовании других, более совершенных технических средств, нежели костер “из березок” в заснеженном мартовском лесу, а именно — мощной печи котельной. Обращение Купчинского за помощью в Политехнический институт вряд ли ограничилось только подкреплением из 6 студентов-милиционеров. Завершающий этап задуманной акции был организован буднично и прозаически. Около шести часов утра к воротам ин-

ститута подъехала машина с вооруженными людьми и ящиками. Дежурный начальник караула охраны поднял старшее административное лицо, проживавшее на территории института, — профессора М.А.Шателена и передал ему требования прибывших. Примерно через час, после необходимых приготовлений и сбора исполнителей, приступили к акции сожжения. Цель акции была достигнута при соблюдении тайны, приоткрывающейся, вероятно, только сегодня. Полную ясность внесли бы письменные свидетельства других прямых участников событий, круг которых теперь точно очерчен. Первое же знакомство с личными делами исполнителей (подписавших акт студентов-политехников) вызывает ряд новых вопросов, дополнительно свидетельствующих о желании скрыть реальную тайну точных обстоятельств и места сожжения.

Любопытно, что уже после опубликования моей статьи (в январе 1995 г.), в мае 1995 г. “всплыл” подлинник акта о сожжении Распутина, утраченный в свое время Музеем Революции и найденный в пос. Песочное под Санкт-Петербургом. Это вызвало всплеск массового интереса к описываемым событиям.

Что касается места завершения этой политической акции, то оно вряд ли было случайным. Его выбор отражает ту роль, которую играл Политехнический институт как один из центров поддержки Временного правительства, прямо поставивших многих его активных деятелей в ранг товарищей министров, крупных чинов Министерства торговли и промышленности, Министерства финансов, военного Министерства, Министерства иностранных дел и т.п.; но это тема отдельного разговора.

Примечания

- 1 Лаганский Е.И. Как сжигали Распутина // Огонек. 1926. № 52 (196). С.2.
- 2 Там же.
- 3 Купчинский Ф.П. Как я сжигал Григория Распутина // Солнце России. 1917. № 11. С.1.
- 4 См.: Чепарухин В.В. Кремация тела Г.Распутина в дни Февральской революции 1917 г. // Революция 1917 г. в России: Сб. науч. работ. СПб., 1995. С.87.
- 5 Лаганский Е.И. Указ. соч. // Огонек. 1927. № 1 (197). С.11—12.
- 6 Купчинский Ф.П. Указ. соч. С.4.
- 7 Лаганский Е.И. Указ. соч. // Огонек. 1926. № 52 (196). С.12.
- 8 Там же. 1927. № 1 (197). С.1.
- 9 Морозов А.И. Конспект для автобиографии // Фундаментальная библиотека СПбГТУ. Ф. А.И.Морозова. Л.6.

Взаимоотношения советской власти и Русской Православной Церкви в начале Гражданской войны

Советские авторы посвятили немало работ первым мероприятиям атеистической власти в религиозной политике. Достоинством этих исследований является обстоятельное изучение процесса выработки и осуществления государством церковной политики в конце 1917—1920 гг.¹ Однако, атеистическая литература на эту тему поддерживала миф об агрессивной и антинародной сущности Русской Православной Церкви в первые годы советской власти и о классовой злобе духовенства во главе с Патриархом Тихоном². Поэтому одной из основных задач предлагаемой статьи является выяснение подлинной реакции духовенства и верующих на первые декреты и шаги новой власти в области религиозной политики. Особенности государственно-церковных отношений в первые месяцы советской власти показаны, главным образом, на основе анализа событий декабря 1917 — февраля 1918 г. в Петрограде. Именно здесь началось проведение ряда акций (реквизиция синодальной типографии, попытки захвата Александро-Невской Лавры и др.), сопутствовавших принятым новой властью декретам в отношении религии и церкви. Задачей статьи является также показ гонений на Петроградскую Церковь и тех форм протеста, которые были предприняты духовенством и верующими Петрограда в то время и которые стали образцом для других епархий.

Статья написана на основе привлечения таких источников, как «Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви» (опубликованы в 1918 г.), материалы церковной печати того периода, воспоминания участников событий.

Вплоть до конца 1917 г. церковное руководство считало, что советская власть слабая,

и потому, боясь гнева верующего народа, она не предпримет решительных действий, направленных на ущемление интересов Православной Церкви. Так, несмотря на объявленный новой властью декрет о земле, включавший в себя пункт о национализации церковно-монастырских земель, Поместный Собор 14 ноября спокойно обсуждал вопрос о переделе причтовых земель и даже установил нормы пользования церковной землей. Соборное большинство рассматривало декрет о земле как лишённую реальных оснований декларацию и исходило из того, что советская власть не рискнет претворить его в жизнь до решения Учредительного собрания³. Такой же подход был проявлен и в оценке решений, принятых советской властью в декабре 1917 г.

4 декабря было издано «Положение о земельных комитетах», в распоряжение которых передавались конфискованные земли, в том числе церковные и монастырские. 11 декабря вышло постановление Народного комиссара просвещения о передаче всех учебных заведений духовного ведомства в ведение Наркомпроса⁴. Этим постановлением Церковь лишалась своего важнейшего средства религиозно-нравственного воспитания молодого поколения, а также существенно затруднялась возможность подготовки кадров священнослужителей.

17 и 18 декабря 1917 г. были изданы декреты о гражданском браке и гражданской метрикации, согласно которым ведение записей браков, рождений и актов смерти изымалось из ведения Церкви и передавалось отделам при городских, районных, уездных и волостных управах. Инструкция об организации таких отделов и порядке передачи им церков-

ных регистрационных книг была опубликована 4 января 1918 г. Декреты от 17 и 18 декабря объявляли обязательным лишь гражданский брак, церковный же рассматривался как “частное дело брачующихся”⁵.

Отмеченные выше первые декреты советской власти в области государственно-церковных отношений никак не соответствовали основным статьям определения Поместного Собора «О правовом положении Православной Российской Церкви», принятого 2 декабря 1917 г., и, в частности, статье 6-й, предусматривавшей выработку и принятие государственных законов, касающихся Православной Церкви, “не иначе, как по соглашению с церковной властью”.

11 декабря 1917 г. на обсуждение в Совет народных комиссаров был внесен вопрос об издании декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Тогда же была образована комиссия для составления его текста, в которую вошли нарком просвещения А.В.Луначарский, нарком юстиции П.И.Стучка, член следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией П.А.Красиков, заведующий отделом народного комиссариата юстиции профессор М.А.Рейснер и петроградский священник М.В.Галкин, рекомендованный управляющим делами Совнаркома В.Д.Бонч-Бруевичем как “борец с церковным мракобесием и состоящий в конфликте с руководством епархии в лице митрополита Вениамина”⁶. Разработанный этой комиссией и опубликованный 31 декабря проект декрета об отделении церкви от государства свидетельствовал о последовательной, бескомпромиссной политике советской власти в отношении религии и церкви⁷.

Узнав из газет о готовящемся принятии этого декрета, митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) 10 января 1918 г. обратился в СНК с письмом, в котором старался доказать всю, на его взгляд, пагубность предстоящего шага правительства. “Осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу, — писал он. — ...Волнения могут принять силу стихийных движений... и привести к очень тяжелым последствиям”. Прочитав письмо митрополита, В.И.Ленин наложил следующую резолюцию: “Очень прошу коллегию при комиссариате юстиции поспешить с разработкой декрета об отделении Церкви от государства”⁸.

До середины декабря 1917 г. конкретные меры новой власти в отношении церкви в столице ограничивались в основном закрытием некоторых придворных церквей (в Зимнем и Гатчинском дворцах) и храмов при государственных учреждениях (Министерстве внутренних дел, градоначальстве и т.п.)⁹. Кроме того, Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов с конца ноября стал демонстративно назначать православных священников на очередное дежурство милиционеров. 28 ноября на общем собрании мастеровых и рабочих городского района № 1 Кронштадта по этому поводу была принята резолюция протеста¹⁰.

Со второй половины декабря власть начала решительно осуществлять некоторые принимавшиеся ею постановления, поставившие служение Церкви в жесткие условия разнообразных запретов и ограничений. Первым реальным шагом в осуществлении новой церковной политики явилась реквизиция 3 января 1918 г. Народным комиссариатом просвещения синодальной типографии в Петрограде¹¹. В результате ее захвата было фактически прекращено издание центральной газеты — «Всероссийского Церковно-общественного Вестника». Редактору «Церковных Ведомостей» П.Н.Ляхостскому все же удалось найти типографию для печатания этого журнала, который стал выходить “в увеличенном объеме с расширением неофициальной части”¹².

Захват синодальной типографии вызвал бурную ответную реакцию среди верующих. Начались частые собрания духовенства и представителей приходов, а также общие собрания приходских советов сначала одного Петрограда, а затем и всей епархии. На первом же собрании приходских советов столицы 11 января стало известно, что “разные комиссары приходили и к ректору семинарии, и в духовное училище, и к митрополиту и заявляли, что... решено все достояние Синода объявить собственностью народа”¹³. С ведома СНК Петроградским Советом была создана специальная комиссия для изъятия синодского имущества, которую возглавил “уполномоченный по ликвидации бывшего Синода” комиссар по делам беженцев А.М.Дижбит. В конце января 1918 г. в специальной записке наркому внутренних дел Г.И.Петровскому он сообщил о том, что “ликвидацию Синода” почти закончил, принял ценных бумаг и счетов на сумму 46 миллионов 15 тысяч 312 рублей¹⁴. Таким образом, захват

типографии явился частью общего плана новой власти по изъятию имущества Синода в столице.

В связи с этой первой антицерковной акцией советского правительства собрание приходских советов 11 января приняло следующую резолюцию: “Тысячи верующих рассматривают захват типографии как грабеж, протестуют против него и будут говорить об этом не только в храме, но и трамваях, на площадях... Приходские советы усматривают явное гонение на Православную Церковь со стороны тех, кто именуется народная власть”¹⁵.

По поручению собрания протоиерей П.Н.Лахостский дважды безуспешно пытался вручить эту резолюцию А.В.Луначарскому. Нарком просвещения выслал к протоиерею своего помощника П.И.Лебедева (Полянского), обращение которого с П.Н.Лахостским, по свидетельству последнего, “было презрительное и грубое; он [Лебедев. — А.К.] ничего не хотел слышать, письменных заявлений не принимал...” На резолюцию собрания приходских советов член коллегии Наркомпроса отреагировал весьма красноречиво: “Хоть к черту посылайте эти бумаги!”¹⁶

Итак, уже к середине января 1918 г. православное духовенство наглядно убедилось в том, что ни на какие переговоры и компромиссы с Церковью советское государство идти не собирается.

Следующей антицерковной акцией явилась попытка захватить крупнейший духовно-исторический центр русского православия Александро-Невскую Лавру в Петрограде. Еще 30 ноября, по предложению наркома призерения А.М.Коллонтай, СНК под председательством В.И.Ленина рассмотрел вопрос об изъятии у Православной Церкви монастырей. Все та же А.М.Коллонтай на заседании Совнаркома 4 января 1918 г. добила наконце принятия решения о реквизиции помещений Александро-Невской Лавры для нужд своего наркомата¹⁷. Этим решением был создан прецедент для страны. По оценке петроградского духовенства, “распоряжение принимало характер благоденствия: мы мол де заботимся о благе народном, а монахи ничего для этого не делают...”¹⁸

13 января митрополита Вениамина посетил сотрудник комиссариата призерения Иловыйский и передал, что “с сегодняшнего дня Лавра переходит в ведение народа”. Он также

осмотрел помещения митрополита и признал их наиболее удобными для размещения богадельни. Прибывшие вместе с Иловыйским красногвардейцы, осматривая лаврские храмы, в собор входили в шапках, с ружьями. На замечания богомольцев, что здесь святыни, отвечали: “Для вас святыни, для нас не святыни”¹⁹.

Известие об этих событиях в Лавре глубоко взволновало духовенство и верующих столицы. Вечером 14 января состоялось многослюдное пастырско-мирянское собрание в зале «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» для обсуждения вопроса “о гонениях на Церковь”. Заслушав доклад о событиях 13 января в Лавре, собрание приняло “протест Совету народных комиссаров от православного русского народа”, в котором реквизиция синодальной типографии и попытка захвата Александро-Невской Лавры рассматривались как “начало открытых гонений на Православную Церковь и православную веру” [выделено мной. — А.К.]. Собрание также приняло резолюцию, в которой для “противления” начавшимся гонениям предусматривались следующие меры: “1) разъяснить всем православным не только в храмах, но и на рынках, площадях и везде, где можно, что Церковь Православная терпит открытое гонение; 2) проводить эту мысль между матросами и солдатами, среди которых есть еще любящие и чтущие Церковь; 3) составить и напечатать несколько тысяч протестов против отобрания церковного имущества и раздать их по приходам для подписи, сколько возможно большим количеством лиц, расклеить их снаружи храмов и на других местах...”²⁰

Настоятель Александро-Невской Лавры епископ Прокопий направил Собору донесение о событиях 13 января в его обители. Оно было заслушано на первом же после рождественских каникул соборном заседании. “То, что сообщили нам о Лавре, — говорил при обсуждении этого донесения член Собора князь Е.Н.Трубецкой, — не частное враждебное Церкви выступление, а проведение плана уничтожения самой возможности существования Церкви. Сейчас речь идет об упразднении одной обители, это только пробный шаг... Тут открытая война с Церковью, начатая не нами”²¹.

В середине января 1918 г. ситуация вокруг Православной Церкви продолжала обострять-

ся, чему способствовали несколько обстоятельств. Не дожидаясь принятия разрабатываемого проекта об отделении церкви от государства, власти решили принять ряд сопутствующих ему постановлений. Так, 14 января за подписью комиссара имущества республики Ю.Флаксермана было принято постановление об упразднении придворного духовенства, реквизиции имущества и помещений придворных церквей. В ведение Наркомата имущества были переданы не только храмовые сооружения и их имущества при бывшем царском дворе в Петрограде и его окрестностях, но и большая часть церквей Кремля в Москве²². Это вызвало недовольство Поместного Собора, считавшего Церковь законной собственницей отмененного достояния.

Вслед за постановлением от 14 января СНК принял решение о предоставлении наркоматам права закрытия церквей и при государственных учреждениях. Упразднение подсобных храмов задевало религиозные чувства многих верующих, так как их посещали не только служащие государственных учреждений, но и жители окрестных домов. Тяжбы вокруг закрытия церквей при государственных учреждениях, а также домовых церквей длились не один год²³. 16 января был принят декрет о ликвидации духовников в вооруженных силах страны²⁴.

Большую обеспокоенность среди духовенства и верующих вызвали лекции “о новых декретах о церкви”, с которыми в столице с 13 по 27 января выступал один из авторов декретов от 17 и 18 декабря 1917 г. о гражданском браке и гражданской метрикации, член комиссии Наркомюста по подготовке декрета об отделении церкви от государства И.А.Шпицберг. Церковная печать сообщала, что он — “крещеный еврей, ныне петроградский присяжный поверенный, был не так давно приглашен бывшим обер-прокурором В.Н.Львовым в состав комиссии при Синоде по пересмотру законов о разводе и даже присутствовал в заседаниях Синода”²⁵. С установлением советской власти Шпицберг из ревностного христианина обратился в неистового богоборца. Свои лекции он начинал с заявления, что “после упразднения одного идола — царя необходимо упразднить другого — Бога” и настаивал на необходимости “самых суровых и решительных мер против церкви и духовенства”²⁶. Лектор договорился до того, что, вероятно, в пылу запальчи-

вости сообщил аудитории следующее: “Предстоит издание декрета о том, что запрещается совершение таинства Причащения как колдовского действия, а затем, во-вторых, предстоит декрет о закрытии всех храмов... Будет запрещено богослужение и будут отобраны церковные сосуды как средства для колдовства; духовенство будет объявлено подозрительным по революции. Все духовные учреждения должны быть реквизированы”²⁷. Несмотря на абсурдность и грубо-кошунственный характер некоторых заявлений Шпицберга, первые антицерковные мероприятия власти убеждали верующих, что откровения Шпицберга — не пустые угрозы. М.Ф.Глаголев предложил Собору, основываясь на заявлении Шпицберга, сообщить во все приходы, что “готовится нашей Святой Церкви”²⁸.

Петроградские верующие были встревожены также угрозами Шпицберга в адрес митрополита Вениамина. Так, Шпицберг заявил, что за неприятие новых декретов о церкви владыка “будет выселен из Лавры и с 1 февраля лишен жалованья”²⁹. Многолюдное собрание духовенства и представителей приходов, состоявшееся 17 января в большом зале «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения» на Стремянной улице, заняло позицию по поводу угрозы выселения митрополита из Лавры — не допустить, чтобы “наш избранник скитался как нищий!”³⁰. Собрание приняло также резолюцию протеста “против похода на Александро-Невскую Лавру” и решило отправить в Москву к Патриарху особую делегацию, чтобы “...осведомить его о том положении, которое создается в Петрограде”. По предложению настоятеля Казанского собора протоиерея Ф.Н.Орнатского было принято решение 21 января, “в наступающее воскресенье из всех храмов столицы устроить крестные ходы к Александро-Невской Лавре”³¹.

Однако, ход подготовки к этому “всенародному молебствию” был нарушен новой акцией властей. Согласно сообщению церковной прессы, “19 января около часу дня в Александро-Невскую Лавру, по распоряжению комиссара призрения Коллонтай, прибыл отряд матросов и красногвардейцев во главе с комиссаром Иловайским. Последний прошел к митрополиту Вениамину, которому предъявил требование очистить митрополичьи покои... Затем комиссар в сопровождении красногвардейцев отправился в собрание духовного собора

Лавры, где... потребовал от наместника Лавры епископа Прокопия сдать ему все лаврское имущество: вещи, капиталы, помещения. Пресвященный Прокопий категорически отказался исполнить это требование. Тогда его объявили арестованным и отвели в келью..."³²

В это время с лаврской колокольни раздался набат. Оказалось, что находившиеся в лаврском дворе богомольцы, узнав о появлении красногвардейцев, по собственной инициативе бросились на колокольню и забили тревогу³³. К Лавре стали стекаться толпы народа, особенно много было женщин. Слышались крики: "Православные, спасайте церкви". К толпе вышел Иловайский, возле которого находились несколько матросов, вооруженных винтовками. Сам комиссар все время угрожал собравшимся револьвером, который держал наготове. Толпа обезоружила матросов и комиссара. Красногвардейцы же побросали оружие и разбежались.

Вскоре к группе Иловайского прибыла помощь — отряд вооруженных матросов и красногвардейцев с двумя пулеметами. Прибывшие поставили пулеметы на лаврском дворе и стали энергично выгонять оттуда богомольцев. "Было произведено несколько выстрелов... Находившийся в это время на лаврском дворе протоиерей Скорбященской церкви, что за Невской заставой, о. Петр Скипетров обратился к красногвардейцам с увещанием не расстреливать ни в чем не повинный народ, не производить насилий над народными святынями... Один из красногвардейцев выстрелил в о. протоиерея. Пуля попала в рот, раздробила челюсть и засела в шее. На другой день Скипетров скончался от полученных ран в городском лазарете, куда он был переведен вскоре после ранения"³⁴. Сразу же после убийства священника красногвардейцы сняли караул и увезли пулеметы³⁵.

Трагические события в Лавре явились первым ненасильственным противостоянием верующих антицерковной политике советской власти. По свидетельству наместника Лавры епископа Прокопия, "настроение народных масс было таково, что больших усилий стоило удержать их от сопротивления вооруженным насильникам"³⁶. Так, монахи спасли комиссара Иловайского от угрозы самосуда толпы и успокоили ее.

После случившегося 19 января многие молящиеся стали проводить круглые сутки в Лав-

ре, готовые, по их словам, "всегда встать на защиту поругаемых святынь". 20 января митрополита Вениамина посетила делегация от рабочих Стеклянного, Фарфорового заводов и Экспедиции заготовления государственных бумаг, которые просили разрешить им "участвовать в охране святынь Лавры"³⁷.

СНК опубликовал по поводу событий в Александро-Невской Лавре два официальных сообщения, извращавших происшедшее. В первом из них утверждалось, что большинство лаврских монахов готово на всякую совместную работу с Народным комиссариатом призрения, а упорствует, дескать, лишь один наместник епископ Прокопий, который "не сдает ни помещений, ни инвентаря". В этом же сообщении подробно говорилось о разоружении комиссара Иловайского как о "зверстве толпы, подстрекаемой монахами", но ни одним словом не упоминалось о том, что в монастыре были расставлены пулеметы и убит протоиерей П.Скипетров³⁸.

Во втором сообщении Совнаркома, специально посвященном убийству П.Скипетрова, — со слов какого-то архимандрита, не названного в этом официальном документе, — утверждалось, что красногвардеец, окруженный толпой возбужденно настроенного народа, убил священника после того, как последний ударил его посохом³⁹.

Раздражение в массах, вызванное попытками красногвардейцев захватить Лавру, было столь сильным, что власти были вынуждены временно приостановить свое наступление на столичную Церковь. Управляющий делами СНК В.Д.Бонч-Бруевич обратился к епископу Прокопию с просьбой успокоить богомольцев и заявил, что лаврская братия неправильно поняла декрет от 4 января — "в данном случае Совет Народных Комиссаров имел в виду распределение инвалидов по зданиям Лавры". "Действия комиссара Иловайского, — ответил владыка Прокопий, — способны не успокоить богомольцев, а наоборот, вызвать дальнейшие эксцессы. Что касается размещения инвалидов в зданиях Лавры, на это мы с самого начала возникновения инцидента готовы были пойти и предоставить свободные помещения в распоряжение комиссара призрения Коллонтай"⁴⁰.

Между тем, в воскресенье 21 января с 11 часов утра около двухсот отдельных процессий из различных церквей города и окрестностей начали свой путь к Александро-Невской Лав-

ре, сливаясь в один крестный ход. К ним присоединились тысячи верующих, и людской поток в стройном порядке, с церковными песнопениями устремился к одному пункту. По сообщению церковной печати, “чутко откликнулись на призыв участвовать в крестном ходе окраины, в массе заселенные рабочим людом”. Один из корреспондентов определил количество участников крестного хода “до полмиллиона”⁴¹. Во всяком случае, их было несколько сот тысяч. Настроения участников крестного хода, охваченных чувством высокого религиозного энтузиазма, передавались прохожим на улицах. Многие из них становились на колени на мокрый снег и клали земные поклоны.

В начале третьего часа крестный ход во главе с митрополитом Вениамином начал двигаться от Лавры по Невскому проспекту к Казанскому собору, вся площадь перед которым оказалась запруженной массами народа. Здесь, после краткого молебна, владыка Вениамин обратился к собравшимся со словами: “Несмотря на тяжелые, очень тяжелые обстоятельства, мы не должны падать духом. Вспомним протоиерея П.Скипетрова... Вот пример для всех, как надо защищать веру православную, храмы святые, своих архипастырей и пастырей”⁴².

Грандиозный крестный ход явился не только “всенародным молением” за гонимую Церковь, но и демонстрацией поддержки ее со стороны широких масс в трудное время испытаний.

События в Петрограде 13—21 января имели важные последствия для государственно-церковных отношений в целом. Перед духовенством и верующими со всей остротой встала проблема “защиты православных святынь от всякого кощунственного покушения на них, откуда бы оно ни исходило”. Как реакция на попытки властей захватить Александро-Невскую Лавру, сначала в столице, а затем и в других городах и местностях возникли союзы и братства защиты Церкви в основном из мирян. Важной их целью являлось недопущение закрытия храмов и монастырей и конфискации их имущества советской властью. Следует отметить, что задачи возникших до января 1918 г. православных братств, согласно их уставам, ограничивались “взаимным единением и просвещением в духе веры и любви Христовой”, а также душепопечительской деятельностью. Например, образованное 15 октября

1917 г. в г.Веневе Тульской губернии Введенское братство организовало “внебогослужбные и нравоучительные собеседования”, сопровождавшиеся общенародным пением, а также оборудовало братскую библиотеку-читальню⁴³.

После крестного хода в Лавру столичное духовенство обратилось к своим прихожанам с призывом организовать “специальные духовные приходские союзы для защиты православных святынь”. Согласно описанию корреспондента «Церковных Ведомостей», “прихожане, в особенности женщины, горячо отнеслись к этому призыву духовенства и целыми семьями стали записываться в ряды... защитников”⁴⁴. К февралю 1918 г. в духовные союзы для защиты церковных святынь, по данным большевистской «Петроградской газеты», записалось 57 тысяч прихожан⁴⁵. По другим оценкам, их количество составляло 60—70 тысяч человек⁴⁶.

События 13—21 января 1918 г. в Петрограде были внимательно проанализированы и учтены Собором и Патриархом при выработке официальной позиции Церкви в связи с религиозной политикой советской власти. Уже вечером 21 января к Патриарху Тихону выехала петроградская делегация “в числе семи человек, среди которых помимо духовенства были церковный староста, рабочий и матрос”. 22 января, по прибытии в Москву, депутаты были приняты Патриархом, который заявил, что “краткие сведения о петроградских событиях он почерпнул из газет еще до прибытия делегатов и, узнав о намерении власти взять Александро-Невскую Лавру, хотел было по своему почину приехать в Петроград”⁴⁷.

Делегация в течение полутора часов беседы проинформировала первосвятителя о январских гонениях на столичную Церковь и высказала основное желание ее православных прихожан — “чтобы митрополит Вениамин был восстановлен в звании настоятеля Александро-Невской Лавры и ее священноархимандрита”⁴⁸. Еще во время попыток красновардейцев захватить Александро-Невскую обитель и выселить оттуда владыку верующий народ “с недоумением узнал, что митрополит Вениамин настоятелем Лавры не оставлен”⁴⁹. Это недоумение было вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, традиционно, с 1742 г., все правящие архиереи столичной епархии — предшественники владыки Вениа-

мина — состояли священноархимандритами Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря⁵⁰.

Во-вторых, митрополит Вениамин пользовался особым уважением и любовью среди широких масс верующих. После увольнения на покой митрополита Питирима (Окнова) 6 марта 1917 г. епископ Вениамин вступил во временное управление епархией, а 24 марта «свободным голосованием клира и мирян Петроградской епархии» был избран ее правящим архиереем в сане архиепископа. 13 августа Синод возвел архиепископа Вениамина в сан митрополита⁵¹. Петроградское население знало его доброту и сердечность: митрополит в простой монашеской одежде нередко спешил на окраины города крестить ребенка, напутствовать умирающего. Приемная его всегда была полна народа, и евангельски простой и возвышенный 44-летний пастырь старался каждого выслушать, понять и утешить⁵².

Репутация владыки как «кроткого, но твердого архипастыря» еще больше упрочилась после событий 13—21 января. Характеризуя поведение митрополита и отклик на него верующих в те дни, протоиерей Ф.Н.Орнатский говорил членам Собора: «Он всегда с народом. Трогательно слышать, когда народ называет его «голубчик, наш избраннык». Народ любит его»⁵³.

Вопрос о восстановлении митрополита Вениамина в правах настоятеля Александро-Невской Лавры, поставленный петроградской делегацией перед церковным руководством, рассматривался на заседании Собора 24 января. Тогда же Собор вынес постановление «о возвращении Александро-Невской Лавры Петроградскому митрополиту с присвоением ему звания священноархимандрита оной»⁵⁴. Следует отметить, что такое решение в обстоятельствах, когда власти делали попытки выселить владыку Вениамина из монастыря, имело и явный политический аспект, подчеркивая неприятие высшим церковным руководством постановления советского правительства о дальнейшей судьбе Александро-Невской обители.

Январские события 1918 г. в Петрограде в значительной степени способствовали оформлению и выражению официальной позиции высшего церковного руководства в отношении религиозной политики советской власти. 19 января, в самый разгар гонений на Петроградскую Церковь, Патриарх Тихон выпустил свое

известное послание, названное атеистически настроенными отечественными исследователями «анафемой большевикам и советской власти»⁵⁵. Пытаясь снять такое толкование указанного документа, канадский историк Д.В.Поспеловский утверждает, что в нем «нет ни слова ни о большевиках, ни о советской власти, речь идет о «безумцах», чинящих «ужасные и зверские избиения ни в чем не повинных... людей». Собор отлучает здесь от Церкви всех, кто терроризировал население»⁵⁶.

Несмотря на то, что большевики в послании действительно не названы, суровому осуждению Патриарха были впервые подвергнуты, главным образом, конкретные шаги церковной политики советской власти. «Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову, — указывал первосвятитель, — благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению через расстрел орудий смертоносных — святые соборы Кремля Московского, или ограблению и кощунственному оскорблению..., чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская Лавра) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего [т.е. советской властью. — А.К.] и объявляются как-им-то народным достоянием, школы, сохранившиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия или даже в рассадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это — народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с волей самого народа»⁵⁷. Таким образом, текст послания ясно указывает, каких христиан или хотя бы «по рождению своему» принадлежавших к Церкви Патриарх предал анафеме, т.е. отлучил от нее⁵⁸. Первосвятитель также призвал прихожан «не вступать с извергами рода человеческого в какое-либо общение»⁵⁹.

Важно отметить, что ряд участников Собора, некоторые круги верующих и та часть населения, которая была настроена враждебно по отношению к советской власти, восприняли послание 19 января как «анафему большевикам, изреченную Патриархом Тихоном». Вы-

ступая на заседании Собора 22 января, протоиерей Н.В.Цветков предложил именно так рассматривать “кого же анафемствует святейший Патриарх”. Второе его предложение заключалось в том, чтобы “самый большевизм назвать сатанизмом или антихристианством”⁶⁰. Выступление Н.В.Цветкова было горячо поддержано священником В.И.Востоковым⁶¹. Известный писатель и поэт Д.Мережковский, отражая настроения значительной части русской интеллигенции, следующим образом оценивал патриаршее послание: “О, конечно, Ленин и Троцкий анафемы не испугаются, но еще вопрос, как отнесутся миллионы малых сих к утверждению всецерковному, всенародному, что большевики анафемы, люди вечным проклятием проклятые, слуги дьявола”⁶².

Патриаршее послание 19 января официально провозглашало начало противостояния Церкви политике советской власти в религиозной области. Однако, это противостояние было защитной реакцией на наступление государства и насилия над Церковью. Верующих послание призывало встать на защиту Церкви, но не при помощи оружия, а покаянием, уповать на “силу своего святого воодушевления”. Таким образом, вопреки устоявшемуся в советской атеистической литературе мнению, указанное послание не может рассматриваться доказательством априорной враждебности Православной Церкви к новому государству.

20 января Синод поручил “православному духовенству прочитать патриаршее послание во всех приходских, монастырских и других церквах по получении номера «Церковных Ведомостей», где будет напечатано это послание, в воскресный или праздничный день после Божественной Литургии”⁶³. В Петрограде послание Патриарха было размножено и роздано по церквам уже вечером 20 января⁶⁴. На следующий день во время многотысячного крестного хода “лаврский протодьякон громовым голосом прочел воззвание с анафематствованием, после чего митрополит совершил молебен об умиротворении и спасении богохранимой державы Российской”⁶⁵.

Послание 19 января 1918 г. способствовало пробуждению среди рядового клира активности, направленной на духовное противостояние убийствам и надругательствам как над отдельными людьми, так и над Церковью и ее служителями. В тех условиях многие священнослужители видели свою основную задачу в

том, чтобы “христианизировать в духе Православной Церкви наше общество”. Подчеркнув всю масштабность и трудность такой задачи, протоиерей Иоанн Янсон писал в «Церковных Ведомостях», что “одними проповедями этого сделать невозможно. Нужно энергично действовать и печатным словом. Поэтому необходимо по всем монастырям и приходам, где только возможно заводить хотя бы самые простые печатные машины, чтобы на них можно было изготовлять сотни тысяч и миллионы поучительных листов... Одно только духовное слово устное и печатное, может теперь спасти нашу страдалицу–Родину... Обновим же мы нравственно общество, явим силу, свет и любовь Божию”⁶⁶.

Итак, сложившаяся к концу января 1918 г. ситуация требовала от советского руководства глубокого понимания и учета особенностей Православной Церкви, исторически сложившихся государственно–церковных отношений, а также особой осторожности и терпимости при проведении реформы в этой сфере. Однако, вместо этого власти решительно продолжили курс на конфронтацию с Церковью. 20 января был опубликован приказ народного комиссара государственного призрения А.Коллонтай, в котором говорилось: “Выдачу средств на содержание церквей, часовен и совершение религиозных обрядов прекратить, выдачу же содержания священнослужителям и законоучителям прекратить с 1 марта сего года...”⁶⁷ Этим распоряжением содержание Церкви всецело предоставлялось верующим в частном порядке.

20 января СНК был принят и впервые опубликован на следующий день в газете «Известия» декрет, вошедший в дальнейшие официальные издания под названием «Декрет 23 января об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁶⁸. Этот декрет, провозгласивший отделение церкви от государства и национализацию церковного имущества, поставил Русскую Православную Церковь в жесткие рамки всяких запретов и ограничений. Отныне она теряла юридическое лицо, лишалась собственности и права приобретать ее⁶⁹.

Исходные идеи отношения нового государства к конфессиям были обстоятельно изложены в статье «Советская политика в религиозном вопросе», написанной членом комиссии “для составления текста декрета о свободе совести, церкви и религиозных организациях”

П.А.Красиковым, руководившим с мая 1918 г. осуществлением церковной политики советской власти. В этой статье церковная организация (имелась в виду, главным образом, Православная Церковь) рассматривалась как часть старого государственного аппарата классового господства помещиков и капиталистов, как орудие управления и господства эксплуататорских классов над трудящимися классами. В соответствии с таким политизированным, односторонне-упрощенным, а следовательно, искаженным взглядом на Православную Церковь, ее место и историческую роль в российском государстве и обществе основные задачи «советской политики в религиозном вопросе» на том этапе состояли в том, чтобы «разбить старую церковную государственную машину» и «уменьшить удельный вес церковников как проводников крепостнических и буржуазных тенденций и влияний на массы»⁷⁰. Принятые советским правительством постановления и декреты в отношении церкви П.А.Красиков оценивал как начало реализации указанных задач.

Декреты советской власти были направлены на фактическую отмену Церкви как иерархической организации и предусматривали только существование верующих граждан, которым предоставлялось право «на отправление культа» — заключение договора с местными властями на предмет найма помещения для богослужений и приглашения священнослужителей для исполнения религиозных треб. По этому поводу П.А.Красиков писал о том, что можно «в силу объективных условий оставить за церковниками лишь ту специальность, на которую еще есть спрос у обывательской массы, особенно у стариков и старух»⁷¹, т.е. речь шла только о свободе совершения религиозных обрядов.

Итак, первые декреты советской власти обрывали любые связи Церкви и государства и не предусматривали создание новых, поскольку считалось, что при социализме религии быть не должно. Однако, провозгласив свободу вероисповеданий, советская власть, таким образом, признала право на существование церкви, так как первое невозможно без второго. Следует отметить и то, что власть декларативно отвергла прямую борьбу с церковью и заявила о своем невмешательстве во внутрицерковную жизнь.

Оппозиционная режиму печать выступила

с резкой и аргументированной критикой декретов советской власти в отношении религии и церкви, отмечая их поспешность и несвоевременность, а также несогласованность друг с другом некоторых положений. «Акт об отделении церкви от государства, — писала кадетская газета «Наш Век», — составлен по упрощенной системе, схематически, в виде нескольких тезисов, спешно выхваченных из программ. Как бы не относиться к идее отделения церкви от государства, во всяком случае, эта реформа чрезвычайно глубокая, затрагивающая именно ту область, в которой законодательство должно подойти с особой осторожностью и бережностью. Декрет не обладает этими свойствами»⁷².

Наиболее отрицательную реакцию декрет 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви вызвал среди духовенства и верующих. Уже 25 января Поместный Собор принял постановление, в котором ему была дана следующая оценка: «1. Изданный советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собой, под видом закона о совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения. 2. Всякое участие как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви...»⁷³ Высшее церковное руководство призвало священнослужителей и мирян, по существу, к бойкоту декрета об отделении Церкви от государства. Тогда же были выработаны — с учетом накопленного, главным образом, в Петроградской епархии опыта противостояния гонениям — формы протеста против этого декрета. Так, член Собора Н.Н.Медведков предложил «устраивать внушительные манифестации, называемые на церковном языке крестными ходами». С этой целью необходимо, чтобы «епископатом был выработан проект устройства повсеместных крестных ходов в городах губернских и уездных и густо населенных местностях. В сельских приходах это неосуществимо. Приурочивать крестные ходы нужно к праздничным дням и устраивать их по образцу Петроградского... Нужно, чтобы в них принимали участие и рабочие заводов и фабрик»⁷⁴.

Вслед за Петроградом в конце января —

первой половине февраля 1918 г. в ряде городов — Москве, Владимире, Вятке, Нижнем Новгороде, Одессе, Орле, Саратове и др. состоялись многолюдные крестные ходы⁷⁵. Расстрел некоторых из них означал начало первой планомерной волны террора против Церкви и верующих. По сообщению «Церковных Ведомостей», 15 февраля 1918 г. были расстреляны — крестный ход в Туле (ранен епископ Корнилий и много других лиц, убито 13 человек, в том числе 2 рабочих Оружейного завода) и в Харькове толпа верующих, собравшихся для проведения крестного хода в связи с декретом 23 января 1918 г. и гонениями на Церковь. В Омске и Шацке Тамбовской губернии крестные ходы подверглись обстрелу со стороны красногвардейцев⁷⁶. 22 февраля 1918 г. была расстреляна толпа верующих при реквизиции Белогорского подворья в Пермской губернии⁷⁷.

В принятом на заседании Собора 22 января определении «о мерах против захватов насильниками церквей, церковных и монастырских имуществ» предусматривалось, в частности, «немедленно организовать православные братства при приходских храмах и монастырях из окрестных жителей, преданных св. Церкви, для охраны церковного и монастырского имущества», а также «вменить в обязанность приходскому и монастырскому духовенству в проповедях с амвона призывать народ к покаянию и молитве, выясняя смысл текущих событий с христианской точки зрения»⁷⁸.

Руководствуясь этим определением, собрание представителей приходских советов Москвы, состоявшееся 30 января в епархиальном доме, приняло решение, что «приходы Москвы образуют один союз, во главе которого будет постоянно действующий союзный совет», одной из основных задач последнего должна явиться «охрана прав православного прихода и храмов». 31 января на первом собрании союзного совета приходских советов Москвы под председательством А.Д. Самарина были выработаны следующие меры «в защиту храмов на случай попыток к их захвату большевиками»: «настоятель храма при нападении большевиков заявить, что храм представляет собственность прихода и что он не отдаст его, пока все прихожане не явятся и не засвидетельствуют, что они не хотят отдавать свою святыню. Если нападение совершится неожиданно, то настоятель обязан созвать прихожан ударами в набат...» Совет решил также «пред-

ложить прихожанам московских приходов подписывать протест против декрета об отделении Церкви от государства и представить его в Смольный на вид комиссарам как ясный голос православного населения Москвы против захвата церковных имуществ и, вообще, против гонения на Церковь»⁷⁹. Подобные решения принимали многие православные общества и братства, образовавшиеся почти повсеместно в епархиях РПЦ в конце января — феврале 1918 г.

Итак, в первые месяцы 1918 г. Православная Церковь прибегла к трем формам протеста: публичному осуждению действий власти, направленных на подрыв основ церковного устройства, к крестным ходам и организации особых братств и обществ защиты против насилия и развращавшихся гонений.

Первые же попытки советской власти осуществить декрет об отделении церкви от государства вызвали противодействие масс верующих. В Ярославле, по сообщению церковной печати, «попытка завладеть церковным достоянием вызвала грозное народное движение, так что власть вынуждена была объявить военное положение. Много убитых и раненых»⁸⁰. В Самаре «местный совет постановил предавать суду революционного трибунала священников за противодействие декрету...»⁸¹

Жесткая позиция, занятая советским руководством в отношении РПЦ, и ответная реакция на нее высшего церковного руководства, а также значительной части рядового клира и верующих, сделали неизбежным конфликт между Церковью и государством. Чтобы хотя бы смягчить его, были необходимы широкая разъяснительная работа, исключавшая оскорбление чувств верующих, и особый подготовительный период для осуществления реформ в государственно-церковных отношениях. Однако, этому пути проведения церковной политики новая власть предпочла иной, с опорой на силовые методы.

Таким образом, основным итогом церковной политики первых месяцев после установления советской власти было углубление начавшегося раскола общества на верующих и неверующих с их противопоставлением друг другу, а также перевод атеистической властью идейного противостояния с Церковью в область политической борьбы с применением репрессивных мер.

Примечания

- ¹ См.: Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958; Красников Н.П. Великая Октябрьская социалистическая революция и провозглашение свободы совести // По этапам развития атеизма в СССР. М.; Л., 1967; Иванов А. Социализм и свобода совести. М., 1972; Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917—1921 гг.). М., 1975.
- ² См.: Красиков П.А. На церковном фронте. 1918—1923. М., 1923; Бляхин П. За сколько сребренников попы и монахи продали свой народ? Казань, 1921; Брихничев И. Патриарх Тихон и его церковь. М., 1923; Бляхин П. Крест и пулемет. М., 1928; Кандидов Б.П. Религиозная контрреволюция 1918—1920 гг. и интервенция: Очерки и материалы. М., 1930; Ярославский Ем. Борьба с религией в первые годы Октябрьской революции // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917—1932 гг. М., 1932; Кагорницкий А. Церковь в борьбе с социалистическим строительством. М., 1939.
- ³ См.: Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви. Казань, 1970. С.18—19.
- ⁴ См.: Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других Советских Социалистических Республик. М., 1926. С.615—617.
- ⁵ См.: Там же.
- ⁶ См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С.28; Плаксин Р.Ю. Тихоновщина и ее крах. Л., 1987. С.60.
- ⁷ См.: Дело Народа. 1917. 31 декабря.
- ⁸ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С.204.
- ⁹ См.: Там же. 1918. № 1. С.25.
- ¹⁰ См.: Там же. С.40.
- ¹¹ См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. VI. Вып.1. М., 1918. С.30 (далее — Деяния...).
- ¹² См.: Там же. С.31.
- ¹³ Там же. С.30.
- ¹⁴ См.: Алексеев В.А. Указ. соч. С.46.
- ¹⁵ Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.30.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Алексеев В.А. Указ. соч. С.30.
- ¹⁸ Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.58.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 1. С.27.
- ²¹ Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.10—11.
- ²² См.: Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов... С.615—617.
- ²³ См. об этом подробно: Алексеев В.А. Указ. соч. С.36—38.
- ²⁴ См.: Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов... С.616.
- ²⁵ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С.206.
- ²⁶ Там же. С.205.
- ²⁷ Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.34.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С.205.
- ³⁰ Там же. 1918. № 2. С.97.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С.82.
- ³³ Возможность применения набатного звона в подобной ситуации обсуждалась на собрании духовенства и представителей приходов 17 января. На вопрос митрополита Вениамина, что делать, если прикажут уходить из Лавры, «одна женщина посоветовала: «Нужно ударить в набат в лаврской и других церквях, и мы побежим защищать митрополита»» (Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.58).

- 34 Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С.83. В настоящее время Московской Патриархией готовится канонизация П.Скипетрова как “новомученика Российского”. Следует отметить и то, что он открыл синодик петроградских мучеников, т.к. “первомучеником российского духовенства” стал протоиерей Иоанн Кочуров, растерзанный толпой матросов и канонизированный Архиерейским Собором Русской Православной Церкви, состоявшимся в ноябре—декабре 1994 г.
- 35 См.: Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.59.
- 36 Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С.83.
- 37 Там же. С.83—84.
- 38 См.: Там же. С.84.
- 39 См.: Там же. С.85; Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.58. В исследованиях церковных историков обстоятельства гибели П.Скипетрова излагаются недостоверно (см. напр.: Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские. Первое собрание материалов. Джорданвилль, 1949. Ч.1. С.184; Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С.240).
- 40 Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С.84.
- 41 Там же. С.85.
- 42 Там же. С.87.
- 43 См.: Там же. С.105.
- 44 Там же. 1918. № 5. С.202—203.
- 45 См.: Там же. С.202.
- 46 См.: Поспеловский Д. Подвиг веры в атеистическом государстве // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991. С.69.
- 47 Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С.200—201.
- 48 Там же. С.200.
- 49 Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.54.
- 50 См.: Бовкало А.А., Галкин А.К. Правящие архиереи Санкт-Петербургской—Петроградской епархии: Хронологический список // Христианское чтение. 1991. № 2. С.58.
- 51 А.Б., А.Г. Митрополит Вениамин (Казанский): Краткая биография // Христианское чтение. 1991. № 6. С.7.
- 52 См.: “Дело” митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991. С.7.
- 53 Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.60.
- 54 Там же. С.55—56. С разъяснением, при каких обстоятельствах “митрополит Петроградский сделался жильцом и, до известной степени, гостем Александро-Невской Лавры” выступил архиепископ Тверской Серафим (Чичагов). После увольнения митрополита Питирима “в Лавре были замечены такие растраты денег и такие неурядки, которые заставили Св. Синод обратить внимание на ее положение... Создалось убеждение, что начальником Лавры не может быть епархиальный архиерей, потому что он занят епархиальными делами; кроме того, митрополит Петроградский состоит и членом Св. Синода... В виду этого постановлено было поставить во главе Лавры особого настоятеля и изъять ее из ведения местного митрополита” (Там же. С.54).
- 55 См. напр.: Шишкин А.А. Указ. соч. С.24—25.
- 56 Поспеловский Д. Русская православная церковь: испытания начала века // Вопросы истории. 1993. № 1. С.51. Исследователь допускает в этой статье неточность, называя послание 19 января соборным, хотя ему как крупнейшему специалисту по истории РПЦ новейшего периода известно, что указанное воззвание с анафематствованием Патриарх выпустил между сессиями Собора, чтобы взять ответственность на себя, не перекладывая ее на духовенство и мирян, составлявших соборную полноту (Поспеловский Д. Лекции по истории Русской Православной Церкви, читанные в мае 1990 г. в Ленинградской духовной академии. Машинопись. С.68—69).
- 57 Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.4—5.
- 58 Анафема — отлучение в древней христианской Церкви отвергающих или извращающих коренные истины веры, исключение из общества верующих, удаление от общения с верующими (Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Т.1. Репринт. изд. С.155).
- 59 Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.4—5.
- 60 См.: Там же. С.39—40.
- 61 См.: Там же. С.43.
- 62 Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 3—4. С.156.

- 63 Там же. 1918. № 2. С.12. В этом же номере, вышедшем 20 января, послание было напечатано (Там же. С.11—12).
- 64 Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.56.
- 65 Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918 . № 2. С.87.
- 66 Там же. 1918. № 5. С.192.
- 67 Цит. по: Персиц М.М. Указ. соч. С.103.
- 68 См.: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. Париж: ИМКА-Пресс, 1977. С.227.
- 69 См. об этом подробно: Персиц М.М. Указ. соч. С.98—109.
- 70 См.: Красиков П.А. Советская политика в религиозном вопросе // Революция и церковь. 1919. № 1. С.1—2.
- 71 Там же. С.5.
- 72 Наш Век. 1918. 21 января.
- 73 Церковные Ведомости. 1918. № 3—4. С.21.
- 74 Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.77.
- 75 См.: Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С.208—209.
- 76 См.: Там же. С.209; Там же. 1918. № 13—14. С.469.
- 77 Регельсон Л. Указ. соч. С.231.
- 78 Деяния... Кн.VI. Вып.1. С.37.
- 79 Московские церковные ведомости. 1918. № 3. С.5—6.
- 80 Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С.207.
- 81 Дело Народа. 1918. 30 января.

Разведка и контрразведка Белого Юга (1917—1920 гг.)*

Данная статья посвящена разведке и контрразведке Юга России — пожалуй, главному полю битвы той войны, региона, где белая администрация существовала в наиболее “классической форме”. В сфере моего внимания — прежде всего структура и организация деятельности этих учреждений, их роль в военно-политической системе белой диктатуры в период с конца 1917 по начало 1920 г.

Российская империя не имела единой системы органов разведки и контрразведки. Поражение в войне с Японией 1904—1905 гг. привело к некоторым позитивным переменам: были учреждены Особое делопроизводство при Главном управлении Генерального Штаба — для контроля за вербовкой и деятельностью секретных агентов, Статистическое делопроизводство — для систематизации агентурной информации. Были предприняты попытки координации контрразведывательной деятельности штабов военных округов и губернских жандармских управлений. Во время Первой мировой войны возникли контрразведывательные отделения в составе особых частей Ставки Главковерха, фронтовых и армейских штабов. Русская контрразведка имела немало успехов в раскрытии вражеской агентуры, как, впрочем, и в распространении “шпиономании”, особенно в столичных городах и прифронтовых районах¹.

Как известно, вскоре после взятия большевиками власти в Петрограде была захвачена и Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве. Начинаясь на Юге России антибольшевистское движение вынуждено было формировать свои разведывательные и контр-

разведывательные органы заново, без какой-либо формальной преемственности с ранее существовавшей системой. Правда, в Добровольческой армии было два бывших Главковерха — генералы М.В.Алексеев и Л.Г.Корнилов, имелись талантливые генштабисты и полевые командиры, сумевшие наладить армейскую секретную службу. Еще до Октябрьского переворота генерал Алексеев сформировал в Петрограде несколько тайных офицерских организаций. Перебравшись на Юг, они стали как бы зародышем аппарата будущей Добровольческой Армии².

Почти за весь первый год существования Добровольческой Армии в ней не было какого-либо формального разделения функций разведки и контрразведки. И та, и другая имели одни и те же задачи: вербовка в Армию на добровольческой основе, получение надежной информации о политических и военных событиях в стране, поддержание контактов с представителями стран Антанты в России и, конечно же, раскрытие стратегических и тактических планов красного военного командования. На практике, впрочем, названные функции часто проводились в жизнь одними и теми же людьми. Многие авторитетные и способные к секретной деятельности офицеры и генералы командировались в различные города и местности страны, посылались, как правило, на свой страх и риск, без какой-либо помощи и поддержки со стороны Армии. Поэтому результаты их работы в большей степени определялись волей случая, чем их личными качествами³.

В организации разведки и контрразведки

* Автор глубоко благодарен Кеннановскому институту углубленных русских исследований (Вашингтон), Программе международной безопасности Йельского Университета, Программе Титул VIII Государственного департамента США И Гуверовскому институту войны, революции и мира за оказанную помощь в проведении работы, частью которой является и данная публикация.

в 1918—1919 гг. большую роль сыграла сеть местных центров Добровольческой Армии. 21 мая 1918 г. генерал Алексеев утвердил проект создания Политических центров в главных городах России. Проект приказа был представлен генералом Штенгелем с целью пропаганды лозунгов Добровольческой Армии, привлечения в нее (а не в иные антибольшевистские военные формирования) новых офицеров и солдат, оставшихся не у дел после демобилизации старой армии, а также с целью организации разведки и контрразведки. Сам генерал Штенгель возглавил Таганрогский Центр, территория коего простиралась от Таганрога до Бердянска. Он опирался на Союз военных инвалидов и Общество взаимного кредита с 54 местными отделениями. Центр был связан с различными политическими партиями и группами, достиг немалых успехов в сборе средств для Добровольческой армии. Дважды в месяц отчеты Таганрогского Центра направлялись в Особую часть Штаба Армии, в которой тогда было сосредоточено руководство контрразведкой⁴. Вскоре аналогичные по своей сути Центры организовываются в Харькове, Киеве, Одессе, Екатеринославе, Чернигове, Полтаве, Николаеве, Херсоне, Могилеве, Кисловодске, Тифлисе, Сухуми, а также в Крыму и Сибири. Почти все они возникли на базе тайных офицерских организаций, многие из коих и ранее поддерживали связи со Штабом Добровольческой Армии. Мы располагаем сведениями о 26 руководителях этих Центров. Среди них 3 полных генерала, 6 генерал-лейтенантов, 1 вице-адмирал, 12 генерал-майоров и 14 полковников Генерального Штаба, в том числе Бредов-старший, Ненюков, Ломновский, Шиллинг, Штейфон, Боде, Агапеев, Лебедев, Флуг, фон Лампе⁵.

Любопытно, что формальный приказ и положение о сети Центров Добровольческой Армии были подписаны лишь 10 октября 1918 г. Приказ утверждал штаты Центров, включая должности начальников контрразведки и агентов. Начальники Центров являлись официальными представителями Главнокомандующего в соответствующих районах. Отметим, что весной 1918 г. все доклады Центров направлялись только непосредственно начальнику Штаба, позднее же — так же в Военно-Политический отдел, Политическую канцелярию Особого Сопровождающего, Разведывательное отделение и Особую часть Штаба Главнокомандующего Добровольческой Армии⁶.

Киевский Центр с весны 1918 по осень 1919 г. действовал в самых разнообразных ус-

ловиях: во время гетманства Скоропадского и германской оккупации, под властью Директории и при большевиках. Причем в последние недели правления Скоропадского он даже был легализован. Политический отдел Центра был организован на базе шульгинской «Азбуки», так что Генерального Штаба полковник В.П.Барцевич, начальник отделения «Азбуки» в Киеве, стал и начальником Киевского Центра.

Именно Киевский Центр стал инициатором создания Национального Объединения, куда вошли по персональному принципу антибольшевистские политические деятели от меньшевиков-оборонцев до октябристов и националистов. Наряду с этим, Центр, придерживаясь строгой конспирации, занимался разведывательной деятельностью. Его агенты занимали ответственные посты в различных советских административных и военных учреждениях, имели доступ к строго секретным документам и умело саботировали политику Советской власти. Кроме того, Киевский Центр пытался, правда без особого успеха, координировать и поддерживать другие Центры Добровольческой армии на территории Малороссии. Нельзя не отметить, что Киевский Центр так и не смог наладить постоянную, быструю и прямую связь с командованием Добровольческой Армии и ВСЮР, находившемся в Екатеринодаре, а затем в Таганроге⁷. Некоторым агентам Центра удалось, правда, подняться на весьма высокие посты в Красной Армии и сыграть значительную роль в ее ослаблении⁸.

Организация разведывательной и контрразведывательной деятельности Белого Юга складывалась постепенно, в зависимости от конкретной военно-политической ситуации. Спецслужбами занимались соответствующие структуры военных штабов: отделы, отделения, части — в зависимости от уровня вооруженных формирований. Во главе разведки находилось Разведывательное Отделение Штаба Главнокомандующего Добровольческой Армии (затем — Вооруженных Сил на Юге России). В соответствии с официальными инструкциями оно занималось выявлением и анализом информации о предполагаемых военных операциях противника, военном и политическом руководстве, настроениях различных групп населения⁹.

В первые месяцы существования Добровольческой Армии отсутствовали специальные

структуры, ведавшие контрразведкой — ее, как и разведку, осуществляло Разведывательное Отделение Штаба. Реорганизация Армии после Первого Кубанского похода весной 1918 г., образование и расширение территории, контролируемой добровольческим командованием (в результате Второго Кубанского похода, а также крупных успехов на Северном Кавказе) привели к необходимости укрепления военно-административной системы с целью противодействия большевистской диктатуре. В этих условиях именно контрразведка должна была получать необходимую информацию о прямых и косвенных противниках власти, раскрывать заговоры и, в конце концов, способствовать политической стабилизации. В результате военная контрразведка, которая ранее боролась с внешним врагом, приобрела полицейский характер, оставшись между тем частью военного аппарата, но уже с широкими государственными функциями — по сути дела, военной диктатуры.

В начале Второго Кубанского похода был организован также Военно-политический отдел Добровольческой Армии. Он был независим от Штаба Армии и подчинялся непосредственно генералу Алексееву. Как известно, в соответствии с подписанным соглашением последний отвечал за политические, гражданские и финансовые дела, а генералу Деникину, находившемуся со своим штабом на фронте, было полностью отдано военное командование. В реальной жизни, однако, Военно-политический отдел во главе с Генеральным Штабом полковником Я.М.Лисовым постоянно вмешивался в сферу Штаба Армии, запрашивая секретную информацию от местных Центров и иных учреждений с контрразведывательными функциями¹⁰. Лишь после образования Особого совещания и смерти генерала Алексеева Военно-политический отдел был расформирован, а его функции распределены между Штабом Главнокомандующего и соответствующими структурами Особого совещания. Тогда же было учреждено и Контрразведывательное Отделение. Как и ранее (в условиях Первой мировой войны) руководство контрразведкой было сосредоточено в Управлении Генерал-квартирмейстера Штаба Главнокомандующего, а на местах — в аппаратах штабов и обер-квартирмейстеров¹¹.

Правление генерала Деникина представляло собой разновидность военной диктатуры

снизу доверху. Казалось бы эта система должна была способствовать консолидации и упрощению государственного аппарата, но на деле она лишь привела к невообразимому хаосу, росту бюрократии и непрестанному соперничеству между чиновниками различных ведомств¹². И это особенно ярко видно на примере управления разведкой и контрразведкой.

Как отмечалось выше, имелись Разведывательное Отделение Штаба Главнокомандующего и Контрразведывательное отделение Управления Генерал-квартирмейстера Штаба (с соответствующими структурами в нижестоящих военных штабах). Однако работу контрразведывательного и разведывательного характера осуществляли и многие другие учреждения.

Так, весьма широки были функции ОСВАГа — Осведомительного агентства при Дипломатическом отделе Особого совещания (с февраля 1919 г. — Отдела пропаганды), имевшего весьма разветвленную сеть местных органов со штабом более 10 тыс. сотрудников¹³. В ОСВАГе имелось секретное отделение или бюро секретной информации. Его сотрудники собирали крайне конфиденциальные сведения о различных партиях и организациях, общественной и личной жизни их руководителей, а также высоких гражданских и военных чинов, пытались не только анализировать текущие события и прогнозировать их развитие¹⁴.

Особая часть Штаба Главнокомандующего занималась некоторыми аспектами военной пропаганды, в частности информацией об освобождаемых от красных территориях, дезинформацией красного командования, подготовкой сводок военных новостей для передачи в прессу¹⁵. Общее же руководство разведкой и контрразведкой вне зоны военных действий вела Часть (затем — Отдел) Генерального Штаба Военного и Морского Управления при Главнокомандующем. В марте 1919 г. данное Управление было разделено на Военное и Морское с сохранением за обоими «руководящих» функций¹⁶.

Работа контрразведки также пересекалась (а порой и вступала в противоречие!) с органами Государственной стражи Управления внутренних дел при Главнокомандующем. В сентябре 1919 г. 20 бригад Государственной стражи насчитывали 77 393 чиновников — это около половины общей численности фрон-

товых и тыловых регулярных войск!¹⁷ Наряду с охранно-полицейскими подразделениями в систему Государственной стражи входили и уголовно-следственные структуры. Кроме того в губерниях были учреждены Уголовно-розыскные управления, занимавшиеся как уголовными, так и политическими делами. Во главе этих органов были поставлены бывшие помощники прокуроров Окружных судов, а также “уважаемые и энергичные” офицеры жандармерии и контрразведки при условии их ухода с военной службы. В соответствии с принятым Положением чиновники, расследовавшие политические дела (“государственные преступления”) имели некоторые служебные привилегии в сравнении с теми, кто вел обычные уголовные расследования¹⁸. Конечно, не стоит объяснять, как сложно было в условиях гражданской войны провести грань между обычной уголовщиной и подпольной деятельностью политических противников...

Важнейшие разведывательные функции выполняла и организация «Азбука». В отличие от других секретных служб она была создана по частной инициативе (В.В.Шульгина) и официально так и не стала структурной единицей административного аппарата Белого Юга, хотя и играла значительную роль в политической жизни, находясь в эпицентре постоянного соперничества за влияние на формирование и проведение правительственного курса¹⁹.

В этой статье я рассматриваю только учреждения Добровольческой Армии (и территории Вооруженных Сил на Юге России). Но в реальной жизни обыватели, так же как гражданские чиновники и военнослужащие Белого Юга, имели дело с организациями различной подчиненности, включая и соперничающие между собой секретные службы.

Казачество Юга России (Донское, Кубанское и Терское) так же имело свои собственные разведывательные и информативные органы, подчинявшиеся Войсковым атаманам, правительствам и местным властям, но независимые от Главнокомандующего Добровольческой Армии и ВСЮР. Первые такие учреждения возникли еще осенью 1917 г.

На Украине, в Крыму, на Северном Кавказе и в Закавказье положение было еще более запутанным. Так, при гетмане Скоропадском насчитывалось не менее 18 различных разведывательных и контрразведывательных организаций, которые, как отмечалось в одном из отчетов «Азбуки», “главным образом следили

друг за другом”. Даже секретные части находившихся в Киеве проденикинских военных формирований не имели при этом прямой связи со Штабом Добровольческой Армии. Похожая картина наблюдалась и в занятой французами Одессе: наряду с контрразведкой, подчинявшейся командованию ВСЮР, там располагались Международное Информационное бюро подполковника Тишевского, Информационное бюро генерала Глобачева, Информационное бюро газетных работников, контрразведка Русско-германского Союза монархистов-христиан во главе с капитаном Виноградовым и ротмистром Вачнадзе, контрразведывательная часть Штаба генерала Шварца, а также чины контрразведки Украинской Директории²⁰.

В своей практической деятельности контрразведывательные органы ВСЮР постоянно соприкасались с соответствующими учреждениями казачих Войсковых правительств, подведомственные коим территории имели автономию и не входили в сферу управления Главнокомандующего. “По-видимому, каждый администратор, занимающий даже второстепенную должность и имеющий контроль над секретными суммами денег, создает свою собственную контрразведку, — отмечалось в секретном докладе генералу Деникину. — Функции этих контрразведок чрезвычайно разнообразны. Мешая друг другу, все эти учреждения препятствуют порядку и процветанию. Они подрывают авторитет как власти, так и военных”²¹.

В Архиве Свято-Троицкого монастыря Русской Зарубежной Православной Церкви мне удалось обнаружить замечательные документы двух конкурирующих контрразведывательных служб: ВСЮР и Кубанского правительства. Секретные донесения о военно-политической ситуации и тяжелых конфликтах между различными антибольшевистскими силами проливают дополнительный свет на предысторию так называемого “Кубанского действия” — акции Главного Командования ВСЮР по изменению политических установлений на Кубани, которая, имея чисто внешний и кратковременный эффект, не только не уничтожила самостийничество, но еще более углубила противоречия и разногласия с кубанцами²².

Достаточно хорошо известно о многочисленных фактах работы большевистской агентуры в белой контрразведке. Коррупционность же ее чинов стала просто “притчей во

языцах". Интересно писал по этому поводу генерал К.И.Глобачев, бывший начальник Петроградского охранного отделения: "В среде офицерства, выброшенного на улицу, в это время начинает вырабатываться весьма недостойный тип агента политического и уголовного розыска, который в большинстве случаев, не имея под собой никакой идейной подкладки, является просто профессией. Впоследствии этот тип перерабатывается в контрразведчика для белого движения и чекиста для красного. Многим из такого рода агентов полная беспринципность позволяет в равной степени служить обеим сторонам и продавать ту, которая в данный момент менее опасна и выгодна. Это — так называемые дублеры. Таким образом создавались целые контингенты офицеров-контрразведчиков, которые своим поведением позорили контрразведывательные органы белого движения во время гражданской войны"²³. Подобные заключения разделялись многими участниками событий. "Гражданская война, — вспоминал поручик П.И.Кузнецов, — изменила у многих взгляды и выработала особый тип офицера, который мог зародиться только в такое жестокое время, когда все человеческое исчезает и выплывают на поверхность только звериные инстинкты и обе враждующие стороны соперничают одна перед другой в жестокости..."²⁴.

Генерал А.И.Деникин предпочитал привлекать к контрразведывательной службе не бывших жандармских офицеров. Так столь высококвалифицированный эксперт политического сыска как генерал К.И.Глобачев, находясь в 1918 г. в Киеве, был начальником Державной Варты (Департамента охраны) при гетмане Скоропадском, руководил контрразведывательной частью штаба бригады генерала Кирпичева, считавшейся формированием Добровольческой Армии. Однако все его попытки продолжить ту же деятельность в Штабе генерала Деникина были безоговорочно отвергнуты. О нем вспомнили только в конце 1919 г., в условиях развала армии и особенно ее контрразведки, но теперь уже он, в свою очередь, не захотел принимать запущенное другими дело... Правда, в январе 1920 г., после памятного всем убийства полковника Кирпичникова, Глобачев все же согласился принять должность начальника контрразведывательного отделения Штаба Командующего войсками Новороссийской области (как оказалось лишь на 10

дней — из-за последовавшей вскоре трагической эвакуации Одессы)²⁵.

Главное Командование ВСЮР было достаточно хорошо информировано о недостатках своей контрразведки, поэтому необходимость ее реорганизации была вполне очевидна. В числе различных проектов реформ контрразведывательной службы нельзя не обратить внимание на записку А. А. Хвостова «О мерах к усилению борьбы с внутренним большевизмом», составленную в Ростове 8 сентября 1919 г.

"Институт контрразведки в том виде, в каком он ныне существует в Добровольческой Армии, совершенно не достигает своей цели, — заключал автор. — Он терроризирует тех, на кого Добровольческая Армия могла опереться, и недостаточно энергично, если не сказать более, занимается своим прямым делом — преследованием коммунистов". А.А.Хвостов обращал внимание на низкий моральный уровень многих агентов, незнание азов полицейского сыска, политическую неграмотность, отсутствие контроля начальников над подчиненными. Он предлагал объединить политический сыск в единую организацию — Особое Управление политической полиции, созданную на базе соответствующих структур армейского аппарата — Управления внутренних дел и Отдела пропаганды. Местные органы политической полиции должны координировать свою деятельность с гражданской администрацией и судебными властями, привлекать на службу опытных юристов, квалифицированных чинов бывшего Департамента полиции, фронтовых офицеров. В заключении своей пространной записки А.А.Хвостов подчеркивал, что если разрешение поднятого им вопроса "пойдет обычным канцелярским путем, то лучше совсем не начинать дело"²⁶.

Однако... "обычный канцелярский путь" был как раз характерен для деникинской администрации. По многим причинам эта диктатура имела мало общего с тем, что имеют в виду, говоря о "тоталитарной власти". Отсутствие какой-либо эффективной системы контроля, постоянная нехватка подходящих управленческих кадров, усиливающийся антогонизм фронта и тыла — все это способствовало росту коррупции и облегчало действия большевистским агентам во всех учреждениях и, прежде всего, в контрразведке.

Отдельные контрмеры частного характера

лишь усугубляли положение. Так, в 1919 г. только в Одессе штат контрразведки был полностью обновлен трижды, причем в октябре все чины портовой контрразведки были арестованы за взяточничество²⁷. Но мы знаем о результате — из упоминавшегося выше скандального дела полковника Кирпичникова...

15 сентября 1919 г. генерал А.С.Лукомский, председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, представил генералу Деникину пространный доклад о контрразведке. В докладе приводились потрясающие факты коррупции, взяточничества, бессмысленной жестокости, злоупотребления служебным положением и т.п. Не предлагая каких-либо конструктивных мер, Лукомский лишь настоятельно рекомендовал распустить все незаконные и самовольные контрразведки, запретить вести любую контрразведывательную деятельность без санкции Главного Командования²⁸. Тем не менее лишь 28 мая 1920 г. генерал П.Н.Врангель, новый Главнокомандующий, издал приказ № 3248 о судебной ответственности за самовольную организацию «наблюдательных органов» (так стала именоваться тогда контрразведка).

Можно назвать различные объективные и субъективные причины того, почему практически ничего не было сделано для реорганизации контрразведки при генерале Деникине. Однако я хочу привлечь внимание к некоторым документам об одном неизвестном эпизоде из истории Белого Юга. Эти документы свидетельствуют, что органы контрразведки, кроме всего прочего, были вовлечены в широкий заговор против Главнокомандующего. Доклад же генерала Лукомского на самом деле преследовал не цели улучшения и оздоровления контрразведки, а лишь ограничение сфер действия своих политических оппонентов в Штабе Главнокомандующего и Особом совещании.

Материалы о заговоре так называемого «Анонимного Центра» хранятся в коллекциях генерала А.И.Деникина и полковника В.М.Бека в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Заговор имел целью сместить Главнокомандующего и некоторых его приближенных. Особо ценные сведения содержатся в деле, подготовленном Л.А.Зубелевичем, начальником гражданской части Государственной стражи: протоколы допросов, конфискованные письма-шифровки, дневники, докладные записки.

В конце ноября 1919 г. был арестован 23-летний штабс-капитан А.А.Пацановский, заведующий бюро секретной информации ОСВАГа. Проведенный в его кабинете обыск принес фантастические результаты, вызвал новые аресты, новые обыски и допросы. Постепенно стала вырисовываться страшная картина тайного заговора в самом сердце Главного Командования...

Анатолий Пацановский ранее служил в Информационном бюро при председателе Особого совещания генерале от кавалерии А.М.Драгомирове. В декабре 1918 г. он был откомандирован из Екатеринодара в Крым и получил назначение в контрразведывательный отдел Штаба Командующего Крымско-Азовской Добровольческой армии. Там он служил под непосредственным руководством хорошо известного в дореволюционной русской военной разведке человека — генерала Н.С.Батюшина, носившего в то время псевдоним «Петров».

В апреле 1919 г., когда красные захватили Крым, Пацановский вернулся в Екатеринодар и занял только что учрежденную должность заведующего бюро секретной информации ОСВАГа (Отдела пропаганды Особого совещания). Власть и влияние тылового штабс-капитана росла поистине невероятными темпами, особенно после того, как полковник В.М.Бек, начальник информационной службы ОСВАГа, чуть было не умер от таинственного отравления и на протяжении 4 месяцев не мог исполнять свои обязанности... Пацановский полностью игнорировал Ю.Н.Шумахера, временно замещавшего В.М.Бека, и делал доклады непосредственно не только начальнику ОСВАГа К.Н.Соколову, но и генералу А.С.Лукомскому, исполнявшему обязанности Председателя Особого совещания.

Когда полковник Бек вернулся на службу, он был не в силах восстановить необходимую субординацию. После нескольких острых столкновений Пацановский объяснил Беку, что является ближайшим сотрудником генерала Лукомского, а бюро секретной информации на самом деле ведет работу по подготовке монархического заговора против генерала Деникина и его начальника штаба генерала Романовского. Непосредственным начальником Пацановского был генерал Батюшин, находившийся с весны 1919 г. в отставке. Батюшин был одним из главных руководителей Анонимного Центра —

тайной организации, имеющей Совет и местные филиалы. Легальной политической базой Анонимного Центра был монархический Союз русских национальных общин, который пытался оказывать влияние на членов Особого совещания и Главное Командование. Ставилась задача заменить генерала Романовского генералом Лукомским в качестве начальника штаба и даже, в случае необходимости, сместить самого Деникина. Генерал Батюшин должен был получить портфель министра внутренних дел в будущем правительстве. Предполагалось использовать помощь Германии в восстановлении монархии в России.

Пытаясь привлечь полковника Бека к своей деятельности, штабс-капитан Пацановский назвал имена некоторых лиц, разделявших планы Анонимного Центра и занимавших в то время ключевые посты во ВСЮР. Среди них: генералы А.М.Драгомиров, А.П.Кутепов, Н.С.Тимановский, В.З.Май-Маевский, П.Н.Врангель, Я.Д.Юзефович, Я.А.Слащев, адмиралы Д.В.Ненюков и А.Д.Бубнов, начальник ОСВАГа К.Н.Соколов, генерал М.Л.Салатко-Петрище, председатель Судебно-Следственной Комиссии при Главнокомандующем, полковник С.Н.Ряснянский, начальник Разведывательного Отделения Штаба ВСЮР, статский советник В.Г.Орлов, начальник Контрразведывательного Отделения Отдела Генерального Штаба Военного Управления при Главнокомандующем. Самому же полковнику Беку в случае присоединения к заговору предназначалась должность министра пропаганды²⁹.

В.М.Бек никак не ответил на столь почетное предложение, в результате — он был освобожден от занимаемой должности, получил символическое назначение в ничего не решающий Совет Отдела пропаганды и попал под постоянную слежку. Он несколько раз пытался представить секретный доклад о заговоре и генералу Романовскому, и полковнику Ковалевскому, начальнику Особой части Штаба ВСЮР. Но его не хотели принимать, несмотря даже на помощь чинов со стороны французской военной миссии — столь высока была репутация заговорщиков и столь обширны были их личные связи... Однако в Анонимном Центре произошел раскол. 13 ноября 1919 г. Великий Князь Николай Николаевич предложил всем “заговорщикам” подчиниться генералу Деникину. Информация об этом сразу же стала известна³⁰.

Расследование, проводимое Л.А.Зубелевичем, принесло множество доказательств подготовки заговора, особенно участия в нем чинов ОСВАГа и Штаба Главнокомандующего. Последовали отстранения от должностей, увольнения от службы, даже аресты. Никто, однако, не был отдан под суд... Пресса хранила молчание. Расследование не коснулось лиц, находившихся на фронте. По всей видимости, генералу Деникину было ясно, что громкие процессы в условиях поражений и отступления только повредят армии. В противном случае пришлось бы при отсутствии квалифицированного резерва отстранить способнейших военачальников. Так или иначе, а Главнокомандующий, по сути дела, не предпринял никаких решительных действий против правой оппозиции. Очень скоро он окажется перед угрозой нового заговора и после катастрофической Новороссийской эвакуации вынужден будет уйти в отставку...

Я не располагаю достаточными источниками, чтобы судить, какую поддержку в армии имел заговор Анонимного Центра. Как вспоминал в эмиграции генерал Салатко-Петрище, главную роль во всем деле играл конфликт между Лукомским и Романовским, который был подвержен влиянию члена Особого совещания кадета Н.И.Астрова³¹. Вполне вероятно, что отнюдь не все лица, упомянутые Пацановским при “вербовке” им Бека, в действительности являлись активными и сознательными заговорщиками. Так, например, трудно представить участие генерала Врангеля в каком-либо “заговоре” против Главнокомандующего — независимо от его сложных личных отношений и крупных разногласий по военно-стратегическим вопросам с генералом Деникиным...

Тем не менее заговор Анонимного Центра являлся несомненным свидетельством того, что разведывательные и контрразведывательные органы Штаба Главнокомандующего и состоявшего при нем Особого совещания вместо координации своей деятельности против общего врага были вовлечены в конфликты и заговоры. И это в полной мере отвечало интересам большевиков, сепаратистов, националистов и всех, кто противостоял Белому движению во время гражданской войны.

Обзор деятельности разведки и контрразведки Белого Юга конца 1917 — начала 1920 г. приводит к следующим выводам.

В первые полгода существования Добро-

вольческой Армии отсутствовало какое-либо организованное размежевание между разведкой и контрразведкой. Главными задачами было обеспечить надежную связь с антибольшевистскими группами, прежде всего Москвы и Петрограда, и привлечь в армию новых добровольцев из разных частей страны.

Образование территории Добровольческой Армии после Второго Кубанского похода вызвало необходимость укрепления военной администрации и ее контрразведывательных органов, которые, в отличие от периода Первой мировой войны, боролись не с иностранными агентами, а осуществляли функции политической полиции. С лета 1918 по лето 1919 г. разведывательная деятельность осуществлялась в значительной степени посредством связи Разведывательного Отделения Штаба Главнокомандующего и сети местных Центров, организованных за пределами территории Добровольческой Армии.

Военная диктатура генерала Деникина ни в коей мере не привела к консолидации государственного аппарата. Невероятный хаос, господство бюрократии, тотальная коррупция, постоянное соперничество между чиновниками различных учреждений — все это в полной мере относится и к органам контрразведки.

Антибольшевистская направленность органов разведки и контрразведки Добровольческой Армии и ВСЮР ослаблялась не только из-

лишним вниманием к “конкурирующим” ведомствам, но и прямым участием в борьбе за влияние на Главнокомандующего, вплоть до подготовки тайного заговора. История Анонимного Центра показывает, что секретные агенты были более активны в сборе информации друг о друге, а не в объединении сил против большевиков. Все это способствовало широкому распространению большевистских агентов, провокаторов, коррумпированных элементов и просто беспринципных авантюристов.

Светлые страницы неписанной пока истории разведки и контрразведки Белого Юга в период с ноября 1917 по март 1920 г. связаны прежде всего с самоотверженной и высокопрофессиональной деятельностью одиночек, а вовсе не с белой политической системой в ее алексеевско-корниловско-деникинском варианте.

Почти никак не использовался практический опыт и организационные принципы секретных служб Императорской России. Никакой выгоды не было извлечено и из условий военной диктатуры, которые, казалось бы, должны были способствовать упрощению государственного аппарата и секретных служб. Более того — все возможные дефекты военной администрации Белого Юга России, как правило, в полной мере отражались на ее разведывательных и контрразведывательных органах.

Примечания

¹ См.: Тайны русско-японской войны. М., 1993; Устинов С.М. Записки Начальника контрразведки (1915—1920 гг.). Ростов-на-Дону, 1990. С.17—61; Алексеев М. По ту линию фронта: военная разведка России накануне Первой мировой войны // Родина. 1994. № 8. С.82—87.

² См.: Дневники, записи, письма ген. Алексеева и воспоминания об отце В.М.Алексеевой-Борель / Публ. Н.Рутыча // Грани. № 125. Франкфурт-на-Майне, 1982. С.175—185; Шапрон дю Ларре А.Г. Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 г. / Ввод. статья, подгот. текста и комментарии В.Г.Бортневского // Русское прошлое. Кн.4. СПб., 1993. С.150—159.

³ См., напр.: Лукомский А.С. Воспоминания. Т.2. Берлин, 1922. С.22—61.

⁴ Деятельность Таганрогского Центра Добровольческой Армии 1918—1919 гг. / Под ред. Я.М.Лисового // Белый Архив. Т.2—3. Париж. С.133—136.

⁵ Архив Свято-Троицкого монастыря Русской Зарубежной Православной Церкви. Джорданвилль, штат Нью-Йорк, США. Коллекция РОВС (далее — АСТМ/РОВС). Кор. 2 (Бумаги Штаба Вооруженных Сил на Юге России).

⁶ АСТМ/РОВС. Кор.1. (Бумаги Добровольческой Армии); Архив Общества ревнителей русской истории. Париж, Франция (далее — АОРРИ). Коллекция Добровольческой Армии и Вооруженных Сил на Юге России; Коллекция Национального Центра.

⁷ Архив Гуверовского института войны, революции и мира. Стэнфорд, штат Калифорния, США (далее — АГИ). Коллекция П.Н.Врангеля. Кор.148.

⁸ См.: Рапорт Ген. Шт. подполковника Н. представителю Добровольческой Армии в г.Киеве // Белый архив. Т.2—3. С.138—144; Рапорт состоящего в штабе представителя Верховного командования Доброй Армии Ген. Шт. подполковника С-то представителю Верховного командования в Киеве // Там же. С.145—150.

⁹ АСТМ/РОВОС. Кор.1; Вечернее время. 1919. 16 ноября. С.2—3.

¹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.3. Берлин, 1923. С.148—149; Белый архив. Т.2—3. С.133—137.

¹¹ АСТМ/РОВОС. Кор.1.

¹² См.: Viktor G. Bortnevski. White Administration and White Terror (The Denikin Period) // The Russian Review. Vol.52. July 1993. P.133—137.

¹³ Peter Kenez. Civil War in South Russia, 1919—1920. P.71—78. Некоторые документальные материалы об отношении Освага и контрразведки см.: Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского ОСВАГА / Публ. В.Г.Бортневского // Русское прошлое. Кн.2. СПб., 1991. С.340—348.

¹⁴ ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.3. л.63; БАКУ. Колл. А.И.Деникина. Кор.29 (Контрразведка, ОСВАГ). Л.10—12; Колл. В.М.Бека. Кор.1 (ОСВАГ).

¹⁵ Вечернее время. 1919. 16 ноября. С.2; АОРПИ. Колл. Национального Центра.

¹⁶ АСТМ/РОВОС. Кор.2.

¹⁷ Peter Kenez. Civil War in South Russia, 1919—1920. P.61; ГАРФ. Ф.5827. Оп.184. Д.11. Л.1—30.

¹⁸ АГИ. Колл. П.Н.Врангеля. Кор.130.

¹⁹ Подробнее см.: К истории осведомительной организации «Азбука» / Ввод. статья, подгот. текста и комментарии В.Г.Бортневского // Русское прошлое. Кн.4. С.160—193.

²⁰ БАКУ. Колл. А.И.Деникина. Кор.2; АГИ. Колл. П.Н.Врангеля. Кор.163; АОРПИ. Колл. Национального Центра.

²¹ ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.3. Л.65.

²² См.: Кубань и Добровольческая Армия в 1918—1919 гг. / Ввод. статья, подгот. текста и комментарии В.Г.Бортневского // Русское прошлое. Кн.5. СПб., 1994. С.77—111.

²³ БАКУ. Колл. К.И.Глобачева. Кор.1. Правда о русской революции. Вспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. С.132.

²⁴ ГАРФ. Ф.5881. Оп.2. Д.432. Л.39.

²⁵ БАКУ. Колл. К.И.Глобачева. Кор.1. Правда о русской революции... С.145—146, 157—171.

²⁶ БАКУ. Колл. К.Р.Кровопускова. Кор.1.

²⁷ Устинов С.М. Записки начальника контрразведки. С.84—90.

²⁸ ГАРФ. Ф.439. Оп.1. Д.56. Л.65.

²⁹ БАКУ. Колл. А.И.Деникина. Кор.29. Контрразведка, ОСВАГ. Л.2—22.

³⁰ БАКУ. Колл. В.М.Бека. Кор.1. ОСВАГ. Л.10—12.

³¹ БАКУ. Колл. А.И.Деникина. Кор.29. Контрразведка, ОСВАГ. Л.34.

Спецслужбы фашистской Германии в Великой Отечественной войне

Краткая историческая справка*

«АБВЕР»

Немецкий военный разведывательный и контрразведывательный орган «Абвер» (в переводе — «Отпор», «Защита», «Оборона») был организован в 1919 г. на правах отдела военного министерства Германии и официально значился как контрразведывательный орган рейхсвера. В действительности же практически с момента возникновения «Абвер» вел активную разведывательную работу против Советской России (Советского Союза), Франции, Англии, Польши, Чехословакии и других стран. Эта работа проводилась через абверштелле — звенья «Абвера» — при штабах приграничных военных округов в городах Кенингсберг, Бреславль, Познань, Штеттин, Мюнхен, Штутгарт и др., официальные германские дипломатические представительства и торговые фирмы за границей. Абверштелле внутренних военных округов проводили только контрразведывательную работу.

В связи с переходом фашистской Германии к открытой подготовке агрессивных войн в 1938 г. была произведена реорганизация «Абвера», на базе которого было создано Управление «Абвер-заграница» при штабе верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ). Перед этим Управлением была поставлена задача организовать широкую разведывательную и подрывную работу против стран, на которые готовилась напасть фашистская Германия, особенно против Советского

Союза. В соответствии с этими задачами в Управлении «Абвер-заграница» были созданы отделы: «Абвер-1» — разведка, «Абвер-2» — саботаж, диверсия, террор, восстания, разложение противника; «Абвер-3» — контрразведка; «Аусланд» — иностранный отдел; «ЦА» — центральный отдел.

«Абвер» возглавляли: генерал-майор Гемпп (с 1919 по 1927 г.), полковник Швантес (1928—1929), полковник Бредов (1929—1932), вице-адмирал Платциг (1932—1934), адмирал Канарис (1935—1943) и с января по июль 1944 г. — полковник Ганзен.

«Крингсорганизацион Финляндия»

Германский разведывательный и контрразведывательный орган «Крингсорганизацион Финляндия» (КОФ), условно названный «бюро Целлариуса» (во время войны общее руководство КОФ осуществлял фрегатен-капитан Целлариус), был с согласия финской разведки создан «Абвером» в середине 1939 г. и подчинялся непосредственно Управлению «Абвер-заграница».

После начала войны против Советского Союза КОФ совместно с финской разведкой развернули работу по организации добровольческих диверсионно-десантных отрядов («Эрна 2» и другие отряды формировались из эстонцев и перебрасывались в тыл Красной Армии для захвата стратегически важных пунктов и организации повстанческого движения в Эстонии).

На всем протяжении войны КОФ совместно с «Абверпобенштелле Таллин» и финской разведкой подготавливал и забрасывал в тылы Ленинградского и Карельского фронтов аген-

* Составлена по архивным материалам Санкт-Петербургского Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

тов с разведывательными и диверсионными заданиями, разрабатывал и проводил диверсионно-десантные операции на побережье Балтийского моря. В сентябре 1944 г. в связи с приближавшимся военным крахом Финляндии весь состав КОФ морским транспортом выбыл в Германию.

Абверкоманда 104

Абверкоманда 104 была придана армейской группировке «Норд». Команда проводила активную разведывательную работу в ближнем тылу Ленинградского, Волховского, Северо-Западного, Калининского, а впоследствии 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийского фронтов. С сентября 1941 г. до февраля 1944 г. команда размещалась в Пскове.

Кадры агентуры составляли, главным образом, из завербованных в лагерях военнопленных. Завербованная агентура направлялась в школы немецкой разведки, откуда после соответствующей подготовки возвращались в команду, получала инструктаж и перебрасывалась в ближайшие тылы советских войск.

Абвергруппа 111

Абвергруппа 111 была создана до войны Германией с Советским Союзом в Кенингсберге и придана 16-й немецкой армии. Группа вела разведывательную работу против Ленинградского, а впоследствии 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов.

До сентября 1941 г. агентура группы состояла в основном из русских эмигрантов, окончивших разведшколы. В конце сентября впервые была подготовлена группа в количестве 16 агентов из среднего командного состава Красной Армии. С начала 1942 г. группа начала использовать квалифицированную агентуру из советских военнопленных, подготовленных в разведшколе в г.Валге. Результаты разведки тщательно проверялись. С этой целью в один район с одинаковыми заданиями посылались несколько разведывательных групп.

Абверкоманда 105

Абверкоманда 105 была организована в феврале 1944 г. в Таллинне. Вела разведывательную работу против Ленинградского и Карельского фронтов, забрасывая агентуру, подготовленную в Варшавской, Рованиемской и других школах немецкой разведки. В середине 1944 г. команда была переброшена на территорию Польши.

Абверкоманда 204

Абверкоманда 204 действовала при армейской группировке немецких войск «Норд». Команда вела диверсионно-разведывательную работу против Ленинградского, а затем Прибалтийских фронтов. Агентура вербовалась в лагере военнопленных в г.Кингисеппе. Для подготовки агентов при команде были созданы диверсионно-разведывательные школы. Переброска агентов производилась главным образом на самолетах с Псковского аэродрома.

Абвергруппа 211

Абвергруппа 211 действовала при 16-й немецкой армии, вела диверсионно-разведывательную работу против Ленинградского, а затем Прибалтийского фронтов. Агенты-диверсанты вербовались в лагерях военнопленных в Старой Руссе, Порхове, Пскове и Кингисеппе, а также поступали из диверсионно-разведывательной школы в населенном пункте Ванонурси.

Вновь завербованные и прибывшие из школы агенты поступали в специальный батальон. Личный состав батальона проходил специальную подготовку по подрывному делу, использовался для войсковой разведки переднего края обороны советских войск, захвата «языков» и стратегически важных объектов, а также для проведения карательных операций против партизан. Часть личного состава батальона сводилась в диверсионные группы по 5—7 человек и перебрасывалась в тыл советских войск.

С начала 1943 г. при группе были пропагандистские курсы со сроком обучения 1 месяц, готовившие кадры для профашистской пропаганды в советском тылу и среди населения оккупированных районов. В конце сентября 1943 г. 2-я рота батальона во главе с командиром Автуховым почти целиком перешла на сторону партизан в Порховском районе. Из первой роты перебежало к партизанам 16 человек. В связи с этим руководство группы было предано военно-полевому суду; оставшийся личный состав направлен во Францию, абвергруппа переформирована.

Абвергруппа 212

Абвергруппа 212 до сентября 1944 г. действовала при 18-й немецкой армии и проводила активную диверсионно-разведывательную работу против Ленинградского, а затем 3-го Прибалтийского фронтов. До августа 1944 г.

агентура вербовалась в основном из военнопленных. Группа базировалась в пос.Волосово Ленинградской области, затем в пос.Лампово (около станции Сиверская) Ленинградской области, откуда эвакуировалась на территорию Латвийской ССР.

Абвергруппа 214

Абвергруппа 214 до июля 1943 г. действовала в Финляндии при 20-й немецкой армии и вела диверсионно-разведывательную работу против Карельского и Ленинградского фронтов. Завербованная агентура проходила обучение в диверсионной школе группы в г.Рованиemi. 3 июля 1943 г. группа была отведена на переформирование в населенный пункт Сулеювик (близ Варшавы).

Контрразведывательные команды и группы

Контрразведывательные команды и группы «Абвер 3», действовавшие на советско-германском фронте в тылу немецких армейских группировок и армий, которым они были приданы, проводили активную агентурную работу по выявлению советских разведчиков, партизан и подпольщиков, а также собирали и обрабатывали трофейные документы.

Контрразведывательные команды и группы завербовывали некоторых задержанных советских разведчиков, через которых проводили радиоигры с целью дезинформации органов советской разведки. Часть завербованных агентов контрразведывательные команды и группы забрасывали в советский тыл с целью внедрения в органы государственной безопасности и разведотделы Красной Армии для изучения методов работы этих органов и выявления подготовленных и выброшенных в тыл немецких войск советских разведчиков.

Каждая контрразведывательная команда и группа имела при себе штатных и постоянных агентов, завербованных из людей, перешедших на сторону Германии и хорошо зарекомендовавших себя на практической работе. Эти агенты передвигались вместе с командами и группами и внедрялись в созданные немецкие административные учреждения и предприятия. Кроме того, по месту дислокации команды и группы создавали агентурную сеть из местных жителей. При отступлении немецких войск эти агенты передавались в распоряжение разведывательных абвергрупп или же остава-

лись в тылу советских войск с разведывательными заданиями.

Провокация была одним из наиболее распространенных методов агентурной работы немецкой военной контрразведки. Так, агенты под видом советских разведчиков или лиц, переброшенных в тыл немецких войск командованием Красной Армии со спецзаданиями, поселялись у советских граждан, входили в их доверие, давали задания, направленные против немцев, организовывали группы для перехода на сторону советских войск. Затем все эти люди подвергались аресту.

С этой же целью из немецких агентов создавали лжепартизанские отряды, в которые вовлекались советские люди, искренне желавшие вести борьбу с захватчиками. Впоследствии их арестовывали. Кроме того, лжепартизанские отряды, созданные для дискредитации партизанского движения, организовывали налеты, грабили, убивали мирное население и сжигали населенные пункты. Для проведения карательных операций против советских партизан создавались специальные отряды.

Контрразведывательные команды и группы свою работу проводили в контакте с органами службы безопасности (СД) и тайной полевой полицией (ГФП). Они вели агентурную разработку подозрительных с точки зрения немцев лиц, и полученные данные передавали в органы СД и ГФП.

На советско-германском фронте действовало 5 контрразведывательных абверкоманд — 301, 302, 303, 304 и 305. В подчинении каждой абверкоманды находилось от 3 до 8 абвергрупп, которые придавались армиям, а также тыловым комендатурам и охранным дивизиям.

Абвергруппы абверкоманды 304

Абвергруппа 312

Абвергруппа 312 до февраля 1945 г. была придана 18-й немецкой армии, а с февраля 1945 г. — 3-й танковой армии, входившей в состав группировки немецких войск «Висла». Группа вела активную контрразведывательную работу на территории Ленинградской и Псковской областей.

В местах дислокации и в близлежащих населенных пунктах группой были созданы резидентуры (из них было выявлено около 17 резидентур). Непосредственно при начальнике абвергруппы находилась особая команда, в основном из антисоветски настроенных военно-

пленных, содержащихся в лагерях на территории Ленинградской области. Личный состав команды насчитывал 30—40 человек и использовался для карательных операций против партизан и в качестве вербовщиков агентуры в лагерях военнопленных. Кроме того, в распоряжении группы находились два батальона, действовавшие в районах пос.Оредеж, Волосово и станции Дивенской Ленинградской области. Эти батальоны вели вооруженную борьбу против партизан и занимались розыском советских разведчиков. До ноября 1943 г. группа дислоцировалась в пос.Лампово, Гатчинского района Ленинградской области, впоследствии переехала в пос.Сиверский, где находилась до января 1944 г.

Абвергруппа 319

Абвергруппа 319 действовала при 285-й охранной дивизии и проводила контрразведывательную работу на территории Ленинградской и Псковской областей. До января 1943 г. группа дислоцировалась в г.Выру Эстонской ССР, позже — в Луге Ленинградской области, в октябре 1943 г. переехала в Псков.

Тайная полевая полиция (ГФП)

Тайная полевая полиция — «Гехайфельд-полицай» (ГФП) — была полицейским исполнительным органом военной контрразведки в действующей армии. В мирное время органы ГФП не действовали. Руководящие установки подразделения ГФП получали от Управления «Абвер-заграница», в состав которой входил специальный реферат ФПДВ (полевая полиция вооруженных сил), возглавляемый полковником полиции Крихбаумом. При командовании немецкими сухопутными силами был шеф полевой полиции, осуществляющий общее оперативное руководство подразделениями ГФП на советско-германском фронте.

Подразделения ГФП на советско-германском фронте были представлены группами под соответствующими номерами при штабах армейских группировок, армий и полевых комендатурах, а также в виде комиссариатов и команд — при корпусах, дивизиях и отдельных местных комендатурах. Во главе группы ГФП при штабе армейской группировки стоял полицейский чиновник — директор полевой полиции, подчиненный шефу полевой полиции и одновременно отделу Іц/АО* армейской

группировки. Группы ГФП при армиях и полевых комендатурах возглавляли комиссары полевой полиции, подчиненные руководителю полевой полиции соответствующей армейской группировки и одновременно абверофицеру отдела Іц армии или полевой комендатуры. В группу входило от 80 до 100 сотрудников и солдат. Каждая группа имела от 2 до 5 комиссариатов, или т.н. «наружных команд» (ауссенкомандо) и «наружных отделений» (ауссенштелле), количество которых менялось в зависимости от обстановки.

Комиссариаты, наружные команды и отделения придавались армейским корпусам, полевым и отдельным местным комендатурам, а также охранным дивизиям. Официальный состав ГФП комплектовался из сотрудников гестапо и криминальной полиции.

Тайная полевая полиция выполняла функции гестапо в зоне боевых действий, а также в ближних армейских и фронтовых тылах. В ее задачу входило главным образом производство арестов по указанию органов военной контрразведки, ведение следствия по делам о государственной измене, предательстве, шпионаже, саботаже, антифашистской пропаганде среди военнослужащих немецкой армии, а также расправа с партизанами и другими советскими патриотами, борющимися против фашистских оккупантов.

Кроме того, действующей инструкцией на подразделения ГФП возлагалось:

- Организация контрразведывательных мероприятий по охране штабов обслуживаемых соединений. Личная охрана командующего соединением и представителей главного штаба.

- Наблюдение за находившимися при командных инстанциях военными коореспондентами, художниками, фотографами.

- Контроль за почтовой, телеграфной и телефонной связью гражданского населения.

- Содействие цензуре при надзоре за полевой почтовой связью.

- Контроль и наблюдение за прессой, собраниями, лекциями, докладами.

- Розыск оставшихся на оккупированной территории военнослужащих Красной Армии. Воспрепятствование уходу с оккупированной территории за линию фронта гражданского населения, в особенности призывного возраста.

- Допросы и наблюдение за лицами, появившимися в зоне боевых действий.

* Специальное подразделение «Абвер 3».

Органы ГФП проводили контрразведывательную и карательную деятельность в оккупированных районах, вблизи от линии фронта. Для выявления советской агентуры, партизан и связанных с ними советских патриотов тайная полевая полиция внедряла агентуру в гражданское население. При подразделениях ГФП были группы штатных агентов, а также небольшие воинские формирования (эскадры, взводы) из советских граждан, согласившихся сотрудничать с врагами, для карательных действий против партизан, проведения облав в населенных пунктах, охраны и конвоирования арестованных.

В зоне военных действий органы ГФП имели право самостоятельно проводить аресты среди гражданского населения, вести следствие, выносить и по утверждению отделами 1ц приводить в исполнение смертные приговоры. Аресты военнослужащих германской армии производились с санкции соответствующих командных инстанций. По окончании следствия дела направлялись через абверофицеров отделов 1ц в военно-полевые суды. Полевая жандармерия, служба порядка, вспомогательная полиция, местные комендатуры и другие административные и полицейские немецкие органы были обязаны всех арестованных в зоне военных действий по подозрению в шпионаже и антифашистской деятельности направлять в ГФП.

Группы ГФП и контрразведывательные команды и группы «Абвера» взаимно информировали друг друга об арестах разведчиков и других подозрительных с точки зрения немцев лиц. ГФП передавала командам «Абвера» задержанных парашютистов, разведчиков, радистов, а «Абвер» передавал в ГФП задержанных партизан, военнопленных лиц, не имевших документов, и других. ГФП находилась в контакте с СД и другими органами немецкой контрразведки.

На территории Ленинградской и Псковской областей были выявлены следующие группы ГФП:

501-я группа действовала в начале 1942 г. на территории Псковской области. Штаб группы дислоцировался в Дно.

520-я группа действовала при 18-й немецкой армии.

702-я группа действовала при 285-й охранной дивизии на территории Ленинградской и Псковской областей. Штаб группы в 1941—

1942 гг. дислоцировался в Острове, Пскове, Луге, Сольцах и в дер. Шетци, близ Луги. Одна наружная команда группы дислоцировалась в дер. Красные Горы. Другая наружная команда находилась в селе Осьмино Ленинградской области.

714-я группа действовала при 281-й охранной дивизии на территории Псковской и Ленинградской областей. Штаб ее дислоцировался в Острове, затем — в Воронцово Ленинградской области.

728-я группа действовала при 18-й немецкой армии. Штаб ее в 1941 г. был в Луге.

Полевая жандармерия

Полевая жандармерия была военным полицейским органом, выполнявшим функции полиции порядка в зоне боевых действий и в ближнем армейском тылу. Каждой армейской группировке немецкой армии придавался один или несколько отрядов полевой жандармерии, численностью до одного батальона четырехротного состава, корпусам и дивизиям — командой в составе 30 жандармов и одного офицера.

Отряды полевой жандармерии были подчинены высшему офицеру полевой жандармерии при штабе ставки главного командования сухопутных армий на советско-германском фронте. В дивизиях и корпусах полевая жандармерия подчинялась начальникам штабов.

В задачу полевой жандармерии входило: участие в борьбе с партизанами в районе расположения, регулирование движения войск во время марша, установление контрольно-пропускных пунктов, проверка документов, конвоирование военнопленных, приведение в исполнение приговоров военных судов, уборка трупов с поля боя. Кроме того, подразделения полевой жандармерии придавались военным комендатурам.

Комендатуры

На оккупированной советской территории, в районах, не входивших в зону гражданской администрации, создавались комендатуры для осуществления исполнительной власти военного командования.

Комендатуры подразделялись на:

Ортскомендатуры — в районных центрах.

Фельдкомендатуры — в окружных центрах (руководили деятельностью нескольких ортскомендатур).

Штадткомендатуры — в крупных городах.

Комендатуры тыловой армейской области осуществляли руководство деятельностью всех комендатур, находившихся в армейском тылу. Комендатуры действовали до организации постоянных оккупационных властей, входивших в подчинение Восточного министерства Германии.

Комендатуры проводили контрразведывательную работу по борьбе с советской разведкой и партизанами. Наряду с карательной деятельностью комендатуры занимались организацией местных управ, назначением старост, изъятием хлеба, продуктов и сырья для промышленности, угоном советских граждан на принудительные работы в Германии, выявлением и задержанием советских военнопленных, оказавшихся в немецком тылу.

Обычно ортскомендатуре придавалось отделение жандармерии численностью до 10 человек; фельдкомендатуре — взвод жандармерии; остальным комендатурам — команды жандармов. Эти подразделения использовались в качестве вооруженной силы, а также под руководством комендатур вели контрразведывательную работу среди гражданского населения. Кроме жандармерии, комендатуры использовали в городах так называемую полицию службы порядка (ОД), а в сельской местности — вспомогательную полицию из антисоветски настроенных местных жителей.

Полиция безопасности и СД

Полиция безопасности

В составе полиции безопасности были тайная государственная полиция и уголовная полиция. Существовали они самостоятельно, но работали в контакте.

Тайная государственная полиция — гестапо — была особым агентурным, следственным и карательным органом, который занимался выявлением, подавлением и ликвидацией антифашистов и особенно коммунистов. Основанием для репрессий служили результаты проводившейся гестапо агентурной разработки и слежки, а также агентурные материалы органов СД и непосредственные указания фашистских руководителей. Гестапо не ограничивало свою деятельность рамками Германии и засылало агентов в другие государства.

Гестапо арестовывало и заключало людей в тюрьму и концлагеря без каких-либо санкций суда и прокуратуры. Такие аресты офици-

ально именовались превентивными. Действия гестапо не подлежали опротестованию. Практически органы гестапо не были ограничены никакими законами. Органы уголовной полиции производили задержания и аресты уголовных преступников по своему усмотрению, однако все их действия в последующем утверждались судом.

До 1943 г. органы уголовной полиции находились в двойном подчинении: инспекторов полиции безопасности и СД и местных полицейпрезидиумов, в составе которых были уголовные отделения для руководства и надзора за уголовной полицией. В 1943 г. уголовная полиция окончательно была изъята из подчинения полицейских управлений местных органов власти. У них стало только право надзора за чиновниками уголовной полиции, прикомандированными к полицейскому участку. Личный состав полиции безопасности делился на чиновников и служащих. Чиновники имели специальные звания, установленные для гестапо и уголовной полиции, — криминальный советник, криминальный секретарь и т.д.

По положению, существовавшему до войны, состав полиции безопасности комплектовался из чиновников с 10-летним стажем действительной службы в охранной полиции. При переводе на службу в гестапо чиновники проходили курс обучения в Берлинской офицерской школе, находившейся в Шарлоттенбурге. Затем, после испытательного срока им присваивались звания криминальных чиновников. Офицерский состав набирался из выпускников юнкерских школ СС.

Чиновники тайной государственной полиции и уголовной полиции были поставлены под контроль СС и фактически находились в зависимости от службы безопасности — СД. Она следила за их благонадежностью; мнение СД играло основную роль при решении вопроса о повышении чиновников по службе и в звании. Личный состав гестапо целиком состоял в организации СС, носил ее форму и знаки различия. С целью конспирации некоторым чиновникам гестапо и уголовной полиции разрешалось ходить в штатской одежде. Чиновники гестапо и уголовной полиции кроме служебных удостоверений имели особые жетоны с номером удостоверения и надписью — “тайная государственная полиция” или “уголовная полиция”. Эти жетоны предъявлялись вместо удостоверения при задержаниях и арестах.

В 1939 г. Главное Управление полиции безопасности объединилось с Главным Управлением службы безопасности охранных отрядов (СД) и стало именоваться — Главное Управление имперской безопасности (РСХА). Начальником РСХА был назначен Гейдрих, а после его убийства чешскими патриотами в 1942 г. — Кальтенбруннер, именовавшийся официально начальником полиции безопасности и СД. Начальником IV управления РСХА (гестапо) стал группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Мюллер.

В августе 1943 г. в связи с ухудшением военного положения Германии и ростом антифашистских настроений внутри страны Гитлер в целях усиления полицейского режима назначил Гимmlера имперским министром внутренних дел и генеральным уполномоченным имперской безопасности.

Служба безопасности (СД)

До прихода Гитлера к власти в фашистской партии существовало несколько разведывательных органов. Свои разведывательные службы имели охранные отряды (СС), штурмовые отряды (СА), так называемый «национал-социалистический автомобильный корпус» (НСКК), а также молодежная фашистская организация «Гитлерюгенд».

Наиболее сильная разведывательная организация была создана Гимmlером при охранных отрядах в виде службы безопасности (СД). Возглавлял ее ставленник Гимmlера Гейдрих. В 1934 г. СД была признана единственной разведывательной службой фашистской партии, а впоследствии — политической разведывательной организацией фашистской Германии.

Под прикрытием сотрудников германских дипломатических миссий, корреспондентов, представителей торговли, промышленных и других фирм и учреждений работали резиденты СД в иностранных государствах. Агентура СД из немцев, проживавших за границей, и других сторонников фашизма проникала в правительственные круги иностранных государств, вела политическую разведку, а также внедрялась в антифашистские организации с целью их разложения. В ряде стран агенты СД осуществляли крупные диверсионные акты, политические убийства, повстанческие выступления.

Внутри Германии работа СД была направлена на полную фашизацию всех сфер государ-

ственного аппарата, хозяйства, науки и искусства. СД осуществляла политический контроль всех государственных и партийных учреждений, организаций, обществ, частных предприятий, фирм, компаний и т.д.; занималась планомерным сбором политической информации о настроениях населения, а также об оценке народом различных политических, военных и общественных событий, мероприятий правительства и выступлений фашистских руководителей. В немецких официальных документах задачи СД именовались «лебенсгебитарбайт» — работа по областям жизни.

Для выполнения этих задач СД развернула широкую агентурную сеть, охватывая наблюдением все слои населения. По месту жительства наблюдение велось через осведомителей — главным образом, квартальных руководителей фашистской партии (блоклятеры). По месту работы, помимо осведомителей, к агентурной работе привлекались так называемые «почетные» сотрудники СД. Осведомительная сеть вербовалась в основном из сторонников фашистской партии. Во время войны агентурная база СД значительно расширилась за счет иностранных рабочих, военнопленных и жителей оккупированных германской армией областей.

Необходимо отметить, что СД самостоятельно не производила арестов и следствия; все данные на противников гитлеровского режима передавались для реализации в гестапо.

Личный состав органов СД делился на три категории:

1) Штатные работники — кадровые разведчики из эсэсовцев и наиболее проверенных членов фашистской партии.

2) «Почетные» сотрудники СД — гласные представители органов СД в различных государственных и общественных учреждениях, промышленных предприятиях, частных фирмах, учебных заведениях и т.д., выполнявшие контрразведывательные поручения наряду со своей прямой работой. Подбирали их чаще всего из руководителей предприятий и учреждений — членов фашистской партии.

3) Негласный состав — сотрудники, работавшие в органах СД нелегально.

Официальный состав СД носил обычную форму охранных отрядов и имел эсэсовские звания, но у сотрудников СД была нашивка над обшлагом левого рукава в виде ромба с буквами «СД».

Высшим органом СД было Главное управление безопасности имперского руководства СС. Как говорилось выше, в 1939 г. оно вошло основной частью в сформированное Главное управление имперской безопасности.

Оперативная группа А («Айнзатцгруппе А») полиции безопасности и СД

Оперативная группа А полиции безопасности и СД при северной армейской группировке начала продвижение с первых дней войны в глубь Советского Союза из Кенингсберга. Она проводила операции на территории Литвы, Латвии, Эстонии, Псковской, Новгородской и Ленинградской областей*. Передовые отряды ее особых и оперативных команд продвинулись до окрестностей Ленинграда, вступили в Тихвин, Новгород, Чудово. Начальником оперативной группы А был штандартенфюрер СС Шталеккер, затем бригаденфюрер СС Йост и оберфюрер СС Панцингер.

Из захваченных органами государственной безопасности отчетов Оперативной группы А было установлено, что она проводила большую разведывательную, контрразведывательную и карательную деятельность. Совместно с полевыми и местными комендатурами группа организовывала массовые облавы и сплошные полицейские проверки населения. Неблагонадежные, с точки зрения гитлеровцев, люди направлялись в лагеря для гражданского населения или в лагеря военнопленных. Представителей советского «актива» расстреливали. Только по состоянию на 15 октября 1941 г. подразделениями Оперативной группы А было расстреляно 135 567 человек.

Группа развернула активную агентурную разведку и принимала участие в карательных операциях против советских партизан; проводила большую контрразведывательную работу в тылах 18-й и 16-й немецких армий, для чего в ряде населенных пунктов были созданы опорные пункты СД. Каждый опорный пункт состоял из одного офицера, 2—3 унтер-офицеров полиции безопасности и СД, нескольких эсэсовских солдат (резервистов и переводчиков) — местных жителей.

Оперативная группа и ее команды помимо выполнения общих задач, возложенных на органы полиции безопасности и СД, вели также активную зафронттовую разведку против Ленинграда.

С целью получения разведывательных данных о положении в Ленинграде оперативная группа допрашивала в лагерях военнопленных — бывших жителей Ленинграда, а также забрасывала в Ленинград специально подготовленную и тщательно проверенную агентуру. Подбирали агентов, хорошо знавших Ленинград и его окрестности, имевших там близких знакомых и родственников. Кроме сбора разведывательных сведений путем личного наблюдения, агенты, обязаны были также привлекать к шпионской работе жителей Ленинграда и приобретать конспиративные квартиры. Наиболее проверенным агентам немцы сообщали адреса своих доверенных лиц или снабжали рекомендательными письмами к проживавшим в Ленинграде родственникам сотрудничавших с ними советских граждан.

Собранные агентурой разведывательные данные о военных и промышленных объектах Оперативная группа А немедленно передавала командованию артиллерией 18-й немецкой армии или соответствующих корпусов и командованию 1-го воздушного флота. Группа собирала данные о дислокации в Ленинграде наиболее важных учреждений, составляла списки партийных, советских, военных и других руководящих работников. Для проведения операций в городе после ожидавшегося его занятия была создана специальная команда — «Айнзатцкомандо-Ленинград», и из советских граждан, хорошо знавших Ленинград, — так называемая «русская учебная команда», которая должна была нести охрану и участвовать в операциях полиции безопасности и СД.

Со 2 сентября 1941 г. Оперативная группа дислоцировалась в пос. Кикерино Волосовского района Ленинградской области; с 25 сентября 1941 г. — в селе Межно; с 7 октября 1941 г. до отступления немцев из-под Ленинграда — в Гатчине.

* До лета 1944 г. Псковская и Новгородская области административно и территориально входили в состав Ленинградской области.

Долгий путь на родину (Репатриация немецких военнопленных из СССР)*

Глава из книги «Германские военнопленные в СССР: 1941—1955 гг.»

Судя по всему, В.М.Молотов в беседе с И.В.Сталиным упомянул о своем намерении сообщить союзникам информацию, содержащую явно заниженные цифры, характеризующие количество немецких военнопленных, находившихся в СССР. Так или иначе, он получил разрешение на фальсификацию упомянутых сведений, при этом он еще раз изменил количество репатриированных немцев — называвшаяся в проекте «Сообщения ТАСС» прежняя цифра была увеличена на 217 999 чел. Бы-

ло ли это следствием более адекватных расчетов или очередной манипуляцией?

В письме МВД на имя министра иностранных дел говорилось, что на 1 февраля 1947 г. в СССР находится 988 287 (Молотов исправил на 988 500) немецких военнопленных; к указанному сроку освобождено 785 975 человек¹. Как показывает анализ архивных документов, сотрудники ГУПВИ МВД использовали цифры, приводимые и комментируемые ниже.

Количество репатриированных	Краткий комментарий
195 684	По постановлению ГКО № 8921 «сс» от 04.06.1945 г. было освобождено 232 948 военнопленных. Если из этой цифры вычесть 37 264 (количество освобожденных из плена австрийцев), то как раз и получится искомая цифра.
412 000	В соответствии с постановлением ГКО № 9843 «сс» от 13.08.1945 г. должны были быть освобождены 412 000 пленных немцев. Занимаясь подсчетами, сотрудники ГУПВИ МВД, по всей вероятности, брали за основу именно эту цифру, хотя в «Справке об освобождении и репатриации военнопленных» графа «фактически освобождено» осталась незаполненной.
149 587	Эта цифра фигурирует в работе западногерманского историка Курта Бёме ² . Она несколько отличается от приведенной в докладе С.Н.Круглова И.В.Сталину (146 802), однако, надо полагать, является более точной, поскольку официально зарегистрирована в лагере № 69 во Франкфурте-на-Одере. Что же касается «Справки об освобождении и репатриации военнопленных», то в ней говорится, что по постановлению СМ СССР № 1263—519 «сс» от 18.06.1946 г. освобождено 175 955 военнопленных «западной национальности», тогда как предполагалось освободить 152 121 человек. Дифференциация по национальностям отсутствует ³ .

* Продолжение. См. «Новый часовой». 1994. № 2.

Количество репатриированных	Краткий комментарий
28 430	Как следовало из постановления СМ СССР № 2728—1124 “сс” от 23.12.1946 г., в Германию должны были отправить 27 500 пленных и интернированных немцев. Фактически же было репатриировано 28 430 военнопленных (без учета интернированных) ⁴ .
594	Именно это количество выпускников антифашистских школ после дополнительной подготовки было направлено в Германию во второй половине 1946 г. ⁵ Все они поступили в распоряжение СВАГ и поэтому могли не быть зарегистрированы в лагере № 69.
Итого: 786 295	

Таково, очевидно, происхождение цифры, названной в упомянутом выше письме МВД. Расхождение в 320 человек, как нам представляется, вряд ли можно считать существенным. Произведенные подсчеты показывают, что руководство МВД передало В.М.Молотову накануне сессии СМД вполне достоверную информацию о количестве репатриированных немецких военнопленных. В этой связи неизбеж-

но возникает вопрос: почему министр иностранных дел в срочном порядке потребовал ее корректировки в сторону увеличения? Ключом к объяснению этой ситуации служит, на наш взгляд, приводимый ниже документ, датированный 21 марта 1947 г. и подписанный начальником ГУПВИ МВД генерал-лейтенантом Т.Ф.Филипповым⁶.

Сов. секретно
К 7.VI—1945 г.

СПРАВКА

о движении военнопленных западных армий

1. Генштаб Красной Армии по указанию директивных инстанций обобщил к 7.VI—1945 г. все данные о военнопленных.

По данным Генштаба	— 3 849 526
—“— Совинформбюро	— 3 777 290
—“— НКВД СССР	— 3 023 825
в том числе немцев	— 1 741 961

2. По данным ТАСС от 15 марта 1947 г.

содержится военнопленных немцев	— 890 532
освобождено и отправлено на родину	— 1 003 974
	<hr/>
	1 894 506

3. МВД СССР в письме В.М.Молотову от 8.III.47 г. сообщены данные, на два поставленные вопроса, военнопленных западных армий:

содержится военнопленных	— 1 308 691
освобождено военнопленных	— 1 419 449
	<hr/>
	2 728 140

В справках, приложенных к письму т. В.М.Молотова, указано:

содержится немцев	— 988 287
освобождено немцев	— 785 975

1 774 262

4. Не сообщалась МВД СССР цифра умерших, убитых и т.п., т.к. не было запросов

Всего	488 927
из них немцев	294 724

5. Не сообщалась ввиду отсутствия запроса МВД СССР общая цифра принятых военнопленных с 22.VI.—41 г. по 1.II.—1947 г.

— 3 218 079

6. Нужно доказать и объяснить разницу между цифрой Совинформбюро и данными МВД СССР

— 3 777 290

— 3 218 079

559 211

“21” марта 1947 года

подпись (Филиппов)

Кому и зачем разъяснял ситуацию со злополучными цифрами начальник ГУПВИ МВД, догадаться нетрудно. В.М.Молотов конечно же понимал, что после публикации сообщения ТАСС правительства заинтересованных стран смогут сопоставить полученную информацию с ранее печатавшимися в советской прессе сводками Совинформбюро. К слову, именно путем анализа этих сводок германские историки сделали вывод о том, что в советском плену оказалось как минимум 3 155 000 немецких солдат и офицеров⁷.

Завышая на сессии СМД количество репатриированных немцев, В.М.Молотов надеялся несколько смягчить легко прогнозируемую негативную реакцию бывших союзников на свое заявление. Еще до обнародования упомянутых сведений министр иностранных дел Великобритании Э.Бевин повел речь о миллионах немецких военнопленных в Советском Союзе, которых, к тому же, якобы принуждают служить в рядах Вооруженных Сил СССР⁸. Заявление ТАСС от 15 марта западная пресса встретила также крайне недоверчиво. Заведующий 3-м Европейским отделом МИД А.А.Смирнов по этому поводу писал заместителю министра А.Я.Вышинскому: “Наша печать никак не реагировала на эту антисоветскую кампанию, которая до сих пор не утихает. Считал бы целесообразным поручить отделу печати с участием Совинформбюро подготовить несколько статей для публикации в наших газетах”. А.Я.Вышинский, не посвящен-

ный в манипуляции с цифрами на уровне первых руководителей страны, оставил на докладной записке заведомо невыполнимую резолюцию: “Согласен, но статьи должны быть основаны на фактическом материале”⁹.

Вообще ситуация с цифрами выглядит в высшей степени интригующей, ибо именно здесь соприкоснулись и сплелись в причудливый клубок самые разнообразные интересы, приоритеты, мотивации. Этот, казалось бы номинальный вопрос, имеет, как выясняется, весьма примечательную подоплеку.

Начнем с того, что, готовя письмо на имя В.М.Молотова, сотрудники ГУПВИ МВД завысили цифру, характеризующую количество репатриированных немецких военнопленных, с 1 362 784 до 1 419 449 человек (последняя цифра и была сообщена В.М.Молотову)¹⁰. “Резерв” в 56 665 человек, как можно предположить, был необходим для того, чтобы располагать неучтенной рабочей силой, а также по возможности скрыть неблагоприятное положение со смертностью военнопленных.

Любопытно проследить, как ликвидировалось озаботившее ГУПВИ МВД расхождение с данными Генштаба Красной Армии об общем количестве пленных солдат и офицеров противника, составившее 559 211 человек (см. приведенный выше документ). Эту задачу удалось решить лишь частично. С уверенностью можно утверждать, что количество репатриированных немцев было увеличено на 217 999 человек. В отчетах ГУПВИ МВД фигурируют

50 000 возвращенных на родину немцев (они были переданы Польше в соответствии с постановлением ГКО № 9868 от 18 августа 1945 г.), а также 37 264 австрийца. Версия же о том, что оставшиеся 130 735 немцев были освобождены на фронтах без документов и теперь учитывались при подсчетах, подтверждения не получает. Как следует из архивной справки, датированной 1 июля 1948 г., в числе 785 975 репатриированных немецких военнопленных находились 136 287 человек, отпущенных домой без оформления на них каких-либо документов¹¹.

В конце концов расхождение между данными Совинформбюро и МВД было сокращено еще на 100 025 человек. А произошло это следующим образом. В ноябре 1948 г. руководство ГУПВИ попросило заместителя министра внутренних дел СССР И.А.Серова произвести «списание» 100 025 военнопленных, якобы взятых на учет дважды. Приводим дословно эту служебную записку, имевшую гриф «Совершенно секретно»: «Заместителю Министра внутренних дел Союза ССР генерал-полковнику товарищу Серову И.А. В соответствии с решением Бюро Совета Министров Союза ССР была произведена генеральная сверка оперативного-статистических данных о количестве освобожденных военнопленных из лагерей МВД, спецгоспиталей, рабочих батальонов МВС и быв. фронтовых лагерей и сборных пунктов для военнопленных за период с 1945 г. по 1/IX—48 г. с данными имеющихся документов, подтверждающих передачу военнопленных лагерями МВД представителям иностранных государств, органам репатриации и освобожденных на фронтах по спискам. В результате этой сверки оказалось, что между оперативного-статистическими данными о количестве освобожденных военнопленных и документами, подтверждающими их освобождение, имеется разрыв на 100 025 человек и 5 432 человека не расшифрованных. В связи с тем, что оперативного-статистический учет наличия и освобождения военнопленных с начала войны осуществлялся нарастающим итогом по телеграфным донесениям с фронтов из отделов по делам военнопленных, а также из фронтовых лагерей и сборных пунктов, не исключена возможность взятия на учет одних и тех же военнопленных дважды. Исходя из изложенного, образовавшийся разрыв на 100 025 человек считаем необходимым списать с общего опера-

тивно-статистического учета освобожденных военнопленных. Докладывая, просим Вашего решения. Генерал-лейтенант Т.Филиппов, генерал-лейтенант И.Петров. 21 ноября 1948 г.» Любопытна резолюция, наложенная Серовым на этой служебной записке: «Надо было это раньше сделать, а не тогда, когда полагается отчитываться. Ведь пайки-то получали на всех. И.Серов. 30.XI.48»¹².

Упомянутые 100 025 военнопленных были «списаны» опять-таки на счет репатриированных немцев. В итоге общее количество документально (но не фактически!) отпущенных на родину составило 318 024 человек (217 999 + 100 025). Появление этой цифры в свою очередь помогает нам ответить на вопрос: каким образом в «Справке» Главного управления мест заключения МВД СССР появились ныне уже введенные в научный оборот сведения о немецких военнопленных (всего содержалось — 2 389 560 человек, репатрировано — 2 032 873 человека, умерло — 356 687 человек)? Общее количество немецких военнослужащих, взятых на учет ГУПВИ МВД, колебалось, как правило, в следующих пределах: от 2 068 000 до 2 087 000 человек. Объяснить эти разночтения можно тем, что кого-то переводили в категорию интернированных, кто-то переводился в тюрьмы МГБ СССР, кого-то сотрудники учетных отделов лагерей квалифицировали как лиц иной (не немецкой) национальности и т.п.

Если же еще раз обратиться к справке генерал-лейтенанта Т.Ф.Филиппова, то нетрудно подсчитать общее количество учтенных немцев (988 287 человек содержалось в советских лагерях, 785 975 человек было освобождено, 294 724 человека умерли). Оно составит 2 068 986 человек. Прибавим к этой цифре еще 318 024 «освобожденных» и получим 2 387 010 человек, т.е. результат, близкий к искомому (2 389 560 человек). Расхождение, исчисляемое двумя с половиной тысячами военнопленных, подчеркнем еще раз, не представляется существенным, поскольку количество учтенных немецких военнослужащих постоянно менялось.

Есть еще один достаточно важный вопрос: почему количество репатриированных немцев было увеличено до 2 032 873 человек? Ответ на него лежит на поверхности. Дело в том, что к моменту завершения репатриации официально зарегистрированное количество умерших не-

мецких военнопленных составило 356 687 человек. Вполне естественно, что руководство МВД не было расположено к тому, чтобы взять на себя ответственность за еще несколько десятков тысяч скончавшихся в плену немецких военнопленных.

Таким образом, ныне широко известные после многочисленных публикаций В.П.Галицкого сведения о судьбе немецких военнопленных в СССР оказываются недостоверными. Не можем их квалифицировать иначе, как очередную мистификацию. В этой связи нам представляется не вполне корректной попытка авторского коллектива книги «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах» (М., 1993) внести поправки в цифры, опубликованные В.П.Галицким. Как это ни огорчительно, но делается это с помощью очередной чисто цифровой манипуляции. Посчитав, очевидно, что смертность немецких военнопленных должна быть не столь велика, как это было на самом деле, они утверждают, что в лагерях и госпиталях СССР умерли 356,7 тыс. человек, а кроме того, 93,9 тыс. человек — «на пересыльных пунктах и в пути следования». Итак, всего 450,6 тыс. человек¹³. Догадку авторов книги о неучтенной смертности на фронтах, безусловно, можно и нужно поддерживать. Но вот методы подсчета вызывают однозначное неприятие. Сознательно проигнорировав цифру, характеризующую количество репатрированных (2 032 873 человека), они из общего количества «учтенных» немцев (2 389 560) вычли количество репатрированных, указанное в сообщении ТАСС от 5 мая 1950 г. (1 939 063) и получили таким образом «задуманный» результат (?!).

Попробуем сопоставить известное нам количество репатрированных военнопленных (на март 1947 г.) с результатами подсчетов, проведенных германскими историками. Уже упомянутый нами Курт Бёме пришел к таким выводам: репатрировано в период с мая 1945 г. по середину июля 1946 г. — 392 000 человек; с конца июля 1946 г. по февраль 1947 г. — 169 000 человек. Всего получается 561 000 человек¹⁴. Свои расчеты (применительно к периоду до июля 1946 г.) автор строит на результатах переписи населения ФРГ, опубликованных 6 июня 1961 г. Что же касается следующего периода репатриации, то здесь германский исследователь опирается

главным образом на результаты официальной регистрации военнопленных в лагере № 69 во Франкфурте—на—Одере и на сообщения газет «Neues Deutschland» и «Tägliche Rundschau». Получается, что в этот период было репатрировано, как указывалось выше, 169 000 немецких военнопленных. Эта цифра заслуживает куда большего доверия, чем первая. Единственное, в чем ошибается К.Бёме, так это в том, что включает в число репатрированных в январе—феврале 1947 г. (37 000 человек) не 28 430 военнопленных, а лишь 19 000. Остальные 18 000 человек, по его мнению, являлись интернированными¹⁵.

Так или иначе, но к разговору об «арифметике репатриации» нам еще придется вернуться, поскольку без цифр не представляется возможным рассмотреть многие аспекты проблемы возвращения на родину немецких военнопленных.

* * *

Как уже отмечалось, весной 1947 г. ситуация с германскими «узниками войны» обострилась до предела. Министр иностранных дел Великобритании Э.Бевин поднял вопрос о сроках репатриации военнопленных. Необходимость иметь точную информацию о судьбе находившихся в плену он обосновал следующим образом: «Мне представляется весьма важным, чтобы мы имели точную информацию о наличии всех военнопленных и, в особенности, чтобы нам сказали, когда и какими темпами они будут возвращены на родину. Германия в результате войны потеряла очень большую долю своих молодых рабочих»¹⁶.

Еще 8 декабря 1946 г. правительство США направило Франции ноту, в которой содержалось требование освободить к 1 октября 1947 г. всех немцев, которые на завершающем этапе Второй мировой войны были взяты в плен американцами. В феврале 1947 г. правительство Франции отреагировало ответной нотой, в которой речь шла о гарантиях освобождения 440 000 немецких военнопленных не позднее 1-й половины 1948 г. К концу 1948 г. Франция пообещала освободить всех немцев, захваченных в плен французами. Еще до того, как начала свою работу сессия СМВД в Москве, американские и французские эксперты провели переговоры о судьбе немецких военнопленных. В результате был подготовлен меморандум, в котором говорилось, что все военнопленные в

течение 3-х месяцев будут иметь возможность выбора — или репатрироваться, или приобрести статус вольнонаемных во Франции. Правда, это правило не распространялось на эсесовцев и военных преступников¹⁷.

Характерно, что позиция европейских держав в отношении перспектив репатриации немецких военнопленных была весьма неоднозначной. Так, правительство Великобритании в лице премьер-министра К.Р.Эттли сделало в сентябре 1947 г. заявление о том, что оно не может взять на себя каких-либо обязательств относительно ускорения репатриации военнопленных, находившихся в то время в Англии и на Ближнем Востоке. Более того, Эттли заявил, что попытка заключить международное соглашение по поводу завершения репатриации до конца 1948 г. «не будет иметь практической ценности»¹⁸. Симптоматично, что и Франция, участвовавшая в подготовке упомянутого выше меморандума, без энтузиазма отнеслась к освобождению оказавшихся в плену солдат и офицеров Вермахта. Председатель Совета министров П.Рамадье, в частности, заявил: «Отправка из Франции немецких военнопленных будет иметь тяжелые последствия для нашего правительства <...> Не следует забывать, что мы находимся в положении утопающего, голова которого возвышается над водой, но, как только мы забудем об этом, мы тотчас потонем»¹⁹.

Мотивации, которыми руководствовались европейские державы, не исчерпывают вопроса о том, почему ситуация с возвращением военнопленных оказалась столь запутанной. В широком спектре факторов, обусловивших специфику создавшегося положения, должны быть особо акцентированы еще как минимум два обстоятельства, связанных с особенностями позиций Советского Союза и Соединенных Штатов. Во-первых, это проблема перемещенных лиц. СССР рассматривал проблему репатриации военнопленных «вместе с вопросом о перемещенных лицах», как подчеркивал В.М.Молотов в письме на имя Э.Бевина, датированном 5 апреля 1947 г.²⁰ Во-вторых, это вопрос о репарациях. На Московской сессии Совета министров иностранных дел Д.Маршалл отклонил очередную просьбу советской стороны о репарациях. Америка, по его словам, выступает против политики превращения Германии в «приют для бедных в центре Европы»²¹. Негативную реакцию СССР на такое

заявление предвидеть было нетрудно, однако вряд ли кто-то мог предположить, что это самым неожиданным образом отразится на судьбе германских военнопленных. А между тем, дело шло именно к этому. «Западные немцы» теперь стали попадать в списки репатрируемых в последнюю очередь. В июне 1947 г. ГУПВИ МВД разослало на места специальное распоряжение № 1610, в соответствии с которым ставилась задача перепроверки постоянного места жительства каждого пленного немца (предполагалось, что нужная информация будет получена путем личного опроса содержащихся в лагерях и дополнительного изучения персональной документации)²².

Впрочем, возникшие осложнения не могли остановить продолжавшийся процесс репатриации, хотя и привнесли в него ряд новых акцентов. В то время, когда в Москве проходила сессия СМВД, 14 марта 1947 г., Совет Министров СССР принял постановление № 1022—305 «с» «Об отправке на родину 18 тысяч человек нетрудоспособных военнопленных, а также 5 тысяч нетрудоспособных интернированных немцев из числа работающих в угольной промышленности западных районов». Министрам внутренних дел Украины, Эстонии, Грузии и начальникам УМВД по Сталинской, Ворошиловградской, Тульской, Московской, Ростовской и Новгородской областям поручалось отобрать в соответствии с присланными разнарядками нетрудоспособных военнопленных рядового и унтер-офицерского состава, а также физически ослабленных и больных интернированных германских граждан для репатриации (см. приводимую ниже таблицу)²³.

20 мая 1947 г. С.Н.Круглов подписал приказ, в соответствии с которым (во исполнение постановления СМ СССР № 1571—414 «сс») на родину должны были отправить еще 100 000 не способных работать немецких военнопленных и 13 000 интернированных. Механизм их передачи представителям СВАГ предусматривал оформление соответствующих актов и составление именных списков. Эта фаза репатриации должна была завершиться к 1 октября 1947 г., причем контроль за выполнением названного приказа возлагался на заместителя министра внутренних дел генерал-полковника В.В.Чернышова²⁴.

Однако вскоре некоторые положения приказа С.Н.Круглова были пересмотрены. Объяснить это можно, по всей видимости, двумя ос-

Республика, край, область	Подлежит вывозу			
	военнопленных из:			Из рабочих батальонов интернированных
	лагерей	спецгоспиталей	Итого	
Московская область	626	—	626	—
Новгородская область	250	—	250	—
Ростовская область	1292	1000	2292	1165
Тульская область	840	300	1146	—
Воршиловградская область	3966	2500	6466	1822
Сталинская область	4059	1600	5659	2013
Грузинская ССР	368	460	828	—
Эстонская ССР	433	300	733	—
Всего:	11 840	6 160	18 000	5 000

новными причинами. Во-первых, И.В.Сталин и В.М.Молотов, возможно, хотели отказаться (по крайней мере с точки зрения внешних проявлений) от явно дискриминационного режима репатриации немецких солдат и офицеров, которые в отличие от остальных военнопленных освобождались и вывозились на родину не аппаратом Уполномоченного Совета по делам репатриации при Совмине СССР, а органами МВД. Во-вторых, не исключено, что высшие советские руководители не испытывали особого доверия к органам министерства внутренних дел и поэтому решили несколько ограничить их прерогативы в решении проблемы, имевшей большой международный резонанс.

Как бы то ни было, 26 мая 1947 г. выходит специальное постановление СМ СССР (№ 1731—462 “с”), в котором были определены новые параметры процесса репатриации иностранных военнопленных. Теперь освобождением и отправкой домой немецких военнопленных и интернированных (равно, как и австрийцев, румын, поляков, югославов и проч.) ведали органы Совмина. С.Н.Круглов был вынужден 5 июня 1947 г. подписать новый приказ № 00596, в соответствии с которым “перевалочный” лагерь № 69 по Франкфурте-на-Одере был передан из ведения МВД в распоряжение Министерства Вооруженных Сил СССР²⁵.

8 июля 1947 г. представитель СВАГ проинформировал Министерство иностранных дел о том, что уровень смертности среди репатрировавшихся военнопленных весьма высок. А.Я.Вышинский в свою очередь обратился к

С.Н.Круглову с просьбой проинформировать МИД СССР о том, какие шаги в связи с таким положением намеревается предпринять МВД. Ответом на обращение А.Я.Вышинского стало письмо, подписанное заместителем министра внутренних дел И.А.Серовым, который высказал недоумение по поводу того, что вопрос о смертности репатрировавшихся стал объектом внимания МИДа. Более того, И.А.Серов сам поставил вопрос: а стоит ли вообще заниматься этой проблемой, если из лагерей освобождаются только нетрудоспособные немцы, а смертные случаи имеют место “главным образом за счет больных дистрофией и туберкулезом”²⁶?

А между тем, еще 23 июня 1947 г. в условиях антисоветской кампании, развернувшейся вокруг ситуации с военнопленными в СССР, заместитель министра иностранных дел Я.А.Малик счел необходимым узнать мнение МВД относительно возможности посещения лагерей военнопленных делегацией «Швейцарского Санитарного Центра». При этом он подчеркнул, что эта просьба исходила от “гуманной антифашистской организации нейтральных стран”²⁷. Ответ С.Н.Круглова был более чем категоричен: “<...> МВД считает нежелательным посещение лагерей любыми иностранными делегациями”²⁸. В то же время министерство иностранных дел получило право контролировать ход выполнения правительственного постановления о репатриации военнопленных и интернированных как в отношении сроков, так и в отношении количества обрета-

ших свободу. В этой связи МИД по просьбе СВАГ предлагал МВД дать подробную информацию о местах постоянного проживания германских подданных на момент пленения Красной Армией. Содержание ответного письма, направленного Я.А.Малику 26 июня 1947 г., было обескураживающим. В нем, в частности, приводились такие цифры: всего немецких военнопленных в СССР — 975 638 человек, из них в советской зоне — 254 841 человек, в американской — 177 974 человека, во французской — 69 477 человек, в английской — 243 035 человек. Немцев, которые проживали на территории Германии, отошедшей к Польше — 72 707 человек; на территории Венгрии (имелись в виду немецкие военнопленные, семьи которых переселялись в Германию в связи с «очисткой тыла Красной Армии») — 2 164 человек; на территории Чехословакии — 16 289 человек²⁹. Остальные военнопленные немцы, численность которых составила 95 932 человека, являлись подданными других государств. А.А.Смирнов, заведующий 3-м Европейским отделом МИД, изучив ответ МВД, пришел к выводу о том, что в Германию может быть возвращено не 890 532 человека, как было сказано в заявлении ТАСС от 15 марта 1947 г., а только 879 706 человек. Поэтому он обратился к А.Я.Вышинскому с вопросом о том, как поступить в сложившейся ситуации. Вышинский, в свою очередь, был вынужден адресовать этот вопрос В.М.Молотову, который и оставил на упомянутом запросе резолюцию следующего содержания: «Цифры на Моск. СМИД утверждены мною. Надо сговориться»³⁰.

Вообще МИД СССР весной и летом 1947 г. уделял проблеме репатриации военнопленных повышенное внимание. Начальник ГУПВИ МВД был обязан регулярно докладывать по телефону в МИД о том, как идет репатриация. Так, 7 августа он в ходе телефонного разговора заверил министерство иностранных дел, что к 1 сентября 1947 г. решение правительства о репатриации 100 000 немецких военнопленных будет выполнено. При этом прозвучали цифры: вывезено на 1 августа 69 673 человека, 63 239 из них уже переданы германским властям; в пути находятся 4 171 человек, готовы к отправке — 2 263 человека. В августе будут репатрированы еще 24 635 человек, последняя же группа немцев численностью 19 700 человек покинет пределы Советского Союза в сентябре³¹.

В октябре 1947 г. Совет Министров СССР принял очередное постановление о возвращении на родину из лагерей, рабочих батальонов и спецгоспиталей очередных 100 тысяч нетрудоспособных немцев. Еще более интенсивно процесс репатриации стал развиваться с весны 1948 г., когда правительством была поставлена задача освободить и вернуть в Германию 300 000 человек. Примечательно, что они были отнесены к ранее не упоминавшейся категории «малотрудоспособных». А через год, 19 февраля 1949 г., Совет Министров СССР в очередном своем постановлении поставил цель — завершить репатриацию немецких военнопленных, оставив в Советском Союзе лишь военных преступников и лиц, взятых на учет по так называемым «формальным признакам» (члены СС, сотрудники разведывательных и карательных органов и др.).

Примечания

¹ ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.01е. Д.46. Л.143.

² См.: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkriegs. Munchen. Bd.VII. 1966. S.143.

³ ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.01е. Д.46. Л.269.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп.2. Д.139. Л.250.

⁶ ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.01е. Д.46. Лл.143—144.

⁷ См.: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen ... S.49.

⁸ АВП РФ. Ф.0431. Оп.4. П.2. Д.5. Лл.80—81.

⁹ Там же. Ф.082. Оп.34. П.148. Д.19.Л.16.

¹⁰ ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.01е. Д.46. Л.140.

- 11 Там же. Л.171.
- 12 Там же. Л.155.
- 13 Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С.390.
- 14 См.: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen ... S.147.
- 15 Ibid. S.147—148.
- 16 АВП РФ. Ф.043. Оп.4. П.5. Д.21. Л.7.
- 17 Там же. Ф.082. Оп.34. П.148. Д.19. Лл.13—15.
- 18 Там же. Ф.0431. Оп.4. П.2. Д.5. Л.14.
- 19 Там же. Ф.0431. Оп.5. П.4. Д.16. Л.346.
- 20 Там же. Ф.0431. Оп.4. П.5. Д.21. Л.24.
- 21 Цит. по: Верг Н. История советского государства 1990—1991. М., 1992. С.318.
- 22 ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.16е. Д.50. Л.68.
- 23 ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп.2. Д.233. Лл.127—132.
- 24 Архив УВД ВО. Ф.6. Оп.1. Д.493.
- 25 ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп.12. Д.225. Лл.63—68 об.
- 26 АВП РФ. Ф.082. Оп.34. П.148. Д.19. Лл.117, 119.
- 27 Там же. Л.82.
- 28 Там же. Л.83.
- 29 Там же. Л.59.
- 30 Там же. Л.65.
- 31 Там же. Л.70.

Окончание следует

Казачество России в 1941—1943 гг.: неизвестные страницы истории

Трагедия русского казачества после революции 1917 г. исследована пока явно недостаточно. Стойкое и жертвенное участие целых казачьих Областей и Войск в борьбе с большевиками на стороне Белого движения, безусловно, имеет свои социально-экономические и иные причины. Равно как свои истоки имеют и факты, свидетельствующие о том, что их отношения с Белыми армиями были далеки от идеальных. Однако беспристрастный историк обязан будет воспользоваться оценочными категориями при характеристике политики Советской власти в 1918—1941 гг. по отношению к казачеству России. Ничем иным, как геноцидом, нельзя назвать планомерное уничтожение казаков как огромной специфической социальной группы российского общества. Казачество явилось одним из первых слоев населения, к которому Советская власть применила практику уничтожения по классовому признаку — главную отличительную черту так называемого красного террора. 15 января 1919 г. ЦК большевистской партии был проинформирован Донбюро РКП (б) о том, что при занятии РККА Области Всевеликого Войска Донского «предстоит очень большая и сложная работа по уничтожению путем целого ряда мероприятий... кулацкого казачества как сословия, составляющего основу контрреволюции»¹. 29 января М.Ф.Владимирский, Н.Н.Крестинский и Я.М.Свердлов — члены Оргбюро ЦК РКП(б) — приняли печально известный секретный циркуляр о единственно правильной беспощадной борьбе со всеми верхами казачества «путем поголовного их истребления»². В качестве инструментов реализации предлагался беспощадный массовый террор с поголовным

истреблением всех богатых казаков, а также вообще всех казаков, принимавших какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. Предполагались разнообразные меры по переселению иногородних на казачьи земли, разрушение казачьей общины как социального общественного института и т.д.³ Член Реввоенсовета 8-ой советской армии, оперировавшей тогда на Дону, И.Э.Якир доходчиво упростил и популяризировал «высшие санкции»: «...Полное уничтожение всех поднявших восстание, расстрел на месте всех имеющих оружие и даже процентное уничтожение мужского населения»⁴. Армия Якира по официальным данным уничтожила около 8 000 жителей Донской области за первое полугодие 1919 г. В весенние дни 1919 г., предшествовавшие кровавому донскому восстанию в станицах Вещенской и Казанской, чекисты бессудно расстреляли в станице Мигулинской 62 старика-казака и за шесть дней марта — более 400 человек в станицах Казанской и Шумилинской⁵. Ответом Дона на «дюжюю свирепость» большевиков прогремели мощные массовые восстания, беспощадные к любым сторонникам Советской власти, но даже самые трагические свидетельства об этих восстаниях не могут сравниться с реализацией плана ЦК РКП(б). Не лучшей предстала политика расказачивания и в областях иных войск. Например, 5 июня 1919 г. на заседании Оренбургского губкома партии дебатировался вопрос о необходимости уничтожить всех казаков «свыше 45 лет, не имеющих сыновей в Красной Армии и не стоящих на стороне Советской власти». За реализацию данного предложения проголосовали 5 участников, 4 против и 1 воздержался⁶.

Окончание Гражданской войны принесло весьма относительную передышку населению казачьих областей России. В октябре 1920 г. особоуполномоченный ВЧК по Северному Кавказу К.Ландер в обращении к населению Кубанской области и Черноморского побережья посулил полным уничтожением всех станиц и селений, с поголовным расстрелом всего взрослого населения, “оказывающих помощь белым и зеленым в горах”⁷. В одном Екатеринодаре, столице Войска Кубанского, за июнь 1921 г. ЧК по политическим мотивам расстреляла 315 человек⁸. Массовыми расстрелами, высылками в концентрационные лагеря в 1921—1922 г. обернулось “возвращение на Родину” для тех казаков, кто внял “прощению Советской власти” и покинул Зарубежье⁹. Тяжелейший удар был нанесен Советам в указанных областях по Православной Церкви: антицерковный террор не прекращался фактически на протяжении 20 лет, видоизменялись его формы, но сущность оставалась неизменной — искоренение православия, духовной основы казачьего уклада. Еще в 1920 г. архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан писал в послании к Патриарху Константинопольскому: “...Святые храмы или разорены, или осквернены, или поруганы... Иконы выбрасываются, антиминсы обращаются в носовые платки или и того худшие предметы домашнего обихода... священные сосуды расхищаются и обращаются в предметы унизительного потребления. Над пастырями церкви Донской производятся всяческие издевательства и насилия адской злобы, напоминающие собой страдания первых христиан... Таких пастырей Донская церковь насчитывает до сего времени до полусотни; о многих новых мучениках—пастырях сведения еще не собраны”¹⁰. За 20 лет Советской власти в Областях Всевеликого Войска Донского и Войска Кубанского умерли, погибли, подверглись репрессиям, оказались расстреляны или пропали без вести митрополит Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор (Преображенский) — 1920 г.; епископ Владикавказский и Моздокский Антонин (Грановский) — 1927 г.; епископ Владикавказский и Моздокский Геден (Покровский) — 1922 г.; епископ Ростовский Евгений (Кобранов) — 1935 г.; епископ Каменский, викарий Донской епархии Иннокентий (Бусыгин) — 1925 г.; епископ Ставропольский Лев (Черепанов) — 1934 г.; епископ Владикавказский и Моздок-

ский Макарий (Павлов) — ?; митрополит Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич) — 1928 г.; архиепископ Самарский и Ставропольский Петр (Руднев) — 1938 г.; митрополит Ставропольский и Кубанский Серафим (Мещеряков) — 1933 г.; епископ Ростовский и Ярославский Серафим (Трофимов) — 1935 г.; архиепископ Краснодарский Софроний (Арефьев) — 1937 г.; архиепископ Кубанский и Черноморский Феофил (Богоявленский) — 1937 г.¹¹ и многие другие.

Но самым страшным испытанием, приведшим к неисчислимым жертвам, бедствиям, лишениям и просто личным человеческим драмам для населения Дона, Кубани, Терека стала насильственная коллективизация, которая окончательно подорвала бытовую основу специфической казачьей жизни. Заметим, что коллективизация ударила основательно не только по казакам, но и по иногородним, переселившимся на Дон и Кубань после Гражданской войны и сумевшим в годы НЭПа обустроить свое хозяйство. На “коллективизацию” бывших казачьих территорий обращалось особое внимание, ибо население указанных областей рассматривалось еще с января 1919 г. как источник потенциальной опасности для режима. В декабре 1932 г. газета Вешенского района «Большевистский Дон» выходит с огромным заголовком «ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ, ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ ВЫПОЛНИТЬ ПЛАН ХЛЕБОЗАГОТОВОК И ЗАСЫПАТЬ СЕМЕНА!»¹². При изъятии “хлебных излишков” колхозников Вешенского района подвергали пыткам: ломали пальцы карандашами, подвешивали за шею к потолку, устраивали показательную инсценировку казней... Организаторами истязаний выступали уполномоченные Вешенского РК партии Белов и другие¹³. Особый уполномоченный крайкома партии Шарпов настаивал на том, чтобы выкидывать на лютый мороз все семьи и хозяйства, не сдающие хлеб и “не отрывающие ям... чтобы гады подышали на улице”¹⁴. По Вешенскому району в период хлебозаготовок с конца 1932 по 24 января 1933 г. существовало 13 813 хозяйств с населением 52 069 человек. Милицией, сельсоветами, ОГПУ были арестованы 3 128 человек. Осуждены судами и коллегией ОГПУ 2 300 человек, кроме того 52 человека приговорены к расстрелу, из домов выселены на улицу 1 900 хозяйств¹⁵. В Ващаевском колхозе колхозниц пытали огнем, по пояс зарывали в яму, требуя

выдачи хлеба. В Наполовском колхозе уполномоченный РК партии Плоткин сажал отказы-вавшихся сдавать хлеб на раскаленную плиту. Когда человек начинал кричать, под него лили воду из кружки, выводили на мороз “охладиться”, а затем начинали пытаться снова...¹⁶

В конце 1932 г. Кубань и Дон оказались на особом военном положении под предлогом вспышки эпидемии холеры. На самом деле, еще с конца 1929 г. на Дону разместили 14-ю Московскую стрелковую дивизию для участия в подавлении восстаний, чуть позднее Северо-Кавказский Военный Округ был усилен еще двумя дивизиями¹⁷. 17 декабря 1932 г. вспыхнуло восстание в станице Полтавская, оказавшейся перед угрозой депортации всего населения. Бои с участием спецчастей НКВД продолжались несколько дней. Восстания также имели место в станицах Уманская, Урюпинская, Медведковская, Лабинская и др.¹⁸

Массовая смертность от голода, вызванная невиданным по своим масштабам изъятием “хлебных излишков” началась в 1932 г., хотя ее первые признаки усматривались еще в 1931 г. География голода хорошо известна, поэтому мы остановимся лишь на казачьих областях. История искусственного голода ужасна и поражает даже самого беспристрастного историка. Отец одного из ребят, переживших киевскую оккупацию в 1941—1943 гг., рассказывал сыну о страшном лете 1933 г., людоедстве, пальцах с ногтями в деревенских горшках и бессудных расстрелах коллективизаторщиками людоедов. “...Выведем их из села, свернем куда-нибудь с поле, в балочку, пошлепали из пистолета в затылок, землей слегка присыпали — потом волки съедят”¹⁹. В станице Лабинской после депортации в начале 1933 г. осталось 24 000 жителей, к концу года от голода вымерло 14 000 человек²⁰.

Огромное количество трупов, которые некому было убирать, лежало на улицах Кранодара и Ставрополя²¹. По подсчетам Р. Конквиста, число жертв “голодомора” на Северном Кавказе составило не менее 1 млн. человек²². Даже если посчитать приведенные цифры завышенными, реалистичная картина все равно окажется невообразимо страшной.

Статистика жертв террора 1937—1939 гг. на Кубани, на Дону и Северном Кавказе вряд ли когда-либо станет известна. Мы можем лишь строить предположения об исключительной жестокости Ростовского, Краснодарского,

Ставропольского, Грозненского УНКВД ввиду того, что практически все население в этих районах являлось объектом “проскрипций”. Как нам представляется, поскольку потаенным смыслом “террора 1937 г.” являлась полная смена правящей элиты и уничтожение тех, кто бы мог быть потенциально опасен режиму в случае глобальных внешнеполитических потрясений, то на местах “проскрипционная” политика НКВД оказалась значительно масштабнее, чем в центре²³. Первый секретарь Ростовского и Азово-Черноморского ОК ВКП(б), бывший чекист Е.Г.Евдокимов даже пытался жаловаться в Москву на самоуправство местных органов НКВД, пока сам не попал под пресс своих бывших коллег²⁴. Первомайские демонстрации 1937—1938 гг. проходят перед зданием Ростовской тюрьмы и УНКВД на глазах десятков и сотен заключенных²⁵. Очевидно, что таким образом осуществлялось моральное воспитание тех, кто уже сидел и тех, кто пока получал отсрочку. Не лучше обстояло дело и на Северном Кавказе. В августе 1937 г. начальник отдела кадров ЦК ВКП(б) Г.М.Маленков заявил, что в Чечено-Ингушетии каждый второй коммунист — “враг народа”, а каждый третий чеченец или ингуш — “бандит”²⁶. Естественно, точка зрения товарища Маленкова не могла не касаться станичников того же Надтеречного района...

Все вышесказанное заставляет сделать очевидный вывод. Политика террора и геноцида большевиков, Советской власти, ВЧК — ОГПУ — НКВД за 20 лет привела к тому, что истерзанное население Дона, Кубани, Терека готово было поддерживать любое иностранное нашествие. Причем, что важно подчеркнуть, ненависть к режиму разделялась уже не только значительным количеством уцелевших казаков, но и многими иногородними, переселенными Советской властью в 20-е гг., как раз чтобы ассимилировать казачье сословие. Ибо террор 30-х гг. имел “географический” характер, охватывая целые области. Будущий историк вряд ли должен пытаться оценить вторую войну казачества с большевиками²⁷ с положительной или отрицательной точки зрения. Это война явилась очевидным фактом. Не исключено, что последним отчаянным эмоциональным взрывом, даже не казаков в нашем традиционном понимании, а населения определенных районов СССР, по которым в большей степени, чем в иных местах, пришлось превентив-

ный террор. И не стоит пытаться бороться с фактом, как это делает ряд нынешних публицистов, пытающихся доказать “отсутствие казачьего присутствия” в Вермахте в 1941—1945 гг.²⁸, а необходимо выявить генезис и проследить механизм этого в высшей степени трагического явления в истории России. Некорректно, наверно, к политическому выбору этих людей в данной ситуации пытаться применять и нравственно-этические мерки, пытаясь рассматривать вопрос о факте службы в Вермахте в связи с традиционными понятиями о верности Родине. Режим и его политика для очень многих, и не только казаков, отрафировали за 20 лет такую нравственную категорию как Родина. Можем ли мы, граждане России 1995 г. кого-то осуждать, не пережив и сотой доли тех несчастий, лишений, выпавших на их долю?

* * *

Сотрудничество с оккупантами на Дону и Кубани имело массовые характер с момента прихода немцев в середине 1942 г. до их отступления в начале 1943 г. В качестве наиболее достоверного свидетельства, обратимся к воспоминаниям секретаря Военного Трибунала Армавирского гарнизона Северо-Кавказского фронта (1943 г.) Я. Айзенштата: “Только Военный Трибунал Армавирского гарнизона рассмотрел тысячи дел о старостах, полицаях и жандармах, действовавших на Кубани. Дела <...> рассматривались не только в Армавире, но и на выездных сессиях трибунала в станциях Успенская, Новокубанская, Гулькевичи, Лабинская и других. Дел было столько, что они не размещались в шкафах и хранились в обширном подполье трибунала <...> Константин Симонов писал, что на Кубани не набралось и сотни предателей, а они исчислялись тысячами. На плодородной Кубани в период оккупации никто не голодал, не пух от голода, а на службу к немцам шли”²⁹.

Выступление В. М. Молотова по радио 22 июня 1941 г. с известием о начале войны, например, в Ростове-на-Дону у многих вызвало радостное настроение. Оставившая свои записки о жизни в Ростове в 1935—1942 гг., инженер В. Богдан сообщает: “Первая мысль, которая пришла мне в голову, была: Вот оно, начало конца советской власти! Я как-то не подумала, что война — это бедствие, что в войну будут втянуты мой муж и братья; все загоро-

дила одна мысль: война выбьет большевиков из седла власти. Вероятно, так чувствовала не только я одна; на всех лицах было видно как бы радостное возбуждение, но расходились без громких замечаний”³⁰. Нельзя не учитывать, что с подобными настроениями многие призывались в Действующую армию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Споря со своим отцом и защищая точку зрения мужа, Валентина Богдан горячо доказывала: “Я уверена, как только немцы займут несколько селений и возьмут в плен первую партию красноармейцев, они немедленно организуют русское правительство и освободительную армию, которая и будет воевать против коммунистов. Ей и воевать-то не придется, кто станет защищать Сталина? Колхозник? Рабочий? Как только надзор НКВД уйдет, коммунисты будут сброшены”³¹. Вполне возможно, что такие или подобные им настроения тайно разделялись многими красноармейцами и командирами 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии, которым командовал майор Иван Никитич Кононов...³²

Говоря о второй войне казачества против Советской власти, необходимо учесть, что ее организация имела два начинания. Первое начинание можно охарактеризовать как немецкую инициативу, т.е. инициативу исходившую от некоторых офицерских кругов Вермахта (Восточный фронт), гораздо позже получившую официальную поддержку А. Розенберга, “увидевшего” в казаках “потомков ост-готов”. Немецкие усилия в этом направлении с осени 1941 г. привели к возникновению в составе Вермахта отдельных казачьих сотен, батальонов; в марте 1943 г. начала формироваться 1-я казачья дивизия, с середины 1944 г. постепенно начавшая разворачиваться в XV казачий кавалерийский корпус. Вторым начинанием явилось стихийное формирование на оккупированных территориях, в первую очередь Всеволоцкого Войска Донского, Кубанского и Терского войск, добровольческих казачьих сотен и полков, объединившихся весной 1944 г. в полувоенное-полугражданское передвижное поселение — Казачий Стан. Инициатива объединения добровольцев и создания самостоятельных мелких казачьих единиц исходила от самих казаков, правда, на местах она пользовалась поддержкой офицеров Вермахта. Негласное соперничество и ряд конфликтов личного характера, усиленные амбициозностью как ор-

ганизаторов 1-й казачьей дивизии, так и Казачьего Стана, привели к тому, что эти начинания оказались противопоставлены друг другу и должны рассматриваться как две самостоятельные тенденции при исследовании истории казачества во Второй мировой войне. Особую роль посредника-примирителя между этими двумя крайностями пыталось играть Управление Казачьих Войск Дона, Кубани и Терека³³, созданное с разрешения А.Розенберга в декабре 1943 г. Но на самом деле Управление, возвращенное и укомплектованное представителями белой казачьей эмиграции, претендовало на роль возглавителя всех казачьих войск (к этому вопросу мы вернемся в последующих очерках).

Эпизод с полком майора И.Н.Кононова, о котором пойдет речь ниже, явился доказательством того, что тенденция стихийного, самоуправляемого желанья многих казаков вступить на путь вооруженной борьбы с режимом пусть даже и в составе иностранной армии, оказалась весомой и более ярко выраженной, нежели чем последовавшие германские мероприятия по организации боевых казачьих подразделений.

155-я стрелковая дивизия генерал-майора П.А.Александрова, в которую входил полк майора Кононова, в начале 1941 г. дислоцировалась под Барановичами, в Западном ОВО³⁴. На 15 июня 1941 г. в 436-м стрелковом полку числилось 444 человека командного состава, 46 человек начальствующего и 1678 бойцов. Полк имел 27 50-мм минометов, 18 82-мм минометов, 12 45-мм орудий, 6 76-мм орудий, 178 различных пулеметов и иное вооружение³⁵. К сожалению, ни полковых, ни дивизионных, ни армейских документов за июнь-август 1941 г. не сохранилось. Известно, что соединения 10-й армии были отсечены от своих еще 28 июня 1941 г., затем они вышли в район Налибокской пущи, где оказались окружены вторично и стали пробиваться к своим по отдельности³⁶. Л.Е.Решин, ссылаясь на показания майора Вермахта графа Г.А.Риттберга — офицера связи между генералом Шенкендорфом, командующим войсками тыла группы «Центр», и Кононовым, утверждает, что Кононов «сдал полк, оборонявший Смоленск, немцам», а 28 октября 1941 г. получил приказ от Шенкендорфа сформировать казачий эскадрон из военнопленных 8 лагерей, что и было выполнено к 9 ноября 1941 г.³⁷ В другой публикации Решин утверждает, что Кононов созна-

тельно поставил полк в крайне невыгодное положение, несколько десятков бойцов сдались вместе со своим командиром, но остальное подразделение вели бой до последнего³⁸. В первом случае мы имеем дело с особенностями составления протоколов на допросах в УНКВД по Новосибирской области, где допрашивался Риттберг³⁹, а во втором — просто с искажением фактов. На самом деле расходятся лишь данные о том, насколько большая часть 436-го полка перешла со своим командиром линию фронта. Наиболее близка к реальности будет следующая картина.

3—4 августа 1941 г. 436-й полк 155-й дивизии 67-го стрелкового корпуса находился в арьергарде, прикрывая отступление дивизии. Сейчас сложно сказать, какова была численность полка, но известно, что полк был явно боеспособен, так как в районе Погоста (Белоруссия) он нанес поражение преследующим арьергард дивизии немцам⁴⁰. Интересно то, что после этого боя из полка уехал начхим корпуса подполковник В.В.Поздняков, якобы собиравшийся ходатайствовать о представлении Кононова к боевой награде за удачные боевые действия⁴¹. По иронии судьбы, в последующем В.В.Поздняков⁴² будучи в чине полковника ВС КОНР стал начальником командного отдела штаба ВС КОНР. Сам Поздняков уже после войны подтверждал факт знакомства с Кононовым по корпусу и инспекции его полка⁴³, но ни словом не обмолвился о представлении⁴⁴. В десятых числах августа Кононов послал одного из командиров к немецкому командованию, чтобы предупредить о будущем переходе. 22 августа 1941 г. майор И.Н.Кононов и большая часть 436-го стрелкового полка 155-й дивизии перешли на сторону немцев. Кононов честно сказал комсоставу полка о том, что ненавидит Советскую власть, тирана Сталина и переходит к немцам для организации русских вооруженных сил, чтобы бороться против террористического режима⁴⁵. Поздняков пишет, что Кононов находился в окружении и перешел к немцам с одним из своих батальонов и сразу же заявил, что хочет принять участие в вооруженной борьбе с большевизмом⁴⁶. Однозначно, что к 22 августа 1941 г. Кононов находился в окружении, так как в Главном Управлении Кадров Наркомата Обороны он уже числился пропавшим без вести с 31 июля⁴⁷. На сторону немцев перешел и заместитель комполка по политчасти Панченко,

рассказывавший, что после речи Кононова у него лично волосы встали дыбом⁴⁸. Служба Панченко в 436-м полку подтверждается документально⁴⁹. О переходе всего полка свидетельствует фотокопия страницы из личного дневника майора Кононова, где записано: “Сегодня, 22 августа 1941 г., добровольно со своим полком перешел в открытую борьбу против советской власти”⁵⁰. В немецких документах отмечается, что майор Кононов произвел прекрасное впечатление⁵¹. Резюмируя, можно сказать, что в 9 часов утра 22 августа 1941 г. имел место массовый переход с оружием на сторону немцев большой группы бойцов и командиров 436-го стрелкового полка минимум в несколько сот человек. Полк (или оперативная группа полка) находился к этому моменту в окружении, связь со своими была прервана и помешать переходу никто не мог. Переход группы Кононова явился сознательной акцией, имевшей, в первую очередь, политическое значение.

10 сентября 1941 г. ОКХ радиогаммой разрешило генерал-лейтенанту Шенкендорфу, командующему армейским тыловым корпусом группы «Центр» формирование одного донского казачьего полка⁵². Костяком полка послужила какая-то (не вся) часть перешедших с Кононовым, а также добровольцы из числа военнопленных из лагерей Могилева, Гомеля, Борисова, Невеля и др. В Могилевском лагере из более чем 4 000 желающих Кононов отобрал 405 казаков и 137 неказачьих⁵³. К 15 сентября 1941 г. в Могилев прибыло более 1 000 человек добровольцев. К 19 сентября 102-й донской казачий полк насчитывал 77 офицеров, 201 урядника и 1521 казака. В состав полка входило 7 сотен (1—3 конные, 4—6 пластунские с пулеметными взводами по 4 «Максима», 1 пулеметная сотня с 16 станковыми пулеметами, 1 минометная батарея с 12 82-мм минометами), 1 артбатарея с 6 45-мм и 6 76-мм орудиями, взвод связи, саперов, хозвзвод и полковой оркестр. Неказачьих в полку насчитывалось чуть более 250 человек. Знаменосцем полка стал 50-летний донской казак станицы Каргальской К.Н.Белоградов, прошедший за 20 лет Советской власти 12 лет в лагерях, потерявший 4 сыновей и 2 братьев в результате террора НКВД⁵⁴. Сам Кононов указывал, что организация полка состоялась 28 октября 1941 г.⁵⁵, имея ввиду, что 27—29 октября в районе деревень Шепелевечи—Мортяновичи—Глубокое под

Могилевом сотнями полка был разбит советский десантный отряд майора Яснова и старшего батальонного комиссара Гущенко численностью около двух батальонов. Потери десантников составили 171 человек убитыми, 348 ранеными, 257 пленными. Казаки потеряли 63 человека ранеными и 29 убитыми⁵⁶.

В соответствии с приказом Гитлера от 13 января 1942 г. 2/15, численность “восточных” войск в Вермахте должна была быть ограничена, а войсковая организация не должна была превышать батальона⁵⁷. Поэтому во второй половине января 1942 г. 102-й Донской казачий полк генерал-лейтенант Шенкендорф приказывает переформировать в 600-й донской казачий батальон численностью... около 2 000 человек. На базе батальона был сформирован 17-й казачий танковый батальон, вошедший в подчинение 3-й танковой армии Вермахта под Великими Луками в конце мая 1942 г., где и остался в качестве подразделения. Вместе с ним в составе этой армии до конца февраля 1943 г. находились 1-я и 6-я сотни 600-го батальона. На этом участке казачьи группы несколько раз выполняли разведывательные задания в советском тылу. 22—24 ноября 1942 г. группа сотника Сидорова захватила Военный трибунал одного из советских корпусов, освободила 9 красноармейцев, приговоренных к расстрелу, и 23 сидевших в КПЗ⁵⁸. В начале 1942 г. в 600-й батальон прибыла группа русских офицеров из Югославии во главе с полковником Императорской армии А.Н.Пуговичниковым, ставшим вскоре заместителем Кононова. В феврале 1942 г. 600-й казачий батальон принял участие в операции против окруженного между Смоленском и Пропойском корпуса генерала Белова в составе 88-й пехотной дивизии Вермахта. Из беловского корпуса на сторону казаков перешло некоторое количество бойцов и командиров (это было результатом обращенных к ним листовок). Кстати, в советских сообщениях И.Н.Кононов именовался “эмигрантом—белогвардейцем, ушедшим за границу в 1920 г.”⁵⁹ В дальнейшем казаки участвовали в боях против регулярных частей Красной Армии: под Великими Луками с 15 мая по 20 сентября 1942 г. и под Смоленском с 22 октября 1942 г. по 4 апреля 1943 г. В результате бесперывных боев на фронте, операций против десантных групп и партизанских формирований батальон нес значительные потери, пополняясь, в основном, за счет пере-

бежчиков, пленных, добровольцев. Минимальное количество прошедших через 600-й батальон—102-й полк с 28 октября 1941 г. по 10 июня 1943 г. — около 5 000 человек, причем многие из них никогда не сидели за колючей проволокой. Особенностью всех частей, которыми командовал Кононов — полка, батальона, дивизии являлось полное отсутствие немецких строевых офицеров, за исключением нескольких связистов и упомянутого Риттберга. С 5 марта по 4 апреля 1943 г. батальон удерживал участок автомагистрали Минск—Москва шириной 350 м и около 3 км в глубину. За месяц на его сторону перебежало 69 красноармейцев, 17 сержантов и 5 командиров; о случаях обратных переходов пока не известно. (Вообще, в отличие от восточных батальонов, в казачьих частях случаи перехода на сторону противника происходили очень нечасто, ибо в сущности казакам терять было нечего и ни на какое снисхождение они рассчитывать не могли.) Все попытки во второй декаде марта уничтожить авианалетами и артогнем батальон и прекратить его активную агитационную пропаганду успеха не дали⁶⁰. 4 апреля 1943 г. 600-й казачий батальон подполковника И.Н.Кононова сменился и отправился в Могилев, а 7 июня 1943 г. — в Млаву (Польша), где формировалась 1-я казачья дивизия полковника Х. фон Паннвица⁶¹. Здесь 600-й казачий батальон легко развернулся в 5-й Донской полк 2-й бригады, его командиром остался подполковник Кононов.

Говоря об участии 600-го батальона в операциях против партизан, десантников, ни в коем случае не стоит идеализировать ни ту, ни другую сторону. Любая партизанская война отличается жестокостью с любой стороны, и вряд ли кононовцы при проведении антипартизанских операций всегда оставались лояльны по отношению к мирному населению, особенно к подозреваемым в связях с партизанами. Известны случаи, когда сами партизаны провоцировали на жестокие репрессии против ряда деревень и их жителей и немцев, и формирования, подобные 600-му батальону⁶². Безусловно, появлялись и симптомы, свойственные поведению казаков во многих войнах. Уже в конце 1944 г. в Хорватии один из офицеров 5-го Донского полка уговаривал своего приятеля переходить на службу к ним в полк, демонстрируя комнату в доме, наполненную “дарами благодарного населения”⁶³. С другой стороны,

белорусский эмигрант Ю.Дувалич, переживший страшную оккупацию немцами Белоруссии в 1941—1944 гг., описывает жуткие картины антипартизанских акций “каминцев” и “родионовцев”⁶⁴. Сравнивая с ними казачьи батальоны, он свидетельствует: “Ни один белорусс, встречавшийся в то время с ними, не скажет про них плохое слово. Они, вопреки приказам немцев, отказались уничтожать евреев и белоруссов, за что и были переброшены из Белоруссии в Италию. Покидая Белоруссию, они взяли с собою всех белоруссов, желавших эмигрировать...”⁶⁵ Война, да еще и антипартизанская, обнажает у всех ее участников самые низменные инстинкты, но акцентирование внимания лишь на этой грани проблемы вряд ли даст ключ к ее пониманию.

Следующим ярким выразителем подлинного отношения населения казачьих областей к Советской власти явилась его самоорганизация при вступлении в эти области частей Вермахта. Во второй половине октября 1941 г. немцы подошли к пограничным станциям Области Войска Донского. Казаки и иногородние станции Синявской, уничтожив советский партийный и управленческий актив, ушли в Донские плавни, а по приходе немцев стали основой 10-го казачьего разведывательного эскадрона при 4-м велосипедном полку Вермахта. Командиром эскадрона был обер-лейтенант барон Волькенхаузе, все командиры взводов и отделений также были немцами. В начале лета 1942 г. эскадрон занял участок фронта у Таганрогского залива, после — через Ростов и Майкоп — перешел в район Красной Поляны, где всю зиму 1942/43 гг. воевал с партизанами; затем — отступление на Кубань, бои у станции Старокорсунской, Темрюка, эвакуация в Керчь и в начале июля 1943 г. прибытие в Млаву, где эскадрон влился в 5-й Донской казачий полк⁶⁶.

Центром немецкой казачьей инициативы стала Украина: районы Винницы и Шепетовки. В Виннице в феврале 1942 г. есаул Войска Донского Ильин и зондерфюрер Рихтер сформировали вторую после 600-го батальона Кононова крупную казачью единицу численностью свыше 1 000 человек⁶⁷. В начале 1942 г. в Шепетовке образовался Особый казачий штаб, задачей которого стало формирование казачьих частей в составе Вермахта. Практическая деятельность возлагалась на бывшего полковника Красной Армии Саркисяна. До на-

чала 1943 г. Особый штаб сформировал 12 пластунский казачьих полков смешанного типа — они использовались, главным образом, в борьбе с партизанами и войсковой разведкой⁶⁸. Во исполнение пресловутого приказа 2/15 все полки переименовывались в батальоны, так возникли 623-й, 624-й, 635-й, 572-й казачьи батальоны, отличавшиеся очень высокой боеспособностью. Некоторая часть военнослужащих в них не являлась казаками, например, в 1-м казачьем Атамана Платова полку при 17-й армии Вермахта на 2 мая 1943 г. среди состава были: лейтенант азербайджанец Юсуф Агаев, лейтенант русский Василий Медянец, украинец Василий Шомполов⁶⁹, но на уровень военных операций это никак не влияло. 623-й и 624-й батальоны в конце 1942 — начале 1943 г. оперировали против партизан в районах станции Дорогобуж на север и юго-запад, в районе Полоцка в направлении на Лепель и т.д.⁷⁰ В начале 1943 г. Особый штаб по формированию казачьих частей немцы расформировали, а с весны 1943 г. началось стягивание всех казачьих отрядов, батальонов и отдельных полков в Млаву (Польша).

Как уже отмечалось, неожиданную поддержку Вермахт получил от местного населения при вступлении в казачьи области. Здесь важным обстоятельством является возникновение получившего наименование Казачий Стан и ставшего крупным казачьим объединением под юрисдикцией Германии. В марте 1942 г. на Санбекские позиции немцев вышел сотник Войска Донского А.А.Сюсюкин, сообщивший генералу Виттерсгейму, что он послан Подпольным штабом Освобождения Дона для установления контакта с немецким командованием⁷¹. Руководителем штаба являлся войсковой старшина П.М.Духопельников⁷². Сотника Сюсюкина доставили в предместье Берлина — Далевии, где проживал Донской Атаман генерал-от-кавалерии П.Н.Краснов. После разговора с Сюсюкиным, генерал Краснов снабдил его воззванием к донскому казачеству, рассчитывая, что казаки признают его своим вождем. Сюсюкин возвращается на Дон, в излучину которого выходит в июле 1942 г. 4-я танковая армия Вермахта.

Немцы подошли к Краснодару утром 9 августа 1942 г. со стороны кожевенного завода. Немецким комендантом стал генерал Фрейтаг, а гражданским бургомистром — адвокат Воронцов. Перед отступлением, буквально в по-

следние минуты, спецгруппы НКВД взорвали комбинат Главмаргарин, электростанцию, завод Седина⁷³, но здание УНКВД по Краснодару и Краснодарской области, заранее заминированное, взорвать не успели. Немцы сделали умный пропагандистский шаг, распахнув двери УНКВД для всеобщего обозрения. Глазам изумленных и ошеломленных жителей предстала целая механизированная система с приборами для пыток электрическим током, электромясорубками, сливными трубами и прочими “достижениями” человеческого разума. Заключенных, которых не успели эвакуировать, в первых числах августа 1942 г. в камерах подвального типа отравили хлоркой⁷⁴. Что-то подобное случилось и на Дону: в июле 1942 г. между Новочеркасском и Ростовом, на станции Кизетеринка, чекистами был подожжен поезд с арестованными, которых не успели эвакуировать⁷⁵. Вряд ли все вышеизложенное прибавило у большей части населения симпатий к Советской власти.

В сентябре 1942 г. в Новочеркасске представителями большого казачьего схода Походным Атаманом и начальником Штаба Войска Донского был избран инженер С.В.Павлов⁷⁶, организатор и создатель будущего Казачьего Стана. Начальником военного отдела Штаба стал войсковой старшина П.М.Духопельников, политического — сотник А.А.Сюсюкин⁷⁷. Участник этих событий П.Н.Донсков посвятил целые страницы своих воспоминаний Духопельникову и Сюсюкину, считая их сотрудниками НКВД, специально приставленными к Павлову и его Штабу⁷⁸. Но, как нам представляется, здесь имеет место чисто личный конфликт между упомянутыми деятелями; особенно он усугубился после того, когда с весны 1943 г. Духопельников начал вербовать казаков из различных казачьих групп в формировавшуюся 1-ю казачью дивизию. Ни Сюсюкин, ни Духопельников, конечно же не являлись агентами НКВД.

1 октября 1942 г. впервые более чем за 20 лет казаки смогли свободно отметить свой главный казачий праздник — Покрова Пресвятой Богородицы. На сходе Походный Атаман полковник Павлов прочел по казачьему обыкновению грамоту царя и Великого Князя Михаила Федоровича от 2 декабря 1641 г. Среди многотысячной массы собравшихся в Монастырском Урочище в октябре 1942 г. стояла пока только одна донская полусотня, организо-

ванная самими казаками и ими же снаряженная⁷⁹. Эта полусотня легла в основу личной конвойной сотни Атамана Павлова. Первыми шагами Штаба Войска Донского стала повсеместная организация казачьих пунктов по вербовке и организации добровольцев для будущих казачьих сотен: в Ростове, Таганроге, Пятигорске, Шахтах, Новочеркасске, Батайске и других городах. За организацию агитации и вербовку отвечали волостные старшины. Например, старшина Буденовской волости Пролетарского района Ростовской области должен был организовать от волости не менее 7 казаков в Донской казачий полк, сформировавшийся с конца декабря 1942 г. в Новочеркасске. Добровольцы могли быть не только казаками, но и коренными, постоянными жителями степей, включая и военнопленных. Волость обеспечивала каждого из добровольцев строевой лошадью, седлом с амуницией, полшубком, сапогами, папахой, курткой, гимнастеркой, шароварами, двумя парами белья, шашкой и карманными деньгами — по 1 000 рублей. Все перечисленное переходило в личную собственность казака за счет казачьей волостной общины и изъятия у населения обмундирования советского образца и казачьего снаряжения⁸⁰.

Далеко не всем из оккупационной администрации нравилась казачья активность и тем паче формирование казачьих боевых единиц. Это объяснялось, в первую очередь тем, что во многих местах, особенно в Новочеркасске, в местном самоуправлении оказалось либо множество представителей бывшей советской номенклатуры, либо фанатичных сторонников нового, оккупационного режима. В ноябре 1942 г. казачий отряд Ростовского представительства Штаба Войска Донского арестовал значительное число служащих местной администрации из бывшей советско-партийной номенклатуры, которые провоцировали СД и Гестапо в Батайске на репрессии против своих вчерашних врагов. Самими же немцами был арестован и немецкий комендант Батайска, который подписывал представителям администрации документы об их принадлежности в прошлом к чинам Белых армий Гражданской войны. Вообще, пока еще остается не выясненным вопрос о том, в какой мере не только на Дону и Кубани, но и на всей оккупированной территории СССР представители местных самоуправлений из числа бывшей номенклатуры провоцировали репрессии СД, Гестапо, ГФП

против искренних противников Советской власти. На Дону это проявилось особенно ярко осенью 1942 г. Смущение и скрытое неприятие у донского казачества вызывали листовки и обращения генерала Краснова, в которых тот призывал казачество, издерганное колхозной системой за 12 лет при Советской власти..., не противодействовать организации той же системы оккупантами. Немцы полностью переняли колхозную систему, разница была лишь в том, что на месте уполномоченных РК ВКП(б) оказались партийные чиновники НСДАП — “гольдфазанен”⁸¹. Для выполнения колхозных заданий привлекались те же самые вчерашние колхозные “специалисты”⁸².

Период кратковременной оккупации немцами Дона и Кубани подходил к концу в результате поражения 6-й армии генерала Паулюса под Сталинградом. Малоизвестным остается тот факт, что некоторые казаки в ноябре-декабре 1942 г. участвовали в битве под Сталинградом. Казачья группа в составе 46 казаков и кавказцев сотника Н. Назаренко находилась при 1-й кавалерийской румынской дивизии 4-го корпуса 3-й румынской армии и тоже была окружена 22 ноября 1942 г. вместе с румынами к западу от Сталинграда. 13 декабря казаки перешли дорогу на Калач, реку Мариновку, 17 декабря перешли реку Мышкова северо-западнее ст. Нижне-Кумской. Пройдя еще 10—12 км, 19 декабря вступили в бой с моторизованной ротой красноармейцев и спаслись лишь благодаря поддержке роты танков 17-й танковой дивизии Вермахта. В конце декабря раненых отправили в Ростов, а уцелевших — в группу полковника Х. фон Паннвица, которая вела бои в районе Караичева, Пимен-Черни, Дерганова и Шарнутовского. К этому моменту у Назаренко осталось 15 здоровых и 14 раненых бойцов⁸³. Кавалерийская группа Паннвица образовалась 25 ноября 1942 г. по приказу штаба связи для обороны Котельникова. На ее формирование, численностью около двух батальонов, направили нестроевых солдат, железнодорожников и какое-то количество казаков, оказавшихся в тылу 6-й армии. 26—27 ноября группа отличилась в боях у Котельникова⁸⁴.

Катастрофа под Сталинградом вызвала и неизбежное оставление Новочеркаска. В конце января 1943 г. полковник Духопельников, посланный Атаманом Павловым под Азов собирать эвакуированных казаков и их семьи,

попал в окружение и вырвался лишь с несколькими казаками к Таганрогу. Вот здесь и произошла коллизия, расколовшая казачий лагерь и вконец испортившая отношения между Атаманом Павловым и его помощником полковником Духопельниковым. Павлова в Таганроге уже не было, и командующий группой «А» генерал Клейст подчинил Духопельникову все казачьи пункты Ростова, Таганрога, Мариуполя, Бердянска вплоть до Херсона. Задача пунктов и Духопельникова состояла в регистрации всех казачьих групп, команд, снабжении продовольственными карточками и маршбеделями и отправке под Херсон. Под Херсон, выполняя приказы Духопельникова, двинулись: казачья группа сотника Н. Назаренко, 2 сотни сотника Талалаева, группа терцев полковника Кулакова⁸⁵, казачья группа Донского калмыцкого полка войскового старшины Назарова, группа кубанцев войскового старшины Соламахи, группа донцов есаула Березлева, группа кубанцев войскового страшины Маловыка, группа донцов сотника Москвичева⁸⁶. Все они разместились в селе Музыковка и окрестностях Херсона. Уполномоченный генерала Клейста ротмистр В. Леман вместе с Духопельниковым переформировали группы следующим образом: 1-й Донской полк есаула Попова (1 100 казаков и 14 офицеров), 2-й Терский полк полковника Кулакова (700—800 чел.), 3-й Кубанский полк воскового старшины Соламахи (700—800 чел.) и 4-й Кубанский полк войскового старшины Маловыка (700—800 чел.). Калмыцкий полк убыл в Калмыцкий кавалерийский корпус зондерфюрера О. Верба.

27 марта 1943 г. начальник ОКХ генерал Цейтлер издал приказ о формировании 1-й казачьей дивизии. Командиром дивизии назначался полковник Х. фон Паннвиц. К Пасхе 1943 г. под Херсоном собралось не менее 6 000 казаков, которые 25—26 апреля отправились в Млаву на формирование дивизии.

А что же Походный Атаман полковник Павлов? 6 февраля 1943 г. в Новочеркасске на основании конвойной сотни Павлова и сотен есаула Федорова и хорунжего Харитоновы, был сформирован 1-й Донской казачий полк⁸⁷. Но казаки также имелись при 403-й охранной дивизии генерал-лейтенанта Русвурна, оборонявшей правый берег Дона до 11 февраля. Затем она начала отступать на запад, имея в аррьергарде казачьи отряды⁸⁸. В этот день на рубеже обороны ее сменили части 79-й пехотной

дивизии генерал-лейтенанта фон Шверина, при которой также имелись казачьи отряды. 19 февраля дивизия закрепились по реке Миус, а казаки потеснили войска 2-й гвардейской армии у населенного пункта Алексеевка и выбили их из станицы Александровка⁸⁹.

Павловский полк покинул Новочеркасску на рассвете 13 февраля вместе с маршевым батальоном 79-й пехотной дивизии Вермахта. Его численность составляла 500 человек⁹⁰. Казаки имелись и при 29 авиаполку 15-й авиационной дивизии генерал-лейтенанта Манке — 15 казаков попали в плен в день захвата Новочеркасска⁹¹. Еще 11 февраля красноармейцы в районе села Бессергеновка расстреляли попавших в плен в разведке нескольких казаков⁹². Но самые жестокие бои разыгрались за Матвеев Курган 14—21 февраля с частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии. В этих боях почти целиком погиб 1-й Донской казачий полк. 18 февраля велись жестокие бои за село Алексеевка, которое особенно упорно защищали казаки. Из 79 пленных 30 оказались казаками⁹³. В боях за Матвеев Курган отчаянно сопротивлялись около 400 казаков Павловского полка⁹⁴. 2 марта 1943 г. казачья часть, приданная 901-му охранному батальону, продолжала обороняться в районе села Александровка⁹⁵. Мы приводим печальный список пленных добровольцев 1-го Донского казачьего полка, составленный начальником ОСО НКВД 1-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии капитаном госбезопасности Виноградовым после боев у Матвеева Кургана 14—21 февраля 1943 г.⁹⁶ Судьба их осталась неизвестной. Обращает на себя внимание возраст добровольцев.

Фактически боевой основой Казачьего Стана послужили остатки полка Павлова численностью около 60 человек⁹⁷. Эвакуация шла в район Кировограда и ее особенностью явилось то, что в казачьих обозах двигалось огромное количество гражданского населения, жены, дети, старики, нестроевые казаки. К июлю 1943 г. строевые казаки образовали 1-й пеший полк войскового страшины Лобысевича для охраны Стана, а осенью 1943 г. уже при эвакуации из Кировограда, Кривого Рога на Николаев и Проскуров и Брест-Литовск, были сформированы 8-й и 9-й полки, подчиненные Павлову. Примерная численность эвакуированного Павловского Стана состав-

1: Senior NCO, Don Cossacks, 1943
2: 1st Lt., Cossack Cavalry Corps, 1943
3: Trooper, Kuban Cossack, 1943

Из книги «Иностранные добровольцы в Вермахте».
Изд. 10-е. Гонконг, 1993.

ляла 32 000—33 000 человек, из них половина — гражданское население и нестроевые казаки⁹⁸.

Таким образом, казачество, оказавшееся на стороне Германии, к середине 1943 г. сконцентрировалось в двух центрах — в 1-й казачьей дивизии полковника Х. фон Паннвица, сформировавшейся в Млаве, и Казачьем Стане Походного Атамана полковника С.В.Павлова, отступавшего от Кировограда в направлении на Проскуров. При этом между ними существовало соперничество и даже недоброжелательные отношения. Так, например, в начале февраля 1944 г. офицеры-вербовщики из 1-й

дивизии остановили казачий эшелон в Тарнове и высадив из него всех казаков-строевиков, отправили их семьи дальше...⁹⁹ Существовали также и еще несколько казачьих частей, не вошедших пока ни в один из упоминавшихся центров, как, например, полк полковника фон Рентельна (бывший 623-й казачий батальон, переведенный в конце июня 1943 г. во Францию).

Судьба и казаков Паннвица, и казаков Павлова в дальнейшем складывалась по-разному, но конец у них был одинаково трагический. Но, впрочем, это уже тема для дальнейших исследований.

Приложение

Казачьи формирования в Вермахте (сентябрь 1941 г. — июнь 1943 г.)

Данная таблица составлена автором с целью упорядочить имеющиеся сведения о существовании и численности казачьих частей в Вермахте на период с июня 1941 по июнь 1943 г. Автор будет признателен за любые исправления и дополнения¹⁰⁰.

<p>1. 102-й полк донских казаков
подполковника И.Н.Кононова
(он же 600-й казачий батальон с января 1942 г., он же 5-й Донской казачий полк в 1-й дивизии с июня 1943 г.)
Сформирован 19 сентября 1941 г.
Численность: сентябрь 1941 г. — 1799 чел.,
февраль 1942 г. — около 2000 чел.,
август 1942 г. — около 3000 чел.
Безвозвратные потери: 25% личного состава
Прошло через полк
(сентябрь 1941—июнь 1943 г.) 4 900 человек</p>	<p>Безвозвратные потери: 30% личного состава
Прошло через эскадрон
(ноябрь 1941 — июнь 1943 г.): 240 человек
С июня 1943 г. — в составе 5-го Донского казачьего полка 1-й дивизии.</p>
<p>2. 1-я казачья сотня
Сформирована в ноябре 1941 г. Невель,
Смоленск
Численность: 120 человек</p>	<p>4. 17-й казачий танковый батальон
(в составе 3-й танковой армии Вермахта под Великими Луками)
Сформирован в феврале 1942 г. на базе пополнения для 600-го казачьего батальона
Численность: 600 человек
Безвозвратные потери: 25% личного состава
Прошло через батальон
(февраль 1942 — июнь 1943 г.): 750 человек</p>
<p>3. 10-й казачий разведывательный эскадрон обер-лейтенанта барона Волькенхаузе
Сформирован в ноябре 1941 г. ст.Синявская
Войска Донского
Численность (без немцев): 180 человек</p>	<p>Казачьи полки, сформированные летом—осенью 1942 г. на Украине
Особым штабом в Шепетовке   5. 1-й, Атамана Платова, казачий полк майора Э.Томсена
(оперировал в составе 17-й армии Вермахта, с июня 1943 г. — в составе 1-й дивизии)</p>

- Сформирован в июне—июле 1942 г.
Численность (без немецкого персонала):
1942 человека
Безвозвратные потери: 25%
Прошло через полк
(август 1942 — июнь 1943 г.): 2 400 человек
6. 2-й казачий полк подполковника
Юнгшульца
(с июня 1943 г. — в составе 1-й дивизии)
Сформирован в июне—июле 1942 г.
Численность (без немцев): около 3000 чел.
Безвозвратные потери: 30%
Прошло через полк
(август 1942 — июнь 1943 г.): 4 000 человек
7. 3-й казачий полк подполковника Вольфа
(с июня 1943 г. — в составе 1-й дивизии)
Сформирован в июне—июле 1942 г.
Численность (без немцев): 1942 человек
Безвозвратные потери: 25%
Прошло через полк
(август 1942 — июнь 1943 г.): 2 400 человек
8. 4-й казачий полк
(до октября 1943 г. оперировал на
территории Пинской области)
Сформирован в октябре 1942 г.
Численность (без немцев): 1600 человек
9. 5-й казачий полк
(до октября 1943 г. — на территории
Пинской области)
Сформирован в октябре 1942 г.
Численность (без немцев): 1600 человек
Безвозвратные потери: 25%
Прошло через полк
(октябрь 1942 — октябрь 1943 г.):
2 000 человек
10. 6-й казачий полк
(до октября 1943 г. — под Витебском)
Сформирован в октябре 1942 г.
Численность (без немцев): 1600 человек
Безвозвратные потери: 25%
Прошло через полк
(октябрь 1942—1943 г.): 2 000 человек
11. 7-й казачий полк
(до октября 1943 г. — под Витебском)
Сформирован в октябре 1942 г.
Численность (без немцев): 1600 человек
- Безвозвратные потери: 25%
Прошло через полк
(октябрь 1942 — октябрь 1943 г.):
2 000 человек
12. 8-й казачий полк,
он же с февраля 1943 г. — 635-й казачий
батальон
(до октября 1943 г. — под Витебском)
Сформирован в октябре 1942 г.
Численность (без немцев): 1600 человек
Безвозвратные потери: 25%
Прошло через полк
(октябрь 1942 — октябрь 1943 г.):
2 000 человек
13. 9-й генерала Бакланова казачий полк,
он же с февраля 1943 г. — 572-й казачий
батальон
(до октября 1943 г. — под Витебском)
Сформирован в октябре 1942 г.
Численность (без немцев): 1600 человек
Безвозвратные потери: 25%
Прошло через полк
(октябрь 1942 — октябрь 1943 г.):
2 000 человек
14. 10-й казачий полк
(до октября 1943 г. оперировал на террито-
рии Пинской области)
Сформирован в октябре 1942 г.
Численность (без немцев): 1600 человек
Безвозвратные потери: 25%
Прошло через полк
(октябрь 1942 — октябрь 1943 г.):
2 000 человек
15. 11-й казачий полк
(до конца 1943 г. оперировал в районе
Брест—Ковель)
Сформирован в октябре 1942 г.
Численность (без немцев): 1600 человек
Безвозвратные потери: 25%
Прошло через полк
(октябрь 1942 — октябрь 1943 г.):
2 000 человек
16. 12-й казачий полк
Данных не обнаружено.
Можно считать на примере других, что
через полк за 1942/43 гг. прошло не менее
1 700 человек.

17. 5-й Кубанский казачий полк полковника фон Рентельна, он же с 1942 г. — 623-й казачий батальон (с конца 1942 г. оперировал под Дорогобужем, с середины июля 1943 г. — во Франции)

С учетом боевых потерь (не менее 25% от численности) через полк прошло за 1942/43 гг. не менее 1 800 человек

Казачьи части без установленной нумерации

18. Неустановленные казачьи единицы общей численностью более 1 000 человек, сформированные в феврале 1942 г. в Виннице есаулом Донского Войска Ильиным при участии зондерфюрера Рихтера. 6 июня 1942 г. отправлены на фронт. Дальнейшая судьба неизвестна.

19. Казачьи отряды при 403-й охранной дивизии, сформированные, очевидно, вместе с дивизией в январе 1943 г. С середины февраля 1943 г. отступали в арьергарде на Сталино. Уничтожена в феврале 1943 г. Примерная численность: 300—400 человек.

20. Казачьи отряды при 901-м охранном батальоне. Упорно оборонялись у станицы Александровка в начале марта 1943 г. Практически уничтожены без восстановления. Численность: около 450 человек.

21. 1-й Донской добровольческий казачий полк полковника С.В.Павлова
Сформирован 6 февраля 1943 г. на основании трех добровольческих сотен.
Защищал Матвеев Курган, в боях 14—21 февраля 1943 г. практически уничтожен.
Численность: не менее 500 человек
Потери составили: более 400 человек

22. Пластунская группа при полку Павлова
Численность: 600 человек
Полностью погибла при защите Матвеева Кургана.

23. Казачья сотня при 179-м пехотном полку 79-й пехотной дивизии Вермахта
Численность: 100—120 человек
24 февраля 1943 г. потеряла более 85% личного состава при обороне станицы Новоселовской.

24. Казачья сотня, приданная батальону отпускников и батальону строителей
Численность: 100—120 человек
Оборонялась в районе станицы Раздорская (под Новочеркасском). 4 февраля 1943 г. уничтожена.

25. 2 Казачьих сотни
Численность: около 200 человек
Оборонялись у станицы Кривенская 6 февраля 1943 г.
Потери более 85%

26. Казачья часть
Численность: около 150 человек
Оборонялась 9 февраля 1943 г. на юго-восточной окраине станицы Большой Лог. Уничтожена.

27. Казачья часть
Численность: около 100 человек
Оборонялась в районе станицы Бессергеновская. Попавшие из нее в плен расстреляны.

28. Казачья группа при 29 авиаполку 15-й авиаполевой дивизии Вермахта.
Численность: 50 человек
Разбита и уничтожена под Новочеркасском 13 февраля 1943 г. у станицы Большой Должик.

Казачьи части, существовавшие в 1943 г. по номерам полевых почт и учтенные по документам Вермахта¹⁰¹

29. 1-й казачий запасной полк (около 2 000 человек)
30. 557-й казачий отряд (?)
31. 558-й казачий отряд (?)
32. 34-й егерский казачий отряд (?)
33. 844-й егерский казачий отряд (?)
34. 580-я охранная сотня (около 120 человек)
35. 102-я охранная сотня (около 120 человек)
36. 213-я охранная сотня (около 120 человек)
37. 299-я охранная сотня (около 120 человек)
38. 444-я охранная сотня (около 120 человек)
39. 55-й казачий саперный батальон (около 400 человек)
40. 854-й казачий гренадерский полк (около 2 000 человек)
41. 161-й охранный казачий батальон (около 600 человек)

42. 655-й казачий эскадрон (около 200 чел.)

Кроме того:

43. Общая численность строевых казаков и боеспособных беженцев, прибывших с казачьих вербовочных пунктов под Херсон в

марте 1943 г. после отступления, составила 3 350 человек

Таким образом, через казачьи учетные здесь формирования за период с сентября 1941 по июнь 1943 г. прошло не менее (с учетом безвозвратных потерь) 39 360 человек.

Примечания

- 1 Цит. по: Генис В.Л. Рассказывание в Советской России // Вопросы истории. 1994. № 1. С.42.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Цит. по: Рапопорт В., Алексеев Ю. Измена Родине. Лондон, 1989. С.62.
- 5 Там же. С.64.
- 6 Генис В.Л. Указ. соч. С.47.
- 7 Мельгунов С.П. Красный террор в России. Симферополь, 1991. С.88.
- 8 Там же. С.93.
- 9 Там же. С.95—96.
- 10 Цит. по: Степанов (Рудак) Владимир. Свидетельство обвинения. Т.1. М., 1980. С.119—120.
- 11 Там же. С.299, 303, 311, 316, 319, 326, 327, 330, 339, 341, 342, 345, 348.
- 12 См.: Письмо М.А.Шолохова И.В.Сталину от 04.04.1933 г. Цит. по: Мурин Ю.Г. Шолохов и Сталин. Переписка начала 30-х гг. // Вопросы истории. 1994. № 3. С.11—12.
- 13 Там же. С.12.
- 14 Там же. С.13.
- 15 Там же. С.14.
- 16 Там же. С.15.
- 17 Конквест Р. Жатва скорби. Лондон, 1988. С.402—403.
- 18 Там же. С.404—405.
- 19 Кузнецов А. Бабий Яр. Нью-Йорк, 1986. С.121—122.
- 20 Конквест Р. Указ. соч. С.408.
- 21 Там же. С.409.
- 22 Там же. С.445.
- 23 Легенда о реакции Сталина в конце 1938 г. на спецсообщение Генерального комиссара госбезопасности Н.И.Ежова о действиях местных и республиканских УНКВД такова: “Заставь дурака Богу молиться, так он и лоб разобьет”.
- 24 Конквест Р. Большой террор. Т.1. Рига, 1991. С.368.
- 25 Донсков П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. Т.1. Нью-Йорк, 1960. С.15.
- 26 Авторханов А. Мемуары. Франкфурт-на-Майне, 1983. С.493.
- 27 Термин, определивший в зарубежной общеказачьей литературе участие казаков в вооруженных формированиях Германии 1941—1945 гг. См.: Донсков П.Н. Указ. соч.
- 28 См., напр.: Решин Л.Е. Казаки со свастикой // Родина. С.71—72 (копия в архиве автора).
- 29 Айзенштат Я. Записки секретаря военного трибунала. Лондон, 1991. С.70—72.
- 30 Богдан В. Мимикрия в СССР 1935—1942 гг. Франкфурт-на-Майне, Б.Г. С.272.
- 31 Там же. С.273.
- 32 Личный архив К.М.Александрова (ЛАА). Картотека учета офицерского состава Вооруженных Сил КОНР и др. добровольческих формирований Вермахта и СС из числа бывших советских граждан в 1941—1945 гг.

Кононов Иван Никитич (02.04.1900 г., Станица Ново-Николаевская Таганрогского округа Всевеликого Войска Донского — 1970-е гг., Австралия). Из семьи есаула ВВД Кононова Н.Г., повешенного большевиками

в 1918 г. Старший брат погиб в Гражданскую войну; в 1934—1937 гг. расстреляны еще два брата как «враги народа». Скрыв свое казачье происхождение, в марте 1922 г. поступил красноармейцем в 79-й кав. полк 14-й кав. дивизии. В сентябре 1923 г. — курсант дивизионной школы младшего командирского состава 14-й кав. дивизии. С сентября 1924 г. по сентябрь 1926 г. обучался на кав. отделении Объединенной школы им. ВЦИК, по окончании которой служил там же командиром отделения. С сентября 1927 г. по май 1931 г. служил в 27-м кав. полку 5-й кав. дивизии СКВО в должностях: командир взвода, командир взвода полковой школы, и.д. командира эскадрона. С января по июнь 1932 г. — политрук эскадрона 30-го кав. полка, а с июня по декабрь 1932 г. — политрук учебного эскадрона 5-го мех. полка той же дивизии. До апреля 1933 г. — отв. секретарь партбюро 30-го кав. полка дивизии. С июля 1934 по июль 1937 г. — и.д. и фактический пом. начштаба 28-го кав. полка дивизии, начштаба той же дивизии. С марта 1936 по ноябрь 1937 г. состоял слушателем Заочного факультета Военной Академии РККА им. М.В.Фрунзе. В ноябре 1937 г. зачислен на основной факультет, который окончил в сентябре 1938 г. С сентября 1938 г. — начальник 1-го отдела штаба 2-го кав. корпуса КОВО. В 1938 г. приказом НКО № 01542 присвоено звание майора. С 1939 г. — командир 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии, участник советско-финляндской войны 1939/40 гг. За бои в окружении в 1940 г. награжден орденом Красной Звезды. Летом 1941 г. прикрывал в арьергарде со своим полком отступление дивизии. 22 августа 1941 г. с большей частью личного состава полка перешел на сторону Вермахта для организации добровольческого полка. С 19 сентября 1941 г. — командир 102-го добровольческого Донского казачьего полка в составе Вермахта. С 13 января 1942 г. — командир 600-го казачьего батальона. Принимал деятельное участие в боях против частей Красной Армии, партизан и десантников под Полоцком, Великими Луками, на Смоленщине и т.д. С 1942 г. — подполковник, с 1943 г. — полковник, 1 апреля 1945 г. генерал-лейтенант А.А.Власов произвел его в чин генерал-майора ВС КОНР. С июня 1943 г. — командир 5-го Донского казачьего полка во 2-й казачьей бригаде 1-й казачьей дивизии полковника Х. фон Паннвица. С 1944 г. — командир 3-й пластунской дивизии XV-го казачьего кав. корпуса. 25 марта 1945 г. явился главным организатором казачьего съезда в Вировитице (Хорватия), который принял решение о подчинении всех казачьих войск генерал-лейтенанту А.А.Власову. В апреле 1945 г. назначен Походным Атаманом Всех Казачьих Войск и командующим XV-м казачьим кав. корпусом, но реально вступить в командование не сумел. В конце апреля 1945 г. уехал на поиски генерал-лейтенанта Власова и оказался в американской оккупационной зоне. Единственный власовский генерал, сумевший избежать выдачи в советскую зону.

И.Н.Кононов являлся членом ВКП(б) с 1929 по 1941 г. Принимал участие во всех боях 1-й казачьей дивизии в Хорватии и Венгрии против партизан И.Тито и частей 57-й армии 3-го Украинского фронта. Имел 12 боевых наград, включая 2 Железных креста. До конца 40-х гг. находился в американской зоне в Германии, в начале 50-х гг. уехал в Австралию. Был женат, имел дочь. Оценки личности Кононова и мнения о нем современников и историков диаметрально расходятся.

³³ С 31 марта 1944 г. — Главное Управление Казачьих Войск, согласно приказу генерала добровольческих войск Э.Кестринга.

³⁴ Центральный Архив Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф.386. Оп.2. Д.6. Лл.9—11. 115-я дивизия входила в состав 10-й армии.

³⁵ Там же. Оп.1. Д.26. Л.284.

³⁶ Рубан С.Н. Стояли насмерть // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С.14.

³⁷ Решин Л.Е. Указ. соч. С.73.

³⁸ Решин Л.Е. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8. С.167.

³⁹ Имеется виду интерпретация следователем показаний последственного в привычной и удобной для следствия форме. Например, «добровольный переход на сторону врага» интерпретируется как «измена Родине», «недовольство колхозным строем» — «пораженческие и антисоветские настроения» и т.д.

⁴⁰ Черкасов К. Генерал Кононов. Т.1. Мельбурн, 1963. С.120.

⁴¹ Там же.

⁴² ЛАА. Картотека учета офицерского состава...

Поздняков Владимир Васильевич (17.05.1902 г., Санкт-Петербург — 21.12.1973 г., Сиракузы (США)). В РККА с 1919 г. В 1920 г. окончил Калужские командирские курсы, с сентября 1920 г. — в должности инструктора газ. дела служил в химическом отряде Юго-Западного фронта. В 1921—1926 гг. — слушатель Высшей Военно-Химической школы, которую блестяще окончил. С января 1926 г. — начальник химслужбы 32-й Саратовской стрелковой дивизии. В 1928—1931 гг. — преподаватель в Саратовской школе командиров запаса, в 1931—1932 гг. — в Саратовской бронетанковой школе, в 1932—1936 гг. — начальник химслужбы Ульяновской бронетанковой школы. Капитан (1936), с конца 1936 г. — преподаватель в Саратовской бронетанковой школе. Майор (1937). В 1937—1939 гг. арестован как «враг народа», подвергался жестокому

пыткам, но виновным ни в чем себя не признал и летом 1939 г. был освобожден. В 1939—1941 гг. — преподаватель химического дела в Полтавском авто-техническом училище. С марта 1941 г. — начальник химслужбы 67-го стрелкового корпуса. Подполковник (29 мая 1941 г.). В октябре 1941 г. попал в плен под Вязьмой. Содержался в различных лагерях военнопленных в Белоруссии. В начале 1942 г. был начальником лагерной полиции под Бобруйском. В 1942 г. обучался на курсах пропагандистов в Вульхайде. В апреле 1943 г. прибыл в Дабендорфскую школу пропагандистов. Командир 2-й курсантской роты. С июля 1943 г. — начальник подготовительных курсов пропагандистов в Луккенвальде. Летом 1944 г. — начальник группы пропагандистов РОА в Прибалтике. С ноября 1944 г. — начальник командного отдела штаба ВС КОНР генерал-лейтенанта А.А.Власова. Создал офицерский резерв штаба (400 чел.), один из организаторов офицерской школы ВС КОНР и т.п. С февраля 1945 г. — полковник ВС КОНР. В апреле 1945 г. вместе со штабом находился в составе Южной группы ВС КОНР. 4 мая 1945 г. вместе с генералом В.Г.Ассбергом (Арцезо) участвовал в переговорах с американцами на предмет сдачи власовцев. 9 мая 1945 г. сдался вместе со всеми в районе Крумау и Каплице частям 26-й пехотной дивизии США. 9 октября 1945 г. заочно приговорен к смертной казни в советской оккупационной зоне. Выдачи избежал. До конца 40-х гг. находился в американской оккупационной зоне. С начала 50-х гг. работал в системе военно-учебных заведений США и имел явные связи с ЦРУ. С начала 60-х гг. преподавал в школе военных летчиков в Сиракузах. Занимался активной публицистической деятельностью, опубликовал десятки статей по истории РОА и ОДНР, автор книги «Рождение РОА» (Сиракузы, 1972), «А.А.Власов» (Сиракузы, 1973). У оставшихся в живых власовцев популярностью не пользовался, жил весьма замкнуто. Также, как и личность генерала И.Н.Кононова, полковника В.В.Позднякова современники оценивают весьма противоречиво.

43 Архив Гуверовского Института Войны, Революции и Мира в Стэнфорде (США) (АГИВРМ). Коллекция Б.И.Николаевского. Коробка № 259. 63013 08.41/44. Письмо полковника В.В.Позднякова к Б.И.Николаевскому от 06.06.1948 г.

44 Что, впрочем, неудивительно. Поздняков — одна из самых загадочных и противоречивых фигур во Власовском движении и власовской эмиграции. Сам Кононов в письме к Б.И.Николаевскому от 26.04.1948 г. назвал Позднякова «клеветником и интриганом».

45 Черкассов К. Указ. соч. С.122.

46 АГИВРМ. Указ. источник.

47 ЦАМО РФ. 11-й отдел «Кононов Иван Никитович».

48 Черкассов К. Указ. соч. С.122.

49 ЦАМО РФ. Ф.386. Оп.1. Д.13. Приложение № 7.

50 Черкассов К. Указ. соч. С.129.

51 Хоффман Й. История власовской армии. Париж, 1990. С.67.

52 АГИВРМ. Указ. источник.

53 Черкассов К. Указ. соч. С.128.

54 Там же. С.129.

55 АГИВРМ. Указ. коллекция. Письмо генерал-майора И.Н.Кононова к Б.И.Николаевскому от 26.04.1948 г.

56 Черкассов К. Указ. соч. С.134—138.

57 Фотокопия из дневника Кононова. Там же. С.144.

58 Там же. С.161—164.

59 Текст радиogramмы. См.: Там же. С.149—150.

60 Там же. С.172—174.

61 ЛАА. Картотека учета офицерского состава...

Панниц Хельмут фон (1898 г., дер. Боценовиц (Верхняя Силезия) — 17.01.1947 г., Бутырская тюрьма, Москва). Кадровый кавалерийский офицер Германской армии. Кадетом-добровольцем в 1914 г. ушел на фронт Великой войны 1914—1918 гг. Через 6 месяцев был ранен и награжден Железным крестом. В 1918—1919 гг. в рядах добровольческого корпуса участвовал в боях с вооруженными формированиями коммунистической и левой ориентации. В 1920—1932 гг. находился за границей, управлял имениями семьи. Вернулся на военную службу в 1933 г. В кампаниях против Польши, Франции, СССР являлся командиром разведывательного дивизиона одной из дивизий. С осени 1942 г. — в штабе генерала Клейста. 25 ноября 1942 г. назначен командиром кавалерийской летучей группы из нестроевых солдат Вермахта, казаков, кавказцев и калмыков. Отличился с ней в боях под Котельниково в ноябре—декабре 1942 г. 27 марта 1943 г. в чине полковника получил приказ ОКХ о формировании 1-й казачьей дивизии,

которую формировал в Млаве до сентября 1943 г. 1 июля 1943 г. произведен в генерал-майоры. Кавалер Рыцарского Креста (06.09.1941), а 23 декабря 1942 г. награжден дубовыми листьями к нему. С сентября 1943 г. с дивизией переброшен в Югославию (Хорватия, Босния), где оперировал против частей НОАЮ И.Б.Тито. В декабре 1944 г. командовал дивизией в боях против частей 57-й армии 3-го Украинского фронта. С осени 1944 г. начал переформирование дивизии в XV-й казачий кавалерийский корпус. В январе 1945 г. произведен в чин генерал-лейтенанта. К весне 1945 г. численность XV-го корпуса составила не менее 40 000 человек. 13 марта 1945 г. генерал-лейтенант Паннвиц избран Походным Атаманом Корпуса. 28 мая 1945 г. генерал-лейтенант Х. фон Паннвиц добровольно, хотя и оставался военнопленным Британской армии, последовал за своими казаками в советскую зону.

17 января 1947 г. за "проведение шпионско-диверсионной и террористической деятельности против СССР" повешен по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР вместе с другими казачьими генералами. В настоящий момент Главная Военная Прокуратура Российской Федерации проверяет обоснованность вынесения генералу Паннвицу такого приговора.

62 ЛАА. Фоноархив. Интервью автору 04.04.1995 г. А.М.Игнатовича (Нью-Йорк). В 1941—1944 г. Игнатович с родителями жил в Слониме под Гродно и лично знал о двух деревнях у Слонима, сожженных карателями после партизанских провокаций.

63 Там же. Фоноархив. Интервью 07.03.1995 г. капитана ВС КОНР Г. Н. Сперанского. В конце 1944 г. он служил в Русском Корпусе.

64 *Каминцы* — участники самообороны К.П.Воскобойникова и Б.В.Каминского, а также чины 29-й штурмбригады СС «РОНА» на Брянщине, сформированной из окруженцев и местного населения. (Подробнее см. наш комментарий к воспоминаниям Я.А.Трушновича — Новый Часовой. № 2. С.167—168.)

Радионовцы — чины Особой бригады СД «Дружина», сформированной в марте 1943 г. на базе двух русских добровольческих подразделений СС. Командиром «Дружины» являлся подполковник Красной Армии бывший начальник штаба 229-й стрелковой дивизии В.В.Гиль под псевдонимом «И.Г.Радионов». В августе 1943 г. большая часть бригады (около 7 000 чел.), уничтожив ряд офицеров, перешла вместе с командиром на сторону партизанского отряда «Железняк». Вскоре около 500 человек вернулись назад в район ст.Глубокое. Переформированная в «1-ю антифашистскую бригаду», бывшая «Дружина» во главе со своим командиром почти целиком погибла в боях в мае 1944 г. в Ушачинской партизанской зоне (Белоруссия).

65 АГИВРМ. Коллекция А.Ю.Даллина. Коробка № 6. Письмо к Даллину Ю.Дувалича.

66 Черкассов К. Указ. соч. С.39—41, 48, 59—60, 68—69.

67 Константинов Д., прот. Записки военного священника. СПб., 1994. С.65.

68 Черкассов К. Указ. соч. С.101.

69 Решин Л.Е. Wlassov-Aktion // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С.24.

70 Там же.

71 Константинов Д. Указ. соч. С.65; также см.: ЛАА. Картотека учета добровольческих частей и подразделений в составе Вермахта и СС, 1941—1945 гг. из граждан СССР.

72 ЛАА. Картотека учета офицерского состава...

Духопельников Платон Михайлович (? — 17.08.1954 г., Мюнхен). Уроженец станицы Старо-Черкасской Всевеликого Войска Донского. В Гражданскую войну принимал участие в Белом движении в рядах Сибирской армии адмирала А.В.Колчака. Эмигрировать не смог. 6 лет пробыл в ГУЛАГе. В конце 30-х гг. проживал на Дону. В 1942 г. с группой единомышленников создал Подпольный штаб Освобождения Дона и в чине войскового старшины принял деятельное участие в организации Штаба Войска Донского; стал начальником его военного отдела. Принимал участие в организации казачьих пунктов по формированию войсковых казачьих единиц в Ростове, Батайске, Мариуполе и т.п. В январе—феврале 1943 г. попал в советское окружение под Азовом. По выходе из него назначен генералом Кестрингом начальником всех казачьих пунктов. Организовывал прибытие казаков под Херсон, откуда отбыл в Млаву в 1-ю казачью дивизию. Впоследствии Главным Казачьим Управлением генерала П.Н.Краснова произведен в чин полковника, а затем и генерал-майора. Выдачи в 1945 г. сумел избежать. В эмиграции являлся Атаманом Донской станицы в Баварии.

73 Донсков Н.П. Указ. соч. С.66.

74 Кубанец: «Поймите нас!» // Часовой. № 272. Апрель 1948. С.17.

75 Донсков П.Н. Указ. соч. С.62.

76 ЛАА. Картотека учета офицерского состава...

Павлов Сергей (настоящее имя — Ерофей) *Васильевич* (04.10.1896 г., станция Екатериненская Все- великого Войска Донского — в районе Новотрудка, 17.06.1944 г.). Сын войскового старшины Павло- ва В.М., убитого в ДонЧК. Окончил Донской кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, откуда выпущен в чине хорунжего в 47-й Донской казачий полк в начале Великой войны 1914— 1918 гг. В конце 1916 г. командирован в Винницкую школу военлетов и зачислен в состав русской авиации. После октября 1917 г. вернулся на Дон, воевал с красногвардейцами в одном из первых донских партизанских отрядов. Был тяжело ранен, прятался в ст. Константиновской. Участник казачьих восстаний 1918—1919 гг., служил в броневых и авиационных частях Донской армии. В феврале 1920 г. оставлен в Новороссийске. Перешел на нелегальное положение, жил по поддельным документам под именем Сергей. Работал бухгалтером, чертежником. В 1939 г. заочно окончил техническую школу, стал инженером. В сентябре 1942 г. в Новочеркаске представителями донских станиц избран Походным Общеказачьим Атаманом. В январе 1943 г. формировал 1-й Донской казачий добровольческий полк из добровольцев, с которым 6 февраля 1943 г. выступил из Новочеркасска на фронт. Из окружения в феврале 1943 г. вырвался с группой уцелевших чинов полка, направился под Кировоград, где организовал более 3 000 строевых казаков и их семей. Создатель и организатор Казачьего Стана, отступавшего в 1943—1944 г. от Кировограда к Проскурову, Николаеву и Новотрудкам. 17 июня 1944 г. на лесной дороге конвой полковника Павлова по ошибке обстреляла группа белорусских полицейских, принявших павловцев за партизан. С.В.Павлов был убит и посмертно произведен в чин генерал-майора.

77 Донсков П.Н. Указ. соч. С.124.

78 Там же. С.122, 158—159.

79 Там же. С.124—126.

80 Письмо начальника Пролетарского районного управления Ростовской области Агапова старшине Буденновской области от 15.12.1942 г. № 9/364. См.: Решин Л.Е. Казаки... С.74.

81 Донсков П.Н. Указ. соч. С.158—160, 178—182.

82 Там же. С.133, 138.

83 Ген. Науменко В.Г. Великое предательство. Т.1. Нью-Йорк, 1962. С.37—39.

84 Там же. С.40.

85 *Полковник Кулаков* (? — 1946 г., Австрия) — Атаман Терского войска, в 1943—1945 гг. находившийся в 6-м Терском полку 1-й казачьей дивизии (XV-го казачьего корпуса). Участник Гражданской войны в Партизанском отряде полковника А.Г.Шкуро. В 1919 г. был ранен, скрывался на нелегальном положении в горах Северного Кавказа до 1942 г. В результате ранения лишился обеих ног, передвигался на протезах. После прихода на Северный Кавказ немцев осенью 1942 г. возглавил военные формирования терских казаков и влился вместе с ними весной 1943 г. в 1-ю казачью дивизию. Генерал П.Н.Краснов в 1944 г. назначил его членом Главного Управления Казачьих Войск. 28 мая 1945 г. выдан вместе с офицерами Корпуса. В 1946 г. погиб в ОКР «СМЕРШ» в Австрии.

86 ЛАА. Картотека учета добровольческих формирований... 1-я казачья дивизия.

87 Там же. 1-й Донской казачий добровольческий полк.

88 ЦАМО РФ. Ф.303. Оп.4007. Д.14. Лл.9—10.

89 Там же. Л.12.

90 Там же.

91 Там же. Д.21. Л.178.

92 Там же. Л.154.

93 Там же. Лл.187—188.

94 Там же. Л.191.

95 Там же. Д.14. Л.14.

96 Там же. Д.21. Л.209.

1. Чеботарев Петр Дмитриевич, 1924 г.р.
2. Сергеев Михаил Андреевич, 1925 г.р.
3. Якунин Дмитрий Иванович, 1922 г.р.
4. Пикин Степан Алексеевич, 1924 г.р.
5. Морозов Иван Григорьевич, 1924 г.р.
6. Лукьянов Касьян Никитич, 1924 г.р.
7. Матвеев Иван Иванович, 1926 г.р.
8. Матвеев Николай Николаевич, 1927 г.р.

9. Матвеев Гавриил Дмитриевич, 1926 г.р.
10. Мартынов Петр Иванович, 1924 г.р.
11. Обухов Михаил Васильевич, 1922 г.р.
12. Молоканов Алексей Петрович, 1925 г.р.
13. Капранов Георгий Васильевич, 1926 г.р.
14. Рыжкин Григорий Степанович, 1926 г.р.
15. Сергеев Константин Андреевич, 1924 г.р.
16. Ковфирин Дмитрий Федотович, 1924 г.р.
17. Кульбаков Иван Никифорович, 1924 г.р.
18. Скакунов Сергей Перфильевич, 1924 г.р.
19. Крючков Петр Федотович, 1925 г.р.
20. Фролов Василий Васильевич, 1924 г.р.
21. Ермаков Иван Васильевич, 1924 г.р.
22. Мартынов Иван Алексеевич, 1924 г.р.
23. Зоров Алексей Иванович, 1924 г.р.
24. — Ишпулатов Мурат, 1914 г.р.
25. — Гурнак Василий Ефремович, 1900 г.р.
26. — Бухтияров Иван Дмитриевич, 1897 г.р.
27. — Серебренников Гавриил Семенович, 1909 г.р.

(— бывший окруженец)

97 Науменко В.Г. Указ. соч. С.79.

98 Точные данные по рапорту Походного Атамана Казачьего Стана генерал-майора Т.И.Доманова есть на апрель 1945 г. См.: Решин Л.Е. Коллаборационисты... С.168.

99 Науменко В.Г. Указ. соч. С.86.

100 Ряд исследователей, в первую очередь упоминавшийся Л.Е.Решин, существенно и необоснованно занижают численность казаков, участвовавших в войне на стороне Германии: 30 000—35 000 за 1941—1945 гг. При подготовке таблицы использованы данные картотеки автора по учету добровольческих формирований. Процент безвозвратных потерь определялся по принципу участия подразделения в наступательных, оборонительных операциях различной интенсивности, а также в зависимости от боевого участка. Потери части, действовавшей на фронте, несомненно выше потерь части, воевавшей против партизан. Процент небоевых потерь не учитывался.

101 Verzeichnis von fremdvölkischen Verbänden in der deutschen Wehrmacht // Личный Архив. Копия документа любезно представлена доктором Й.Хоффманом.

Эхо трагедии «U—250» (К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне)

До конца войны оставалось немногим менее года. К этому времени Краснознаменный Балтийский флот, в состав которого входила и Ладожская военная флотилия, насчитывал 1 линейный корабль («Октябрьская революция»), 2 крейсера («Киров» и «Максим Горький»), 2 лидера («Минск» и «Ленинград»), 11 эскадренных миноносцев, 53 торпедных катера, 21 подводную лодку и 478 малых боевых кораблей других классов (тральщики, охотники за подводными лодками, сторожевые катера и др.), а также около 583 боевых самолетов.

Финляндия еще не вышла из войны, и финские войска продолжали оказывать упорное сопротивление на побережье и прилегающих островах. Для действий в Финском заливе немецко-фашистское командование сосредоточило в восточной части Балтийского моря 12 миноносцев, 15 подводных лодок, 16 торпедных катеров и др. корабли. Кроме того, финский флот, также действовавший в этом районе, включал броненосец береговой обороны («Вяйнемаянен»), 6 канлодок, 8 сторожевых кораблей, 22 торпедных катера, 6 минных заградителей, 5 подводных лодок, 50 малых боевых кораблей других классов и вспомогательных судов¹. Таким образом, силы сторон были примерно одинаковыми, и оперативная обстановка, складывавшаяся в Финском заливе, была непростой.

Противник продолжал усиливать свои противолодочные позиции в Балтийском море, которыми был перекрыт Финский залив, — Гогландскую и Порккала-Уддскую. Минные заграждения прикрывались береговой артиллерией и авиацией, охранялись береговыми дозорами.

В июне—августе 1944 г. подводные лодки, миноносцы и другие немецко-фашистские корабли вели многочисленные бои с кораблями КБФ в районах Выборгского и Нарвского заливов, небольшого порта Койвисто (ныне Приморск). В ходе этих боев стороны несли немалые потери.

10—20 июня 1944 г. войска Ленфронта во взаимодействии с кораблями КБФ провели Выборгскую наступательную операцию и 20 июня освободили Выборг. К 10 июля были освобождены также все острова Выборгского залива — Бьёрке, Торсаари, Рийсаари, Руонти, Тейкарсаари и др.²

10-й ДСК и 1-й гвардейский ДСК МО КБФ перебазировались в Койвисто, в находившуюся там бухту Катерлахти. Бухта имела обрамление из нескольких небольших островов и была хорошо защищена с моря от штормовых ветров.

13 июля 1944 г. командир 10-го ДСК капитан 3 ранга Н.Н.Амелько³, принимавший со своим дивизионом «казмок»⁴ активное участие в овладении островами, получил приказание выставить дозоры сторожевых катеров в Выборгском заливе в соответствии с предписанной диспозицией дозорных линий.

Сторожевые катера 10-го дивизиона были вооружены только одним пулеметом и не имели никаких средств для борьбы с подводными лодками, поэтому вместе с ними дозорную службу в Выборгском заливе несли и малые охотники за подводными лодками 1-го гвардейского дивизиона. Эти небольшие корабли на флоте ласково называли «мошками»⁵. Служила на «мошках» в основном молодежь — лейтенанты и старшие лейтенанты, недавно

окончившие училище, молодые старшины и матросы, прибывшие из учебных отрядов и школ. Линия дозора малым охотникам была отведена в 12 милях от Койвисто и проходила от залива Бьёркензуд черед о. Руонти к противоположному берегу Финского залива (мыс Крюсерорт), еще занятому финнами.

Немецкие корабли и подводные лодки, несмотря на взятие Выборга, продолжали предпринимать настойчивые попытки, чтобы уничтожить наши корабли в Выборгском заливе, нарушить коммуникации и помешать дальнейшему продвижению советских войск вдоль побережья. Командующий фашистскими военноморскими силами в восточной Балтике контр-адмирал Бурхард, штаб которого помещался в Таллинне, предложил организовать боевое дежурство германских подводных лодок на подходах к Выборгскому заливу.

В начале лета 1944 г. по приказанию гросс-адмирала Деница в Финский залив из Килия началась последовательная переброска 10 подводных лодок типа «УП-С»⁶, только что сошедших со стапелей. Маневренная база для них была выбрана в районе Хаапсарских шхер в 10 милях к югу от финских портов Котка-Хамина.

15 июля 1944 г. одна из этих лодок с бортовым номером «U-250» под командованием капитан-лейтенанта Вернера Карла Шмидта вышла из Кильской бухты и взяла курс в открытое море. Когда связь с берегом прервалась, Шмидт вскрыл секретный пакет с боевым предписанием. Пробежав глазами первые несколько строк, он был, по-видимому, слегка раздосадован. Вместо Атлантики, где можно было безнаказанно топить невооруженные торговые суда большого водоизмещения, предстояло следовать в Таллинн, а оттуда — в финские шхеры для борьбы с советскими хорошо вооруженными кораблями. Но приказ есть приказ, его следовало не обсуждать, а выполнять, и подводная лодка «U-250» направилась в Финский залив. В районе о. Гогланд Шмидту доложили о неполадках в работе механизмов, и 16 июля лодка была вынуждена зайти в Данциг. После устранения неисправностей «U-250» продолжила поход и 19 июля прибыла в Таллинн. До 22 июля Шмидт проводил тренировки личного состава в море вблизи северного побережья Финского залива.

23 июля «U-250» покинула Таллинн и вдоль западной стороны минных и сетевых за-

граждений, выставленных немцами в Финском заливе на линии Таллинн-Порккала-Удд, направилась в Хельсинки. Шхерный район Шмидт прошел с финским лоцманом на борту. В тот же день лодка ошвартовалась в Южной бухте Хельсинки⁷.

25 июля «U-250» оставила Хельсинки и шхерным фарватером в надводном положении с лоцманом на борту направилась на восток в шхерный район, расположенный в 10 милях к югу от финских портов Котка-Хамина. Отсюда в период 26—28 июля в ночное время она несколько раз выходила на разведку в район к востоку от о. Гогланд, через который проходила вторая (Гогландская) линия немецких сетевых и минных заграждений⁸. Лодка двигалась в подводном положении, и Шмидт вел наблюдение за горизонтом через перископ. Не обнаружив ни одного советского корабля, 28 июля Шмидт возвратился в шхеры. На следующий день, в ночь с 29 на 30 июля, «U-250» вышла на позицию, находившуюся у северного выхода пролива Бьёркезунд. При подходе к Выборгскому заливу «U-250» встретила возвращавшуюся с позиции немецкую подводную лодку, на смену которой шел Шмидт.

Немецким подводникам уже удалось потопить в Выборгском заливе несколько советских сторожевых кораблей, но флотское командование полагало, что они подорвались на минах или были потоплены огнем финских береговых батарей. При гибели одного из кораблей постами СНИС наблюдались вспышки выстрелов с побережья, занятого финнами, в какой-то степени подтверждавшие это предположение. Около полудня 30 июля 1944 г. на выходе из шхер «U-250» погрузилась и в перископном положении заняла отведенный ей квадрат в Выборгском заливе. На море стоял полный штиль, ярко светило солнце, видимость была отличная.

В районе между о. Руонти и входом в залив Бьёркезунд Шмидт обнаружил в перископ небольшой катер. Это был советский охотник за подводными лодками «МО-105», находившийся в дозоре. Шмидт скомандовал боевую тревогу, лег на боевой курс и выпустил торпеду с короткой дистанции (600—700 м). Казалось, ничто не предвещало беды в тот солнечный теплый день. Команда катера обедала, сняв тельняшки, матросы загорали у боевых постов.

В 12 часов 42 минуты над морем погромел

сильный взрыв, и «МО-105», переломившись пополам, мгновенно затонул. Из экипажа корабля удалось спасти только семь человек, которых подобрали наши катера. Гибель «МО-105» и немецкая подводная лодка, которая подвсплыла, чтобы убедиться в результатах своей атаки, были зарегистрированы постом СНиС на о. Руонти. Информацию об этом сразу же передали в Койвисто.

В это время другой катер 1-го ДСК МО — «МО-103», которым командовал старший лейтенант Александр Иванович Коленко, стоял у пирса в Койвисто и принимал топливо. Отсюда тоже был хорошо виден высокий столб воды и дыма на месте гибели «МО-105», а взрывная волна, распространившаяся по воде, глухо отдалась в корпусе катера.

Коленко срочно вызвали в штаб дивизиона. Перед тем, как сойти на берег, он успел скомандовать: «Боевая тревога, корабль к бою и походу экстренно подготовить!». В штабе он получил приказ — немедленно выйти к месту гибели «МО-105» и уничтожить немецкую подводную лодку. В 13 часов 30 минут «МО-103» уже отвалил от пирса и взял курс на Бьёркезунд⁹.

Подойдя к линии дозора, Коленко обнаружил «каэмку» «СК-910», также патрулирующую в этом районе. Около 19 часов впереди смотрящий на «СК-910» старший матрос Н.Бондарь доложил командиру катера главстаршине В.Павлову, что видит прямо под собой немецкую подводную лодку. Павлов спустился с мостика и быстро подбежал к форштевню. Действительно, на небольшой глубине через не очень прозрачную цветущую зелень воду была отчетливо видна подводная лодка, идущая по узкому фарватеру между двумя подводными скалами. Сомнений не было — это была та самая лодка, которая потопила «МО-105».

С «СК-910» сразу же дали три белых ракеты в сторону «МО-103», что по таблице условных сигналов означало: «Обнаружил подводную лодку». Сигнальщик «МО-103» матрос Вяткин доложил на мостик: «Три белых ракеты, курсовой левый борт 40°, дистанция 27 кабельтовых». Через считанные минуты «МО-103» подошел к борту «СК-910». Быстро обменявшись через мегафон соображениями, куда могла направиться лодка с учетом навигационных особенностей района, Коленко скомандовал: «На румб 275°, самый малый ход»

и, нагнувшись к переговорной трубе, приказал гироакустику Певцову производить поиск подводной лодки в носовых секторах обзора. В 19.10 Певцову удалось услышать шумы лодки на дистанции около семи кабельтовых. Из переговорной трубы на мостике раздался взволнованный доклад: «Есть контакт!». Каменистые банки и подводные скалы многократно отражали шумы винтов подводной лодки, и определить направление на шумящий объект было непросто. Командир катера Коленко сразу же лег на курс, равный пеленгу на обнаруженную подводную лодку, и скомандовал: «Атака подводной лодки! Бомбы окончательно готовить, глубина взрыва 15 метров!» Через несколько минут снова последовал доклад акустика: «Контакт устойчивый, дистанция 3 кабельтова». Коленко перевел ручки машинного телеграфа на самый полный ход, и «МО-103» буквально рванулся вперед, мгновенно набрав максимальную скорость. Минеры А.Куприянов и А.Горский, выполнив команду, заняли свои места у рычагов бомбосбрасывателей. Затем последовала очередная команда командира «МО-103»: «Боевой курс, бомбы товсь!». Когда лодка оказалась прямо под катером, по команде Коленко глубинные бомбы с правого и левого бортов поочередно начали падать за корму несущегося на полном ходу катера. Глубины в этом районе Выборгского залива небольшие — всего лишь до 18—20 м, и каждый взрыв 120-килограммовой бомбы крепко бил по корпусу катера. Наконец, первая серия глубинных бомб сброшена. Чтобы отметить место атаки, Коленко приказал бросить за борт пустой ящик из-под патронов. Катер дал малый ход и развернулся на обратный курс. Впередсмотрящий матрос Вяткин сразу же доложил: «Пузырчатый след прямо по носу!». Это означало, что атакованная подводная лодка повреждена, и аварийные отсеки травят воздух. Снова самый полный ход, снова атака, и вторая серия глубинных бомб падает точно в пузыри, оставленные лодкой. Снова огромные белые султаны воды поднимаются над заливом, от килы до клотика, сотрясая маленькую «мошку»¹⁰.

«МО-103» сбрасывает ход до малого и опять поворачивает на обратный курс. Теперь вместо пузырчатого следа из глубин моря вырвались огромные воздушные пузыри, и на поверхности воды появились масляные пятна. Комендоры уже навели стволы орудий на мес-

то вероятного всплытия лодки, но она не появилась¹¹. Акустик доложил, что двигатели на лодке не работают, но слышен какой-то стук от ударов по корпусу. Коленко предположил, что на лодке устраняют повреждения, и принял решение атаковать подводную лодку в третий раз двумя глубинными бомбами. Когда столбы воды от взрывов бомб осели, все, кто находился на верхней палубе, увидели, что на поверхности воды плавают люди. Их было шестеро, как выяснилось потом, — командир лодки, судовой фельдшер, три унтер-офицера и матрос¹². Немецких подводников выловили и подняли на борт катера. Командир лодки был без сознания. Он лежал на юте в луже стекавшей с него воды, перемешанной с соляжкой. Остальных усадили на бомбосбрасыватели и завязали им глаза. Только тогда все окончательно поняли, что «МО-103» потопил немецкую подводную лодку, и над заливом раздался крик «Ура!». Гибель «МО-105» была отомщена.

Но времени для выражения радости победы над врагом не было. Финские береговые батареи начали обстрел «МО-103», снаряды разрывались в полукабельтове от борта катера. Пришлось быстро выставить вешку над местом гибели лодки и, дав полный ход, под прикрытием дымзавесы уйти в Койвисто.

Через полчаса старший лейтенант Коленко доложил старшему морскому начальнику в Койвисто, командиру бригады шхерных кораблей, капитану 1 ранга Н.Э.Фельдману о потоплении вражеской подводной лодки, одновременно сдали и пленных.

После допроса, проведенного в Койвисто, выяснилось, что потоплена одна из подводных лодок германского флота «U-250». После взрыва первой серии глубинных бомб лодка потеряла управление, погасло электроосвещение. Следующие две серии бомб нанесли серьезные повреждения корпусу лодки — в районе дизельного отсека появилась большая пробоина, в которую хлынула вода. Командир лодки, находившийся в центральном посту вместе с пятью членами экипажа, когда давление воздуха в отсеке сравнялось с забортным, приказал открыть нижний рубочный люк и покинуть корабль¹³. Остальные сорок шесть членов экипажа, находившихся в других отсеках, так и остались в корпусе лодки на дне Выборского залива. Для их спасения командир лодки ничего не смог предпринять, так как крышки

труб торпедных аппаратов, через которые они должны были выходить, заклинило в результате взрыва глубинных бомб.

Сведения о потоплении лодки и результатах первого допроса плененных сразу же были переданы из Койвисто на ФКП флота. В этот момент комфлота адмирал В.Ф.Трибуц находился в Ленинграде, а начштаба КБФ А.Н.Петров присутствовал на торжественном собрании в кронштадтском Доме офицеров флота, посвященном Дню ВМФ. За старшего на ФКП в тот день оставался контр-адмирал Ю.В.Ладинский. Около полуночи он встретил адмирала Трибуца на пирсе и доложил ему о потоплении «U-250». «Теперь мы ее поднимем!» — сразу повеселев, сказал командующий КБФ. На следующий день приказания о подъеме лодки были отданы командующему КМОР вице-адмиралу Ю.Ф.Раллю, начальнику АСС капитану 1 ранга М.Н.Чарнецкому и начальнику тыла флота генерал-лейтенанту М.И.Москаленко. В развитие этого приказа был создан специальный судоподъемный отряд. Группой водолазов руководил опытный эпроновец капитан 3 ранга А.Разуваев. В его распоряжении находились специалисты водолазного дела Федорченко, Сироткин, Сокур, Петренко и Пискунов¹⁴.

Поврежденная взрывами глубинных бомб подводная лодка лежала на глубине 33 м и на скалистом грунте с дифферентом около 30° на корму и довольно значительным креном на правый борт. Судоподъемные работы велись с огромным напряжением сил и только ночью, чтобы не привлекать внимание противника. Тем не менее, немцы проявляли большое беспокойство в связи с гибелью лодки, что еще больше вызывало интерес к ней у нашего военно-морского командования. Дважды в этот район пытались прорваться немецкие торпедные катера, чтобы окончательно уничтожить лодку глубинными бомбами и выставить вокруг нее мины заграждения, а финская береговая артиллерия вела систематический обстрел места гибели германской субмарины.

Несмотря на это, судоподъемные работы продолжались с еще большей интенсивностью. Подъем лодки намечено было осуществить с помощью двух мощных понтонов, разделенных на отсеки. Под корпус лодки завели судоподъемные полотенца, к ним побортно остропили понтоны, наполненные водой. Когда подготовительные работы были закончены, нача-

лось постепенное вытеснение воды из понтонов сжатым воздухом. В одну из безлунных ночей сентября 1944 г., когда система лодка-понтон приобрела положительную плавучесть, германская субмарина вынырнула на поверхность. Но в целях маскировки ее решили притопить до глубины 9 м и в таком положении отбуксировать в Кронштадт.

Для буксировки лодки было выделено спасательное судно «Сирена», а ответственным за буксировку назначены командир ОБРа капитан 1 ранга А.М.Богданович и флагштурман капитан 3 ранга Л.С.Вайсман. Ситуация осложнялась тем, что на «Сирене» давно не проводилось уничтожение девиации магнитного компаса, а буксировать лодку предстояло узкими фарватерами, проложенными среди шхер и минных заграждений.

В вечерних сумерках «Сирена» подошла к «U-250» и взяла ее на буксир. Движение каравана осуществлялось под конвоем малых охотников и катеров дымзавесчиков со скоростью не более 5 узлов. Иногда спасатель вдруг останавливался, хотя машины работали с прежней мощностью. Это означало, что притопленная до глубины 9 м лодка в очередной раз касалась днищем грунта. На рассвете показались Кронштадтские створы — можно было считать, что буксировка закончилась благополучно¹⁵.

15 сентября 1944 г. по прибытии в Кронштадт лодку сразу же поставили в сухой док. Когда док был осушен, представилась полная картина повреждений, причиненных лодке в результате взрывов глубинных бомб. Вдоль левого борта шла трещина в прочном корпусе, шириною в несколько сантиметров. По правому борту в районе аккумуляторных батарей и дизельного отсека зияла пробоина площадью около 30 квадратных метров. Вторая пробоина находилась в носовой части лодки с противоположного борта.

Когда все отсеки подводной лодки освободились от воды, приступили к ее внутреннему осмотру. Вместе с советскими специалистами в лодку спустился и бывший командир «U-250» Вернер Шмидт. Его присутствие было необходимо, так как на одном из допросов он показал, что на лодке имеются устройства для взрыва ее при определенных условиях. Действительно, в аккумуляторном отсеке было обнаружено более 20 взрывных устройств с гидрофонами, которые могли бы вызвать взрыв лодки при ее подъеме, но все они были повреждены в ре-

зультате взрыва глубинных бомб. Начальник разведотдела штаба КМОР капитан 3 ранга Д.И.Войналович вспоминал: «Шмидт собственными руками отдраивал люки и горловины, открывал крышки торпедных аппаратов. Мы переходили из отсека в отсек — в каждом из них лежали трупы немецких подводников, погибших в страшных мучениях. Между ними извивались угри. Руки Шмидта задрожали, когда он остановился у шифровальной машины последней модификации «Энигма» и начал вынимать из сейфа секретные коды. [Он не знал, что одна из таких машин уже захвачена англичанами, и коды расшифрованы. — И.Ц.] Шмидт сильно нервничал и старался не смотреть на трупы своих бывших подчиненных, для спасения которых он не смог приложить никаких усилий»¹⁶.

Сорок шесть трупов немецких подводников (из них три офицера) извлекли из отсеков «U-250»¹⁷. Их разрешено было похоронить на окраине немецкого лютеранского кладбища в Кронштадте.

После похорон Шмидта вновь доставили на подводную лодку, чтобы получить сведения об имеющихся на борту торпедах. Как показал В.Шмидт, на борту подводной лодки имелись обычные парогазовые торпеды типа «G-7A», бесследные электрические торпеды «G-7E» и акустические электрические торпеды типа «T-5» («Цаукёниг»). Действительно, при дальнейшем осмотре в носовых торпедных аппаратах было обнаружено две торпеды, на которых были сделаны надписи красной краской: «Внимание! Не трогать! Не вскрывать!». Шмидт заявил: «Устройства этих торпед я не знаю. Мне лично и всей команде было запрещено вынимать их из аппаратов. По возвращении в базу все неиспользованные акустические торпеды извлекались из торпедных аппаратов и выгружались из лодок специально обученным персоналом». Никаких документов по устройству и эксплуатации этих торпед не было. По внешнему виду они не отличались от обычных торпед. Но Шмидту было известно, что новые торпеды защищены от разоружения устройством самоликвидации. Кроме того, он знал правила их боевого использования. Залп акустическими торпедами не требовал точной наводки и тщательного расчета торпедного треугольника. После выпуска торпеды лодка должна была отвернуть на обратный курс и уйти на глубину, чтобы не стать мишенью соб-

ственной торпеды. Для уменьшения уровня собственных шумов акустические торпеды имеют сравнительно низкую скорость (до 28 уз) и электродвижение. Они имеют также специальный прибор, автоматически обеспечивающий заданную траекторию движения — курсом “зигзаг”, циркуляцию или их комбинацию.

Однако для борьбы с новыми торпедами этих сведений было явно недостаточно, работа по исследованию тактико-технических характеристик торпеды «Т-5» была поручена лучшим специалистам флота по минно-торпедному оружию инженер-полковнику О.Б.Брону, капитану 3 ранга С.Т.Баршпольцу, инженер-капитану В.М.Саульскому, старшему лейтенанту В.М.Шахновичу и др.¹⁸ Главное внимание было уделено, естественно, исследованию гидроакустического устройства самонаведения торпеды по шумам винтов кораблей и магнитного взрывателя.

Немецкие генералы и инженеры обожали присваивать армейским операциям и конструкторским разработкам пышные претенциозные шифрованные названия. Не избежала этого и торпеда «Т-5», но на сей раз секретной разработке было дано скромное наименование «Цаункёниг» — крапивник. Это совершенно безобидная маленькая серая птичка, очень похожая на воробья, обладала свойством быстро и незаметно покидать свое гнездо. Может быть, поэтому новая торпеда и получила такой шифр в надежде, что и она также скрытно и стремительно будет покидать торпедный аппарат¹⁹.

Советским специалистам предстояло раскрыть тайну сверхторпеды «Т-5». Торпеду разобрали, тщательно изучили каждый блок, составили подробные технические описания, схемы и чертежи. Затем в собранном виде на специальном полигоне экспериментальным путем установили ее тактико-технические характеристики, в частности, точность наведения, минимальный уровень шума, на который реагирует торпеда, и частотный диапазон. Если говорить кратко, то устройство самонаведения представляло собой миниатюрную шумопеленгаторную станцию, которая четко улавливала шумы, создаваемые гребными винтами кораблей, и вибрацию их корпусов, непрерывно определяя направление на шумящий объект. При отклонении курса торпеды от цели звуковые колебания преобразовались в элект-

рические сигналы, которые поступали в систему управления рулями глубины и направления. При этом величина электрических сигналов было пропорциональна углу отклонения торпеды от цели. Неконтактный взрыватель срабатывал от магнитного поля корабля. Таким образом, торпеда «Т-5» как бы привязывалась к цели, и имея превосходство в скорости, в конце концов настигала корабль, за которым охотилась, не смотря на его маневры. Благодаря электродвигателю, который питался от аккумуляторных батарей, «Т-5» не оставляла следа на поверхности воды в виде пузырьков газа, как это было у обычных парогазовых торпед. Средств борьбы с такими торпедами еще не было, и новая бесследная акустическая торпеда до поры до времени представляла собой грозное оружие на море.

Газета «Красный флот» опубликовала очерк о подвиге малого охотника «МО-103», и информация о немецкой подводной лодке «U-250» и сверхсекретных торпедах стала известна союзному командованию. Очень быстро последовала и ответная реакция на это сообщение, поэтому наркому ВМФ Н.Г.Кузнецову пришлось кратко проинформировать Британское Адмиралтейство о захваченных нами торпедах.

Если обратиться к «Переписке Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», то первое упоминание о торпед «Т-5» встречается в письме № 356 от 30 ноября 1944 г. С первой же фразы становится ясным, какое огромное значение придавало Британское Адмиралтейство сведениям о торпед «Т-5».

“Личное и строго секретное послание от г-на Черчилля маршалу Сталину:

1. Адмиралтейство просило меня обратиться к вам за помощью по наболевшему, но очень важному делу. Советский Военно-Морской Флот информировал Адмиралтейство о том, что в захваченной <...> подводной лодке были обнаружены две германские акустические торпеды «Т-5». Это единственный известный тип торпед, управляемых на основе принципов акустики, и он является весьма эффективным не только против торговых судов, но и против эскортных кораблей. Хотя эта торпеда еще не применяется в широком масштабе, при помощи ее было потоплено или повреждено 24 британских эскортных судна, в том числе 5

судов из состава конвоев, направляемых в Северную Россию.

2. Наши специалисты изобрели особый прибор, который обеспечивает некоторую защиту от этой торпеды и который установлен на британских эсминцах, используемых в настоящее время советским Военно-Морским Флотом²⁰. Однако изучение торпеды «Т-5» было бы крайне ценным для изыскания контрмер. Адмирал Арчел просил советские военно-морские власти, чтобы одна из двух торпед была немедленно представлена для изучения и практического испытания в Соединенном Королевстве. Мне сообщают, что советские военно-морские власти не исключают этой возможности, но что вопрос все еще находится на стадии рассмотрения.

3. Я уверен, что Вы признаете ту большую помощь, которую советский Военно-Морской Флот может оказать Королевскому Военно-Морскому флоту, содействуя немедленной отправке одной торпеды в Соединенное Королевство, если я напомню Вам о том, что в течение многих истекших месяцев противник готовился начать новую кампанию подводной войны в большом масштабе при помощи новых подводных лодок, обладающих особенно большой скоростью под водой. Это привело к увеличению всякого рода трудностей в деле переброски войск Соединенных Штатов и снабжения через океан на оба театра войны. Мы считаем получение одной «Т-5» настолько срочным делом, что мы были бы готовы направить за торпедой британский самолет в любое удобное место, назначенное Вами.

4. Поэтому я прошу Вас обратить Ваше благосклонное внимание на это дело, которое становится еще более важным ввиду того, что немцы, возможно, передали чертежи этой торпеды японскому военно-морскому флоту. Адмиралтейство будет радо предоставить советскому Военно-Морскому Флоту все результаты своих исследований и экспериментов с этой торпедой, а также любую новую защитную аппаратуру, сконструированную впоследствии. 30 ноября 1944 г.”

**Ответ И.В.Сталина
на послание британского премьера был,
в частности, следующим:**

“2. Получил Ваше послание о немецкой торпедо «Т-5». Советскими моряками действительно были захвачены две акустические тор-

педы, которые сейчас изучаются нашими специалистами. К сожалению, мы лишены возможности уже сейчас послать в Англию одну из указанных торпед, так как обе торпеды имеют повреждения от взрыва, вследствие чего для изучения и испытания торпеды пришлось бы поврежденные части одной торпеды заменять частями другой, иначе ее изучение и испытание невозможно. Отсюда две возможности: либо получаемые по мере изучения торпеды чертежи и описания будут немедленно передаваться Британской военной миссии, а по окончании изучения и испытаний торпеды будет передана в распоряжение Британского Адмиралтейства, либо немедленно выехать в Советский Союз британским специалистам и на месте изучить в деталях торпеду и снять с нее чертежи. Мы готовы предоставить любую из двух возможностей. 14 декабря 1944 г.”

У.Черчилль немедленно ответил на письмо И.В.Сталина:

“Отвечая на Ваше послание о германской торпедо, сообщаю Вам, что я вполне понимаю, что вы не можете немедленно послать одну из этих торпед в Англию. Я предпочитаю вторую из предложенных Вами альтернатив, т.е. чтобы британские специалисты выехали в Советский Союз для изучения торпеды на месте. Мне сообщают, что советский Военно-Морской Флот рассчитывает провести испытания торпеды в начале января, и Адмиралтейство считает, что было бы весьма удобным, если бы офицер Адмиралтейства был отправлен следующим конвоем и таким образом своевременно прибыл к испытаниям.

Я очень благодарен за Вашу помощь в этом деле и я прошу Адмиралтейство договориться о деталях через Британскую миссию. 23 декабря 1944 г.”

Переписка по вопросу торпеды «Т-5» закончилась коротким ответом И.В.Сталина:

“Получил Ваше послание с сообщением, что Вы предпочитаете послать в Советский Союз британских специалистов для изучения германской торпеды на месте. В связи с этим соответствующим советским военным властям даны необходимые указания. 27 декабря 1944 г.”²¹

Такие указания действительно были даны наркому ВМФ Н.Г.Кузнецову, заместителю наркома по кораблестроению Л.М.Галлеру и командующему КБФ В.Ф.Трибуцу.

В начале 1945 г. группа офицеров Британ-

ского флота во главе с коммодором Е. Коннигвудом прибыла в СССР, преодолев на самолете сложный маршрут Лондон—Египет—Баку—Ленинград. Передача технической документации, а позднее и самой торпеды Великобритании помогла спасти много человеческих жизней, предотвратила гибель большого числа союзных кораблей и судов в Атлантике.

Раскрытие тайны германской торпеды «Т-5» ускорило также разработку советской самонаводящейся акустической электрической торпеды «САЭТ-50».

Н. Г. Кузнецов в своих мемуарах не мог не отметить это событие: “У. Черчилль обратился к И. В. Сталину с просьбой допустить английских специалистов осмотреть немецкую подводную лодку. Я ответил, что, по моему, нет оснований отказывать союзникам. В этом духе и последовал ответ английскому премьеру. Я со своей стороны отдал приказание командующему флотом адмиралу В. Ф. Трибуцу разрешить английским представителям посетить и осмотреть трофейный корабль. Англичане после осмотра горячо благодарили за эту экскурсию, особенно за ценные сведения о немецких акустических торпедах. Сталина это насторожило: а не слишком ли ценный секрет мы выдали? Нам с Трибуцем пришлось поволноваться. Сталин напомнил, что союзники своими важными секретами делятся с нами очень неохотно. Но ничего, на этот раз все обошлось благополучно”²².

Сталин, как всегда, лукавил — к этому времени Британское Адмиралтейство передало ВМФ СССР технические описания артиллерийских систем главного калибра линкоров «Нельсон», «Ринаун» и «Георг V», крейсера типа «Ньюкасл», а также технологическую документацию на производство отдельных приборов управления стрельбой. Большое количество технической документации также попало к нам вместе с кораблями (большие охотники, тральщики, торпедные катера), поставившимися союзниками по ленд-лизу, в частности, радиолокационные и гидроакустические станции, которые были на вооружении этих кораблей. Наши офицеры и матросы обучались в США, изучая новейшую радиолокационную и гидроакустическую аппаратуру. Юридической основой для обмена военно-технической информацией было соглашение, заключенное между СССР, Великобританией и США в 1942 г. о военно-техническом сотрудничестве

в области “предметов вооружения”. Но в 1943 г. англичане и американцы начали выражать недовольство явной односторонностью обмена информацией, и передача трофейной торпеды в какой-то степени должна была разрядить создавшуюся ситуацию. На некоторое время о торпедо «Т-5» было забыто.

В январе 1947 г. в центральном аппарате ВМФ произошли крупные перестановки — главком ВМФ Н. Г. Кузнецов был снят с должности и назначен начальником УВМУЗ, которое тогда находилось в Ленинграде, а его заместитель по кораблестроению Л. М. Галлер — начальником ВМА кораблестроения и вооружения им. А. Н. Крылова. Заместителем у Н. Г. Кузнецова (в его новой должности) был вице-адмирал Г. А. Степанов. ВМА им. К. Е. Ворошилова, которая была создана в 1945 г. на базе командного факультета бывшей ВМА, командовал адмирал В. А. Алафузов.

9 ноября 1947 г. все четверо получили приказание прибыть на следующий день в Москву. Надо сказать, что Алафузов и Степанов в период войны поочередно занимали должность начальника штаба ВМФ, и это наводило на серьезные размышления, так как в Москву вызывали фактически все бывшее высшее руководство флотом. Н. Г. Кузнецов вспоминает: “9 ноября 1947 г. мы вместе с Л. М. Галлером ехали одним поездом по вызову главкома [адмирала И. С. Юмашева. — И. Ц.] в Москву. — Что такое могло быть? — спрашивал он меня, нервно причесывая по привычке свои усики. — Я и сам ничего не знал. Только из намеков по телефону мы знали, что дело касается каких-то передач главным штабом то ли чертежей, то ли описаний наших торпед англичанам во время войны”²³.

По прибытии в Москву их не взяли под стражу, но к каждому приставили следователя, и начались бесконечные допросы. К вечеру после их окончания они могли свободно общаться между собой и беспрепятственно отправляться в свои гостиницы. Но система допросов была хорошо продумана — каждому в течение дня следователи задавали одни и те же вопросы, поэтому согласовывать ответы на них было невозможно. Речь действительно шла о передаче ими в период войны военно-технической информации бывшим союзникам.

К этому времени уже отзвучала произнесенная в Фултоне печально известная речь У. Черчилля, ознаменовавшая начало “холод-

ной войны” и на несколько десятков лет сдлавшая союзников врагами. В стране стремительно развертывалась кампания борьбы с “безродным космополитизмом”, преклонением перед Западом и вообще “раболепием перед иностранщиной”, как когда-то говорили, “в свете” недавних постановлений ЦК ВКП(б) по журналам «Звезда» и «Ленинград» и “делу” биологов Н.Г.Клюевой и С.Г.Роскина²⁴.

Хотя на первый взгляд в это было трудно поверить, но после первых же допросов адмиралам, с честью возглавлявшим советский ВМФ в годы войны, стало абсолютно ясно, что и их “делу” придется явно выраженная политическая окраска и его исход предрешен.

Все началось с рапорта сотрудника НИМТИ ВМФ капитана 1 ранга В.А.Алферова, который донес в “соответствующие органы” о передаче в период войны союзникам советской авиационной торпеды высотного торпедометания «45–36АВА», что нанесло, по его мнению, невосполнимый ущерб военной мощи СССР. Рапорт поступил к Л.П.Берии, затем министру ВС СССР Н.А.Булганину и был, очевидно, с радостью встречен недоброжелателями Н.Г.Кузнецова.

Но одной авиационной торпеды, в разработке которой, к тому же, участвовал сам Алферов, да еще так и не прошедшей полностью приемных испытаний и принятой на вооружение с большими ограничениями в использовании, было мало, чтобы предъявить обвинение бывшему наркому ВМФ и группе высокопоставленных адмиралов. Тогда вспомнили об акустической немецкой торпедо с «U–250» и добавили к этому артиллерийскую 130–мм дистанционную гранату, а также карты Севастополя, который в течение двух лет был оккупирован немцами, и дальневосточного побережья (Камчатка, Сахалин, Северные Курилы), составленные на основе русских дореволюционных и японских карт²⁵.

Когда следствие было закончено и обвиняемые подписали протоколы допросов, И.В.Сталин 19 декабря 1947 г. подписал постановление СМ СССР о предании так называемому “суду чести” всех четырех адмиралов из бывшего руководства ВМФ. Персональный состав “суда чести” назначил своим приказом министр ВС СССР Н.А.Булганин: Главный инспектор МВС СССР, Маршал Советского Союза Л.А.Говоров (председатель), начальник Военной Академии Генштаба генерал армии В.А.Захаров, началь-

ник Главного Управления кадров МВС СССР генерал-полковник Ф.И.Голиков, заместитель ГК ВМС адмирал Г.И.Левченко, заместитель ГК ВМС вице-адмирал П.С.Абанькин, заместитель начальника Генштаба по ВМС вице-адмирал Н.М.Харламов, член Военного Совета — заместитель ГК ВМС по политчасти вице-адмирал Н.М.Кулаков (главный обвинитель).

Первое заседание “суда чести” по “делу” об обвинении Н.Г.Кузнецова, Л.М.Галлера²⁶, В.А.Алафузова²⁷ и Г.А.Степанова²⁸ в “антигосударственных и антипатриотических поступках” состоялось 12 января 1948 г. Обвинительное заключение, составленное на основании проведенного следствия, огласил вице-адмирал Н.М.Харламов. Адмиралы сидели на сцене огромного, переполненного офицерами зала, вглядываясь в лица своих бывших подчиненных.

Наибольшее количество пунктов обвинения было предъявлено Л.М.Галлеру — это “передача за границу” авиационной торпеды «45–36АВА», трофейной акустической торпеды «Т–5» и технической документации по артиллерийскому вооружению. Обвинение в передаче “секретных” навигационных карт было настолько нелепо, что его сняли в ходе следствия. Однако это не коснулось других пунктов обвинения, хотя шесть торпед «45–36АВА» в полном боевом комплекте (с парашютами и БЗО) в 1942 г. при оставлении нашими войсками Севастополя попало в руки немцев. Кроме того, торпеда «45–36» была “фиумской”²⁹ и изготовлялась по лицензии, закупленной в конце 30–х годов в Италии, а у нас ее только приспособили для высотного торпедометания. То же самое произошло и с артиллерийскими орудиями и артиллерийской 130–мм гранатой — в ходе войны на Балтике и на Черном море они достались немцам в качестве военных трофеев. Осталось в силе обвинение в передаче англичанам и злостной акустической торпеды типа «Т–5», хотя в начале 1945 г. союзники захватили их на территории Германии на складах одной из военно-морских баз.

После вопросов обвиняемых и их ответов, которых никто не принимал во внимание, выступил главный обвинитель вице-адмирал Н.М.Кулаков (начальник Политотдела ЛенВМБ до 1971 г.). “Мы обвиняем адмирала флота Кузнецова в том, — заканчивая обвинительную речь, с пафосом произнес Кулаков, — что, преклоняясь перед иностранщиной, бар-

ски пренебрежительно относясь к интересам Советского государства, не вникая в существо дела, он самовольно, без ведома Советского правительства, разрешил передачу английским и американским миссиям ряда ценных секретных сведений об отечественном вооружении, составляющего государственную тайну и приоритет советского ВМФ <...>

Мы обвиняем адмиралов Галлера, Алафузова и Степанова в том, что, раболепствуя перед иностранщиной, они поступились интересами нашей Родины <...> нанесли серьезный ущерб нашему государству и боевой мощи Советского ВМФ.

Мы обвиняем их в том, что, потеряв чувство национальной гордости и политической зоркости, они оказались на поводе иностранных разведок и пошли на национальное самоуничтожение <...>³⁰.

После перерыва, во время которого председатель суда маршал Говоров съездил в Кремль и согласовал меру наказания обвиняемых, было оглашено постановление "суда чести". В нем говорилось: "Признавая виновность адмирала флота Н.Г.Кузнецова, адмирала В.А.Алафузова, вице-адмирала Г.А.Степанова и адмирала Л.М.Галлера по настоящему делу полностью доказанной и считая, что все обвиняемые своими действиями нанесли большой ущерб боевой мощи ВМФ и тем самым, по существу, совершили тяжкое преступление против нашей Родины, постановляет: ходатайствовать перед Советом Министров СССР о предании виновных в передаче иностранным разведкам материалов, составляющих государственную тайну, суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР"³¹.

На следующий день, 13 февраля 1948 г., в огромном «ЗИС-110» адмиралов отвезли в здание Военной коллегии Верховного суда СССР, которую возглавлял небезызвестный Ульрих. Здесь все делалось быстро — допросы закончились к обеду, а около двух часов ночи был объявлен приговор. Адмирал флота Н.Г.Кузнецов освобожден из-под стражи и снижен в воинском звании до контр-адмирала, адмирал В.А.Алафузов и вице-адмирал Г.А.Степанов лишены воинских званий и осуждены на 10 лет тюремного заключения, адмирал Л.М.Галлер также лишен воинского звания и осужден на 4 года.

Л.М.Галлер отбывал заключение в Казанской тюрьме, долго болел, лежал в тюремной

больнице. Его последнее письмо из тюрьмы датировано 23 октября 1948 г., а 17 ноября ему исполнилось 65 лет. Лев Михайлович не дождался освобождения, он умер в Казани в тюремной больнице 12 июля 1950 г. Место его могилы неизвестно.

Н.Г.Кузнецов в июне 1948 г. был назначен заместителем главкома войсками Дальнего Востока по ВМС, а в феврале 1950 г. стал командующим ТОФ. В 1951 г. его окончательно простили, назначили на пост военно-морского министра и восстановили в прежнем воинском звании адмирала флота.

В 1953 г. по ходатайству Н.Г.Кузнецова были освобождены и восстановлены в прежних воинских званиях адмиралы В.А.Алафузов и Г.А.Степанов.

Постановлением СМ СССР № 1254—504 от 13 мая 1953 г. посмертно реабилитирован и восстановлен в воинском звании адмирал Л.М.Галлер. Это постановление подписал все тот же Н.А.Булганин, приказом которого Галлер был лишен воинского звания и уволен из кадров Вооруженных сил СССР.

Давно отзвучало эхо трагедии «U-250», уже нет в живых ни Кузнецова, ни Галлера, ни Алафузова, ни Степанова. Но неожиданно история потопления «U-250» получила новое продолжение.

В 1994 г. в Германии при содействии немецкого издателя и переводчика Гюнтера Фурмана вышла в свет на немецком языке книга писателя-мариниста Б.А.Каржавина «Das deutsche Unterseeboot «U-250». Neue dokumente und Fakten» («Германская подводная лодка «U-250». Новые документы и факты»). Надо сказать, что Г.Фурман в юности учился в Политехническом Университете в Ростове (бывшая ГДР) и навсегда сохранил любовь к морю и кораблям.

Хотя обстоятельства гибели «U-250» довольно хорошо известны, Б.А.Каржавину, творчество которого ориентировано на историю морских катастроф, удалось найти новые документы, позволившие уточнить некоторые факты, касающиеся потопления германской подводной лодки «U-250» в Выборгском заливе, а также с помощью немецких друзей разыскать спасшихся тогда немецких подводников.

Время неумолимо — пятьдесят лет спустя из шестерых спасшихся моряков в живых осталось пятеро: Вернер Карл Шмидт, Гюнтер Ридель, Рудольф Чарнке, Герман Генрих

Диркс и Ганс Шуппель, умер Карл Ганс Фанзен. Александр Петрович Коленко трудится в Центральной Военно-Морской библиотеке в С.-Петербурге.

Перед публикацией рукопись Б.А.Каржавина была направлена на рецензию директору исторического архива германского подводного флота Хорсту Бредову. Ему удалось разыскать командира «U-250» Вернера Карла Шмидта, который прислал письмо с личными воспоминаниями о трагедии в Выборгском заливе.

По старому адресу, хранившемуся в архивах «Большого дома», Г.Фурман разыскал бывшего механика «U-250» ефрейтора Рудольфа Чарнке и взял у него интервью. Эти сведения позволили провести сопоставление с данными о гибели «U-250», имеющимся в наших архивах и мемуарах участников этих событий.

Б.А.Каржавинным установлены также фамилии 46 погибших членов экипажа «U-250» и предполагаемое место их погребения на немецком лютеранском кладбище в Кронштадте.

Многое переменялось в мире за 50 после-

военных лет — в Санкт-Петербурге при Доме дружбы народов образован СПб Международный Центр «Примирение», в Кронштадте действуют Клуб краеведов и Совет ветеранов войны и труда, которые поддержали предложение немецкой стороны об установке надгробной плиты на могиле немецких моряков-подводников. Эта идея получила также поддержку городской администрации Кронштадта³². Летом 1994 г. в Санкт-Петербург приехала немецкая делегация во главе с Г.Фурманом, возложившая венок на место захоронения экипажа «U-250».

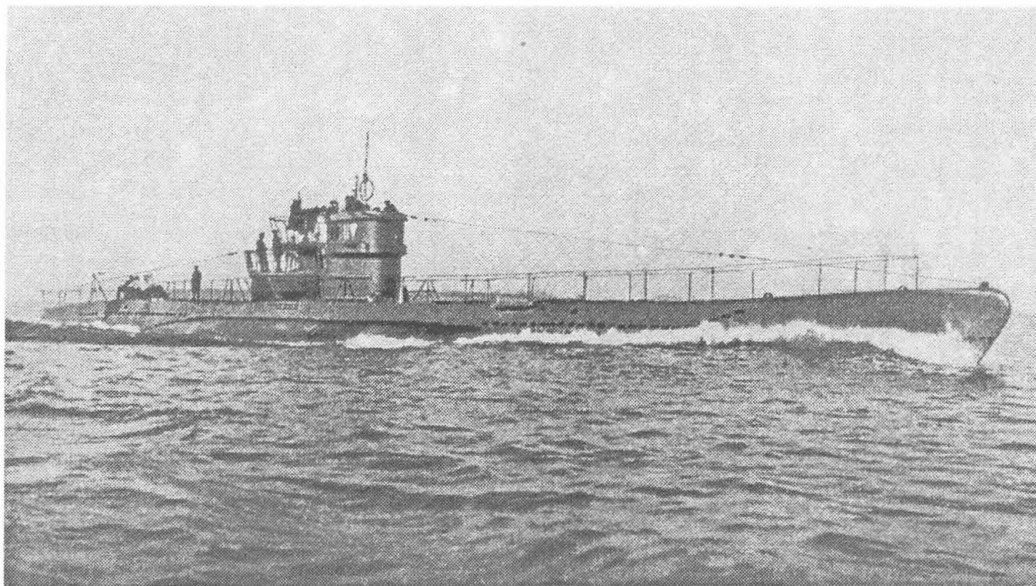
Одновременно предполагается установка памятного знака погибшим морякам «МО-105», потопленного подводной лодкой «U-250».

Говорят, что война закончена, когда погребены все павшие в ней. Хочется надеяться, что надгробная плита и памятный знак будут символами примирения двух народов, а для погибших экипажей «МО-105» и «U-250» — днем окончания войны³³.

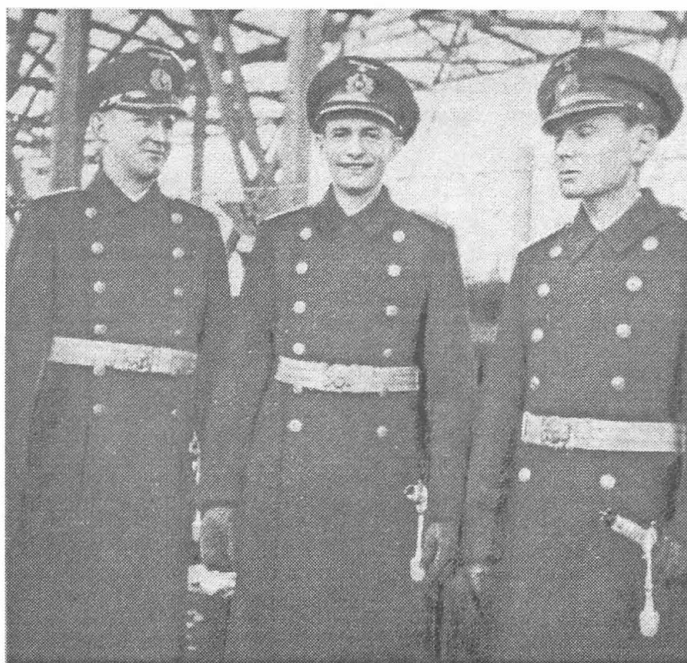
Список сокращений

АСС — аварийно-спасательная служба
 БЗО — боевое зарядное отделение (торпеды)
 ВМА — Военно-Морская академия
 ВМУЗ — Военно-Морские учебные заведения
 ВС СССР — Вооруженные силы СССР
 Генштаб — Генеральный штаб
 ГК ВМС (ВМФ) — Главнокомандующий Военно-Морскими силами (Военно-Морским флотом)
 ГМШ — Главный морской штаб
 ДСК — дивизион сторожевых кораблей
 КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
 КМОР — Кронштадтский морской оборонительный район
 Комфлот — командующий флотом
 ЛенВМБ — Ленинградская Военно-Морская база
 МВС СССР — Министерство Вооруженных сил СССР
 МО — малый охотник (за подводными лодками)
 МСБМ — Морские силы Балтийского моря

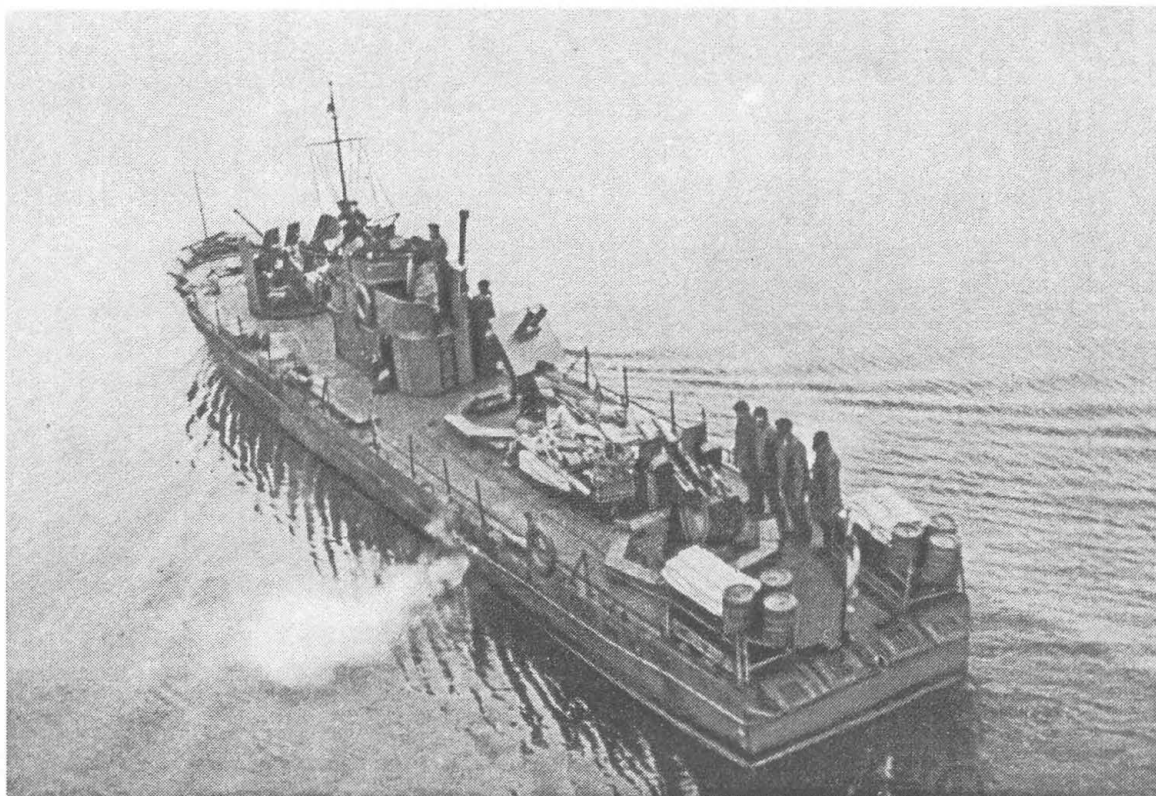
МСЧМ — Морские силы Черного моря
 Начштаба — начальник штаба
 НИМТИ ВМФ — Научно-исследовательский минно-торпедный институт ВМФ
 ОВР — охрана водного района
 СК (СКА) — сторожевой катер
 СНиС — служба наблюдения и связи
 СФ — Северный флот
 ТОФ — Тихоокеанский флот
 УВМУЗ — Управление Военно-Морскими учебными заведениями
 ЧФ — Черноморский флот
 ФКП — флагманский командный пункт
 ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения
 Эпроновцы — личный состав ЭПРОНа
 U-, U-Boot (нем.) — подводная лодка

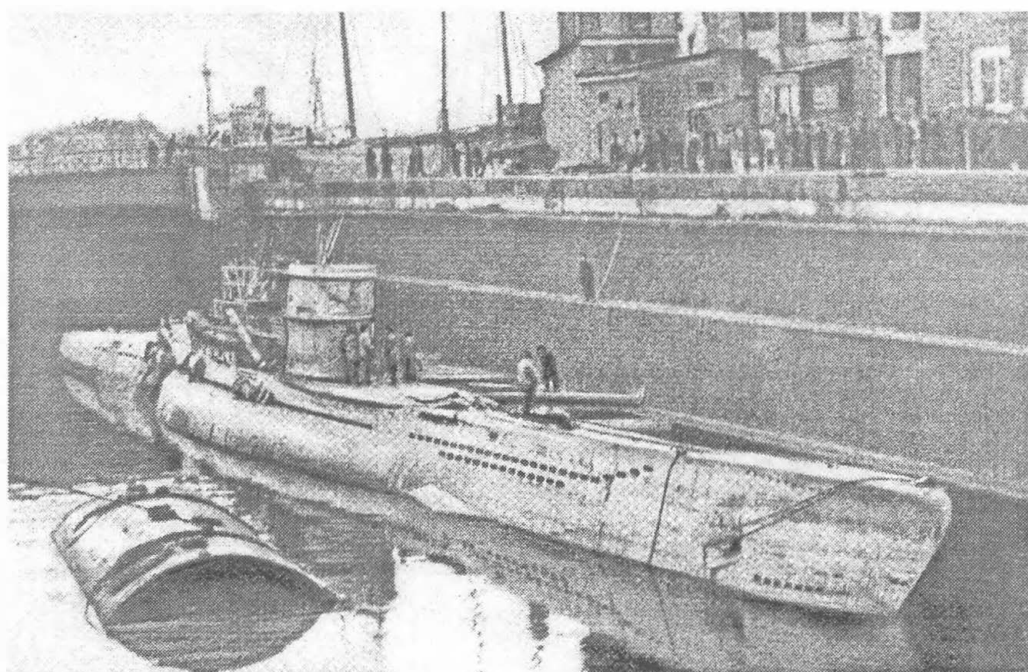
Германская подводная лодка «U—250» типа VII—С.

Командир германской подводной лодки «U—250» капитан-лейтенант Вернер Карл Шмидт (в центре), 1944 г.

Малый охотник за подводными лодками, близкий по типу к «МО-103», потопившему германскую подводную лодку «U-250».

Германская подводная лодка «U-250» в сухом доке Кронштадта, сентябрь—октябрь 1944 г.

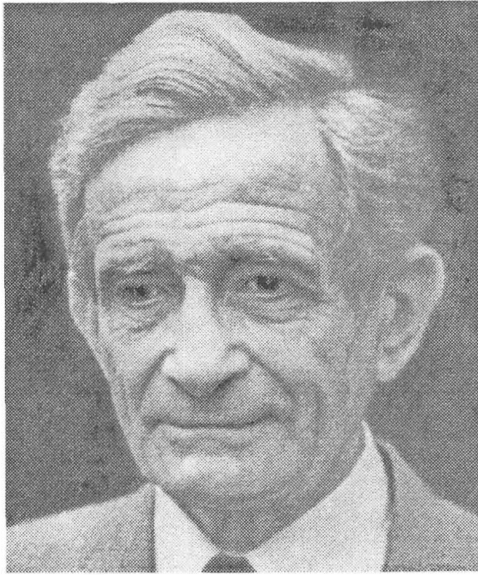
Командир малого охотника за подводными лодками «МО—103»
гвардии старший лейтенант Александр Петрович Коленко, 1944 г.

**Адмирал флота Советского Союза
Николай Герасимович Кузнецов, 1955 г.**

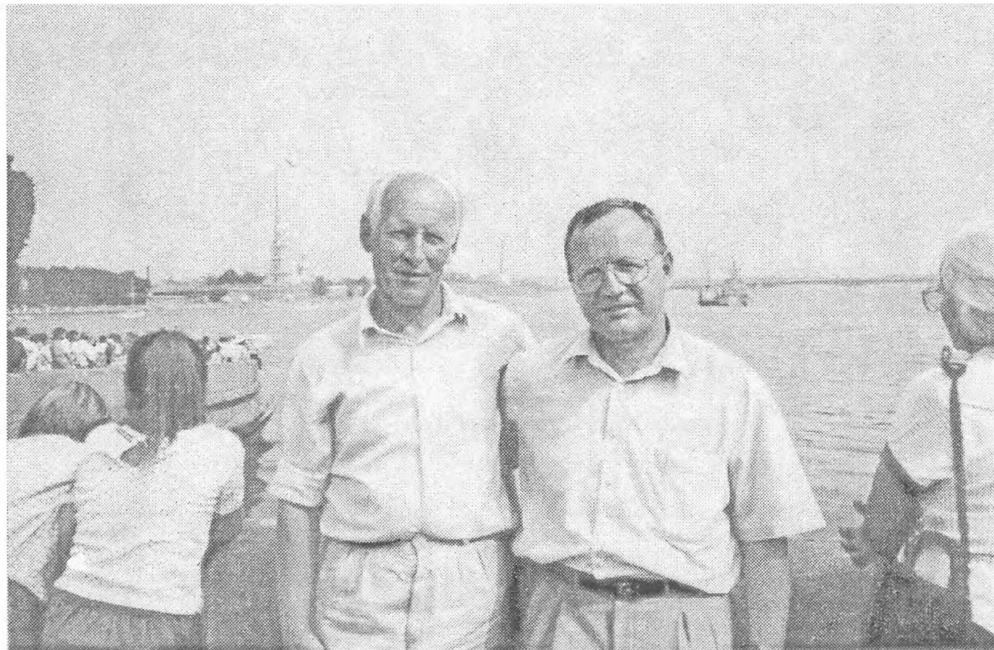
Адмирал Лев Михайлович Галер, 1944 г.

Бывший командир германской
подводной лодки «U—250»
Вернер Карл Шмидт, 1994 г.

Бывший командир малого
охотника за подводными лодками
«МО—103» Александр Петрович
Коленко, 1994 г.

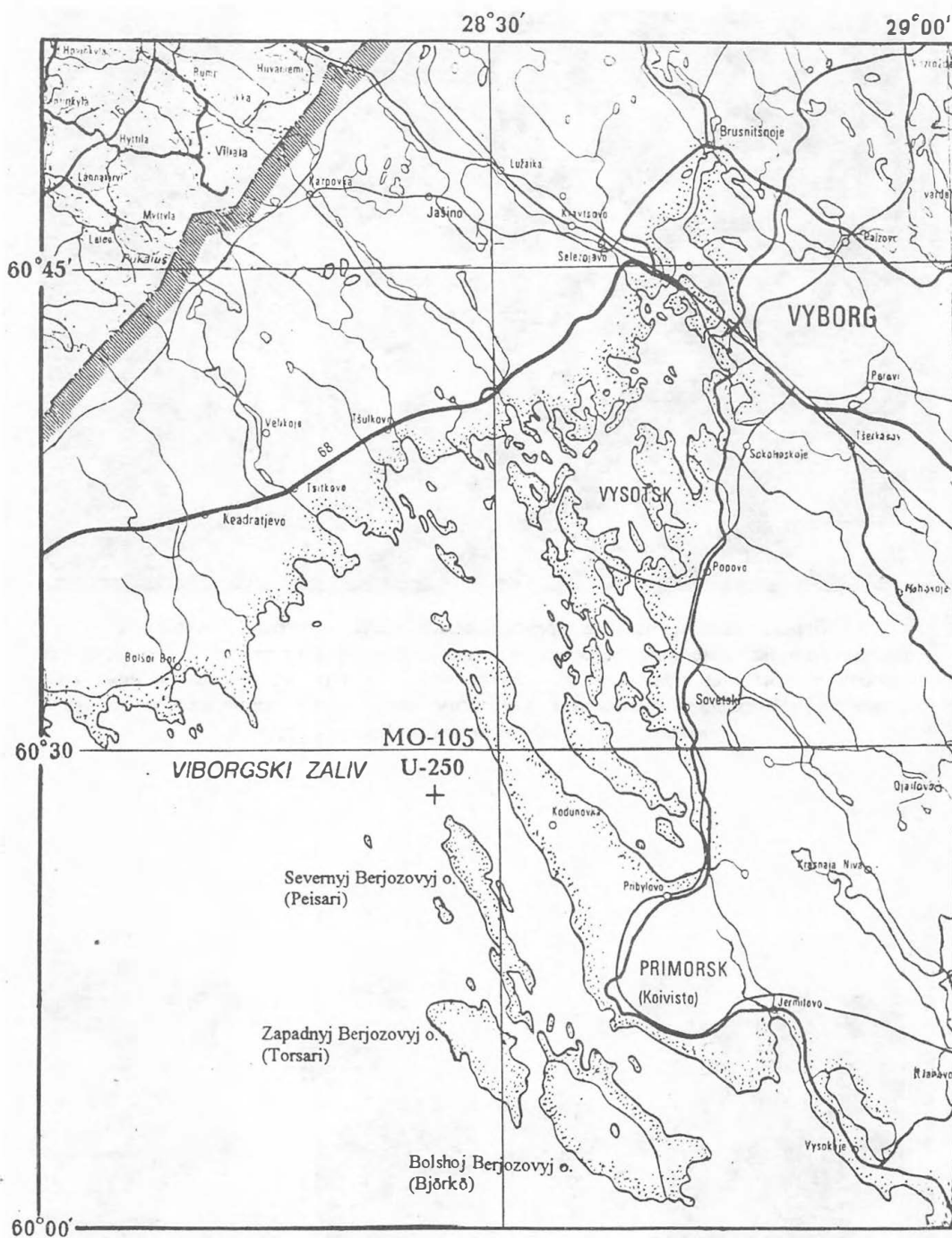
Борис Александрович Каржавин и Гюнтер Фурман в С.-Петербурге,
август 1994 г.

Венок, возложенный на предполагаемое место погребения немецких подводников на немецком лютеранском кладбище в Кронштадте от общественности города и немецкой делегации. На лентах венка надписи на русском и немецком языках: “Погибшим германским и русским морякам. От оставшихся в живых моряков «U—250» и моряков России”. 1994 г.

И еще один венок, возложенный на воду...
Всем морякам Балтики, погребенным в море.

Выборгский залив. Место гибели малого охотника «МО—105» и германской подводной лодки «U—250».

Примечания

¹ История второй мировой войны. 1939—1945: В 12 т. Т.9. М., 1978. С.214.

² Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С.194.

³ *Амелько Николай Николаевич* (р.1914) — адмирал (1964). В 1945—1949 гг. — начальник штаба бригады траления, с 1949 г. — командир ОВРа базы, командир дивизии ОВР. В 1956—1969 гг. — начальник штаба, затем — командующий ТОФ. С 1969 г. — зам. главкома ВМФ. В 1978—1986 гг. — помощник, а затем — зам. начальника Генштаба по ВМФ. С 1986 г. — в Генеральной инспекции МО. С 1987 г. — в отставке.

⁴ «*Казмки*» — сторожевые катера (СКА) типа «КМ», переклассифицированные из катерных тральщиков (КАТШ). Выполняли также функции дымзавесчиков. Имели две модификации — «КМ-2» и «КМ-4», тактико-технические данные соответственно: водоизмещение — 7 и 12 т, главные размерения — 13,8 x 3,1 x 0,8 и 19,3 x 3,4 x 0,8 м, мощность двигателя — 63 и 126 л.с., дальность плавания — 220 миль, скорость — 9 уз, вооружение — один 7,62-мм пулемет, экипаж — 10 человек (Бережной С.С. Корабли и суда ВМФ СССР. 1928—1945: Справочник. М., 1988. С.281, 286).

⁵ Малые охотники за подводными лодками имели несколько модификаций. Ниже приводятся тактико-технические данные одной из них — катера типа «МО-4»: водоизмещение — 56,5 т, главные размерения — 26,9 x 4,0 x 1,5 м, мощность двигателей — 2550 л.с. (три двигателя, работавшие на бензо-спиртовой смеси, по 850 л.с.), скорость — 25,5 уз, дальность плавания 367 миль (25,5 уз)/1200 миль (15 уз), вооружение — два орудия 45 мм и два пулемета «ДШК» 12,7 мм, два бомбосбрасывателя. Экипаж — 21 человек.

Проект разработан до войны. Главный конструктор проекта — Л.Л.Ермаш. Непотопляемость обеспечивалась семью водонепроницаемыми переборками. Масса глубинных бомб — 20 кг (малые) и 120 кг (большие) (Подробнее см.: Чернышев И.П. О друзьях-товарищах. Л., 1981. С.3—5; Бережной С.С. Корабли и суда ВМФ СССР. 1988—1945. М., 1988. С.240, 256).

⁶ Проект подводной лодки типа «VII» был разработан перед войной. В течение 1941—1945 гг. судостроительной промышленностью Германии построено 700 подводных лодок типа «VII-A», «VII-B» и «VII-C» (Подробнее см.: Freyer Paul H. Der Tod auf allen Meerren. Berlin, 1970. S.284—340).

Тактико-технические данные подводных лодок типа «VII-C» следующие:

1. Водоизмещение надводное/подводное, т	769/871
2. Скорость надводная/подводная, уз	17/7,6
3. Дальность плавания надводная/подводная (при скорости в уз)	6100 (12)/80 (4)
4. Торпедные аппараты 533-мм носовые/кормовые	4/1
5. Артиллерия: число орудий/калибр, мм	1/88 и 1/20

(См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия, 1985. С.564—565). По своим тактико-техническим данным они близки к советским подводным лодкам типа «С».

⁷ Находясь в Хельсинки, Шмидт, как он пишет в своих воспоминаниях, «настоятельно требовал выгрузить торпеды типа «Т-5» с борта лодки, так как предстоящее боевое использование этих торпед на мелководье не соответствует их назначению». Но ему не удалось это сделать, по-видимому, в связи с отсутствием необходимых условий обеспечения секретности их хранения на берегу.

⁸ Маршрут следования подводной лодки «U-250» и датировка приводятся в соответствии с воспоминаниями Вернера К.Шмидта, изложенными в письме немецкому историку, доктору, профессору Роверу (См.: Karschawin Boris A. Das deutsche Unterseeboot «U-250». Neue Dokumente und Fakten. Jena, 1994. S.66—69).

⁹ Коленко А.П. Атака // Огненные фарватеры. Л., 1987. С.249—253.

¹⁰ Там же.

¹¹ У командира «МО-103» А.П.Коленко были опасения, что лодка противника может всплыть в надводное положение и в упор расстрелять «МО-103» из своей 88-мм пушки.

¹² Командир подводной лодки капитан-лейтенант Вернер Карл Шмидт, санитарный унтер-офицер (применительно к нам — санинструктор или фельдшер) Ганс Шуппель, старшие рулевые унтер-офицеры Гюнтер Ридель и Герман Диркс (вертикальные и горизонтальные рули), машинный унтер-офицер Карл Ганс Фанзен и машинист ефрейтор (применительно к нам — старший матрос) Рудольф Чарнке. В нашем ВМФ на горизонтальных рулях расписан боцман.

13 Обычная процедура оставления аварийной подводной лодки из центрального поста заключается в следующем. Через нижний рубочный люк личный состав переходит в боевую рубку, задривает крышку люка, а затем выравнивает давление воздуха в рубке с забортным, что дает возможность открыть верхний люк. При открывании верхней крышки все, находящиеся в рубке, мгновенно вылетают вверх вместе с пузырем воздуха. Однако в данном случае такой способ был неприменим, так как верхняя крышка люка рубки была оторвана взрывом и рубка оказалась заполненной водой. Водонепроницаемые переборки фильтровали воду и центральный пост заполнялся водой, а в верхней части образовалась воздушная подушка. Личный состав, находившийся в центральном посту, установил так называемый тубус, представлявший собой трубу из прорезиненного брезента, герметично крепившуюся к нижнему рубочному люку. Когда давление воздуха сравнялось с забортным, поступление воды прекратилось, уровень воды достигал груди. Поднырнув под тубус, Гюнтер Ридель и Герман Диркс отдраили кремальеру крышки нижнего люка и вышли наружу. Затем так же поступили остальные, и все шестеро оказались на поверхности воды вблизи катера «МО-103».

14 Ладинский Ю.В. Военная вахта. М., 1983. С.213—220.

15 Вайсман Л.С. В финских шхерах // Огненные фарватеры. Л., 1987. С.277—280.

16 Из неопубликованных воспоминаний Д.И.Войналовича, хранящихся в его личном архиве.

17 Лейтенанты Ульф Пальфингер и Ганс Пфитцнер, инженер-лейтенант Ганс Вестерман.

18 Раздолгин А.А., Фатеев М.А. На румбах морской славы. М., 1988. С.281—286.

19 Цветков И.Ф. Тайна торпеды «Цаункёни» // Хочу все знать: Научно-художественный сборник. Л., 1990. С.215—220.

20 В счет репараций с Италией Великобритания в августе 1944 г. передала СССР (Северный флот) девять устаревших эскадренных миноносцев постройки 1918—1919 гг. — «Челси» («Дерзкий»), «Черчилль» («Деятельный»), «Ротсбург» («Доблестный»), «Сейнт Альбанс» («Достойный»), «Линкольн» («Дружный»), «Брайтон» («Жаркий»), «Лемингтон» («Жгучий»), «Джорджтаун» («Жесткий»), «Ричмонд» («Живучий»). Несмотря на просьбу И.В.Сталина передать нам хотя бы четыре современных эсминца, этого сделано не было. На флоте их называли «шипы» (от англ. ship — 'военный корабль').

21 Переписка Председателя Совета министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957. С.278—293.

22 Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 1989. С.383—384.

23 Кузнецов Н.Г. Адмирал Л.М.Галлер (рукопись). С.44. Цит. по кн.: Зонин С.А. Адмирал Л.М.Галлер. М., 1991. С.386.

24 Биологами Н.Г.Клюевой и С.Г.Роскину (супруги) в 1939—1946 гг. был разработан препарат (круцин) для лечения онкологических заболеваний. Известный советский физиолог академик В.В.Парин, отправляясь в 1946 г. в служебную командировку в США, по просьбе Н.Г.Клюевой и С.Г.Роскина взял с собой их рукопись «Биотерапия злокачественных опухолей» с целью ее публикации за границей. В.В.Парину инкриминировали разглашение государственной тайны и осудили на 25 лет лишения свободы. «Дело» Клюевой и Роскина разбиралось на «суде чести», но в связи с протестом международных организаций власти были вынуждены этим ограничиться. Как показали дальнейшие клинические исследования, круцин оказался малоэффективным средством борьбы против рака. Драматург А.П.Штейн использовал этот сюжет для пьесы «Суд чести» (Подробнее см.: Калинин В.Д., Бродский В.Я. Дело «КР» // Репрессированная наука. Вып. II. СПб., 1994. С.113—120.

25 По своим масштабам и нелепости предъявленных обвинений это «дело» можно сравнить, пожалуй, лишь с делом офицера французского Генштаба А.Дрейфуса, сфабрикованного в 1894 г. французской разведкой, который обвинялся в шпионаже в пользу Германии.

26 Галлер Лев Михайлович (1883—1950) — адмирал (1940). Окончил Морской корпус (1905), Офицерский артиллерийский класс (1912), Академические курсы при ВМА (1926). Участник первой мировой войны. Во время Гражданской войны командир эсминца, крейсера и линкора, начальник штаба соединений кораблей, начальник Минной дивизии. После войны Начштаба БФ, командир бригады линкоров. С 1932 г. — начальник Морских сил Балтийского моря. В 1937—1940 гг. — зам. начальника Морских сил НКО СССР, начальник Главного морского штаба. С 1940 г. — зам. наркома ВМФ по кораблестроению и вооружению. В 1947—1948 гг. — начальник ВМА кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова.

27 Алафузов Владимир Антонович (1901—1966) — адмирал (1944). Окончил ВМУ им. М.В.Фрунзе (1925), ВМА (1932). В ВМФ с 1918 г., участник Гражданской войны (рулевой, помощник комиссара на кораблях и судах Онежской флотилии). С 1925 г. — пом. вахтенного начальника, штурман линкора, ст. пом. командира крейсера, нач. отдела штаба флота (БФ и ЧФ). В 1937—1938 гг. участвовал в Гражданской войне в Испании (1936—1939). С мая 1938 г. — зам. начальника ГМШ ВМФ. С февраля

1943 г. — нач. штаба ТОФ, а с июня 1944 г. по апрель 1945 г. — нач. ГМШ ВМФ. С апреля 1945 г. по 1948 г. — нач. ВМА им. К.Е.Ворошилова, с 1953 г. — зам. нач. ВМА. С 1958 г. по 1964 г. — член редколлегии «Морского атласа». С 1964 г. — профессор-консультант Ученого совета ВМА.

28 *Степанов Георгий Андреевич* (1890—1957) — вице-адмирал (1940). В ВМФ с 1908 г. Окончил Морской корпус (1911), Высшие Морские академические курсы при ВМА (1926). Участник первой мировой и Гражданской войн. В 1919—1920 гг. — нач. штаба Онежской военной флотилии. В 1921—1924 гг. — нач. Оперативного управления Морского штаба Республики. В 1924—1928 гг. — нач. штаба МСЧМ, в 1928—1938 гг. — на преподавательской работе в ВУЗах ВМФ. С 1939 г. — нач. ВМА. В период ВОВ командовал Беломорской военной флотилией (1941—1943). С апреля 1943 г. — и.д. нач. ГМШ. С июля 1944 г. — нач. управления ВМЧЗ, с 1953 г. — в отставке.

29 *Фиума* — город в Италии, где в конце XIX в. было развернуто производство самодвижущихся мин Уайтхеда (торпед).

30 Зонин С.А. Адмирал Л.М.Галлер. Жизнь и флотоводческая деятельность. М., 1991. С.404—405.

31 Там же.

32 Об этом писала газета «Кронштадтские ведомости» от 26.03. 1994 г.

33 В настоящее время вопросы, связанные с воинскими захоронениями, регулируются межправительственными соглашениями и постановлениями Правительства РФ. Так, в соответствии с Соглашением между правительствами РФ и ФРГ от 16.12.1992 г. «Об уходе за военными могилами в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии» вышло постановление Правительства РФ № 33 от 13.01.1995 г. «О мерах по реализации межправительственного соглашения об обеспечении сохранности и порядка содержания российских (советских) воинских захоронений за рубежом и иностранных воинских захоронений в Российской Федерации».

Последний штурм (К 50-летию битвы за Берлин)

К началу 1945 г. стало ясно, что война в Европе, вероятнее всего, закончится сражением за Берлин. Об этом свидетельствовало положение на фронтах, яростное сопротивление немецких войск, отсутствие перспектив какого-то иного выхода Германии из войны. Но вопрос, кто первым достигнет столицы Германии — войска западных союзников или Красная Армия — оставался открытым. Стремление каждой из ведущих держав антигитлеровской коалиции — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — решить эту задачу было естественным для политического руководства и командования, понятным для рядовых солдат и простых граждан этих стран. Взятие Берлина означало конец кровопролитию на континенте, приносило с собой лавры победителя в завершающем сражении войны за правое дело, укрепляло позиции в решении вопросов послевоенного устройства Германии, авторитет причастных к этому политических и военных лидеров внутри страны и на международной арене. Не говоря уже о том, что взятию Берлина предстояло войти в летопись мировой истории. Словом, ставки были достаточно высоки. Насколько можно судить по документам, первым поставил об этом вопрос президент США Ф.Рузвельт.

19 ноября 1943 г. на борту линкора «Айова» по пути в Каир на англо-американо-китайскую конференцию, которая предшествовала встрече глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране, Ф.Рузвельт, мотивируя необходимость открытия второго фронта, отмечал, что советские войска находятся всего лишь «в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии. Если они форси-

руют реку Буг, что они могут сделать в ближайшие две недели, они окажутся на пороге Румынии». Президент указал на неотложность оккупации вместе с Англией возможно большей части Европы. Под английскую оккупацию он «отдавал» Францию, Бельгию, Люксембург, а также южную часть Германии. «Соединенные Штаты, — сказал Ф.Рузвельт, — должны занять Северо-Западную Германию. Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также (порты) Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты»¹.

Конкретно вопрос о взятии Берлина и создании для этого необходимой группировки войск интенсивно обсуждался политическим и военным руководством СССР, Великобритании и США в феврале-марте 1945 г. и приобрел характер соперничества. 1 апреля 1945 г. в Москву, в Ставку Верховного Главнокомандующего были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К.Жуков и командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И.С.Конеv.

«Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?» — задал им вопрос И.Сталин. Поводом для такой постановки вопроса были полученные в Москве сведения о том, что западные союзники создают для взятия Берлина группировку войск под командованием фельдмаршала Б.Монтгомери и развернули с этой целью подготовительные мероприятия.

«Берлин будем брать мы, — ответил на вопрос Сталина Маршал Конев, — и возьмем

его раньше союзников”. Жуков сказал, что это готовы сделать войска 1-го Белорусского фронта, который имел к тому времени достаточно сил и был нацелен на Берлин с кратчайшего расстояния². По стечению непредсказуемых обстоятельств именно в этот же день 1 апреля У.Черчилль направил Ф.Рузвельту следующую телеграмму: “Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления, как нападение на Берлин. Для германского народа это будет самым убедительным признаком поражения. С другой стороны, если предоставить лежащему в руинах Берлину выдержать осаду русских, то следует учесть, что до тех пор, пока там будет развеваться германский флаг, Берлин будет вдохновлять сопротивление всех находящихся под ружьем немцев.

Кроме того, существует еще одна сторона дела, которую вам и мне следовало бы рассмотреть. Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения”³.

Телеграмма У.Черчилля была последней попыткой добиться пересмотра решения, принятого Верховным Главнокомандующим союзными силами в Европе Д.Эйзенхауэром о наступлении войск западных союзников в направлении Лейпцига и Дрездена. В личном послании И.Сталину от 28 марта 1945 г. Эйзенхауэр сообщил, что в его планы входит окружение и разгром немецких войск, оборонявших Рур, а также изоляция данного района от остальной части Германии. Эту задачу он предполагал выполнить наступлением в обход Рура с севера и от Франкфурта-на-Майне через Кассель до тех пор, пока немецкие войска не будут окружены. “Я рассчитываю, — продолжал он, — что эта фаза (операции) завершится в конце апреля, а может быть и раньше,

и моя следующая задача будет состоять в расчленении войск противника посредством соединения с Вашими армиями”⁴. Доказывая целесообразность своего плана, он писал начальнику штаба армии США генералу армии Д.Маршаллу: “Я пытался подчеркнуть, что мое наступление в район Лейпцига является не только правильным направлением для решающего удара, так как он ведет к полному расчленению противника, но и представляет мне максимальную мобильность. В любое время, когда мы сможем взять Берлин без больших потерь, мы, конечно, это сделаем. Но я полагаю, что неразумно, с военной точки зрения, в данных условиях делать Берлин главной целью, особенно если учесть тот факт, что война ведется в политических целях, и если Объединенный комитет начальников штабов решит, что взятие Берлина войсками западных союзников имеет значение большее, чем чисто военные соображения на этом театре, то я с готовностью внесу необходимые изменения в свои планы...”⁵

Эйзенхауэр отклонил настойчивую просьбу Монтгомери о выделении ему 10 дивизий для наступления на Берлин и передал из состава 21-й группы армий, которой командовал Монтгомери 9-ю американскую армию в состав 12-й группы армий генерала О.Брэдли, действовавшей на центральном участке фронта. О.Брэдли, в свою очередь, считал, что взятие Берлина будет стоить около 100 тысяч солдатских жизней. “Это слишком большая цена престижного объекта, особенно учитывая, что мы его должны будем передать другим”⁶ (Берлин входил в зону оккупации Красной Армии). Комитет начальников Штабов, а затем и Президент Ф.Рузвельт поддержали решение Эйзенхауэра.

По поводу этого конфликта написана обширная литература с пространством освещением различных политических, экономических и военных аргументов за и против решения Эйзенхауэра. Сам же он 27 марта 1945 г. в ходе пресс-конференции на вопрос американского корреспондента: “Кто первый войдет в Берлин, русские или мы?” — ответил: “Уже одно только расстояние говорит о том, что они делают это. Они в тридцати пяти милях от Берлина, мы в двухстах пятидесяти. Я не хочу ничего предсказывать. У них более короткая дистанция, но перед ними основные силы немцев”⁷.

К этому времени в Москве разработка

плана Берлинской операции в основных чертах уже была завершена. Она готовилась с февраля 1945 г. Генеральным штабом с участием командования и штабов 1-го Белорусского, 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов.

В нашу задачу не входит подробное освещение этого плана. Отметим только, что овладение Берлином возлагалось на 1-й Белорусский фронт при содействии 2-го Белорусского фронта, который по плану наступал севернее Берлина, и 1-го Украинского фронта, наступавшего южнее Берлина. Им предстояло замкнуть кольцо окружения западнее города⁸.

Особенность плана операции заключалась в том, что 1-му Украинскому фронту ставилась задача частью сил (первоначально одним танковым корпусом 3-й гвардейской танковой армии) нанести удар по Берлину с юга. При этом разграничительная линия между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами была доведена только до Люббена (60 км юго-восточнее Берлина). Далее в проекте директивы на операцию эта линия была проведена южнее Берлина. О том, что произошло при утверждении директивы И.Конева пишет следующее: «Ведя эту линию карандашом Сталин вдруг оборвал ее на городе Люббене. Оборвал и дальше не повел. Он ничего не сказал при этом. Но я думаю, и Маршал Жуков тоже увидел в этом определенный смысл. Разграничительная линия была оборвана примерно там, куда мы должны были выйти к третьему дню операции. Далее (очевидно, смотря по обстановке) молчаливо предполагалась возможность проявления инициативы со стороны командования фронтов. Был ли в этом обрыве разграничительной линии на Люббене негласный призыв к соревнованию фронтов? Допускаю такую возможность...»⁹

Ответ на это предположение И.Конева мы находим в мемуарах генерала армии С.М.Ште-

менко «Генеральный штаб в годы войны». 1 апреля 1945 г. как начальник оперативного управления Генштаба он присутствовал на том памятном совещании в Ставке, где обсуждался план Берлинской операции с командующими 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. С.М.Штеменко подтверждает, что на немедленный вызов в Москву Г.К.Жукова и И.С.Конева повлияли «первые симптомы поползновений союзников на Берлин»¹⁰. Это же обстоятельство внесло коррективы и в первоначальные соображения Генштаба по операции, когда он стремился «избежать малоэффективного лобового удара главными силами» и брать немецкую столицу «обходящими ударами двух фронтов»¹¹. На совещании в Ставке начальник Генерального штаба особо подчеркнул перед И.Сталиным необходимость четко установить разгранлинию между войсками Г.Жукова и И.Конева. Кроме того, было отмечено, что план операции исключает непосредственное участие в сражении за Берлин войск 1-го Украинского фронта, что могло отрицательно повлиять на жесткие сроки выполнения поставленных задач. Особенно это подчеркивал И.Конев, желавший нацелить хотя бы танковые армии на юго-западную окраину Берлина. Но, со слов С.Штеменко, особую роль в этой операции еще на ранних ее подготовительных этапах И.Сталин отводил 1-му Белорусскому фронту и вопрос о разграничительной линии, над которой оперативники работали более двух месяцев, остался открытым. Доведя ее на карте только до г.Люббена, Верховный Главнокомандующий после ухода Г.Жукова и И.Конева заявил: «Кто первый ворвется, тот пусть и берет Берлин»¹². Начало гонке было положено.

На следующий день эта разграничительная линия была подтверждена в директиве Ставки Верховного Главнокомандования.

Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующему войсками 1-го Украинского фронта на проведение наступательной операции южнее Берлина и установление разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом.

№ 41060

3 апреля 1945 г. 21.00

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить группировку противника в районе Коттбус и южнее Берлина. Не позднее 10—12 дня операции овладеть рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по р.Эльба до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, иметь ввиду наступать на Лейпциг.

2. Главный удар силами пяти общевойсковых армий и двух танковых армий нанести из района Трибель в общем направлении на Шпремберг, Бельциг.

На участок прорыва привлечь шесть артиллерийских дивизий прорыва, создав плотность не менее 250 стволов от 76-мм и выше на один километр фронта прорыва.

3. Для облегчения главной группировки фронта с юга силами 2-й Польской армии и частично сил 52-й армии нанести вспомогательный удар из района Кольфурт в общем направлении Бауцен, Дрезден.

4. Танковые армии и общевойсковые армии второго эшелона ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на направлении главного удара.

5. На левом крыле фронта перейти к жесткой обороне, обратив особое внимание на Брест-Лавльское направление: гв. армию сменить и использовать для наступления на главном направлении.

6. Установить с 15.04.45 г. следующую разграничительную линию с 1-м Белорусским фронтом: до Унруштадт прежняя и далее оз. Енедорфер-Зее, Гросс-Гастрозе, Люббен. Все пункты, кроме Люббен для 1-го Белорусского фронта включительно. Ответственность за обеспечение стыка прежняя.

7. Начало операции согласно полученных Вами лично указаний.

Ставка Верховного Главнокомандования

И.Сталин
Антонов¹³

Как следует из директивы, возможность поворота танковых армий 1-го Украинского фронта на Берлин в качестве дополнительного варианта конкретно в ней Ставкой не предусматривалось. Опираясь на воспоминания С.М.Штеменко и Г.К.Жукова, написанные уважаемыми военачальниками после войны и уже с учетом известных развернувшихся драматических событий, со всей определенностью можно сказать, что такой вариант, если и был оговорен И.Сталиным с командующими фронтами, то только на словах¹⁴.

Забегая вперед, в подтверждение вышесказанного приведем лишь небольшую цитату из мемуаров «Воспоминания и размышления» бывшего командующего 1-м Белорусским фронтом Г.К.Жукова. Через много лет после войны, размышляя о возможных вариантах взятия Берлина и итогах всей операции, известный маршал особо остановился на вопросе о разграничительной линии между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, определившей в дальнейшем достигнутый между ними уровень взаимодействия. Все его варианты однозначно не случайно предусматривали либо совместное, либо частичное участие войск двух фронтов в овладении столицей рейха. Оценивая один из этих неосуществленных вариантов, Г.К.Жуков писал: «При этом варианте несколько усложнилась бы подготовка операции

и управление ею, но значительно упростилось бы общее взаимодействие сил и средств по разгрому берлинской группировки противника, особенно при взятии самого города. Меньше было бы всяких трений и неясностей»¹⁵. Таким образом, факт налицо — недоразумения между войсками фронтов при овладении Берлином возникли и они были заложены при планировании операции. Так что же произошло?

16 апреля войска 1-го Белорусского фронта и 1-го Украинского фронта перешли в наступление. Началась Берлинская операция Красной Армии, одна из наиболее ожесточенных и кровопролитных во всей германо-советской войне. 18 апреля перешел в наступление 2-й Белорусский фронт. Его действия имели большое значение для взятия Берлина, но непосредственного участия в овладении городом войска этого фронта не принимали.

Превосходство в силах 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов над противником было подавляющим. Однако преодоление заблаговременно подготовленной многослойной обороны и овладение гигантским городом в условиях умело организованного и стойкого сопротивления Вермахта было крайне сложной задачей.

Это стало ясным уже в первые дни наступления, когда 1-й Белорусский фронт не смог преодолеть главной полосы обороны противни-

ка в установленные сроки и понес большие потери особенно в районе Зееловских высот.

1-й Украинский фронт наступал более успешно. К исходу 18 апреля войска этого фронта завершили прорыв нейсенского рубежа обороны, форсировали р. Шпрее и обеспечили условия для окружения Берлина с юга. За день до этого И.Конеv направляет командующим 3-й и 4-й гвардейских танковых армий генералам П.Рыбалко и Д.Лелюшенко директиву, в которой нацеливает их на взятие Берлина. Он требует: "...Смелее маневрировать танка-

ми и пехотой вне больших дорог, населенные опорные пункты решительно обходить, не ввязываться в затяжные лобовые бои. Мобилизуйте все, со страстью бить немцев и ломать сопротивление. Стремление только вперед. Наши войска должны быть в Берлине первыми, они это могут сделать и с честью выполнить приказ Великого Сталина..."

Вечером 20 апреля с интервалом в два часа И.Конеv, а затем Г.Жуков направляют своим соединениям приказы, содержание которых говорит само за себя.

Приказ командующего войсками 1-го Украинского фронта командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями о вступлении в Берлин раньше войск 1-го Белорусского фронта

№ исх. 167

20 апреля 1945 г. 19.40

Войска Маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми. Исполнение донести.

Конеv
Крайнюков¹⁶

Приказ командующего войсками 1-го Белорусского фронта командующему 2-й гвардейской танковой армией с требованием первыми ворваться в Берлин

№ исх. 10624

20 апреля 1945 г. 21.50

2-й гвардейский танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить знамя Победы. Мною Вам поручено организовать исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля (1945 г.) любой ценой прорваться на окраину Берлина и не медля донести для доклада т.Сталину и объявления прессе.

Жуков
Телегин¹⁷

Аналогичный приказ был отдан командующему 1-й гвардейской танковой армией.

Но для выполнения приказов в установленные сроки реальных возможностей у 2-й гвардейской армии С.Богданова и 3-й гвардейской танковой армии А.Рыбалко не было. Особенно это касалось армии Богданова и 1-го Бе-

лорусского фронта в целом, который с большим трудом преодолевал мощную немецкую оборону на восточных подступах к Берлину. Первая весть о прорыве советских войск на окраины германской столицы была отправлена из штаба 1-го Украинского фронта. Телеграмма сообщала:

"Москва, тов. Сталину, лично.

1. 3 гв. ТА Рыбалко передовыми бригадами ворвалась в южную часть Берлина и к 17.30 ведет бой за Тельтов и в центре Ланквиз.

2. 4 гв. ТА Лелюшенко — 10 тк ведет бой в районе Зармут (10 км юго-вост. Потсдам).

22.00 22.4.45. Конеv".

Тем временем возник второй объект соперничества между фронтами Г.Жукова и И.Конев — Бранденбург, в районе которого судя по развитию событий войска 3-й гвардейской танковой армии генерала Д.Лелюшенко (1-й Украинский фронт) должны были соеди-

ниться с войсками 47-й армии генерала Ф.Перхоровича (1-й Белорусский фронт). Г.Жуков направил своим войскам боевое распоряжение, которым предусматривалось упредить овладение Бранденбургом войсками Конева.

Боевое распоряжение командующего войсками 1-го Белорусского фронта командующему 7-го гвардейского кавалерийского корпуса на продолжение стремительного наступления с целью упреждения войск 1-го Украинского фронта в занятии Бранденбурга

№ 00607/п

25 апреля 1945 г. 01.00

6 мк 1-го Украинского фронта на подходе к г.Бранденбург с юго-востока.

Командующий фронта приказал:

Одну кавалерийскую дивизию с одной танковой бригадой немедленно повернуть для стремительного удара на юг с задачей занять г.Бранденбург до подхода 6 мк — к утру 25.4.45 г. Командующему 2 гв. ТА дано распоряжение о выдвигании одной тбр из г.Нацен в г.Шваннебек в Ваше распоряжение.

Главным силам корпуса продолжать наступление на г.Ратенов и выполнять ранее поставленную задачу.

Малинин¹⁸

Первой — 24 апреля вечером достигла Бранденбурга танковая армия Лелюшенко. На следующий день передовые части армий Лелюшенко и Перхоровича соединились в районе

Кетцена, северо-восточнее Бранденбурга, замкнули кольцо окружения вокруг Берлина. В Москву была отправлена следующая телеграмма:

Донесение командующего войсками 1-го Украинского фронта Верховному Главнокомандующему о завершении окружения Берлина с запада и овладении городом Бранденбургом

№ исх. 205

25 апреля 1945 г. 01.00

Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза
Тов. Сталину

4 гв. танковая армия Лелюшенко, развивая наступление 6 мк, овладела гор. Кетцин и в 23.30 24.4.45 г. в районе Бухов-Карпцов (6 км сев.-вост. гор. Кетцин) соединилась с частями 1-го Белорусского фронта, завершив тем самым окружение гор. Берлин с запада. 6 мк 4 гв ТА в 23.00 24.4 полностью овладел гор. Бранденбург.

Конев
Крайнюков¹⁹

В тот же день 25 апреля войска 1-го Украинского фронта встретились на Эльбе с войсками 12-й американской группы армий генерала О.Брэдли. К этому времени реальные возможности объединения усилий 3, 9 и 12-й немецких армий для защиты Берлина были, на наш взгляд, утрачены.

Но гонка за овладение Берлином между Коневым и Жуковым, не определяя общего хо-

да событий, тем не менее, продолжалась. Гвардейская танковая армия генерала Рыбалко, форсировав с ходу р.Шпрее, с ожесточенными боями продвигалась к центру Берлина (разграничительная линия между войсками фронтов была изменена и проходила примерно по центру города) и оказалась в тылу боевых порядков 8-й гвардейской армии и 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта.

Началась неразбериха, которая могла принести и, видимо, принесла немало неоправданных жертв.

Однако прошло не менее двух суток, прежде чем Конев решил сообщить Жукову о

необходимости принятия совместных мер по исправлению создавшегося положения, имея ввиду, что для этого целесообразно изменить направление наступления войск 1-го Белорусского фронта в Берлине.

Обращение командующего войсками 1-го Украинского фронта к командующему войсками 1-го Белорусского фронта с просьбой об изменении направления наступления 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армиям

№ 00222/оп

28 апреля 1945 г. 20.45

Войска армии т.Рыбалко и т.Лучинского сегодня, 28 апреля 1945 г., с боями вошли правыми флангами к Ангальскому вокзалу (правая разграничительная линия фронта), уступом и левым флангом ведут бой за Вильмерсдорф, Холензее.

По донесению т.Рыбалко, армии т.Чуйкова и т.Катукова 1-го Белорусского фронта получили задачу наступать на северо-запад по южному берегу Лантвер канала, таким образом, они режут боевые порядки войск 1-го Украинского фронта, наступающих на север.

Прошу распоряжений изменить направление наступлений армий т.Чуйкова и т.Катукова. О вашем решении прошу сообщить.

Конев
Крайнюков
Петров²⁰

В тот же вечер г.Жуков, не дав ответа И.Коневу, направил И.Сталину телеграмму с объяснением создавшегося положения и пред-

ложениями, которые существенно отличались от предложений командующего 1-м Украинским фронтом.

Доклад командующего войсками 1-го Белорусского фронта Верховному Главнокомандующему о положении войск и необходимости изменения разграничительной линии с 1-м Украинским фронтом

№ 00627/оп

28 апреля 1945 г. 22.00

Докладываю: войска 1-го Белорусского фронта, продолжая уличные бои в центре г.Берлина, к 19.00 28 апреля 1945 г. ведут бой на линии (далее следуют координаты по плану г.Берлин 1:2500)..

2. Я решил встречным ударом 2 гв. ТА и правого фланга 3 уд. А в юго-восточном направлении, всеми силами 5 уд. А, 1 гв. ТА и 8 гв. ТА²¹ в северо-западном направлении расколоть окруженную группировку в Берлине на две части, после чего оставшиеся очаги обороны уничтожить по частям.

По состоянию на 19.00 28 апреля 1945 г. эти наступающие навстречу группы войск фронта находятся на удалении полутора километров одна от другой и в ближайшее время соединяться.

3. Две стрелковые дивизии 28-й армии и одна мсбр 3 гв. ТА 1-го Украинского фронта, имея от Конева задачу наступать из района ст. Пале-штрассе (полтора километра западнее аэропорта Темпельходь) на север вдоль железной дороги, 28 апреля 1945 г. вышли в тыл боевых порядков 8 гв. А и 1 гв. ТА.

Наступление частей Конева по тылам 8 гв. А и 1 гв. ТА создало путаницу и перемешивание частей, что крайне осложнило управление боем. Дальнейшее их продвижение в этом

направлении может привести к еще большему перемешиванию и к затруднению в управлении.

Докладывая изложенное, прошу установить разграничительную линию между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов или разрешить мне сменить части 1-го Украинского фронта в г.Берлине.

Командующий войсками 1-го
Белорусского фронта Маршал
Советского Союза Г.Жуков

Член военного совета 1-го
Белорусского фронта
генерал-лейтенант Телегин

Начальник штаба
генерал-полковник Малинин²²

В генеральном штабе внимательно следили за ходом событий и еще до получения телеграммы Г.Жукова ему и И.Коневу была на-

правлена следующая директива о новой разграничительной линии в Берлине.

Директива Ставки Верховного Главнокомандующего командующим войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об установлении разграничительной линии в Берлине

№ 11077

28 апреля 1945 г. 21.20

Ставка Верховного Главнокомандующего приказывает:

1. С 24 часов 29.4.45 г. установить следующую разграничительную линию в Берлине между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами: до Мариендорф прежняя, затем ст. Темпельхоф, Виктор-Луизе плац, ст. Савиньи, далее по железной дороге на ст. Шарлоттенбург, ст. Весткройц, ст. Рубелен. Все пункты для 1-го Украинского фронта включительно.
2. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного главнокомандования

И.Сталин
Антонов²³

Войска Рыбалко к тому времени достигли Тиргартена и теперь должны были быть отведены с тем, чтобы их место заняли войска Г.Жукова. Конев пишет в мемуарах: "Телефонный разговор, который имел по этому поводу с Павлом Семеновичем [Рыбалко. — О.Р.], был довольно неприятным. Он заявил, что ему непонятно, почему корпуса, уже нацеленные на центр города, по моему приказу отворачиваются западнее, меняют направление наступления. Я хорошо понимал переживания командарма, но мне осталось только ответить, что наступление войск 1-го Белорусского фронта на Берлин проходит успешно, а центр Берлина по установленной разграничи-

тельной линии входит в полосу действий 1-го Белорусского фронта"²⁴.

2 мая И.Конев направил в Москву последнее донесение о Берлинской операции:

"Войска фронта сегодня, 2 мая 1945 г., после девятидневных уличных боев, полностью овладели юго-западными и центральными районами города Берлина (в пределах установленной для фронта разграничительной линии) и совместно с войсками Первого Белорусского фронта овладели городом Берлин"²⁵.

В тот же день был объявлен праздничный приказ И.Сталина с иной формулировкой о вкладе фронтов под командованием Г.Жукова и И.Конева в овладении Берлином:

Приказ Верховного Главнокомандования
по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту

Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группировки немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

Берлинский гарнизон, оборонявший город во главе с начальником обороны Берлина Генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом, сегодня, в 15 часов, прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

2 мая к 21 часу нашими войсками взято в плен в городе Берлине более 70 000 немецких солдат и офицеров...

...В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение Берлином, представить к присвоению наименования «Берлинских» и к награждению орденами.

Сегодня, 2 мая, в 23 часа 30 минут в честь исторического события — взятия Берлина советскими войсками — столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует своим доблестным войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, участвовавшим в боях за овладение Берлином.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза
И. Сталин
2 мая 1945 года № 359²⁶.

Думается, что формулировка И. Сталина о вкладе фронтов Г. Жукова и И. Конева в овладении Берлином и успешное завершение операции справедлива.

Но необходимо ответить на вопрос: целесообразно ли было соревнование между фронтами? То, что оно сократило сроки операции, сомнений не вызывает. Но главное, уменьшила или увеличила гонка к Берлину количество потерь войск Красной Армии?

Потери советских войск в Берлинской операции были исключительно велики. Убитыми и ранеными они превысили 350 тыс. человек против примерно 490 тыс. человек потерь Германии²⁷; советские безвозвратные потери (убитые, пропавшие без вести) составили 101 тыс. 961 человек (1-го Белорусского фронта 141 880 и 37 610 чел., 1-го Украинского фронта — 86 245 и 27 580 чел., 2-го Белорусского фронта 46 040 и 13 070 чел. соответственно)²⁸.

Учитывая, что численность личного состава войск 1-го Белорусского фронта (908 500 чел.) значительно больше чем 1-го Украинского фронта (550 900 чел.), потери войск, которыми командовал Маршал И. Конев, оказались в процентном отношении значительно выше²⁹.

Характерно, что и накануне Берлинской операции, при проведении Висло-Одерской операции (12 января—3 февраля 1945 г.), потери в 1-м Украинском фронте примерно в полтора раза оказались выше, чем в 1-м Белорусском. По мнению отечественного военного историка В. Н. Киселева, одной из главных причин тому являлись более эффективные способы применения в наступлении танковых армий Г. К. Жуковым³⁰.

С падением Берлина способность Германии к организованному сопротивлению была утрачена и вскоре она капитулировала. Настал долгожданный день Победы.

Примечания

- ¹ Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran 1943. Washington, 1961. P.259, 254.
- ² Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 1991. С.373.
- ³ Kimball W. (Ed.). Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol.III. London, 1984. P.605.
- ⁴ The Papers of Dwight D. Eisenhower. The War Years. Vol.4. Baltimore, 1970. P.2551.
- ⁵ Papers of Dwight D. Eisenhower. P.2592.
- ⁶ Ambrose S. The Supreme Commander. The War Years of General Dwight D. Eisenhower. London, 1971. P.63.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ В ходе операции кольцо окружения замкнули войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.
- ⁹ Конев И. Указ. соч. С.378.
- ¹⁰ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Ки. 1. М., 1989. С.228.
- ¹¹ Там же. С.226—227.
- ¹² Там же. С.228.
- ¹³ Центральный Архив Министерства Обороны Российской Федерации (далее ЦАМО РФ). Ф.3. Оп.11556. Д.18. Л.91—92.
- ¹⁴ Штеменко С.М. Указ. соч. С.228; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. М., 1992. С.225—227.
- ¹⁵ Жуков Г.К. Указ. соч. С.249.
- ¹⁶ ЦАМО РФ. Ф.236. Оп.2712. Д.359. Л.36. Подлинник.
- ¹⁷ ЦАМО РФ. Ф.233. Оп.2307. Д.193. Л.88.
- ¹⁸ ЦАМО РФ. Ф.233. Оп.2307. Д.193. Л.139.
- ¹⁹ ЦАМО РФ. Ф.236. Оп.2712. Д.346. Л.134.
- ²⁰ ЦАМО РФ. Ф.236. Оп.2712. Д.36. Л.152.
- ²¹ В тексте документа ошибка. Имеется в виду 8-я гвардейская армия.
- ²² ЦАМО РФ. Ф.233. Оп.2307. Д.193. Л.159—161.
- ²³ ЦАМО РФ. Ф.3. Оп.11556. Д.18. Л.113.
- ²⁴ Конев И. Указ. соч. С.462.
- ²⁵ Там же. С.468.
- ²⁶ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С 25 января 1943 г. по 3 сентября 1945 г. М., 1975. С.494—497.
- ²⁷ Подсчитано по: Воробьев Ф.Д., Паротькин И.В., Шиманский А.Н. Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.). М., 1975. С.26, 28, 29, 415.
- ²⁸ Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под ред. Г.Кривошеева. М., 1993. С.219.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Более подробно см.: Киселев В.Н. Почерк двух полководцев: Действия танковых армий в Висло-Одерской операции // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С.4—11.

Великие кануны (Некоторые социально–психологические аспекты российской истории начала XX столетия)

*Нынче ветренно и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.*

Иосиф Бродский
«Письма римскому другу»

Годы, предшествовавшие грандиозным событиям 1917 г., давно привлекают внимание исследователей, что вполне объяснимо и оправдано самим масштабом произошедших в России после падения самодержавия и приходом к власти партии большевиков изменений. Разумеется, время накладывало своей отпечаток на те или иные формулировки и выводы ученых, однако суть их от этого менялась мало: режим был обречен на гибель и погиб не случайно. 1917 г. не просто “закрыл” одну страницу истории и “открыл” другую, — с того времени переменялся и темп жизни страны, были сломаны прежние социально–психологические стереотипы, ушли в небытие старые, казавшиеся ранее незыблемыми, ценности и традиции. Уже одно то, что произошло все так стремительно, заставляет задуматься над причинами этой самой “стремительности”. В самом деле, был ли революционный взрыв своего рода “внешним” проявлением глубокого морально–психологического кризиса, пережитого Россией в начале этого столетия? Можем ли мы сказать, что кроме социальной и политической страна пережила и психологическую катастрофу, последствия которой были не менее серьезны? Смеем предположить, что да. Однако подобный однозначный ответ вовсе не свидетельствует об окончательной разрешенности данной проблемы, которая, думается, чем

дальше, тем больше будет привлекать внимание историков, философов и специалистов по социальной психологии, так как многие вопросы, стоявшие перед страной и ее жителями в начале нынешнего века, снова (и столь же остро) встают перед нами на рубеже нового тысячелетия.

Попыткой вновь осмыслить эту проблему и является помещаемый ниже материал.

* * *

Вот уже сколько веков подряд люди встречают каждое новое столетие с особыми ожиданиями, надеждами, страхами. Желание за сменной цифрой увидеть нечто более существенное, “глобальное” и весомое, то, что изменит жизнь целым поколениям, прервет прежний, ставший традиционным, ход истории, заставляло человека “границ веков” пристально вглядываться в окружающую его действительность, подмечать в ней симптомы распада и будущей гибели. Все эти слова мы с полным правом можем отнести к России рубежа столетий, когда, по словам Андрея Белого, “для многих стиль нового века радикально отличался от старого; в 1898 и 1899 гг., — писал он далее, — мы прислушивались к перемене ветра в психологической атмосфере. До 1898 г. северный ветер дул под северным небом <...> С 1898 г. подул другой, южный, ветер. Ветры столкнулись, их

столкновение породило туман, туман задумчивости. В 1900 и 1901 гг. атмосфера начала проясняться. Мы все увидели в новом свете под мягким южным небом двадцатого века¹. “Мягкое южное небо”, впрочем, оказалось весьма обманчивым — дальнейшая история это подтвердила. Но что для нас наиболее важно, так это прежде всего “новый свет”, в котором люди начинают видеть самые различные явления. Примечательно, что “новый свет” во многом отражал апокалиптические страхи и ожидания той сложной эпохи.

Это чувство одинаково было присуще как “поэтическим натурам” типа А.Белого, так и людям, сформировавшимся в XIX столетии, например К.П.Победоносцеву, в 1896 г. выпустившему в свет свой «Московский сборник». Многие мысли этой эмоциональной книги оказались в дальнейшем пророческими, многие выводы — верными и логически доказанными. Но главное заключалось в другом — Победоносцев “грани веков”, как и другие его современники, на многое начинает смотреть с апокалиптическими предчувствиями, лишь “знак” его восприятия, в отличие от большинства, — “минус”, а не “плюс”. Обер-прокурор Св. Синода находит в своем времени признаки состояния, характеризовавшего эпоху французского террора или бироновщины. “Больше того, — пишет он, — между нами взаимное недоверие пустило, может быть, корни еще глубже во внутреннюю жизнь общества, нежели в ту пору”². Без сомнения, Константин Петрович Победоносцев во все годы своего негласного правления Россией был пессимистически настроен в отношении “ожидаемого будущего”, но именно к концу 1890-х — началу 1900-х гг. его буквально захлестывают эмоции. Человек чуткий и тонкий, Победоносцев не мог не видеть и не понимать, что страна “куда-то идет”. Политически Россия должна была измениться, экономически она быстро менялась, социальное же ее “взросление” даже и не стояло на повестке дня.

Несоответствие между этими тремя компонентами во многом определили безальтернативность будущего всеобъемлющего кризиса. Постараемся рассмотреть данное обстоятельство более подробно.

Разумеется, стремление оставить “все без изменения”, характеризовавшее политику российского самодержавия после вступления на престол Александра III, объяснялось не

столько “глупостью” или “ограниченностью” верхов, сколько отсутствием той “здоровой консервативной идеи” (по выражению неославянофила генерала А.А.Киреева), без которой нельзя было управлять государством. К концу 1890-х гг., особенно после вступления на престол Николая II, положение еще более обострилось. Экономически бурно растущая страна нуждалась в политических реформах, нуждалась в ответственном за судьбу державы гражданине, которого надо было воспитать и сформировать.

Вспоминая прошедшую на его глазах историю России, хорошо информированный и близкий к верхам генерал Киреев, очень точно охарактеризовал это положение. “Александра II убили. Понятно, что Александр III должен был подтянуть поводья, остановить ход России. Но вместо того, чтобы через 2, 3, ну 4 года повести Россию по славянофильскому либеральному пути, Александр III продолжал затягивать поводья, давал машине задний ход. Его авторитет был еще довольно велик для того, чтобы государственное здание еще держалось, фасад стоял. Но с его смертью авторитет погиб в противоречиях внешней и в особенности внутренней политики, нужно было стать добровольно на путь реформ в славянофильском духе, вышло обратное — испуг — западная конституция”³. Заноса осенью 1906 г. эти “несвоевременные” (или лучше сказать — опоздавшие) мысли в дневник, старый генерал констатировал лишь тот факт, что консервативный вариант — к тому времени — стал уже невозможен. Трудно сказать, существовала ли возможность реализации такой программы или нет (скорее все-таки предположить второе), но то, что ничего не было сделано для этого — характерно уже само по себе.

Отложенные в долгий ящик проблемы, тем не менее, требовали решения, в свою очередь, порождая новые и опосредованно сказываясь на социально-психологическом климате в стране.

Осознание того обстоятельства, что вечно сохранять status quo невозможно и заставляло, думается, Победоносцева с настойчивостью, достойной лучшего применения, бороться за сохранение традиций и устоев (как он их понимал), с восхищением замечая следующее, например, обстоятельство: “Какое таинство — религиозная жизнь народа такого, как наш, оставленного самому себе, неученого! Спраши-

ваешь себя: откуда вытекает она? — и когда пытаешься дойти до источника — ничего не находишь. Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. Для людей неграмотных Библия не существует; остается служба церковная и несколько молитв, которые, передаваясь от родителей к детям, служит единственным соединительным звеном между отдельным лицом и Церковью⁴. Трудно понять, как (и чем) такое положение может восхищать умного человека. Видимо, восхищение в данном случае — от страха. Победоносцев прекрасно понимает, что неученый народ, предоставленный самому себе — опасен для власти, непредсказуем, тем более, если все вокруг него меняется, а темпы жизни становятся такими, что даже самого “традиционного” мужичка вынуждают спешить “вслед за жизнью”. Кроме того, нельзя было недоучитывать и того обстоятельства, что личность русского человека “чувствует себя погруженной в коллектив, личность недостаточно раскрыта и сознана”⁵. Сильное коллективистское начало при недостаточной развитости гражданского чувства и при разрушающемся патриархальном общинном “мире” могло стать для государства непреодолимым препятствием при проведении каких-либо реформ “сверху” (что, собственно говоря, в дальнейшем и произошло).

Итак, предложить что-либо позитивное Победоносцев, увы, не смог. Оставалось только петь панегирики “традициям” и доказывать необходимость борьбы с новшествами. Именно отсутствие “позитива” и было основой страха Обер-Прокурора, питало его апокалиптические ожидания. Один из самых видных “идеологов” империи к началу XX столетия был разбит “новым временем”, “в психологической атмосфере” которого ему приходилось заканчивать свою политическую деятельность и жизнь.

“Что-то в России ломалось, что-то оставалось позади, что-то, народившись или воскреснув, стремилось вперед... — писала в своих воспоминаниях много лет спустя З.Н. Гиппиус. — Куда? Это никому не было известно, но уже тогда, на рубеже веков, в воздухе чувствовалась трагедия. О, не всеми. Но очень многими, в очень многих”⁶. Как это объяснить, — что ломалось, что стремилось вперед? Откуда такой интерес к религиозным вопросам у ранее равнодушной к религии интеллигенции? Почему?

Однозначного ответа нет. И быть не может. Не было его и у живших в то время. Пророчества о близящемся конце мира, появлявшиеся довольно часто в последние годы существования самодержавия, по мнению Н.А. Бердяева, “может быть, реально означали не приближение конца мира, а приближение конца старой императорской России”⁷.

Закончившаяся поражением Первая российская революция лишь способствовала углублению чувства пессимизма и безысходности, которые в революционные годы были “отодвинуты”, закрыты внешними событиями огромного значения.

Появление в России законодательного парламента, серьезные послабления в области цензуры, новые политические права для части граждан, ранее их не имевших, — все это отвлекло внимание русской интеллигенции и так называемых культурных слоев общества от апокалиптических переживаний и эсхатологических предчувствий.

Впрочем, продолжалось это “отвлечение” недолго. Уже с 1907 г. вновь начинают собираться Общества, издаваться журналы, читаться лекции, где проблемы будущего вплотную увязываются с вопросами религиозными. Вера в сверхъестественное как в реальность, убежденность в необходимости кардинальных перемен и искреннее, почти детское, ожидание краха “старого мира” характеризуют то время наиболее четко. Впрочем апокалиптические в той или иной степени чувства переживались не только в России. В своих автобиографических записках протестантский теолог Альберт Швейцер характеризовал два переживания, омрачавшие его жизнь. “Первое состоит в понимании того, что мир предстает необъяснимо таинственным и полным страдания; второе, — писал он, — в том, что я родился в период духовного упадка человечества”⁸. Для богослова было непонятно, как могло его поколение, “столь многого достигшее в науке и технике, так пасть духовно, чтобы отказаться от мысли”⁹. В другой своей работе, характеризуя современного ему человека, Швейцер с горечью замечает, что он (этот человек) “бредет унылой дорогой в унылое время”¹⁰.

Трудно в этой связи не вспомнить замечательные слова С.Н. Булгакова, сказанные им о столыпинской эпохе: “Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь”¹¹. Чем не фраза А. Швейцера об

“унылом человеке”, соотнесенная только с российскими реалиями? Духовное разложение Булгаковым понималось как потеря нравственных ориентиров в бурном море отечественной действительности, нивелировка личности. “Безумие нашей революции, — писал в 1908 г. Е.Н.Трубецкой, — как и безумие нашей реакции, обуславливается, главным образом, одной общей причиной — тем, что у нас личность еще недостаточно выделилась из бесформенной народной массы”¹².

Видимо не будет слишком большим допущением предположить, что именно начало XX столетия было тем “перевалом сознания” (выражение протоиерея Г.Флоровского), который обусловил все апокалиптические переживания и страхи, желание найти себя в мире и достичь мира в себе, т.е. стал теоретическим рубежом для многих людей того времени.

И то, что апокалиптические переживания мы наблюдаем в то время не только в России, лишний раз доказывает универсальность этого явления, его неслучайность.

Впрочем в России оно было представлено гораздо более ярко и выпукло, чем в Европе. Специфика исторического развития России, ее особенности — экономические, политические, социальные — создали ту уникальную нравственно-психологическую обстановку, в которой страна сумела прожить в течение десяти последних предреволюционных лет.

Противоречивость того времени наиболее четко можно рассмотреть, изучая историю взаимоотношений светского и духовного институтов власти России. Волею сверхличных обстоятельств русская Церковь, с эпохи Петра I имевшая ненормальное (с канонической точки зрения) устройство, в XX столетии вступила совершенно лишенная возможности оказывать серьезное влияние на православную паству, которая к тому же не была единой.

Замкнутая государством в тесные “официальные рамки”, Церковь по-существу (как институт духовной власти) следовала в фарватере государственной политики, которую не всегда (после революционных 1905—1907 гг.) разделяла. Синодальная система, достигшая своего апогея в годы руководства обер-Прокуратурой Св. Синода К.П.Победоносцевым, воспитывала и подбирала пастырей прежде всего исходя из сугубо практических, “мирских” интересов. Союз Церкви и государства, существовавший в России (так называемая “симфо-

ния властей”) и законодательно закрепленный, к XX в. представлял из себя если не явный анахронизм, то такую систему связей, которая требовала кардинальной корректировки. Чем это было вызвано?

Прежде всего, думается, тем, что в тех сложных условиях эпохи “религиозного ренессанса” Церковь оказалась в достаточно ложном положении. С одной стороны, она должна была дать ответ “всякому уповающему” и ищущему на сложные вопросы бытия, с другой — она сама была несвободна и нуждалась в религиозном обновлении. Особенно это выявилось на имевших место в 1901—1903 гг. в Санкт-Петербурге Религиозно-философских собраниях. Соединения Церкви с миром, по словам Мережковского, тогда не получилось. Характеризуя эти собрания как первую точку религиозной революции (накануне революции политической), писатель патетически заявлял, что “конец православия [! — С.Ф.] предшествовал концу самодержавия”¹³. “Христианство кончается, — писал он приблизительно в то же время, — потому что оно до конца «исполнилось», подобно тому, как «закон и пророки» окончились с пришествием Христа”¹⁴. Подобные заключения однозначно свидетельствовали о кризисе религиозного сознания, о том, что не всякое “богоискательство” ведет “к Храму”. И дело было вовсе не в том, насколько прав или, наоборот, ошибается писатель — подобные высказывания вернее всего рассматривать как тревожный симптом нравственно-психологического характера, когда “ищущий” не только не может обрести то, что хочет, но и не может даже определить, что он хочет. Это обстоятельство заставляет человека, озабоченного обретением “истины в себе”, искать какие-либо “иные” формы организации религиозной жизни.

Ощущение “исполненности” христианства, о котором писал Мережковский, видимо можно считать (весьма, впрочем, условно) “вариацией” страшной по своей законченности фразы Ф.Ницше — “Бог умер”.

Авторитет и влияние Церкви все более слабели и в так называемой “народной массе”. Современник тех событий, будущий православный митрополит Вениамин (Федченков) по этому поводу много лет спустя писал: “Мы [пастыри. — С.Ф.] перестали быть «соленой солью» и поэтому не могли осолить и других”¹⁵. А Благовещенский епископ Иннокен-

тий, старший современник Вениамина, еще более откровенно выражал эту мысль: “Вот жалуются, что народ не слушает наших проповедей и уходит из храма, не дожидаясь конца службы. Да ведь чего слушать—то? Мы питаем его манной кашей, а люди хотят уже взрослой твердой пищи”¹⁶.

Как видим, и в среде русского образованного общества, и в народной среде процессы в своей основе протекали похожие. Ощущение чего—то “финального” было общим. (“Ах, как трудно, как трудно жить! Так трудно, что и умереть хочется!” — заявила императрица Александра Федоровна, впервые принимая Вениамина, ей совершенно до того неизвестного¹⁷.) И все это — на фоне стремительно развивающейся страны, на фоне совершенно определенных достижений в экономике. Разумеется, стремительность, как правило, приводит к головокружению, к потере “точки опоры”. Однако все объяснить этим фактором нельзя. Апокалиптические переживания, страхи, ожидания, религиозные движения свидетельствуют, что в обществе происходят серьезные глубинные изменения, изменяется как сама жизнь, так и ее оценка со стороны современников. Действительно, трудно точно обозначить время перехода человека от детства к взрослому состоянию, а от взрослого — к старости. Процесс этот, незаметный на первый взгляд, тем не менее, осознается всеми. В истории каждого народа также есть определенное время, когда происходит его (народа) вступление “в иной возраст”, когда народ как бы становится “другим”. Революционные катаклизмы являются лишь последней точкой, которая фиксирует конец давно шедших процессов. “Противоречие ведет вперед”, — говорил Г.Гегель. Потому, видимо, не стоит однозначно оценивать времена кардинальных ломок, когда страх неизвестности и отсутствие видимой позитивной (с точки зрения “добраго старого времени”) перспективы ломали судьбы многих людей и целых поколений, заставляли верить в ложные ценности и всякого рода пророков. Вера далеко не всегда основывается на страхе, но страх обязательно ищет выхода в вере. Одиночество, как правило, сопровождает такого рода страх.

В своей тюрьме, в себе самом,
Ты, бедный человек,
В любви, и в дружбе, и во всем
Один, один навек.

Д.С.Мережковский

Стремление уйти от реальности, которое мы часто наблюдаем в последние годы старого режима в России, прежде всего было стремлением уйти от самого себя. При этом, в большинстве своем, “общество не сосредоточивалось на мыслях о неустойчивости режима, не отдавало себе отчета в напряженности международного положения <...> — Общество напропалую веселилось, объедалось, опивалось. Дельцы, промышленники, коммерсанты делали большие дела, быстро и легко наживая деньги. Во всю работали банки. Деньги проживались. Зря сыпались. И от мала до велика, кому только было не лень... и у кого были хотя небольшие средства, все играли на бирже”¹⁸.

Разумеется, “играли на бирже” только имущие. Однако “дух времени” захватил всех — именно в эпоху столыпинского “ренессанса” (или “реакции”, — как угодно) и в годы предшествовавшие Мировой войне в печати стали появляться тревожные заметки о таком явлении как хулиганство. Проявления его, собственно, встречались и раньше, но именно после 1905 г., по мнению современников, хулиганство “всплыло наружу”. По большому счету, хулиганством можно считать ту вседозволенность, отсутствие морально—нравственных ограничений, существование “себе в удовольствие”, которые характеризовали также и жизнь всякого рода “дельцов” и “промышленников”, только в ином “измерении” — в самых низах российского общества. “Хулиганство, — писал в 1913 г. некий протоиерей Клавдий Фоменко, — явление сложных условий русской обыденной жизни. Хулиганство есть и месть за прошлое крепостничество. Хулиганство есть и озлобленное чадо тех, кто причислил себя “к безработным”. Хулиганство в родстве и с пролетариатом. Одним словом, хулиганство есть полное отрицание общественно—государственного порядка”¹⁹. Дикий размах хулиганства, названного юристами безмотивным преступлением, в последние предвоенные годы отмечался самыми разными людьми — священнослужителями, государственными и общественными деятелями, правоведами. Что всего интереснее в данном деле, по нашему убеждению, — так это то, как называли хулиганство. В самом деле, бывают ли “безмотивные преступления” такого масштаба, что о его (преступления) ужасах в центры летят сообщения “со всех концов России, от Архангельска и до Ялты, от Владивостока и до Петербурга?”²⁰

Почему в деревне такое развитие получает “озорство”? Неужели только потому, что молодые люди побывали на “отхожих промыслах” в фабричных центрах или в Америке, вкусили “изнанку городской жизни”, где имели возможность наблюдать, как легко “проживались деньги”, “зря сыпались” и проч.? Даже если допустить это как объясняющую “озорство” причину (т.е., иначе говоря, “дурной пример”), мы не получим ответа на вопрос, а откуда вообще взялось это поветрие к “прожиганию жизни” в городе. Только ли потому, что “экономическое бытие определяет общественное сознание”, как любил повторять Г.В.Плеханов? Видимо столь однозначный ответ не поможет нам понять тех глубинных процессов, которые происходили в то время в российском обществе, на разных его уровнях.

Не могло же “экономическое бытие” полностью (и достаточно быстро) изменить ментальную сущность целых групп людей. А ведь падение религиозности населения — характерный момент того времени. Даже официальные отчеты помещали характеристики православного населения, подразделяя это последнее (в религиозно-нравственном отношении) на несколько (!) групп. Так, например, екатеринославский епископ Агапит в своем отчете, опубликованном в 1913 г., заявил, что прихожан его епархии можно подразделить на три группы, причем самую малочисленную часть составляют люди “русско-православного мировоззрения и старинного домостроевского уклада жизни”, а самую большую — люди равнодушные, выполняющие обряды лишь потому, что так “исстари заведено”. В особую группу выделил архиерей и тех, в основном молодых людей, “которых коснулся современный тлетворный дух отрицания и сомнения, гордыни и неповиновения”. Эти люди, по мнению Агапита, “мечтают о новой революции, от которой ждут для себя «земного рая», т.е. всяческих благ и удовольствий для тела, а главное — ничегонеделания”²¹.

Стала обычным явлением не только в городе и в пригородах, но и в деревнях — по поводу и без повода — нецензурная (“матерная”) ругань. При этом, в большинстве случаев, ругань сопровождала какие-либо “хулиганские” действия. “Несомненно можно сказать, — отмечал современник, — что хулиганствуют по преимуществу молодые люди — холостые, не знающие, чем наполнить свое вре-

мя, и что явление это стало встречаться только после 1905 г. Значит, причины хулиганства можно видеть в волне всеобщего развала, пронесшегося по лицу России, той разнузданности, безудержности, какими были этот и последующие годы для населения”²². Видимо все-таки причину хулиганства усматривать в революции нельзя. Скорее, события 1905—1907 гг. были своего рода импульсом для тех процессов, которые происходили и ранее, но “на глубине”. Старый мир с его традициями уходил в небытие, а на его место приходила неизвестность. Необразованный человек, вышедший за пределы своего “мира” и столкнувшийся с иной жизнью, с иными темпами этой жизни, с иными ценностями и стереотипами, совершенно закономерно воспринимает только то, что он может воспринять, и так, как он может. Некритическое восприятие новых ценностей, стремление быть похожим на тех, кого он только что увидел в городе, характеризовало поведение деревенского молодого человека, вышедшего, в буквальном смысле, из “другого мира”. Если же принять во внимание “неразвитость личности”, о которой говорилось выше, то становится понятным, что столкновение с новым, ранее неизвестным, должно было закончиться каким-либо инстинктивным протестом против старого. Выражением этого протеста, неосознанного, дикого, жестокого, и стало явление хулиганства; ведь “сила весенних вод прямо пропорциональна количеству накопившегося за зиму снега. Вот это обстоятельство, — отмечал еще в 1908 г. Е.Н.Трубецкой, — и заставляет страшиться за будущее”²³.

До поры общество могло лишь наблюдать описанные выше процессы, остановить их возможности не было. Тем более, что параллельно с ними наблюдались симптомы и другой, не менее опасной болезни. Речь идет о понятой вековцами трагедии отчуждения русского образованного общества от народа. Об этом отчуждении писали и до выхода в свет (1909 г.) сборника «Веки», однако никто так отчетливо как они не сумел написать о корнях этого отчуждения. На Западе, писал М.О.Гершензон, — “нет той метафизической розни, как у нас, или, по крайней мере, ее нет в такой степени, потому что нет глубокого качественного различия между душевным строем простолюдина и барина”. И далее: “Между нами и нашим народом — иная рознь. Мы для него — не грабители, как свой брат, деревенский кулак; мы

для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличие, но не чувствует в нас человечесткой души и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои”²⁴.

Не столь далекое будущее доказало, что Гершензон (увы!) не ошибался, говоря о непроходимой метафизической пропасти, разделявшей русский народ на две несоединимые части, — культурный ренессанс поэтому и не имел сколько-нибудь широкого социального излучения, по справедливому замечанию Н.А.Бердяева. И не мог иметь, — добавим уже от себя. Слишком велика была пропасть и не было “моста” через нее... Православная Церковь — единственная реальная надклассовая сила — тоже не соединяла эти части и даже не могла их соединить, опираясь “не на самое себя, не на свою паству, а на городского!”²⁵

То, что Церковь в это время формально была весьма сильна и пользовалась всяческими преимуществами по сравнению с другими религиозными деноминациями империи не только не облегчало, но и, наоборот, затрудняло ее существование в православной же (по букве закона) империи. Чем она могла ответить, что сказать на насущные требования жизни, звучащие как с верхних этажей русского общества, так и с самых его низов?!

Ничем. Церковь, которая по большому счету и воспитывала народ, все больше не соответствовала тем огромным морально-нравственным задачам, которые перед ней ставила жизнь. “Мы становились «требоисполнителями», — писал о том времени архимандрит Вениамин (Федченков), — а не горящими светильниками. Не помню, чтобы от нас загорелись души...”²⁶ Таких высказываний можно привести много. Высказываний, свидетельствующих о внутреннем кризисе, который переживала Церковь накануне величайших гонений на нее.

Но разве ее, Церкви, была вина в том, что было мало “горящих светильников”; разве только она была ответственна за весь тот нравственный кризис, в котором находилось российское общество в последние годы существования старого режима? Разумеется, Церковь была частью “симфонического” государства (хотя понятие “симфония властей” в отношении послепетровской России весьма условно) и

болела теми же болезнями, что и государство. Однако дело, думается, было не только в этом. Церковь была в принципе не самостоятельна, никогда не имела собственной социальной политики, собственных суждений “о мире и человеке”, став в конце концов только ведомством православного исповедания. Ведь были и “светочи”, и святые (достаточно вспомнить Оптиную пустынь и ее насельников или о.Иоанна Кронштадтского), но не они, а “требоисполнители” оказались de facto главными действующими лицами в русской Церкви того времени. Общая усредненность, “тепло-хладность” характеризовали православное священство в целом. Еще в самом начале века, на заседаниях Религиозно-философских собраний В.В.Розанов справедливо заметил, что “если храм обернут ко мне так официально, то пусть уже не взыщут, что и я его не держу у себя около сердца, у себя за пазухой. Я ему не тёпел и он мне не тёпел”²⁷.

В подобных условиях каждый, кто горел “огнем огненным”, был “факелом горящим”, воспринимался прежде всего в самой церковной среде как явление неординарное, выдающееся. Такой человек неминуемо становится центром притяжения для многих “ищущих и растерявшихся”. В тех условиях цельность характера и сила духа воспринимались как Божий знак, символ особой избранности. В этом контексте, по всей видимости, и стоит говорить о Григории Ефимовиче Распутине и подобных ему “старцах”, влияние которых выходит в конце концов за пределы допустимого в “нормальном” обществе. Сами эти “пророки” — символы и симптомы (одновременно) тех нравственно-психологических настроений, которые поразили тогда Россию. Думается, что феномен Распутина — лучшая иллюстрация морального состояния российского общества тех лет. Вне времени — и “отец Григорий” и другие “старцы” — могут служить объектами исследований лишь для психиатров.

Известно, что Распутин был замечен и проведен вначале в великокняжеские покои, а затем и в царский дворец инспектором С.-Петербургской Духовной Академии в то время архимандритом Феофаном (Быстровым) — аскетом и молитвенником, человеком искренней, детской веры. Распутин произвел на него огромное впечатление, создав образ глубоко верующего христианина, своего рода подвижника и душевидца. Лишь спустя некоторое

время Феофан разочаровался в Распутине, к тому времени укрепившему свое влияние “в верхах”. Попытки архимандрита “открыть глаза” царице окончились для него печально — он вынужден был навсегда оставить даже мысль о близости к императорской чете и вскоре покинул Петербург, — “упал вверх” — получил самостоятельную епископскую кафедру, но лишился реального влияния в столице.

Постепенно слухи о “сибирском пророке” просочились в печать, его имя стало часто упоминаться журналистами и политиками, а в дальнейшем даже стало нарицательным. Многие “темные” дела, особенно в годы Первой Мировой войны, проводились через этого человека, сумевшего стать необходимым для русской императрицы “молитвенником”. Александра Федоровна, однако, в своем увлечении Распутиным, никогда не “закрывала глаза” на многие “художества” этого “праведника” — протопресвитер русской армии и флота Г.И.Шавельский в своих воспоминаниях, например, отмечал, что у императрицы была книга «Юродивые святые русской Церкви», где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в виде половой распущенности. Эти строки были подчеркнуты, а саму книгу Александра Федоровна давала читать приближенным. Видела она “старца” и не вполне трезвым. (Распутин, впрочем, стал пить только с 1914 г.) Значит дело было не в безоглядной привязанности “коронованной истерички” (как писали о ней долгие годы) к сластолюбивому “старцу”. Привязанность была, но не безоглядная.

И Николай II и его супруга были людьми мистически настроенными, для которых вера в Бога являлась потребностью души. Общие переживания той эпохи не обошли стороной и царский дворец. Искренняя убежденность царя в своей обреченности, о чем мы уже имели возможность сказать*, требовала религиозного прикрытия; Николай II искренне хотел услышать праведника, доверить ему свои переживания, получить утешение.

“Если Распутин грех, — писал протоиерей С.Н.Булгаков, — то — всей русской Церкви и всей России, но зато и сама мысль о святом старце, водителе монарха, могла родиться только в России, в сердце царевом. И чем воз-

вышеннее задание, чем пророческое, тем злее пародия, карикатура, тем ужаснее падение”²⁸. Распутин был символом народа — и для царя, и для царицы, в его образе они хотели видеть (и видели) черты истинно православного человека, который никогда не обманет и не предаст. Когда царю стали известны некоторые поступки “о.Григория”, он, якобы, заявил: “С вами тут и ангел упадет!” — Но тут же добавил: “И царь Давид пал, да покался”²⁹. Ныне трудно что-либо предполагать по этому вопросу — Николай II оставил очень скудные сведения о своих встречах и разговорах с Рапутиным; данные, которыми оперируют исследователи в основном косвенные. Однако несомненно одно — чувство недоверия, подозрительности и даже презрения к окружавшим его сановникам, в которых он видел преимущественно безыдейных карьеристов, не могло не привести царя к искреннему желанию иметь бескорыстного советника из народа. В своих мемуарах скандально известный генерал Курлов выразил это в двух строчках: “Монарх желал слышать правдивое открытое слово и думал, что такое слово может исходить только от простого человека”³⁰.

“Пророка теократических вдохновений” царь, впрочем, не получил — вместо пророка на его зов явился человек, которого сильно подозревали в принадлежности к русской мистической секте хлыстов, который своим поведением, часто бессознательно, компрометировал своих высочайших “друзей”. Впрочем, мы не должны забывать и того очевидного факта, что скандально известен Распутин был преимущественно в больших городах империи, прежде всего в столицах; в провинции же и в деревнях народ мог воспринимать мужика, близко стоящего к престолу, как своего делегата перед царями. Косвенным доказательством этого положения может служить рассказ некоего князя О. французскому послу в России М.Палеологу, датированный последним 9 февраля 1917 г.

“Убийство Распутина произвело сильное впечатление на массы”, — якобы сказал князь послу, подразумеваемая “масса” Костромской губернии. “Для мужиков Распутин стал мучеником. Он был из народа; он доводил до царя голос народа; он защищал народ от придворных — и вот придворные его убили. Вот что повторяется во всех избях”³¹.

Убийством Распутина царю было нанесе-

* См. наш этюд о Николае II в № 2 за 1994 г. (С.119—121).

но личное оскорбление — убийцы покусились не только на человека, который был близок самодержцу и особенно его супруге, но и оскорбили его религиозные чувства, своими действиями явно показав, что царь не может отличить добро от зла, нравственность от порока и, следовательно, что “сердце царево” находилось не “в руке Божией”, а в руках распутного и похотливого хлыста, окруженного корыстолюбивой мразью. Подобные действия реально не столько “помогали” укреплению монархии в наступавшем уже Смутном времени, сколько разрушали определенные морально-психологические стереотипы в народных массах. Массы эти, таким образом, становились свидетелями крушения “мистического ореола” монархии, который, несмотря ни на что, продолжал существовать в сознании многих миллионов подданных российского самодержца и в последние годы старого режима.

Впрочем, говоря о мистических увлечениях императорской четы, а также аристократических кругов России, не стоит забывать и того обстоятельства, что и так называемые “социальные низы” общества в ту эпоху или имели своих Распутиных, или же стремились найти “пророка”. Время нравственных поисков и ожиданий, надежд на новую жизнь, особенно в эпоху “реакции”, заставляло многих людей, переживших взлет и разгром революции 1905—1907 гг., искать религиозный выход вне официальной Церкви. Петербургская община «Начало века», например, объединяла столичных рабочих — бывших гапоновцев, стремившихся соединить высокие нравственно-религиозные идеалы с идеалами собственно социалистическими. Эти искренние люди находят себе пророка, который, помимо сомнительной нравственности, является еще и сектантом (власти церковные называли его хлыстом). Этот человек — некто А.Г.Щетинин. Однако рабочие идут к нему, заключают с ним, по словам М.М.Пришвина, “род мистического контракта”, смысл которого состоял в следующем: они полностью подчиняются своему “пророку”, выполняют его любые требования; он же “убивает” их (т.е. берет этим грех на себя), но зато воскрешает их наследниками Царства Божия. “Учитель” провозглашает тезис “ты больше я”, однако сам не спешит его исполнить — проживает деньги рабочих, насилует их жен (и рабочие это знают и прощают!), ведет разгульный образ жизни.

И хотя в конце концов терпение общинок кончается и Щетинин вынужденно уезжает на Кавказ (в Ставропольскую и Екатеринодарскую губернии), история этого человека не заканчивается — он пользуется определенным влиянием в “низах” общества, являясь, по меткому замечанию З.Н.Гиппиус, вторым, “пролетарским” изданием Распутина (кстати сказать они были знакомы друг с другом). Примечательно, что и в Петербурге они появились одновременно. Начатое в 1914 г. “дело” против Щетинина, было спущено на тормозах. “Такие дела, с подкладкой «божественного» в то время заминались”³².

Щетинин — яркая иллюстрация того несомненного факта, что время выбирает себе как героев, так и антигероев, которые благодаря определенному морально-психологическому настрою общества получают уникальные власть и влияние над душами тысяч людей. И если влияние Распутина традиционно объясняется мистическим направлением характера последнего венценосца и его эксцентричной супруги, то, видимо, той же самой причиной можно объяснить и влияние Щетинина на рабочих и мастеровых столицы и других регионов империи.

А ведь помимо подобных “патологических” примеров, можно указать, также и на секту “голгофских христиан”, во главе которой чуть было не встал старообрядческий епископ Михаил (Семенов). Секта эта состояла из рабочих, стремившихся, уйдя от официальной Православной Церкви, оставить некоторое подобие православного культа. Мистическая направленность “голгофцев” при этом не вызывает сомнений.

Нельзя назвать случайностью и проявившийся в столыпинскую эпоху интерес к религиозным вопросам в среде социал-демократов, получивших неудачное название “богостроителей”. Дело было не в партийной принадлежности, а в том, что обычно носит условное наименование “духа времени”. Еще в 1908 г. Александр Блок в небольшой статье, посвященной 80-летию Л.Н.Толстого, очень точно, на наш взгляд, описал это состояние. Говоря о “политической реакции”, он тонко заметил, что “за этим вульгарным словом стоит та обыденность и каждодневность [выделено нами. — С.Ф.], которую мы ощущаем на собственной шкуре, с доподлинной силой и яркостью. Это не только “неудобно”, “скудно”, “томительно”. Это — страшно и странно”³³.

“Безвременье” — обычно эпоха неизвестности, страха за будущее и неверия в потенции настоящего. Это время моральных катаклизмов, время трагедии личности, чувствующей свое одиночество и незащищенность. Это время одинаково тягостно для всех — и “верхи” и “низы”, и “образованная публика” и неграмотный мужик чувствуют, что “что-то неладно в мире”. “Реакция”, решая свои, “внешние”, проблемы “успокоения”, сама того не желая, лишь обостряла проблемы “внутренние”, более четко проявляя старые болезни и не давая никаких надежд на их излечение. Не следует думать, что в этих условиях пессимизма и обреченности мистические увлечения, религиозные построения, разного рода литературные опыты, “прожигание денег” и игры на бирже были показателями “гнилости самодержавия”, бессмысленной жестокости (или бездарности) властей, “морального разложения” правящей верхушки и проч. Все это, думается, можно считать следствиями того глобального процесса, который не имеет еще четких определений. Старый мир тонул, и все видели это; империя — не как мощное гео-политическое образование, а прежде всего как определенная цивилизация — кончалась. Год спустя после революционных потрясений 1917 г., в мае 1918 г., А.Блок замечательно отметил: “Мир вступил в новую эру. Та цивилизация, та государственность, та религия — умерли. Они могут еще вернуться и существовать, но они утратили бытие, и мы, присутствовавшие при их смертных и уродливых корчах, может быть, осуждены теперь присутствовать при их гниении и тлении; присутствовать, доколе хватит сил у каждого из нас. Не забудьте, что Римская империя существовала еще около пятисот лет после рождения Христа. Но она только существовала, она раздувалась, гнила, тлела — уже мертвая”³⁴. Именно это “тление” и свидетельствовало о скором приходе Смутного времени в России, именно им и объясняются те

апокалиптические ожидания и предчувствия, о которых шла речь на страницах настоящего очерка.

...“Конец”, который все ждали, наступил, однако, неожиданно быстро в феврале 1917 г. Как будто одного толчка было достаточно, чтобы рухнуло казавшееся таким крепким здание российской империи. “Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже «Новое Время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая «Великого переселения народов». Там была — эпоха, “два или три века”. Здесь — три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего.

Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60, “такой серьезный”, Новгородской губернии, выразился: “Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть”. Т.е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезывать из его кожи ленточка за ленточкой.

И что ему царь сделал, этому “серьезному мужичку”.

Вот и Достоевский...

Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и «Война и мир»³⁵.

Не будем, впрочем, столь категоричны, как Василий Васильевич Розанов в 1917 г., постараемся лучше понять слово древнего мудреца: “И это пройдет”.

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.

А.Блок

Примечания

- ¹ Цит. по: Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991. С.101.
- ² Московский Сборник. М., 1896. С.125.
- ³ Дневник А.А.Киреева // РО РГБ. Ф.126. Д.14. Л.184-об.
- ⁴ Московский Сборник. С.138.
- ⁵ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Литературная учеба. 1990. № 2. С.135.

- 6 Гишпиус З. Дмитрий Мережковский // Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т.2. С.208.
- 7 Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С.163—164.
- 8 Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С.23.
- 9 Там же. С.24.
- 10 Там же. С.54—55.
- 11 Булгаков С.Н., прот. Автобиографические записки. Париж, 1946. С.80.
- 12 Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С.322.
- 13 Мережковский Д.С. Революция и религия // Русская Мысль. 1907. № 3. С.33.
- 14 Мережковский Д.С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб., 1908. С.27.
- 15 Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. С.122.
- 16 Цит. по: Там же. С.135.
- 17 Там же. С.141.
- 18 Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства Иностранных Дел. 1894—1917 // РО РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.765. Л.252.
- 19 Фоменко Кл., прот. Хулиганство // Киевские епархиальные ведомости. Часть неоф. 1913. № 40. Стб.1028.
- 20 См.: Громов В.И. Безмотивное преступление (По вопросу об ответственности за хулиганство) // Журнал Министерства Юстиции. 1913. № 5. С.51.
- 21 См.: Всеподданнейший отчет Обер-Прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1911—1912 гды. СПб., 1913. С.153—156.
- 22 Болезнь нашего времени // Церковный вестник. 1912. № 32. Стб.985.
- 23 Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С.322.
- 24 Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С.88—89.
- 25 Дневник А.А.Киреева. Л.360.
- 26 Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С.112.
- 27 Записки Петербургских Религиозно-философских собраний: 1902—1903 гг. СПб., 1906. С.54.
- 28 Булгаков С., прот. Указ. соч. С.85.
- 29 Цит. по: Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С.138.
- 30 Курлов П. Конец русского царизма: Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. М.; Пг., 1923. С.185.
- 31 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С.444.
- 32 Гишпиус З. Указ. соч. С.287.
- 33 Блок А. Избранные произведения. Л., 1980. С.542.
- 34 Там же. С.562.
- 35 Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени // Уединенное. М., 1990. С.393.

Из истории русской военно-конструкторской мысли

Ю.А.Нацваладзе

Конструктор стрелкового оружия А.И.Судаев

Алексей Иванович Судаев вошел в историю стрелкового оружия как создатель лучшего пистолета-пулемета второй мировой войны. Он же первым из советских конструкторов разработал в 1944 г. опытный образец автомата под патрон 1943 г.

Пистолеты-пулеметы А.И.Судаева сыграли важную роль в победе советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Тысячи советских солдат, вооруженных этим оружием, героически сражались против фашистских войск на Ленинградском фронте, на других фронтах, в партизанских отрядах за свободу и независимость нашей Родины.

А.И.Судаев родился 23 августа 1912 г. в городе Алатыре Чувашской АССР. Отец его, Иван Нилович Судаев, работал телеграфным надсмотрщиком, а позже — телеграфным механиком почтово-телеграфного округа в Казани. Мать была домашней хозяйкой. Отец умер в 1924 г. Кроме 12-летнего сына на иждивении матери остались еще две дочери, но А.И.Судаев и его сестры смогли получить и образование, и профессию.

В 1929 г. А.И.Судаев окончил профтехшколу. Работал слесарем на заводе, а затем поступил в железнодорожный техникум в городе Горьком и успешно окончил его в 1932 г. В 1931 г. вступил в ряды ВЛКСМ.

После окончания техникума А.И.Судаев получил назначение в контору «Союзтрансстрой» на должность техника участка в селе Рудничное Саткинского района Уральской области. К этому периоду (1933—1934) относятся первые его изобретения — «Автоматическая

стрельба из пулемета посредством действия инфракрасных лучей» и «Бензиномер», а также отзывы на них. 23 апреля 1934 г. А.И.Судаев получил первое свое авторское свидетельство № 42576 на изобретение пневматического опрокидывателя для саморазгружающихся платформ.

В конце 1934 г. А.И.Судаев был призван на службу в железнодорожные войска. Был курсантом учебного подразделения, а затем уже как младший командир выполнял обязанности техника. В период службы в Красной Армии А.И.Судаев получил второе авторское свидетельство за № 35862 от 30 апреля 1935 г. на изобретение «Противоугол». Несколько его рационализаторских предложений были приняты командованием и внедрены в производство. Много и серьезно занимался он также изучением различных видов оружия.

В августе 1936 г. А.И.Судаев был уволен в запас и в том же году, успешно выдержав вступительные экзамены, принят в Горьковский индустриальный институт. В 1938 г. он стал кандидатом в члены Коммунистической партии.

Будучи студентом Алексей Иванович продолжал изучение оружия, отдавая любимому увлечению свое свободное время. Но этого оказалось мало. Хотелось полностью посвятить себя делу совершенствования советского оружия.

В 1938 г. А.И.Судаев добровольно вступает в ряды Красной Армии, и его зачисляют на третий курс Артиллерийской академии РККА им. Ф.Э.Дзержинского на факультет вооружения, которым руководил тогда основоположник советской школы проектирования автоматического оружия А.А.Благодаров.

Учеба давалась легко. Уже в 1939 г. командование академии отметило в аттестации незаурядные способности А.И.Судаева, его склонность к научно-изобретательской работе, общественную активность. 29 апреля 1940 г. А.И.Судаев приказом Народного комиссара обороны был удостоен высшей стипендии, установленной для особо отличившихся слушателей академии.

В ноябре 1939 г. А.И.Судаеву было присвоено воинское звание младшего воентехника, а в ноябре 1940 г. — лейтенанта. В 1940 г. за отличные успехи он был награжден знаком «Отличник РККА». В апреле 1940 г. А.И.Судаев был принят в члены Коммунистической партии.

В период учебы в академии Алексей Иванович около трех лет отдал работе над изобретением автоматического пистолета, успешно разработав его конструкцию. Пистолет А.И.Судаева был изготовлен в мастерских академии, испытан и получил высокую оценку. Этот же пистолет стал темой дипломного проекта А.И.Судаева в 1941 г., который он блестяще защитил, получив диплом с отличием.

После окончания Артиллерийской академии А.И.Судаеву было присвоено воинское звание военинженера 3-го ранга и он был аттестован для назначения на конструкторскую работу, где его способности и знания могли быть использованы наиболее полно.

Получив назначение на Научно-исследовательский полигон стрелкового вооружения (НИПСВО), А.И.Судаев в начале Великой Отечественной войны сконструировал простую по устройству и дешевую в производстве зенитную установку, изготовление которой было налажено на заводах Москвы. После этой работы он полностью переключился на разработку автоматического стрелкового оружия.

В 1942 г. А.И.Судаев впервые представил на полигонные испытания свой пистолет-пулемет, в устройстве которого были использованы некоторые конструктивные решения, найденные воспитанником академии техником-лейтенантом И.К.Безручко-Высоцким при разработке пистолета-пулемета опытного образца.

28 июля 1942 г. пистолет-пулемет А.И.Судаева был представлен на утверждение Государственному комитету обороны СССР¹.

Производство пистолета-пулемета Судаева 1942 г. было решено организовать на заводах осажденного Ленинграда, куда и был на-

правлен конструктор осенью 1942 г. До июня 1943 г. он находился в блокадном Ленинграде.

Войсковые испытания пистолета-пулемета проходили на Ленинградском фронте, непосредственно в боевых условиях. У Пулковских высот, вблизи Ижорского завода, на Ораниенбаумском «пяточке» советские солдаты, вооруженные пистолетом-пулеметом Судаева, отбивали яростные атаки немецко-фашистских войск, рвавшихся к Ленинграду.

В боях по прорыву блокады Ленинграда в январе 1943 г. многие части и подразделения Ленинградского фронта имели на вооружении пистолет-пулемет А.И.Судаева, получивший высокую оценку советских воинов.

Изготовление пистолетов-пулеметов было налажено на нескольких ленинградских заводах. По рабочим чертежам конструктора в 1942—1943 гг. здесь изготовили 46 572 пистолета-пулемета². Только на одном заводе им. Воскова за период войны было освоено три новых вида оружия и оснащено им более 64 полков³.

Отдельные недостатки пистолета-пулемета, выявившиеся в результате войсковых испытаний на фронте и в процессе производства, конструктором были устранены, и с середины 1943 г. на тех же заводах в Ленинграде было начато массовое производство модернизированного варианта под названием «Пистолет-пулемет системы Судаева обр. 1943 г.»⁴

Возвратившись из Ленинграда на НИПСВО, А.И.Судаев продолжил работу по усовершенствованию своего пистолета-пулемета и в 1943—1945 гг. разработал девять опытных образцов.

С 1944 г. Алексей Иванович настойчиво трудился над созданием автомата под 7,62-мм патрон обр. 1943 г., и в мае 1944 г. такой автомат был первым представлен на полигонные испытания, а в августе А.И.Судаев продемонстрировал его усовершенствованный вариант. Комиссия постановила провести широкие войсковые испытания автомата. Для этой цели в 1945 г. на одном из заводов была изготовлена серия автоматов Судаева 1944 г., и они в 1945 г. подверглись полигонным и войсковым испытаниям. Как недостаток была отмечена большая масса автомата Судаева, и Артиллерийский комитет Главного артиллерийского управления дал конструктору задание уменьшить ее⁵.

Тяжелая болезнь не позволила довести до

конца работу над автоматом. Но даже прикованный к постели Алексей Иванович не прекращал своей творческой деятельности. Товарищи по службе, навещавшие конструктора во время болезни, вспоминали, что комнату, в которой лежал А.И.Судаев, никак нельзя было назвать больничной палатой. Множество книг, чертежные приборы и принадлежности, постоянно окружавшие больного, никак не ассоциировались с обстановкой, характерной для госпиталя.

Алексей Иванович Судаев скончался 17 августа 1946 г., похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве. Он умер на тридцать четвертом году жизни, в полном расцвете своих творческих сил, оставив много неосуществленных планов и проектов.

Пистолеты-пулеметы системы И.К.Безручко-Высоцкого. Опытные образцы 1942 г.

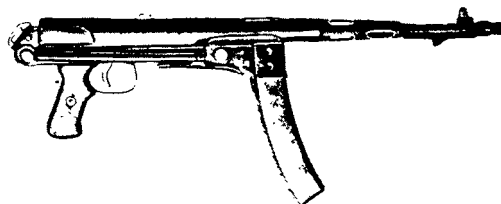
Одна из старейших военных академий нашей страны — Артиллерийская ордена Ленина академия РККА им. Ф.Э.Дзержинского — в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. внесла существенный вклад в подготовку высококвалифицированных артиллеристов для фронта, в развитие артиллерийских наук, решая неотложные задачи, которые ставила война.

Учеными академии в период войны было выполнено свыше 700 научно-исследовательских работ и 38 опытно-конструкторских разработок. Все эти работы проходили под руководством генерал-лейтенанта артиллерии академика А.А.Благодарова.

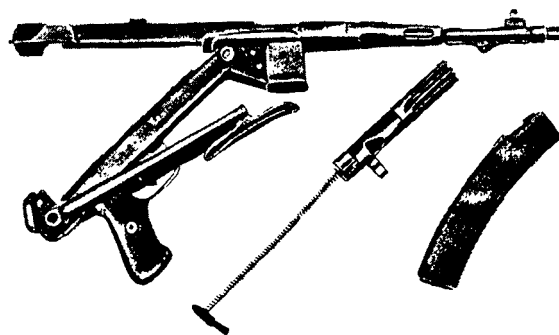
“Выполненные в академии опытно-конструкторские работы во многих случаях определяли направление развития боевой техники. Ряд оригинальных решений, найденных в ходе этих разработок, был использован конструкторами артиллерийской техники в принятых на вооружение образцах. Так, ряд конструкторских решений, найденных И.К.Безручко-Высоцким при разработке пистолета-пулемета, был рекомендован Государственной комиссией к использованию в принятом на вооружении автомате ППС-43... За свою работу техник-лейтенант И.К.Безручко-Высоцкий был награжден орденом Красной Звезды, а инженер-майор А.И.Судаев удостоен Государственной премии”⁶.

В коллекции музея имеются две модели пистолетов-пулеметов конструкции И.К.Безручко-Высоцкого опытных образцов 1942 г.

Модель 1

Вид справа. Приклад сложен.

Части пистолета-пулемета.

Автоматика первой модели основана на принципе отдачи свободного затвора. Затвор цилиндрической формы (длина 165 мм, диаметр 29,5 мм, масса 650 г). Возвратно-боевая пружина, надетая на направляющий стержень (длина стержня 140 мм), вставляется в отверстие, имеющееся в центре затвора. Рукоятка затвора размещена слева. Ударно-спусковой механизм рассчитан для ведения только автоматического огня.

Постановка на предохранитель осуществляется путем завода рукоятки затвора в специальный вырез, имеющийся в задней части ствольной коробки. Отражение стреляной гильзы осуществляется отражателем, жестко закрепленным в спусковой коробке. Спусковая коробка отделяется от ствольной коробки, откидывается вниз.

Ствол с дульным тормозом с шестью отверстиями. В дульной части ствола снизу имеется упор для стрельбы из амбразуры. Питание патронами осуществляется из коробчатого магазина, крепящегося к спусковой коробке снизу. Приклад стальной, складной, складывается

вниз на спусковую коробку. Рукоятка управления огнем с деревянными щечками. Кожух короткий (100 мм), конической формы (диаметр 31—29 мм), с семью отверстиями для охлаждения. Прицел стоечный, перекидной на две дистанции.

В технологии изготовления пистолета-пулемета применены штамповка, сварка и точечная сварка.

Основные данные

Калибр	— 7,62 мм
Патрон	— пистолетный «ТТ» обр. 1930 г.
Длина ствола	— 255 мм
Длина оружия с откинутым прикладом	— 860 мм
Длина оружия со сложенным прикладом	— 640 мм
Емкость магазина	— 35 патронов
Масса оружия с пустым магазином	— 2995 г
Прицельная дальность	— 200 м
Длина прицельной линии	— 410 мм

Модель 2

Во вторую модель своего пистолета-пулемета Безручко-Высоцкий внес ряд изменений. Усовершенствован затвор. Паз в остове затвора для возвратно-боевой пружины с направляющим стержнем фрезерованный и расположен в левой нижней его части. Направляющий стержень удлинен до 270 мм, и передняя его часть одновременно служит отражателем стреляной гильзы.

Рукоятка затвора расположена справа. На рукоятке смонтирована защелка предохранителя. Предохранитель запирает затвор как в крайнем переднем, так и в крайнем заднем положениях. Для этого в передней и задней частях ствольной коробки имеются специальные вырезы. Облегчена масса затвора до 600 г. Кожух имеет шесть отверстий для охлаждения. На стволе нет упора для стрельбы из амбразуры. Ствол снабжен дульным тормозом-компенсатором.

Основные данные

Калибр	— 7,62 мм
Патрон	— пистолетный «ТТ» обр. 1930 г.
Длина ствола	— 253 мм
Общая длина оружия: с откинутым прикладом	— 860 мм

со сложенным прикладом	— 645 мм
Емкость магазина	— 35 патронов
Масса оружия с пустым магазином	— 2920 г
Прицельная дальность	— 200 м
Длина прицельной линии	— 420 мм

Пистолет-пулемет И.К.Безручко-Высоцкого “после конкурсных испытаний был использован при создании принятого на вооружение 7,62-мм пистолета-пулемета образца 1943 г. (известен также как ППС)”⁷. Точнее, устройство подвижных частей и отражателя стреляной гильзы первой опытной модели Безручко-Высоцкого было заимствовано Судаевым в своем пистолете-пулемете 1942 г., а конструкция названных узлов второй модели пистолета-пулемета Безручко-Высоцкого была использована Судаевым при создании им ППС-43.

Пистолет-пулемет системы А.И.Судаева обр. 1942 г.

На полигонных испытаниях, проводившихся с 26 апреля по 12 мая 1942 г., А.И.Судаев впервые представил свой пистолет-пулемет⁸. В целом он выдержал испытания, но комиссия предложила конструктору доработать ряд узлов, потребовала “устранения срыва затвора с боевого взвода при падениях, усиления крепления отражателя и упрочнения предохранителя, уменьшения размеров кожуха, изменения формы приклада и ряда мелких переделок, улучшающих технологию изготовления отдельных деталей”⁹.

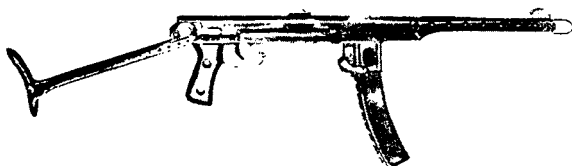
Заключительные полигонные испытания пистолетов-пулеметов состоялись 9—13 июля 1942 г. Комиссия признала пистолет-пулемет конструкции А.И.Судаева лучшим из всех образцов, представленных на конкурс, отметила также, что он по технологическим и боевым качествам значительно превосходит пистолет-пулемет системы Г.С.Шпагина обр. 1941 г. (ППШ-41). Было признано необходимым срочно поставить пистолет-пулемет А.И.Судаева на серийное производство с целью отработки технологического процесса¹⁰.

Автоматика пистолета-пулемета системы А.И.Судаева 1942 г. основана на принципе отдачи свободного затвора. Длина затвора 160 мм, диаметр 29 мм, форма цилиндрическая, масса 570 г. В левой верхней части затвора с тыльной части на глубину 95 мм просверлено

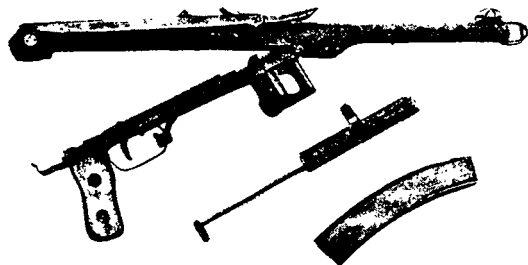
отверстие диаметром 9,5 мм для возвратно-боевой пружины с направляющим стержнем.

Рукоятка затвора расположена справа. Ударно-спусковой механизм рассчитан для ведения стрельбы очередями. Отражение стреляной гильзы осуществляется отражателем, жестко закрепленным в ствольной коробке. Спусковая коробка отделяется от ствольной коробки, откидывается назад. Предохранитель запирает затвор в переднем и заднем положениях.

Рукоятка предохранителя выведена под спусковую коробку. Головка предохранителя круглая, с зубчатой поверхностью, в центре головки сквозное отверстие диаметром 5 мм. Рукоятка размещена справа у передней части спусковой скобы, но в некоторых экземплярах она расположена в специальном вырезе в передней части спусковой скобы.

Вид справа. Приклад откинут.
Проходил полигонные испытания в 1942—1943 гг.

Части пистолета-пулемета.

Длина рукоятки предохранителя 28 мм, диаметр головки 13 мм. Кожух соединен со ствольной коробкой заклепкой и сваркой. Диаметр кожуха за патронником 33,5 мм, у дульного среза — 25,5 мм. Отверстий в кожухе для циркуляции воздуха 19, диаметр отверстий 11 мм. Нижняя часть кожуха шириной 20—13 мм открыта на всю длину кожуха.

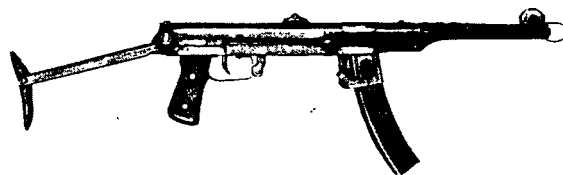
Ствол снабжен дульным тормозом-компенсатором. Прицел перекидной на две дистанции. Мушка с предохранителем. Приклад металлический, складной, складывается на

ствольную коробку. Длина приклада 245 мм. Магазин рожкового типа, съемный, примыкает к горловине снизу. Щечки рукоятки управления огнем деревянные. В изготовлении деталей пистолета-пулемета широко применялась штамповка, сварка, клепка.

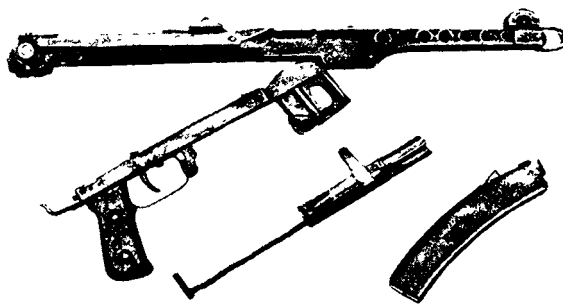
Основные данные¹¹

Калибр	— 7,62 мм
Патрон	— пистолетный «ТТ» обр. 1930 г.
Длина ствола	— 270 мм
Длина оружия с откинутым прикладом	— 910 мм
Длина оружия со сложенным прикладом	— 640 мм
Масса с пустым магазином	— 3115 г
Прицельная дальность	— 200 м
Длина прицельной линии	— 385 мм

Пистолет-пулемет системы А.И.Судаева обр. 1943 г. (ППС-43)

Вид справа. Приклад откинут. Применялся в боях войсками Ленинградского фронта в 1943—1944 гг.

Части пистолета-пулемета.

В пистолете-пулемете 1943 г. нет отражателя, жестко закрепленного в ствольной коробке. Его функцию выполняет передняя часть направляющего стержня возвратно-боевой пружины. Возвратно-боевая пружина с направляющим стержнем размещается в пазе, имеющемся в левой нижней части остова затвора.

Для упрочения крепления возвратно-бое-

вой пружины с направляющим стержнем А.И.Судаева разработал оригинальную деталь — упор возвратно-боевой пружины. Он имеет форму цилиндра длиной 28 мм и диаметром 12 мм с отверстием на одном конце для надевания на направляющий стержень, другой его конец при сборке вставляется в сквозное поперечное отверстие, имеющееся в остова затвора в 58 мм от его торца. Сокращена длина ствола, снижена масса затвора до 550 г.

Изменена и улучшена форма рукоятки и головки рукоятки предохранителя. Длина рукоятки 34 мм, диаметр 23 мм. Рукоятка расположена справа от передней части спусковой скобы. Улучшено крепление откидного приклада. Головка защелки приклада вынесена над ствольной коробкой в задней ее части. Уменьшена длина приклада до 230 мм. В кожухе для циркуляции воздуха есть 20 круглых отверстий диаметром 14 мм. Ствольная коробка и кожух составляют одно целое. Ударно-спусковой механизм, как и в образце 1942 г., позволяет ведение только автоматического огня (очередями).

Основные данные

Калибр	— 7,62
Патрон	— пистолетный «ТТ» обр. 1930 г.
Длина ствола	— 250 мм
Длина оружия с откинутым прикладом	— 831 мм
Длина оружия со сложенным прикладом	— 616 мм
Масса в боевом положении	— 3670 г
Емкость магазина	— 35 патронов
Масса снаряженного магазина	— 670 г
Темп стрельбы	— 600 выстр./мин.
Боевая скорострельность очередями	— до 100 выстр./мин.
Начальная скорость пули	— 500 м/с
Дальность убойного действия пули	— 800 м
Прицельная дальность	— 200 м
Длина прицельной линии	— 385 мм
Масса патрона	— 10,2—11,0 г
Масса пули	— 5,45—5,6 г
Масса заряда	— 0,48—0,52 г

Пистолет-пулемет Судаева обр. 1943 г. (ППС) получил самое широкое распростране-

ние на фронте в десантных и танковых войсках. Он стал незаменимым оружием разведчиков, лыжников, партизан. Небольшие размеры ППС делали его очень удобным и маневренным при ведении боя в траншеях, в густом лесу, в зданиях. Что же касается отсутствия переводчика на одиночный огонь, то советские воины на практике быстро убедились, что, натренировавшись, из ППС можно вести огонь малыми очередями (5—6 выстрелов) и даже стрелять одиночными выстрелами, освобождая спусковой крючок тотчас после нажатия на него.

Пистолет-пулемет системы Судаева обр. 1943 г. по многим параметрам превосходил иностранные образцы этого вида оружия, применявшиеся в период второй мировой войны. В частности, пистолет-пулемет МП-40, состоявший на вооружении Вермахта с 1940 г. как основной образец, значительно уступал пистолету-пулемету А.И.Судаева по многим показателям.

МП-40 имел ненадежный предохранитель, часто являвшийся причиной несчастных случаев. Малейшее отклонение от цилиндричности гильзы патрона, что в условиях производства военного времени случалось нередко, вызывало отказы во время стрельбы. Магазин МП-40 был чувствителен к загрязнению. Из-за отсутствия кожуха на стволе МП-40 солдаты нередко получали ожоги, поэтому часто стрелять приходилось в перчатках.

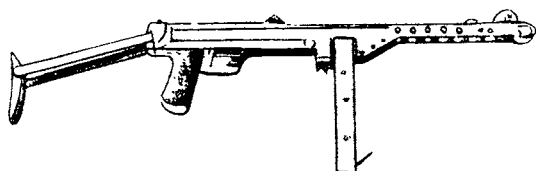
МП-40 имел малую начальную скорость пули. В связи с этим при стрельбе на 200 м требовалось превышение точки прицеливания над целью на 0,5 м, что затрудняло поражение цели. Из-за низкого темпа стрельбы из МП-40 огонь дальше, чем на 125—130 м, не был эффективным, а что касается массы оружия, его технологичности и экономичности, то ППС-43 выгодно отличался от МП-40.

ППС-43 был значительно легче пистолетов-пулеметов Дегтярева (ППД-40) и Шпагина (ППШ-41) как в варианте с дисковым, так и с секторными магазинами. Обладая отличными боевыми качествами, ППС характеризовался высокой технологичностью с широким применением методов штамповки и сварки, что гарантировало простоту изготовления и быстрое освоение его производства даже на небольших заводах, оснащенных прессовым оборудованием не более 50 тонн¹².

Пистолет-пулемет системы А.И.Судаева в иностранных армиях

ППС-43 и его модификации производились в ряде зарубежных стран. Они состояли на вооружении в армиях нескольких иностранных государств. Изготовление модернизированных образцов ППС продолжалось в некоторых странах вплоть до 1980-х гг.¹³

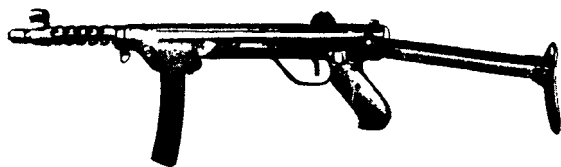
Так, в Финляндии в 1944 г. был принят на вооружение пистолет-пулемет М-44, явившийся копией ППС-43. Калибр М-44 — 9 мм, патрон — парабеллум. Питание патронами осуществлялось из коробчатого магазина емкостью 40 патронов или из дискового магазина на 71 патрон¹⁴.

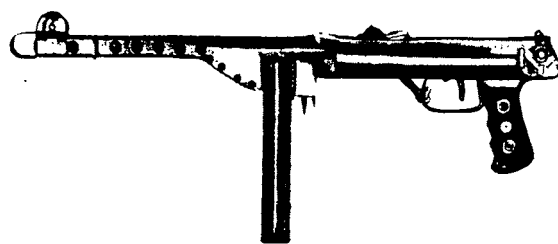
Пистолет-пулемет М-44.

В Вермахте трофейные ППС-43 применялись под индексом МП-709¹⁵. А в последние месяцы войны промышленность фашистской Германии «приступила к изготовлению упрощенных модификаций советского пистолета-пулемета ППС и английского «Стэн». Выпуск оружия противной стороны пришлось налаживать потому, что в условиях нехватки производственных мощностей не нашлось собственной модели, пригодной к массовому производству из недефицитных материалов на универсальном станочном оборудовании»¹⁶.

В ФРГ для жандармерии и пограничной охраны в 1953 г. был принят пистолет-пулемет под названием DUX53, а позднее — DUX59, скопированный с финского пистолета-пулемета М-44, то есть с ППС-43. Патрон — парабеллум, калибр 9 мм. Емкость магазина на DUX53 — 50 патронов, длина оружия 826/616 мм, масса без патронов 3580 г. DUX59 имел магазины на 32 и 40 патронов, длину 792/582 мм, массу без патронов 2980 г.¹⁷

Пистолет-пулемет DUX59.

Пистолет-пулемет DUX53.

В армии Польской Народной Республики с 1951 г. началось производство ППС-43 по лицензии, а в 1952 г. был принят на вооружение новый вариант под названием «7,62 mm pistolet maszynowy WZ.1943/52» (сокращенное название образца «WZ.43/52 или РМ WZ.43/52»), явившийся модификацией ППС-43¹⁸.

В Венгерской Народной Республике в 1953—1954 гг. изготовлялся пистолет-пулемет 53М, разработанный на базе ППС-43 и ППС-41¹⁹.

В Китайской Народной Республике в 1953—1956 гг. производились и состояли на вооружении ППС-43 под названием «Образец 43 (тип 43)» в нескольких вариантах, отличавшихся друг от друга деталями, что было связано с приспособлением технологии изготовления ППС-43 к возможностям производства отдельных китайских предприятий. А в разработанном и принятом на вооружении в 1964 г. пистолете-пулемете «Образец 64 (тип 64)» затворный механизм полностью был заимствован из ППС-43. Калибр 7,62 мм, патрон «ТТ» обр. 1930 г., емкость магазина 30 патронов, длина оружия 843/635 мм, масса оружия без патронов 3400 г.²⁰

Пистолет-пулемет обр. 64.

В Демократической Республике Вьетнам в 1950-х гг. был принят на вооружение пистолет-пулемет под индексом К-50М, в котором все подвижные части, то есть главные детали, заимствованы из ППС-43, а выдвигной металлический приклад скопирован с французского пистолета-пулемета МАТ-49. Калибр 7,62 мм, патрон «ТТ» обр. 1930 г., емкость ма-

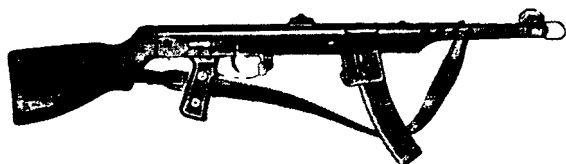
газина 35 патронов, длина оружия 756/571 мм, масса оружия в боевом положении 4008 г.²¹

Пистолет-пулемет К-50М.

В настоящее время в коллекции музея имеются только польский и венгерский варианты пистолета-пулемета ППС. Устройство польского варианта отличается от ППС-43 только наличием деревянного нескладного приклада. Но и он немногим отличается от приклада опытного образца пистолета-пулемета А.И.Судаева 1943 г. (модель 1).

Польские пистолеты-пулеметы системы А.И.Судаева обр. 1943/52 гг. WZ.1943/52. Изготовлены в ПНР в 1953 и 1954 гг.

Основные данные

Калибр	— 7,62 мм
Патрон	— пистолетный «ТТ» обр. 1930 г.
Длина ствола	— 250 мм
Общая длина	— 860 мм
Прицельная дальность	— 200 м
Длина прицельной линии	— 355 мм
Емкость магазина	— 35 патронов
Масса с пустым магазином	— 3655 г

Венгерский пистолет-пулемет 1953 г. 53М. Изготовлен в ВНР в 1954 г.

Венгерский пистолет-пулемет 53М имеет модернизированный затвор ППС-42. Отражатель стреляной гильзы жестко закреплен на дне ствольной коробки, как в ППС-42. Изменена конструкция спусковой коробки, а предохранитель затвора устроен по типу ППШ-41. Массовое производство 53М не было налажено, он изготовлялся в 1953—1954 гг. малыми сериями. Калибр 7,62 мм, патрон «ТТ» обр. 1930 г. Общая длина 880/540 мм. Емкость магазина 35 патронов. Прицельная дальность 200 м. Масса с неснаряженным магазином 3330 г.

Примечания

- 1 Болотин Д.Н. Советское стрелковое оружие. 2-е изд. М., 1986. С.137.
- 2 Болотин Д.Н. Указ. соч. С.137.
- 3 Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова. Л., 1968. С.36.
- 4 Болотин Д.Н. Указ. соч. С.137.
- 5 Болотин Д.Н. Указ. соч. С.145.
- 6 Трижды орденоносная Военная академия им. Ф.Э.Дзержинского: Очерк истории / Под общей ред. генерал-полковника Ф.П.Тонких. М., 1982. С.246—247.
- 7 Доктор технических наук генерал-лейтенант-инженер А.Солодов, полковник-инженер В.Куров // Наука и жизнь. 1981. № 2. С.82—89.
- 8 Болотин Д.Н. Указ. соч. С.132.
- 9 Там же. С.135.
- 10 Там же.
- 11 Некоторые данные этого пистолета-пулемета, а также образца 1943 г. не совпадают с цифрами, имеющимися в литературе и наставлениях, что связано с частными изменениями в технологии изготовления оружия.

- 12 Болотин Д.Н. Указ. соч. С.136.
- 13 Волгин А. Стрелковое оружие // Наука и жизнь. 1984. № 5. С.45—54.
- 14 Frederick Wilkinson. Kasiaseet. Helsingissa Kustannososa-Keyhtio. Otawa, 1976. S.99.
- 15 Artur Nieradko. Pistolety maszynowe PPSz i PPS. Warszawa, 1985. S.3.
- 16 Волгин А. Указ. соч. С.54.
- 17 Kovats Zoltan, Nagy Istwan. Kezi Lofegyverek. Tipuskonyu. Zriny Katonai Kiado. Budapest, 1986. S.223.
- 18 Artur Nieradko. Opus cit. S.3.
- 19 Ibidem.
- 20 Stanislaw Koshanski. Bron strzelecka lat osiemdziesiatych. Warszawa, 1985. S.117.
- 21 Stanislaw Kochanski. Opus cit. S.118.

Продолжение следует

Николай, Александра, Распутин и Камарилья

Настоящей публикацией редакция журнала «Новый Часовой» начинает знакомить читателей с материалами научного архива известного российского историка доктора исторических наук Валентина Семеновича Дякина (1930—1994). Валентин Семенович являлся признанным специалистом по истории России эпохи последнего десятилетия существования самодержавия, глубоко понимавшим как экономические, так и социально-политические аспекты отечественной истории. На протяжении ряда десятилетий Валентин Семенович, с присущей ему систематичностью, пытался нарисовать картину жизни Российской империи перед ее крахом, разобраться в перипетиях внутриполитической борьбы, понять феномен Столыпина и причины неудач его реформ, а также многое другое. При этом он всегда уделял большое внимание “роли личности в истории”, не забывал, что именно личность может опосредовано способствовать ускорению, либо замедлению того или иного исторического процесса.

В последние годы жизни Валентин Семенович начал собирать материалы по вопросу о национальной и церковной политике российского правительства в столыпинскую эпоху и последовавшее за этим предреволюционное пятилетие... Этой работе, к сожалению, уже не увидит свет. Однако остались многочисленные подготовительные материалы, которые, смеем надеяться, со временем будут изданы.

* * *

Настоящая публикация — «Николай, Александра, Распутин и Камарилья», — любезно предоставленная супругой Валентина Семеновича — Валентиной Георгиевной — представляет собой, по сути дела, целый “блок” из его монографии «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917)» (Л., 1967), никогда полностью так и не опубликованной. В первой главе названной выше книги имеется небольшой раздел (с.20—24) с названием, аналогичным нашей публикации. Сличение текста из книги и рукописи позволило сделать заключение, что в монографию попала только малая часть полностью подготовленного текста. Причин этого мы не знаем. (Может быть, всему причина — лимит листажа, может быть — что-либо иное.) В любом случае, публикуемый материал, несмотря на то, что со времени его написания прошло почти 30 лет, своего научного значения не потерял.

Разумеется, нельзя не учитывать времени написания выносимого на суд читателей текста, когда четко определенные “правила игры” диктовали исследователю обязательность ссылок на В.И.Ленина — и по поводу, и без повода, а также многое другое. Однако, как видно из текста, Валентин Семенович лишь формально “прикрывшись” ленинской цитатой, в дальнейшем более не прибегал к “поддержке” собственных построений авторитетом классика марксизма — они (эти построения) просто не нуждались в этом.

С.Ф.

Анализируя особенности государственного и социального строя России после революции 1905 г. и столыпинских реформ, В.И. Ленин подчеркивал, что «классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии», от Николая II до любого урядника»¹. В последние месяцы существования самодержавия его независимость и самостоятельность обернулись изоляцией, когда не только буржуазия, но даже значительная часть дворянства отшатнулась от царя в тщетной попытке предотвратить этим надвигавшуюся революцию. Но чем «самостоятельней» становился царизм, чем судорожней становились его действия в борьбе против приближавшегося краха, тем большее влияние на политику правящей верхушки оказывали личные качества Николая и его ближайшего окружения. И не учитывая это обстоятельство, трудно, а иногда и невозможно понять смысл происходивших событий. Необходимо поэтому остановиться на характеристике последних Романовых и тех, кто стоял рядом с ними.

Когда началась война, Николаю II исполнилось 46 лет. Человек неглупый и воспитанный, он, тем не менее, всю жизнь оставался ограниченным и во многом невежественным. Французский посол в России Морис Палеолог в своих воспоминаниях приписал бывшему российскому премьеру гр. В.Н. Коковцову такую характеристику Николая: «Его образование недостаточно, и величие задач, решение которых составляет его миссию, слишком часто выходит из пределов досягаемости его понимания. Он не знает ни людей, ни дел, ни жизни. Его недоверие к себе самому и к другим заставляет его остерегаться всякого превосходства. Таким образом, он терпит вокруг себя лишь ничтожества. Наконец, он очень религиозен, узкой и суеверной религиозностью»².

Поставленный случайностью рождения во главе огромной империи, Николай оставался маленьким человеком, в котором претензии самодержца всероссийского сочетались с привычками помещика средней руки. События мирового значения проходили перед ним, оставляя его равнодушным и непонимающим. В начале второго года войны он объявил себя Верховным главнокомандующим русской армии и большую часть времени проводил в Ставке. Но все «командование» его заключалось в том, что он на два часа в день приходил в штаб, где начальник

штаба представлял бумаги на подпись. Остальное время он проводил за теннисом и разговорами с придворными³, разговорами, в которых упоминание о политике считалось дурным тоном⁴. В письмах из Ставки к жене — императрице Александре Федоровне — он с нескрываемым интересом обсуждал просмотренный кинофильм «тайнственной руке»⁵ и жаловался, что ему «очень не хватает 1/2-часового пасьянса каждый вечер»⁶. Впрочем, он возмещал эту потерю игрой в домино, и даже 26 февраля 1917 г. [здесь и дальше все даты по старому стилю], когда в Петрограде уже произошла революция, Николай, ни словом не обмолвившись в своем дневнике об этих событиях, с удовлетворением записывал: «Вечером поиграл в домино»⁷. Кстати, о многих событиях Николай попросту не знал. Александра долго добивалась от него, чтобы он принял меры против одного политического деятеля, допустившего непорочившиеся ей заявления, пока, наконец, Николай не ответил ей, что не предпринял ничего, «потому что не знаю, кто он и что он сказал. Ведь я здесь газет не читаю»⁸.

Равнодушные, за которое Николая не любили его придворные («равнодушно устранил человека, которого недавно ласкал») ⁹, исчезало, когда Николай чувствовал чье-то превосходство над собой. Таких людей он не терпел и старался отдалиться от себя. Отсюда шла его неприязнь, даже ненависть к крупнейшим государственным деятелям его царствования, оплотам монархии — С.Ю. Витте и П.А. Столыпину. Эта ненависть доходила до такой степени, что Николай откровенно радовался смерти Витте. «На этот раз, — писал он Александре 28 февраля 1915 г., — я уезжаю с таким спокойствием в душе, что сам удивляюсь. От того ли это происходит, что я беседовал с нашим Другом [Распутиным. — В.Д.] вчера вечером, или же... от смерти Витте... я не могу сказать, но в сердце царит истинно пасхальный мир»¹⁰.

Боязнь сильных людей приестекала оттого, что Николай был слабодушен и знал эту черту за собой. «Государь, — вспоминал о нем А.Н. Наумов, несколько месяцев занимавший пост министра земледелия, — был человеком слабой воли, поддававшим под влияние того, кто говорил»¹¹. Мнение того, кто говорил с Николаем последним, могло оказаться решающим, и потому никогда нельзя было быть уверенным в его обещаниях. «Разве на него можно надеяться, — сетовал даже всемогущий Распутин. — Он мо-

жет изменить каждую минуту, он несчастный человек, у него внутри недостает”¹². Постоянная боязнь попасть под чье-то влияние вела к недоверию, которое он питал к большинству министров, к желанию иметь особого личного “сверхсоветника”, в чьей бескорыстной и личной преданности Николай в это время был почему-либо уверен. На такую роль попадали люди самые неожиданные, вроде некоего Клопова, которого Николай как-то послал обследовать Россию и который потом всю жизнь присылал царю разные записки¹³, или вроде Н.А.Демчинского, изобретателя неудачного способа предсказания погоды¹⁴.

Немудрено, что этот слабый, неспособный к управлению государством “самодержец” быстро попал под влияние человека, чья воля превосходила его волю, а интересы совпадали с его интересами. Этим человеком была его жена. Придворный историограф ген. Д.Н.Дубенский, близко наблюдавший Николая и Александру, говорил в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: “Государь был в полном подчинении. Достаточно было их видеть четверть часа, чтобы сказать, что самодержцем была она, а не он. Он на нее смотрел, как мальчик на гувернантку, это бросалось в глаза”¹⁵.

Принцесса Алиса Гессенская, внучка английской королевы Виктории, стала в 1894 г. русской императрицей Александрой Федоровной. Сухая и надменная принцесса была холодно встречена русским двором и замкнулась в себе¹⁶, постепенно оттолкнув от царской семьи даже ближайших родственников Николая. В течение многих лет она и Николай тщетно ожидали рождения наследника, тогда как у них рождались, как острили злые языки, только “мальчики женского пола”. Неудачная семейная жизнь способствовала развитию и без того сильной склонности к мистицизму, и к царскому двору потянулись шарлатаны, обещавшие утешение и исцеление. Один из них, некий француз Филипп, в 1902 г. “предсказал” рождение сына, и сообщение о мнимой беременности императрицы попало в печать. Когда заблуждение стало очевидным, “объявление об этом было сделано в «Правительственном вестнике» весьма бесполово, так что во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как например, что императрица родила с рогами, которого пришлось придушить и т.п.”¹⁷. Когда же в 1904 г. появился на свет царевич Алексей, он оказался больным гемофи-

лией (несвертыванием крови), наследственным недугом Гессенского дома. Постоянная боязнь за сына еще больше усугубила религиозный фанатизм Александры. Хорошо знавший ее А.Н.Хвостов, выдвинутый ею на пост министра внутренних дел, говорил позднее, что Александра “производила впечатление очень умной и блестящей. Но до того момента, пока не касались вопроса религиозного”¹⁸. В этом вопросе она быстро впитала в себя самые примитивные, самые суеверные стороны православного вероучения, опустившись (вместе с Николаем) до того уровня, на котором находились их самые темные и невежественные подданные. Она верила и в “видение-знамение” креста, якобы появившегося на небе во время крестного хода, и только сомневалась, всегда ли эти знамения бывают к добру¹⁹, и в икону с колокольчиком, “который предостерегает меня о злых людях и препятствует им приближаться ко мне”²⁰. Эту икону ей подарил оскандалившийся предсказатель Филипп, которого за неблагоприятные денежные дела пришлось выслать из России, что не помешало Александре до конца своих дней верить в святость ее первого “Друга”. Точно также она верила, что гребешок второго “друга” — Распутина — приносит помощь, если “расчесывать волосы перед всяким трудным разговором или решением”²¹, и специально напоминала об этом Николаю, готовя его к одному из заседаний Совета министров²².

И тем не менее Александра, особенно в последние два года царствования Николая, оказывала огромное влияние на дела государства, вмешиваясь в назначения министров и других должностных лиц, прямо диктуя Николаю, как он должен себя вести. Нам придется говорить об этом в соответствующих разделах книги*, но уже здесь можно сказать, что все письма Александры к Николаю заполнены постоянными указаниями о необходимости убрать или назначить тех или иных министров, “список подходящих имен” которых она подготавливала²³, и указаниями проблем, о которых Николаю полагалось разговаривать с министрами и которые он, чтобы не забыть, должен был предварительно записать на “клочке бумаги”²⁴. Николай воспринимал все это как должное и только “нежно благодарил” за “точные инструкции”²⁵. Но са-

* Здесь и далее речь идет о книге В.С.Дьякина «Русская буржуазия в годы Первой мировой войны» (Л., 1967).

ма Александра в минуты просветления понимала, насколько нарушает традиции и роняет авторитет Николая ее вмешательство. Тогда она сердилась на газеты, сообщавшие о визитах министров к ней²⁶ или предупреждала Николая: “только... ради Бога не упоминай моего имени — это должно быть твоим мудрым желанием”²⁷.

Влияние Александры на Николая основывалось на его привязанности лично к ней и сыну и на общей идее, которую они отстаивали всеми силами и средствами, — идее самодержавности русских царей. В этом вопросе между ними не бывало разногласий. “В день своей коронации, — говорил в декабре 1916 г. Николай в ответ на уговоры вел. князя Павла Александровича дать конституцию, “пока еще не поздно”, — я присягал самодержавию и я должен передать эту клятву нерушимой своему сыну”²⁸. А когда в том же декабре английский посол Дж. Бьюкенен тоже попытался уговорить Николая предотвратить революцию, назначив министров, пользовавшихся “доверием страны”, Николай высокомерно ответил ему: “Вы мне говорите, господин посол, что я должен заслужить доверие моего народа. Не следует ли скорее народу заслужить мое доверие”²⁹. По утверждению некоторых деятелей царского режима Александра в первые годы после приезда в Россию была настроена в пользу некоторых конституционных уступок, но быстро прониклась самодержавным духом³⁰. В дальнейшем она настолько твердо стояла на том, что “мы не конституционная страна и не смеем ею быть”³¹, что даже 1 марта 1917 г., окруженная в Царском Селе восставшими войсками, упрямо отказывалась подписать манифест о даровании конституции, составленный группой великих князей в безнадежной попытке спасти монархию³².

Но подобно тому, как Николай находился под влиянием Александры, так сама она полностью и безраздельно подчинялась влиянию Распутина, который еще в довоенные годы, а в особенности в период войны настолько активно вмешивался во все дела государственного управления, что в гораздо большей степени, чем Николай и Александра, мог претендовать на название действительного самодержца России.

Григорий Ефимович Распутин родился в крестьянской семье в селе Покровском Тобольской губернии в 1864 или 1865 г. С молодых лет он вел жизнь пьяницы, развратника и вора. Спасаясь от суда и от ненависти односельчан, он от-

правился в паломничество в Верхотурский монастырь. В последующие годы он совершил еще целый ряд паломничеств, и постепенно вокруг него в Покровском образовался религиозный кружок³³. Уже современники считали религиозное учение, которое стал проповедовать Распутин, разновидностью хлыстовства. На той же точке зрения стоял и автор интересного после революционного психологического очерка, написанного с фрейдистских позиций, Н.Н. Евреинов³⁴. Хлыстовское учение, сочетавшее в себе фанатичную, исступленную религиозность с повышенной чувственностью, переходившей в откровенный разврат, получило в начале XX века довольно значительное распространение в верхах российского “общества”, особенно после того, как вслед за поражением революции 1905 г. дворянские и буржуазные круги стала захлестывать мутная волна “санинщины”³⁵. Поэтому, когда в конце 1904 г. Распутин, предстательный слухами о “сибирском старце”, появился в столице, он сразу завоевал к себе внимание. Среди его поклонников (а больше — поклонниц) преобладали женщины, жаждавшие утешения от какого-либо горя, утешения, которого они не находили в официальном православии³⁶, а также искательницы острых ощущений, что позволяло многим считать, что “Распутин есть функция распутности некоторых дам”³⁷.

Сразу по приезде в столицу Распутин, познакомившись с негласным духовником Николая и Александры Феофаном, был им представлен царской семье³⁸ и сумел произвести хорошее впечатление. По некоторым данным, Распутин каким-то образом получил возможность утверждать в дальнейшем, что он предсказал рождение наследника³⁹. Распутин быстро завоевал при царской семье такое положение, какого не добивался ни один из его предшественников, далеко затмив упоминавшегося выше Филиппа. Разыгрывая перед Николаем и Александрой роль “святого старца”, “незабвенного учителя, спасителя и наставника”, как называла его Александра⁴⁰, Распутин за пределами царского дворца вел разгульную жизнь, обирая, развращая и прямо насилуя своих поклонниц. Однако попытки открыть Николаю и Александре глаза на истинный характер Распутина неизменно кончались немилостью и отставкой для того, кто делал такую попытку⁴¹. Постепенно отношение того или иного лица к Распутину стало для Александры критерием пригодности этого человека к государственной или придворной

службе. “Не враг ли он нашего Друга, что всегда приносит несчастье”, — писала она по поводу одного из кандидатов в министры⁴². “Раз он, — писала она о вел. князе Николае Николаевиче, — враг божьего человека, то его дела не могут быть успешны и мнения правильны”⁴³. “Преданный слуга, — формулировала она свое требование, — не смеет идти против человека, которого его государь уважает и ценит”⁴⁴.

Почувствовав “сильного человека”, к Распутину потянулись просители, искавшие заступничества от чинимых им обид, аферисты, устраивавшие денежные дела, для которых нужна была “рука” в высоких сферах, карьеристы, мечтавшие о повышении. Экзарх Грузии Питирим заплатил Распутину 75 000 руб. за устройство перевода на митрополию в Петроград⁴⁵. Прославившийся своими махинациями директор Русско-Французского банка Д.Л.Рубинштейн, заплатив Распутину 50 000 руб., устроил с его помощью дело, которое принесло Рубинштейну 300 000 руб.⁴⁶ Еще более крупное дело сорвалось из-за убийства Распутина в декабре 1916 г. При обыске у одного из дельцов, некоего Воронина, был обнаружен черновик договора, по которому Распутин за проведение какого-то большого подряда на армейское снаряжение должен был получить около миллиона рублей⁴⁷. Множество прошений попадало через руки Распутина к Николаю и Александре⁴⁸, и хотя перед ними Распутин изображал себя бескорыстным ходатаем за несправедливо обиженных, с каждого из просителей он брал плату, не гнушаясь и мелкими подношениями, вроде шубы и шапки, которые он получил за помилование большой группы дантистов⁴⁹. Все эти дела приносили большой доход, дававший возможность, не прибегая к царским деньгам, и становясь перед Александрой в позу бессеребренника⁵⁰, вести широкий образ жизни и даже заниматься на показ благотворительностью⁵¹. По словам последнего личного секретаря Распутина, устроителя его денежных дел, А.С.Симановича, состояние Распутина после его смерти составляло не менее 300 000 руб.⁵²

От устройства темных дел Распутин, и в этом заключалось его отличие от предшественников, быстро перешел к открытому вмешательству сначала в назначение министров, а затем и в решение различных вопросов государственной политики. Еще до войны Распутин оказался причастным и к немилости, в которую впал перед смертью Столыпин, и к отставке Ко-

ковцова. Во время войны благодаря непосредственному вмешательству Распутина получили министерские посты А.Н.Хвостов, А.Д.Протопопов, Б.В.Штюрмер, Н.А.Добровольский. Особенно внимательно следил Распутин за тем, чтобы посты министров внутренних дел и юстиции были в руках послушных ему людей. Близко знавший Распутина И.Ф.Манасевич-Мануйлов, полицейский агент, журналист и проходец, следующим образом передавал рассуждения Распутина перед назначением Добровольского: “Кого назначить. Юстицию особенно трудно. Арошка [Симанович. — В.Д.] говорит про Добровольского. Говорит, что свой. Пойдет, куда хочешь. Сделает, что хошь. Я его видел. Был у него на Каменноостровском. Шустрый, в глаза не смотрит. Арошка рекомендует. Арошка и отпечатывает. Через два дня будет бумага”⁵³.

Распутин постоянно вмешивался и в текущие дела государственного управления. Уже весной 1915 г. он стал обращать внимание Александры и Николая на продовольственное положение страны⁵⁴, а вслед за тем на нехватку топлива в городах⁵⁵. В октябре 1915 г. Александра писала Николаю об очередном разговоре с Распутиным: “Он в общем спокоен насчет войны, но другой вопрос Его сильно мучит, и Он в течение двух часов почти ни о чем другом не говорил. Дело в том, что ты должен приказывать, чтобы непременно пропускали вагоны с мукой, маслом и сахаром. Ему ночью было вроде видения, — все города, железные дороги и т.д., — трудно передать Его рассказ, но Он говорит, что все это очень серьезно, — и тогда не будет забастовок”⁵⁶. Разговоры на эти темы Распутин вел и с министрами: финансов П.Л.Барком и торговли и промышленности кн. В.Н.Шаховским. После одного из таких разговоров Александра ископатывала у Николая внеочередной доклад для Шаховского, чтобы он мог сообщить о предложениях Распутина⁵⁷.

Распутин давал советы и по другим вопросам внутренней политики. Весной 1915 г. он очень предусмотрительно (хотя и тщетно) пытался предостеречь Николая от преждевременной поездки в завоеванные районы Галиции⁵⁸, а в конце 1915 — начале 1916 г. активно содействовал возобновлению прерванных было работ Гос. Думы⁵⁹, так же, впрочем, как и ее роспуску летом 1916 г.⁶⁰ При этом он вполне реалистично оценивал обстановку с точки зрения интересов самодержавия. Распутин помогал Александре составлять ответы на телеграммы монархиче-

ских организаций⁶¹ и советовал, как следует вести себя с тем или иным министром, чтобы держать их в руках⁶².

Большой интерес проявлял Распутин к военным действиям, то выражая беспокойство по поводу положения русских войск на румынской границе⁶³, то советуя начать наступление в районе Риги⁶⁴, или интересуясь положением русской авиации⁶⁵. Он решался давать советы даже по внешнеполитическим делам, и Александра пересылала Николаю проект телеграммы, которую Распутин рекомендовал послать сербскому королю⁶⁶.

Любопытно сравнить график поездок Николая из Царского Села на фронт или в Ставку с графиком поездок Распутина⁶⁷. Вернувшись в столицу после выздоровления (летом 1914 г. на него было совершено покушение одной из бывших поклонниц), Распутин выехал из Петрограда к себе в Покровское 5 ноября 1914 г., предварительно дождавшись возвращения Николая из поездки на фронт (Николай приехал 1 ноября). Пока Распутин отсутствовал, Николай еще раз успел поехать на фронт, и Распутин приурочил свое возвращение в столицу к 12 декабря, чтобы успеть дважды (15 и 17 декабря) переговорить с Александрой и затем 19 декабря встретить возвращающегося Николая. В марте 1915 г. он на несколько дней съездил в Москву и затопился обратно, чтобы успеть поговорить с Николаем перед очередной отлучкой царя. Из дневника Николая и писем Александры видно, что каждый отъезд или приезд Николая совпадал обязательно с личной встречей его с Распутиным. Летом 1915 г., как об этом будет идти речь в 3 главе, Николай был вынужден пойти на временные уступки буржуазному общественному мнению и Распутину пришлось покинуть Петроград. Перед тем он дал последние наставления Николаю, отправившемуся в Ставку 10 июня, и Александре, с которой он встречался 12 и 14 июня, и лишь после этого уехал в Сибирь. В конце сентября, когда пора уступок прошла, Распутин вернулся, а Николай дождался его приезда, чтобы переговорить с ним прежде, чем снова отправиться в Ставку. Во избежание конфликта при обсуждении в Думе сметы Синода Распутину еще раз пришлось покинуть столицу в марте 1916 г. и снова он вернулся в конце апреля перед очередным отъездом Николая. С апреля и по середину октября 1916 г. Николай безвыездно жил в Ставке, и теперь уже Распутин согласовывал свои отлучки из Петрограда с по-

езд-ками в Ставку Александры, приспособляясь так, чтобы иметь возможность встретиться с нею непосредственно перед и после ее свиданий с царем.

Зная, как относится общественное мнение к положению Распутина при дворе, Александра старалась скрывать свои встречи с Распутиным, а когда можно — обходиться посредничеством своей любимой фрейлины А.А.Вырубовой, вернейшей из распутинских поклонниц. Она писала Николаю, что Вырубова, еще не оправившись от ран, полученных в железнодорожной катастрофе, “почти ежедневно трясется на автомобиле в город и взбирается на третий этаж к нашему Другу”⁶⁸. Но в наиболее ответственные моменты Александра не полагалась на память Вырубовой (которую она за глупость в сердцах называла “коровой”) и предпочитала встречаться с Распутиным сама. В трудные для царского правительства дни первой половины ноября 1916 г., когда оппозиция в Гос. Думе добивалась отставки председателя Совета министров Б.В.Штюрмера и изменения правительственного курса, встречи Распутина и Александры происходили почти ежедневно (3, 4, 5, 7, 9, 10 и 11 ноября). Это сухое перечисление дат, пожалуй, убедительнее всяких конкретных примеров свидетельствует о роли Распутина в управлении страной.

Естественно встает вопрос, почему же безграмотный мужик, развратник и пьяница пользовался таким громадным влиянием и кто стоял за его спиной, давал ему необходимые сведения и советы.

Важнейшие причины влияния Распутина коренятся не в нем самом. Он был самым удачливым, самым влиятельным, но не единственным проходивцем, приближенным к трону последних Романовых. Совершенно прав был депутат Гос. Думы М.Е.Скобелев, когда он заявил, что “распутиновщина в России явление закономерное, а должность штатная”⁶⁹. Самодержавный режим России предоставлял возможность любому временщику, вошедшему в доверие и милость царской семьи, оказывать влияние на политику царизма, а мистицизм и редкостное по невежеству суеверие Николая и Александры предопределяли тип людей, имевших шансы “попасть в фавор”. Так оказались в поле зрения царской семьи шарлатаны Филипп и Папюс, юродивые Митя Козельский и Матрена-босоножка, и, наконец, “старец” Распутин. Но, разумеется, для того, чтобы приобрести такое

влияние на Николая и Александру, которым он пользовался, Распутин должен был обладать качествами, выделявшими его из ряда подобных ему.

Современники искали объяснения во вздорных сплетнях о связи Распутина с Александрой и в слухах о гипнотических талантах Распутина. Бывший товарищ министра внутренних дел С.П.Белецкий утверждал, что в 1913 г. до него дошли сведения, будто Распутин берет уроки у одного из гипнотизеров. Белецкий заставил этого гипнотизера покинуть столицу, но считал возможным, что Распутин продолжал уроки у кого-нибудь другого⁷⁰. Трудно сказать, полностью ли необоснованы эти утверждения. Сильная воля Распутина не вызывает сомнений. Тот же Белецкий, считавший, что действием гипноза можно объяснить некоторые случаи "исцеления" Распутиным кое-кого из окружающих его истерических поклонниц, говорил о "страшно сильной его воле, которую он в себе воспитывал", и определял отношения Николая с Распутиным как "борьбу слабой воли с сильной волей"⁷¹. Сотрудник правой прессы А.А.Кон рассказывал Белецкому, как Распутин внутренне готовил себя к предстоящей встрече с Николаем: "был сосредоточен, не пил, пошел в баню и заходил в церковь, где ставил свечи... дорогой сосредоточивал или концентрировал в себе свою волю"⁷². Зная способность Николая подчиняться чужому влиянию и умея пользоваться этим, Распутин не любил поэтому долгих отлучек Николая и через Александру старался вернуть его в Царское Село. "Ты так долго опять отсутствуешь, а Гр. просил этого не делать"⁷³, — этот мотив постоянно звучал в письмах императрицы к своему мужу.

Но, конечно, дело не сводилось только к сильной воле Распутина, сумевшего подавить волю и Николая, и особенно Александры. "Будучи, — по характеристике все того же Белецкого, имевшего возможность близко наблюдать всеильного "старца", — разом и невежественным, и краноречивым, и лицемером, и фанатиком, и святым, и грешником, и аскетом, и бабником, и в каждую минуту актером", Распутин сумел выработать в себе "ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит почти с прозорливостью"⁷⁴. Это и дало ему возможность играть на мистицизме и суеверии Александры и, видимо, в меньшей степени, Николая. Его влияние первоначально основывалось на том, что он сумел вселить в императорскую чету уверен-

ность, будто его молитва "творит чудеса, что она исцеляет больного наследника"⁷⁵. "У нее, — говорил об Александре другой бывший товарищ министра внутренних дел В.Ф.Джунковский, — была твердая вера, что если не будет Распутина, наследник умрет. Это была ее *idée fixe*"⁷⁶.

Следующим шагом было убедить Николая и Александру, что от Распутина зависит вообще вся их судьба и судьба России. Александра была вполне подготовлена к восприятию подобного рода идей. "Помнишь, — писала она Николаю в июне 1915 г., — в книге «*Les amis de Dieu*» сказано, что та страна, государь которой направляется божьим человеком, не может погибнуть"⁷⁷. Полтора года спустя она вновь напоминала эти крепко засевшие в ее сознании слова⁷⁸. А в том, что именно Распутин является таким "божьим человеком", чья молитва "имеет особую силу"⁷⁹ и которому "Бог все... открывает"⁸⁰, Александра не сомневалась ни на минуту. Отсюда вытекала ее уверенность в том, что "нужно только слушаться, доверять и спрашивать совета — не думать, что он чего-нибудь не знает"⁸¹, и что "на России не будет благословения, если ее государь позволит подвергать преследованию божьего человека"⁸².

Александра не только затвердила это для себя, но и настойчиво внушала Николаю, проявляя особую нервозность каждый раз, когда Николай обнаруживал склонность прислушаться к советам, исходившим из другого источника. "О, отдай себя под Его руководство!"⁸³ — патетически восклицала она в июне 1915 г., когда Николай сбежал от Распутина и от нее в Ставку верховного главнокомандующего вел. князя Николая Николаевича, чтобы осуществить некоторые шаги для успокоения буржуазного общественного мнения. А в критические дни декабря 1916 г. она писала, имею ввиду тогдашнего премьера А.Ф.Трепова: "ты... позволяешь ему руководить тобой, — а почему не нашему Другу, который руководит при помощи Бога? ...Слушайся меня, т.е. нашего Друга и верь нам во всем"⁸⁴.

Положение человека, которому "Бог все открывает", требовало большой осведомленности. Поэтому Распутин стремился всегда быть в курсе политических и придворных новостей. В этом ему помогало умение вызвать людей на откровенность. "Изменяя выражение лица и голоса, Распутин притворялся прямодушным, открытым, неинтересующимся никакими материальными благами человеком, вполне доверчиво

идушим навстречу доброму делу, так что многие искушенные жизненным опытом люди... составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрыть их карты"⁸⁵. Искавшие его покровительства аферисты и карьеристы самых высоких рангов расплачивались не только деньгами, но и информацией. Так Белецкий сообщал Распутину "о лицах, интересовавших императрицу... и о событиях, останавливавших внимание двора"; причем Распутин "записывал на бумажку то, что останавливало более глубоко его внимание"⁸⁶. Видимо этими же причинами объясняется в значительной степени и постоянное стремление Распутина быть в курсе военных новостей. Получавший "непосредственно" от Господа Бога указания "старец" не гнушался услугами более реальных советников. Так совет Александре совершить поездку по провинциальным госпиталям, который Александра не замедлила исполнить (так же, как некоторые другие советы) был подсказан Распутину Белецким и А.Н.Хвостовым⁸⁷, а явное знание им производственных проблем Петрограда могло иметь источником тех многочисленных спекулянтов крупной и мелкой руки, которые вились вокруг царского любимца. Если ко всему этому добавить бесспорный природный ум Распутина, то не стоит удивляться, что он действительно высказывал "здоровые суждения, которые не приходят другим на ум"⁸⁸, тем более, что заявлявшая так Александра была не избалована обилием умных людей среди ее приближенных.

Вознесшийся высоко наверх и ходивший "по гостиним лучше, чем другой царедворец"⁸⁹, Распутин сохранял и личное знание крестьянской психологии, и связи с крестьянской и мещанской средой, поэтому он мог правильнее оценить психологическое воздействие на широкие массы населения тех или иных правительственных распоряжений. В этой связи нам кажется, что М.Н.Покровский напрасно сводит вопрос о так называемых ратниках 2-разряда только к сыну Распутина⁹⁰. Спасти сына-ратника от призыва Распутин мог (и сделал это) в обход любых законов, но когда летом 1915 г. Распутин резко воспротивился призыву ратников 2 разряда (т.е. единственных сыновей в семьях) и предлагал вместо этого досрочный призыв новобранцев следующего года⁹¹, он учитывал именно реакцию крестьянской массы. Кстати сказать, нерешившиеся высказать Николаю свое мнение министры также считали призыв ратников 2 разряда летом 1915 г. делом

опасным и предпочитали обойтись без него⁹². Вообще здравый ум и хорошая информация давали Распутину возможность правильно оценить обстановку, о чем мы в дальнейшем будем говорить в связи с рассмотрением конкретных событий.

Но, может быть, все же дело не в уме Распутина, а в том, что он служил лишь передаточной инстанцией, ширмой для какой-то группы политических деятелей, использовавших его для осуществления своего влияния на царскую чету? Это утверждал в своих мемуарах французский посол Морис Палеолог. Написанные для вящей убедительности в форме дневника эти мемуары щедро приправлены домыслами, введенными ради преувеличения своей роли и осведомленности, а то и просто ради красного словца. Так обстоит дело и с утверждениями Палеолога о политических советниках Распутина. Палеолог отнес к их числу И.Г.Щегловитова, Н.А.Маклакова и В.К.Саблера, занимавших до лета 1915 г. соответственно посты министров юстиции, внутренних дел и обер-прокурора Синода, Б.В.Штюрмера и Н.А.Добровольского, занимавших в 1916 г. посты председателя Совета министров и министра юстиции, дворцового коменданта В.Н.Воейкова и упоминавшегося уже С.П.Белецкого⁹³. Неоспоримые свидетельства (важнейшим из которых являются письма Александры) показывают, что Щегловитов и Н.Маклаков не принадлежали к распутинскому окружению, не любили Распутина и не пользовались его расположением. Точно так же далеко не дружескими были отношения Распутина и Воейкова. Как мы видели, Добровольского Распутин узнал незадолго до его выдвижения на министерский пост, перед самой своей смертью. Незадолго до выдвижения в министры узнал Распутин и Штюрмера, и не Штюрмер руководил Распутиным, а Распутин Штюрмером [о чем речь будет идти в соответствующих местах нашей книги].

Материалы полицейского наблюдения и свидетельства близко знавших Распутина людей рисуют окружение Распутина, состоящее из лиц совершенно различных категорий. Это, во-первых, бесчисленное количество поклонниц, женщин из самых различных социальных слоев, от великосветских дам до низкопробных проституток⁹⁴. Во-вторых, это столь же бесчисленные толпы просителей и авантюристов, обдывавших с помощью Распутина свои дела. Среди них выделялись личный секретарь Распутина

А.С.Симанович, спекулянт золотом и драгоценностями; агроном М.Д.Вольнский, прославившийся еще в 1909 г. аферой с угольными шахтами, и И.Ф.Манасевич–Мануйлов⁹⁵. В разное время близкими к Распутину оказывались и некоторые другие лица вроде шарлатана “тибетского врача” П.А.Бадмаева или кн. М.М.Андронникова. Все эти люди могли рассказать Распутину что-либо его интересующее, дать отдельный совет (как Симанович посоветовал сделать министром Добровольского), но служить постоянными политическими руководителями Распутина они не могли, не потому даже, что большинство их было гораздо мельче Распутина (Бадмаев и Манасевич–Мануйлов были, однако, людьми умными и искушенными в политике), а потому, что у них просто не было политической платформы, которую они собирались бы проводить. Это была, как формулировал П.Н.Милюков, “организация большой шайки для извлечения денег всеми способами”⁹⁶.

Третья категория близких к Распутину лиц — банкиры, среди которых первое место занимают И.П.Манус и Д.Л.Рубинштейн⁹⁷. С его помощью банкиры осуществляли финансовые операции, требовавшие покровительства в высших сферах, и сотрудники петроградской контрразведки, занимавшиеся нашумевшим во время войны делом Рубинштейна, Доброго и др., имели основание говорить, что они, собственно, расследуют “операцию Распутина с сахаром”⁹⁸. Банкиры преследовали и иные цели, и зимой 1915/16 гг. во время целого ряда встреч с Распутиным директора банков, по выражению Рубинштейна, “ковали” пост министра финансов для близкого к финансовым кругам А.Д.Протопопова⁹⁹, ставшего потом последним временщиком самодержавия. Общение с руководителями финансовой жизни страны несомненно не осталось бесследным для Распутина, недаром же грандиозные финансовые проекты неожиданно всплывают на страницах писем Александры к Николаю. Но есть ли достаточные основания считать кого-либо из банковских деятелей, в частности, как это делал В.П.Семенов, Мануса руководителем и вдохновителем Распутина? Единого кружка вокруг Распутина не было, да и не могло быть. Окружавшие его дельцы по самому характеру их деятельности “проводили через него крупные дела, действуя секретно друг от друга и следя один за другим, чтобы поддержать в Распутине постоянное чувство подозрительности”¹⁰⁰. Что же касается

конкретно Мануса, то, хотя он и платил Распутину за проведение его финансовых комбинаций¹⁰¹, их отношения были далеки от близости. Об этом свидетельствует Александра, прекрасно осведомленная о том, кто и как относился к почитаемому ею “старцу”¹⁰².

Для поисков политических руководителей Распутина большой интерес представляют рапорты о полицейском наблюдении за ним. 31 июля [1915 г.— С.Ф.] Распутин приехал в Петроград после полуторамесячного вынужденного отсутствия, вызванный Александрой для того, чтобы помочь убедить Николая сместить вел. князя Николая Николаевича и встать во главе армии, а также для того, чтобы вообще обсудить не нравившийся ей ход событий в стране. 4 августа Распутин, выполнив эту миссию, вновь покинул Петроград. С кем же встречался он в эти дни? С кн. М.М.Андронниковым (с ним он рассорился полгода спустя, а сейчас тоже относился с некоторым подозрением), с упомянутым выше М.Д.Вольнским, с предшественником Симановича в роли личного секретаря уездным инспектором народных училищ И.И.Добровольским, банкиром средней руки А.Ф.Филипповым, энным количеством женщин и, разумеется, с Николаем и Александрой¹⁰³. Что бы ни говорил Распутин Николаю и Александре во время этих встреч, ему не от кого было получить предварительные указания, он говорил от себя.

Можно предположить, однако, что в предшествующие годы Распутин успел пройти определенную выучку, причем учителем его был крупнейший государственный деятель царской России — гр. С.Ю.Витте. Близко знавший Распутина и его окружение Бадмаев в записке, составленной, вероятно, для председателя Гос. Думы М.В.Родзянко, включил в “генеральный штаб Григория Ефимовича” А.А.Вырубову, ее родителей и сестру, семью поклонницы Распутина М.Головиной, некоторых других людей, явно не имевших оснований претендовать на влияние на Распутина, и наряду с ними — Витте¹⁰⁴. Белецкий также считал, что “старца” ввели к Николаю Витте и известный реакционный публицист кн. В.П.Мещерский¹⁰⁵, лично близкий к царю. К стати сказать, с любовником и наследником Мещерского Н.Ф.Бурдюковым, о котором еще будет идти речь, Распутин продолжал сохранять постоянную связь. Наконец, бывший министр внутренних дел А.Н.Хвостов тоже считал Распутина кратурой Витте, оставшимся после его смерти без “хозяина”, а потому

не имевшим последовательной линии в политике¹⁰⁶. “Школа” Витте сказывалась, в частности, в прочном чувстве недоброжелательства к Англии, когда Распутин откровенно радовался гибели английского военного министра Китченера¹⁰⁷.

Самостоятельность Распутина вела к отсутствию в его действиях, в тех советах, которые он давал Александре и Николаю, подлинной политической программы. Наблюдатели, придерживавшиеся разных политических взглядов и в различной степени близко стоявшие к Распутину и ко двору, сходились в констатации этого факта. “Для него, — говорил о Распутине Белецкий, — не существовало идейных побуждений, и к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов своих”¹⁰⁸. К тому же выводу пришел и сменивший Белецкого в департаменте полиции Е.К.Климович. “Мне казалось, — говорил он, — что какой-нибудь организации влияющей нет, — это хаос, полный хаос... Засим, то, что группировалось около Распутина, в широком политическом смысле политических целей оно, несомненно, не преследовало, а скорей преследовали цели чисто извлечения личных выгод”¹⁰⁹. Сходные впечатления вынес и П.Н.Милюков, считавший, что вмешательство Распутина в назначения министров представляло собой “попытки взять политику в руки лично доверенных лиц, исключая, вообще, даже политические стремления, а просто вследствие постепенно растущего чувства небезопасности и потребности некоторой самообороны”¹¹⁰. В соответствии с этим Распутин, например, интересовался в вопросе взаимоотношений власти и Гос. Думы только тем, что говорят в Думе лично о нем¹¹¹, и в ряде случаев даже советовал примирительные шаги в сторону Думы. Он активно добивался [удаления.— С.Ф.] архиправого министра А.А.Макарова, лично к нему не выказывавшего должного почтения, и способствовал назначению министром Н.А.Добровольского, взгляды которого в национальном вопросе характеризовались некоторым либерализмом. С точки зрения Распутина было “все равно — что права, что лева”, “правые тоже дураки”¹¹², и твердо налаженных отношений с черносотенными организациями у него не было. Он, правда, был в хороших отношениях с близкими к нему по духу черносотенцами А.И.Дубровиным, И.И.Восторговым, С.А.Кельцевым, В.Г.Орловым¹¹³ (впрочем, Распутин вряд ли был убежденным антисемитом), но руководители правых

в Гос. Совете и Гос. Думе, включая известных черносотенных лидеров Н.Е.Маркова-2¹⁰ и Г.Г.Замысловского, были резко враждебны по отношению к Распутину и уже в начале 1916 г. говорили о необходимости убить его¹¹⁴.

Но сама по себе “потребность самообороны” была по сути дела политической платформой, поскольку положение Распутина зависело от сохранения неизменным самодержавного строя. Неслучайно даже просто перед созывом очередной сессии Думы приходилось во избежание скандала убирать Распутина из Петрограда. В числе постоянных требований либеральной оппозиции было устранение “безответственных влияний” на верховную власть, т.е. опять-таки в первую очередь устранение Распутина. Поэтому естественно, что он активно поддерживал Николая и Александру в их самодержавных убеждениях и оказывал содействие в этом правым деятелям. Так появлялись на свет телеграммы Распутина Николаю вроде: “Дума твоя, что кошь, то и делай. Какеи там запросы о Григории. Это шалость бесовская”¹¹⁵, отсюда вытекали настойчивые призывы к твердости в кризисные дни лета 1915 г. и конца 1916 г. Когда Александре и Распутину в конце ноября 1916 г. показалось, что Николай склонен пойти на какие-то уступки, Распутин послал Вырубовой для передачи в Ставку, где находились в это время и Николай и Александра, ряд телеграмм, в которых умело играл на слабых струнках Николая. “Верьте, — телеграфировал он 25 ноября, — не убойтесь страха, словно языцы. Сдайте не свое маленькому в целости. Как от отца получил, так и его сын получит”¹¹⁶. Это был тот же мотив, который звучал и в письмах Александры — необходимость сохранить самодержавный строй ради “будущего бэби”¹¹⁷. В других телеграммах Распутин увещевал Николая слушаться советов Александры. Впрочем, возможно не только о ней, но и о себе думал он, заканчивая очередное наставление словами “своих поддержите”¹¹⁸.

Повышенно тревожный тон последних распутинских телеграмм имел под собой и еще одно основание: он не мог не почувствовать, что его влияние на Николая начинает слабеть. За немногими исключениями¹¹⁹ все данные говорят о том, что влияние Распутина всегда было большим по отношению к Александре, чем к Николаю. Тем не менее Николай принимал наставления и “благославления” Распутина не только ради Александры. Вряд ли верна припи-

сывавшаяся ему фраза — “лучше один Распутин, чем десять истерик в день”¹²⁰. Но в то же время Николай был способен под чьим-либо влиянием взглянуть более трезво на художества “святого отца”. В июне 1915 г. Джунковский представил Николаю доклад о пьяной оргии, учиненной Распутиным в московском ресторане «Яр». Видимо, к числу легенд относится рассказ, будто Николай передал этот доклад Вырубовой со словами: “прочитайте и полюбуйтесь на своего кумира”¹²¹. Но не только Джунковский, но и сам Распутин засвидетельствовали, что Николай после этого был сердит на Распутина, и последний до самой смерти не мог спокойно слышать имени Джунковского¹²². Однако летом 1915 г. положение Распутина при царской семье было быстро восстановлено, и уже в августе Николай приказал заменить начальника петроградского военного округа ген. Фролова за то, что цензура пропустила в печать статьи о Распутине в «Биржевых ведомостях»¹²³. В сентябре недолгая карьера А.Д. Самарина в качестве обер-прокурора Синода закончилась резолюцией Николая: “нельзя служить человеку, так настроенному против императрицы и ее друга”¹²⁴. В этой резолюции, однако, любопытно, что Николай назвал Распутина не своим другом, а другом Александры.

Приняв на себя в августе 1915 г. верховное главнокомандование, Николай стал большую часть времени проводить в Ставке, где его начальник штаба ген. М.В. Алексеев, как и другие военные, осторожно, но настойчиво старались противодействовать влиянию Распутина. Эти старания приносили некоторые плоды. В июне 1916 г., сообщая Александре о планах предстоящих операций, Николай просил ее: “никому об этом не говори, даже нашему Другу”¹²⁵. Это было новостью, поскольку раньше Распутину сообщалось о планах на будущее, чтобы он помолился об успехе. Просьбы сохранить военные планы в тайне от “нашего Друга” появлялись в письмах Николая и в дальнейшем. В сентябре 1916 г. Николай позволил себе сомнение в правильности выдвигаемой Распутиным кандидатуры в министры. “Мнения нашего Друга о людях, — ответил он Александре, — бывают иногда очень странными”¹²⁶. Наконец, в ноябре Николай уже открыто взбунтовался и написал Александре с необычной твердостью: “Только, прошу тебя, не вмешивай нашего Друга. Ответственность несу я и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе”¹²⁷. По утверждению

Протопопова, он разговаривал с Николаем в том же ноябре об отъезде Распутина на родину, причем “это было дело решенное”¹²⁸. В связи с охлаждением царя к Распутину “старец” начал говорить о том, что он покинет царскую семью, когда наследник достигнет совершеннолетия, явно пытаясь сыграть на вечной боязни Николая и Александры за жизнь сына¹²⁹. Из всего сказанного еще не следует, что звезда Распутина успела закатиться еще до его убийства. Но вполне правдоподобными выглядят в свете изложенного утверждения ряда лиц, видевших, по их словам, на лице Николая после убийства Распутина выражение облегчения¹³⁰. Кстати сказать, никаких переживаний в связи с убийством Распутина не отразил и дневник Николая. Выехав 18 декабря из Ставки в Петроград, куда его выехала потрясенная Александра, Николай ни словом не упомянул о причинах внезапного отъезда, а на следующий день записал: “Выспался хорошо. Мороз стоял крепкий. Все время в вагоне читал”¹³¹. Самодержец всероссийский не нашел других слов для прощания с человеком, столько лет простоявшим рядом с его тронem.

По степени влияния на царскую чету никто не мог даже в отдаленной степени сравниться с Распутиным. Ближайшее доверенное лицо императрицы, ее фрейлина А.А. Вырубова, дочь управляющего собственной канцелярией Николая А.С. Танеева, была глупа и находилась в полном подчинении у Распутина, который передавал через нее свои советы Николаю и Александре, когда не мог встречаться с ними лично. К ее посредничеству прибегали и другие лица, “потому что все, что ей скажешь, — как признавал Протопопов, — как через граммофон передавалось дальше”¹³². В ее “маленьком домике” в Царском Селе происходили встречи Александры с Распутиным и со многими другими людьми, которых почему-либо нельзя было принять официально. Хотя существовавшие слухи о связи Вырубовой с Николаем, к сожалению повторенные в подложных “дневниках Вырубовой”, опубликованных в середине 1920-х гг., не соответствовали действительности¹³³, взаимоотношения Николая, Александры и Вырубовой были достаточно сложными. После одной из размолвок с Александрой в этой связи весной 1914 г. Вырубова попыталась проявить самостоятельный интерес к внутренней политике¹³⁴, но, насколько нам известно, это свелось лишь к посредничеству между Александрой и Распутиным, с одной стороны, и А.Н. Хвостовым и Белецким — с другой.

Подобно тому как Вырубова не разлучалась с Александрой, троюродный брат ее мужа В.Н.Воейков неотлучно следовал за Николаем, сопровождал его во всех поездках. Дворцовый комендант, обладавший огромной властью, женатый на дочери министра двора гр. В.Б.Фредерикса, почти единственный из окружавших Николая, с кем царь был знаком с юности¹³⁵, известный Александре еще с ее первого приезда в Россию в 1889 г.¹³⁶, Воейков пользовался немалым влиянием, пока между ним и Распутиным не произошло охлаждение, сразу отдалившее его от императрицы. После этого она стала предостерегать Николая против Воейкова, который “при своем властолюбии, крайнем честолюбии и самоуверенности постарается взять на себя обязанности, которые его не касаются”¹³⁷. Тем не менее позиции Воейкова у Николая оставались прочными и он продолжал быть связующим звеном между царем и различными политическими деятелями, прибегавшими к его посредничеству¹³⁸. Наибольшую известность принесло Воейкову его стремление использовать близость к царю и связи в правительственных кругах для личного обогащения, навязывая в качестве обязательного товара во всей железнодорожной торговой сети воду принадлежавшего ему минерального источника «Кувака». Неоднократные случаи перевозок «Куваки» в ущерб первоочередным грузам во время войны, когда транспорт работал с большими перебоями, привели в конце концов к крупному скандалу в Гос. Думе.

И еще один человек был достаточно близок к царской семье, чтобы служить передаточным звеном между нею и различного рода политическими и финансовыми кругами. Это был флигель-адъютант Н.П.Саблин. Человек недалекий, он в основном использовался Александрой для разного рода поручений¹³⁹, за исключением периода временного охлаждения из-за Распутина. В свою очередь он по поручению банкира Мануса¹⁴⁰ подсказал Александре идею выпуска железнодорожного займа¹⁴¹.

Из людей, не имевших доступа непосредственно к Николаю и Александре, но игравших видную роль в организации т.н. “безответственных влияний” на политику царизма, следует отметить двоих — кн. М.М.Андронникова и Н.Ф.Бурдюкова. Выходец из обедневшей грузинской семьи кн. Андронников был “в высшей степени предприимчивый, неразборчивый в средствах человек, который, благодаря своей

крайней беспринципности, может быть довольно силен и пробираться туда, куда ни один порядочный человек не проберется”¹⁴². Умело втираться в приемные министров, выведывая придворные и министерские новости¹⁴³ и разнося сплетни по всему “высшему свету”, он становился и опасен, и нужен для каждого, кто хотел получить или сохранить какой-либо важный пост. У Андронникова не было политических убеждений, “мнения его о лицах, власти имущих, — вспоминал крупнейший банковский деятель России А.И.Путилов, — основывались вовсе не на том, считал ли он их деятельность полезной или вредной, а зависели исключительно от его личных с ними в данный момент отношений”¹⁴⁴. Однако, влияние его было настолько велико, что когда владелица дома, в котором Андронников снимал квартиру, превращенную им в “салон” гомосексуалистов, попробовала выселить такого малоприятного жильца, то для того, чтобы помешать ей сделать это, министр внутренних дел А.Н.Хвостов издал специальное постановление, лишившее домовладельцев права выселять квартирантов во время военных действий¹⁴⁵. Особенно близок был Андронников к Воейкову и обер-гофмейстеру матери Николая кн. Г.Д.Шервашидзе¹⁴⁶. Наибольший расцвет его влияния приходился на вторую половину 1915 г., когда он содействовал выдвижению А.Н.Хвостова в министры. Но после того, как Андронников оказался замешанным в планы Хвостова убить Распутина (ограничившись, впрочем, отравлением распутинских кошек)¹⁴⁷, его позиции пошатнулись и ему дважды приходилось в принудительном порядке покидать столицу.

Ненавистник и соперник Андронникова Н.Ф.Бурдюков был фигурой не менее грязной, но политически более определенной. Бурдюков унаследовал от кн. Мещерского не только его деньги¹⁴⁸, но и взгляды. Опытный журналист, бойко владевший пером, он составлял речи и письма для А.Д.Протопопова¹⁴⁹, сам писал записки Вырубовой и для передачи Александре¹⁵⁰, а в январе 1917 г. добился с помощью Протопопова личной аудиенции у Александры¹⁵¹. Он был тесно связан с банковскими кругами (главным образом с Манусом)¹⁵² и занимался проведением коммерческих дел. Однако, главная роль его заключалась в том, что он был одним из основных связующих звеньев между Распутиным и наиболее серьезным и влиятельным кружком правых — кружком Римского-Корсакова.

Кружки правых занимали довольно видное место в политической кухне царской России, группируясь вокруг лиц, входивших в “высшие сферы”, и служа центрами, где политические деятели встречались с представителями финансовых кругов, а также и с откровенно уголовными элементами. Одним из таких кружков был салон баронессы Е.М.Розен, который посещали великие князья, министры царского правительства Н.А.Добровольский и М.А.Беляев, а наряду с ними шантажист и спекулянт Б.М.Ржевский, “фешенебельные куртизанки” и прочий “странный элемент”¹⁵³. На квартире “тибетского врача” П.А.Бадмаева встречались Распутин, Протопопов, Белецкий, последний столичный градоначальник А.П.Балк и ген. П.Г.Курлов¹⁵⁴, организатор расстрела демонстрации в Минске в 1906 г., человек, над которым тяготело подозрение в причастности к убийству Столыпина, фигура, неприемлемая даже для царской бюрократии. В этом кружке возникла и затем через Распутина была осуществлена идея выдвижения в министры внутренних дел старого пациента Бадмаева — Протопопова. В кружке Бурдюкова собирались Н.А.Маклаков, Протопопов и ряд других правых деятелей, в том числе продолжатель журнала кн. Мещерского «Гражданин» П.Ф.Булацель, реакционный профессор-экономист П.П.Мигулин и др. Здесь состоялось знакомство Протопопова с Римским-Корсаковым¹⁵⁵.

Кружок, возглавлявшийся сенатором, а затем членом Гос. Совета А.А.Римским-Корсаковым, возник осенью 1914 г. и объединил виднейших лидеров правых в Гос. Думе и Гос. Совете¹⁵⁶. Вскоре после образования кружок переехал в салон Б.В.Штюрмера, где еще более разросся, включив в свой состав бывших или будущих министров А.А.Макарова, Н.Б.Щербатова, гр. А.А.Бобринского, лидеров “союза русского народа” Н.Е.Маркова, Г.Г.Замысловского и В.П.Соколова, председателя Совета объединенного дворянства А.П.Срукова, товарища министра внутренних дел кн. В.М.Волконского, С.П.Белецкого, лидера националистов в Гос. Думе Д.Н.Чихачева и др. Для связи с провинцией Штюрмер приглашал на заседания приезжавших в Петроград губернских предводителей дворянства и губернаторов, видных церковных деятелей. Перед каждым заседанием кружка, собиравшегося еженедельно, Штюрмер по телефону сообщал его членам повестку дня и испрашивал разрешение пригласить кого-либо из но-

вых лиц. Чтобы не стесняться себя в выражениях, члены кружка не допускали на свои заседания министров, входивших в состав существовавшего кабинета, и Н.А.Маклакову, когда он заинтересовался мнением кружка по какому-то вопросу, пришлось дожидаться окончания прений “в числе личных знакомых жены, собиравшихся в соседней с залой приемной гостиной супруги Б.В.Штюрмера”. Решения кружка доводились затем до сведения председателя Совета министров И.Л.Горемыкина, гр. Фредерикса и других министров правого направления и отражались на их действиях. Участники кружка стояли, особенно в национальном и религиозных вопросах, на крайне реакционных позициях, с которых даже деятельность обрусителя завоеванной Галиции гр. Г.А.Бобринского казалась “либеральной”.

Из кружка Римского-Корсакова — Штюрмера раздалась в конце 1915 г. голоса, требовавшие “поворота курса государственной политики” в сторону отказа от всяких уступок буржуазной общественности. После назначения Штюрмера председателем Совета министров руководство кружком вновь перешло к Римскому-Корсакову, а в состав его вошли потерявшие к тому времени свои министерские портфели Щегловитов и Н.А.Маклаков¹⁵⁷. В конце 1916 г. в этом кружке разрабатывались планы реакционного заговора, о которых будет идти речь в соответствующей главе. Эти планы через Протопопова, Щегловитова, последнего премьера кн. Н.Д.Голицина попадали к Николаю, а через Бурдюкова и Бадмаева — к Распутину¹⁵⁸. Связь Распутина с Бурдюковым и через него с Римским-Корсаковым и К^о не опровергает нашего утверждения об отсутствии за спиной Распутина руководящего им политического кружка. Распутин отрицательно относился и ко многим членам кружка, и к ряду исходивших от группы Римского-Корсакова предложений. Так, передавая план усиления группы правых в Гос. Совете, Распутин, по словам Манасевича-Мануйлова, говорил: “Я эту бумажку отдаю, но руку не прикладываю, пусть они, — т.е. царица, — решают как хотят. Я руку не прикладываю потому, что правые тоже дураки. Все равно они ничего не сделают”¹⁵⁹. Однако, в тех случаях, когда Распутин не выступал открыто против, у кружка Римского-Корсакова было, как и в случае с изменением состава Гос. Совета, достаточно сил и влияния, чтобы настоять на своем.

Итак, Распутин, его агенты или его соперники (вроде Воейкова) из ближайшего окружения царской семьи и немногочисленные кружки правых — таково было то “невидимое”, но всем хорошо известное правительство, которое часто

оказывало гораздо большее влияние, чем официальные власти, на работу насквозь проржавевшего механизма, именовавшегося российской империей.

Примечания

- 1 Ленин В.И. Соч. Изд. 4. Т.17. С.322.
- 2 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.-Пг., 1923. С.183.
- 3 РОРГБ. Ф.12. Оп.1. Д.9. // Дневник З.В.Араповой (жены адъютанта ген. Гурко). Л.9.
- 4 Падение царского режима. Т.6. Л., 1926. С.396.
- 5 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.5. М.;Л., 1927. С.167.
- 6 Там же. С.213.
- 7 Дневник Николая II // Красный Архив. 1927. № 1 (20). С.135.
- 8 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.5. С.205.
- 9 Падение царского режима. Т.4. С.8.
- 10 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. С.116.
- 11 Падение царского режима. Т.1. С.343.
- 12 Там же. Т.2. С.55.
- 13 См.: Там же. Т.5. С.370; Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. С.148.
- 14 Труфанов И. Тайны дома Романовых. М., 1917. С.22.
- 15 Падение царского режима. Т.6. С.382.
- 16 Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия // Вопросы истории. 1964. № 10. С.127.
- 17 Дневник А.А.Половцева // Красный Архив. 1923. № 3.
- 18 Падение царского режима. Т.1. С.33.
- 19 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. С.232.
- 20 Там же. С.220.
- 21 Там же. С.256.
- 22 Там же. С.352.
- 23 Там же. С.269.
- 24 Там же. С.336.
- 25 Там же. Т.5. С.79.
- 26 Там же. Т.3. С.347.
- 27 Там же. Т.5. С.152.
- 28 Кн. Палей. Мои воспоминания о русской революции // «Феральская революция». М.;Л., 1925. С.339.
- 29 Палеолог М. Указ. соч. С.299; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1924. С.170—174.
- 30 Падение царского режима. Т.4. С.273—274.
- 31 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. С.314.
- 32 Кн. Палей. Указ. соч. С.352.
- 33 Материалы ЧСК о Распутине // Вопросы истории. 1964. № 10. С.119—120.
- 34 Евреинов Н.Н. Тайна Распутина. Л., 1924.
- 35 Санин — герой одноименного романа М.Арцыбашева, близкого к откровенной порнографии.
- 36 Материалы ЧСК о Распутине. С.123.
- 37 Шульгин В.В. Дни. Л., 1925. С.78.
- 38 Материалы ЧСК о Распутине. С.129—130.
- 39 Падение царского режима. Т.4. С.500.

- 40 Материалы ЧСК о Распутине. С.131.
- 41 Там же. С.132—133.
- 42 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. С.207.
- 43 Там же. С.218.
- 44 Там же. С.219.
- 45 Протокол допроса директора канцелярии обер-прокурора Синода В.И.Яцкевича // Красный Архив. 1936. № 4 (77). С.201.
- 46 Выписка из данных наружного наблюдения за Распутиным // Красный Архив. 1924. № 5. С.285.
- 47 Падение царского режима. Т.4. С.474.
- 48 См.: Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. С.101, 285.
- 49 Падение царского режима. Т.1. С.24.
- 50 Там же. Т.4. С.172.
- 51 Там же.
- 52 Белецкий С.П. Григорий Распутин. Пг., 1923. С.70.
- 53 Из протокола допроса И.Ф.Манасевича-Мануйлова // Красный Архив. 1936. № 4 (77). С.208.
- 54 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. С.160.
- 55 Там же. С.299.
- 56 Там же. С.405.
- 57 Там же. Т.4. С.322.
- 58 Там же. Т.3. С.150.
- 59 Там же. С.476.
- 60 Там же. Т.4. С.300.
- 61 Там же. Т.5. С.164.
- 62 Там же. С.54.
- 63 Там же. Т.3. С.436.
- 64 Там же. С.459.
- 65 Там же. Т.4. С.398.
- 66 Там же. Т.3. С.387.
- 67 См.: Там же. Т.3—5.
- 68 Там же. Т.3. С.461.
- 69 Государственная Дума: Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия четвертая. Пг., 1916. С.2296.
- 70 Белецкий С.П. Указ. соч. С.21.
- 71 Падение царского режима. Т.3. С.408.
- 72 Там же. Т.4. С.448.
- 73 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. С.225.
- 74 Падение царского режима. Т.4. С.500.
- 75 Материалы ЧСК о Распутине. С.131.
- 76 Падение царского режима. Т.5. С.106.
- 77 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. С.222.
- 78 Там же. Т.5. С.160.
- 79 Материалы ЧСК о Распутине. С.130.
- 80 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.5. С.160.
- 81 Там же.
- 82 Там же. Т.3. С.219.
- 83 Там же. С.222.
- 84 Там же. Т.5. С.184—185.
- 85 Падение царского режима. Т.4. С.281.
- 86 Там же. С.263.

- 87 Там же. С.306.
- 88 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.5. С.50.
- 89 Падение царского режима. Т.3. С.408.
- 90 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. С.XVI.
- 91 Там же. С.201.
- 92 Архив русской революции. Т.XVIII. С.38.
- 93 Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.; Пг., 1923. С.148—149.
- 94 За кулисами царизма: Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С.12—13.
- 95 См.: Падение царского режима. Т.1. С.23.
- 96 Там же. Т.6. С.356.
- 97 Там же. Т.1. С.17, 19, 179.
- 98 Былое. 1924. № 21. С.223—224.
- 99 Протокол допроса Рубинштейна // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.548. Л.52—53.
- 100 Белецкий С.П. Указ. соч. С.69.
- 101 Протокол допроса Симановича // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.549. Л.6.
- 102 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.4. С.31.
- 103 Рапорта о полицейском наблюдении за Распутиным // ГАРФ. Ф.612. Оп.1. Д.22. Л.73.
- 104 За кулисами царизма. С.12—13.
- 105 Падение царского режима. Т.4. С.500.
- 106 Голос минувшего. 1923. № 2. С.167.
- 107 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.4. С.289.
- 108 Падение царского режима. Т.4. С.281.
- 109 Там же. Т.1. С.73.
- 110 Там же. Т.6. С.356.
- 111 Там же. С.283.
- 112 Там же. Т.2. С.58—59.
- 113 Там же. Т.4. С.282, 289.
- 114 Там же. С.364.
- 115 Там же. Т.3. С.435.
- 116 ГАРФ. Ф.612. Оп.1. Д.8. Л.20.
- 117 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.5. С.153.
- 118 ГАРФ. Ф.612. Оп.1. Д.8. Л.19.
- 119 См.: Падение царского режима. Т.2. С.5; Т.4. С.6.
- 120 Шульгин В.В. Указ. соч. С.70.
- 121 РО РГБ. Ф.265. Кор.125. Д.22. (Рассказ П.Д.Самарина со слов А.Д.Самарина.)
- 122 Падение царского режима. Т.3. С.392; Т.5. С.104.
- 123 Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С.213—214.
- 124 Лемке М. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. С.80.
- 125 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.4. С.290.
- 126 Там же. Т.5. С.17.
- 127 Там же. С.146.
- 128 Падение царского режима. Т.2. С.319.
- 129 Там же. Т.4. С.505.
- 130 Ки. Палей. Указ. соч. С.343—344; Воейков В.Н. С царем и без царя. Гельсинфорс, 1936. С.178.
- 131 Дневник Николая II // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.264. Л.19.
- 132 Падение царского режима. Т.2. С.275.
- 133 Материалы ЧСК о Распутине // Вопросы истории: 1964. № 12. С.93.
- 134 Воейков В.Н. Указ. соч. С.60; Кизеветтер А. Письма царицы // Современные записки. Париж.

Т.XIII.

- 135 Падение царского режима. Т.4. С.464.
136 Воейков В.Н. Указ. соч. С.38.
137 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. С.347.
138 Падение царского режима. Т.2. С.287; Союз русского народа: По материалам ЧСК. М.;Л., 1929.
- С.80.
- 139 Материалы ЧСК о Распутине. С.95.
140 Там же. С.96.
141 Переписка Николая и Александры Романовых. Т.4. С.222.
142 Падение царского режима. Т.1. С.74.
143 См.: Материалы ЧСК о Распутине. С.97—98.
144 Там же. С.99.
145 Падение царского режима. Т.4. С.234.
146 Там же. С.242.
147 Там же. Т.1. С.43.
148 Там же. С.20.
149 Там же. Т.2. С.306, 318.
150 Там же. Т.3. С.247.
151 Я.Н.Ростовцев — А.Д.Протопопову 17 января 1917 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.1. Д.1165. Л.237.
152 Падение царского режима. Т.1. С.17.
153 Там же. С.48.
154 Там же. С.13; Т.2. С.67; Т.4. С.60.
155 Там же. Т.3. С.164; Т.4. С.485.
156 Здесь и ниже: Там же. Т.4. С.382—386.
157 Там же. Т.2. С.428; Т.3. С.89.
158 См., напр.: Там же. Т.2. С.57—59.
159 Там же. С.59.

Трагедия обреченных

(К 50-летию насильственных репатриаций: Свидетельства и воспоминания)

50 лет назад англо-американское союзное командование в Западной Европе приступило к проведению операций по насильственной репатриации миллионов людей в оккупационные зоны СССР и просоветских режимов. Основанием для проведения подобных операций послужили не столько ялтинские соглашения между государствами-участниками антигитлеровской коалиции, сколько явное желание, в первую очередь политиков Великобритании и командования Британскими Королевскими Вооруженными Силами в Европе, угодить СССР и другим союзникам по коалиции в годы Второй мировой войны. Массовые выдачи имели кровавый характер, осуществлялись с беспрецедентной жестокостью и цинизмом по отношению к тем, кто рассчитывал на право убежища.

Приводимые ниже свидетельства являются лишь малой частью известных материалов об этом послевоенном "великом предательстве" и трагической судьбе многих тысяч русских, украинцев, сербов, словенцев, казаков, народов Кавказа, калмыков...

Из книги: Делианич А. «Вольфсберг—373» (Сан-Франциско, 1958)

“...Не считая двух проверок документов по дороге, все шло гладко. Объехали Клагенфурт боковыми улицами. На пути к Виктрингу нас обогнали три громадных грузовика с прицепами, не покрытые брезентом. В них сидели люди в ярко зеленых лохмотьях советских военнопленных с такими же зеленоватыми, обалделыми лицами. Над ними развевались красные тряпки и плакаты с надписями: «Мы счастливы, что едем на родину к любимому Вождю!», «Да здравствует освободитель Европы, генералиссимус Сталин», «Тебе, отец народов, наш привет!» и прочие заготовленные лозунги.

Несчастные, взятые из лагерей немецкого рабства, прямиком отправлялись в рабство другое. Позже мы встречали подобные «поезда возвращенцев», бывших «остов» и «остовок». Некоторые пели, иные плакали. Везли их мас-

сами, и этому тщательно способствовали западные союзники, стараясь, как можно скорее, очистить от них Австрию и Германию.

Уже с дороги мы обратили внимание на зловещую пустоту на Виктрингском поле. Только на одном краю его стояли телеги, самодельные палатки и навесы, и в них ютились гражданские беженцы-словенцы. Поле казалось выметенным. При съезде с шоссе на полигон мы увидели группу человек в двести словенских домобранцев в их голубоватых формах. Они стояли перед десятком грузовиков и перед столькими же маленькими танками, на которых боком сидели англичане с автоматами на груди. Немного дальше был выстроен ряд мотоциклистов в черных беретах.

Перед нашими глазами разворачивался последний акт ужасающей драмы. Англичане, выдавшие уже всех сербских добровольцев и

четников и главную часть домобранцев, отправляли на расправу Тито раненых и больных. Вокруг них сновали те же смуглые солдаты в английских формах, которых мы видели в Лиенце. У некоторых через погон на левом плече были пришиты бело-голубые ленты и шестиконечная металлическая звезда. Те, кто мог идти, шли сами к машинам. Лежащих на носилках, ампутированных, в гипсе, слепых, толкали в машины грубо, не обращая внимания на их стоны и крики. Отношение к ним было такое же, как к лошадям у коновязей и собакам в загоне.

Мы сошли вниз и стали рядом с небольшой группой немецких офицеров, которые буквально в оцепенении и ужасе смотрели на происходящее. Вблизи меня на носилках лежал молодой домобранец Янко Оцвирк, брат моей подруги, потерявший глаза во время отступления: телега, около которой он шел, наехала на итальянскую ручную гранату, и она, взорвавшись, осколками выбила ему глаза. Повязка, наполовину скрывавшая его молодое лицо, с двумя яркими пятнами просочившейся крови из глазных впадин, и его судорожно сжимающиеся на груди руки говорили о тех физических и моральных страданиях, которые он переживал. Его подняли двое английских солдат и ногами вверх втокнули в машину. Воздух прорезал протяжный вопль боли.

Ударами прикладов в грузовики загоняли сестер милосердия, врачей и санитаров. Девушки цеплялись за руки своих палачей, молили о пощаде, хватались за края машины и отталкивались. Одна упала, и англичане стали избивать ее ногами.

Немного дальше, у самого холмика, ведущего к шоссе, стояли восемь домобранских офицеров. Лица их были пепельно серыми, глаза пустыми, оловянными. Казалось, что это живые трупы, что они уже ушли из этого мира, и только их неодушевленные тела подчиняются приказаниям мучителей. Между ними был и известный герой югославской авиации, полковник М-к.

За спинами немцев я тихо подошла к М-ку вплотную и, сдерживая волнение, взяв его осторожно за руку, сказала: — Полковник! Вы меня знаете... Я могу вам помочь бежать. За третьим от угла домом направо по улице стоит наш «Опель». Сейчас сюда никто не смотрит. Идите, не обращая на себя внимания. Садитесь в машину и ждите. Мы вас увезем...

Полковник не обернулся. Краем глаза скользнул по моему лицу. Я почувствовала, как дрогнули мускулы его руки, отвечая на мое пожатие. Едва слышно он ответил:

— Мои солдаты и офицеры уже отправлены на смерть сегодня рано утром. Сейчас грузят раненых, моих храбрых сотратников. Я не оставлю людей. Я виноват... Они хотели разбежаться, а я их отговаривал, веря в гуманность извергов... Передайте всем, кто меня знал, что я спокойно иду на смерть. Я не хочу предателем...

Стоявший невдалеке английский сержант, заметив наш разговор, внезапно заорал, ругаясь самыми скверными словами:

— Вон отсюда, нацистская свинья! Что вы здесь делаете? Хотите, чтобы и вас, немцев, отправили туда, куда мы шлем этих?

Немецкие офицеры быстро отступили, повернулись и почти бегом взбежали на откос шоссе. Полковник повернулся ко мне, перекрестил меня католическим крестом и пошел к грузовику. В этот момент раздался выстрел, второй, затем началась беспорядочная стрельба.

По выгону бежал, вернее, скакал, как загнанный заяц, какими-то зигзагами одноногий инвалид на костылях. Отгалкиваясь от земли своими подпорками, громадными прыжками несчастный стремился укрыться в лесу.

Английские солдаты стали на колени и начали бить его из карабинов. Они хохотали. Они веселились. Очевидно, забавляясь «игрой», они не стреляли в тело, а под ноги калек, поднимая пулями всплески пыли и земли. Тот негодяй, который заорал на меня и полковника М-ка, сорвал с груди автомат и с живота пустил очередь по инвалиду.

Мне рассказывали, как страшно кричат подстрелянные зайцы. Я никогда не была на охоте, чувствуя непреодолимое отвращение к убийству животных из забавы. Но я никогда не забуду крика калеки, падавшего на землю...

Набитые в грузовики люди взревели. Стоявшая невдалеке от меня немка, сестра милосердия, упала в обморок. Впереди и сзади затопали танки. Из последней машины мне махнула бледная рука полковника М-ка...

Стоявшие вдали словенские беженцы, опустив головы, поплелись к своему скарбу. Австрийцы из соседних с полем домов, перешептываясь, юркнули в свои калитки. Поручик Ш. дал мне знак и пошел к машине. Было

опасно оставаться одним на поле с англичанами.

Я пошла, но остановилась и обернулась. На затоптанной ногами земле, у самого леса, среди потухших костров Виктринга, лежало бездыханное тело инвалида и его сломанные костыли...

* * *

Мы зашли к полковнику З., и там немецкие офицеры рассказали нам о совершившейся виктрингской трагедии.

Выдача сербов началась одновременно с выдачей частей генералов Доманова и фон-Паннвица. Русских обманули «конференцией». Югославам сказали, что их отправят в «Пальма Нуову, где их ждет король Петр II».

На заре 28-го мая за ними пришли первые грузовики. Погрузка началась с большим подъемом. Четники штурмом брали места в машинах, желая «первыми попасть к королю». Первые 800 человек, с небольшим «почетным» эскортом англичан, с криками «ура» и «живели» и воинственными антититовскими песнями двинулись навстречу смерти.

Уже по дороге в сердца людей вкралось сомнение. Путь не вел к Толмеццо и на Италию, а к Ферлаху, через Драву, в Югославию. Однако их убедили, что для сокращения пути они под эскортом англичан пересекут маленький кусок Югославии и через село Крушчицу, лежащее на самой границе Италии, отправятся к месту назначения.

Переехав через мост, машины сразу попали в окружение большого отряда партизан, которые спрятались между домами села Ферлах. Тут же началось избиение четников. Несчастные бросались бежать под градом пуль из пулеметов и автоматов. Некоторые добежали до моста, но путь был прегражден английскими солдатами. Они прыгнули в мутную Драву, но их и там настигали разрывные пули. Едва десятку удалось переплыть реку и спрятаться в береговых кустах. Некоторые днями скрывались в заброшенных хуторах, не смея вернуться на Виктринговое поле и предостеречь своих соотечественников.

Немцы имели в тот же вечер от австрийцев точные сведения о происшедшем, т.к. весть о массовом уничтожении четников сейчас же распространилась среди местного населения.

На глазах у жителей Ферлаха трупы четников были брошены в партизанские грузови-

ки и отправлены в глубь страны. Место перед мостом было очищено, и англичанам сообщено, что они могут выслать новые транспорты жертв.

Выдача производилась с точностью часов. С полудня 28 мая, когда отправили первых добровольцев, и до утра 30 мая, когда мы приехали на Виктринговое поле, Тито получил свыше 16 000 солдат, беженцев, женщин и детей. Была оставлена только маленькая группа словенцев-пограничников, владевших именами вблизи Австрии. Они, как нам было сказано, могли хлопотать о том, чтобы стать австрийскими подданными, т.к. их владения, прежде захватывавшие и эту сторону границы, были у них отняты нацистской властью.

* * *

Три года спустя, в одном из лагерей Ди-Пи в Шпиттале, я встретила с одним из страстотерпцев, Станком П., выданным с Виктринга, расстрелянным партизанами, но чудом пережившим этот ужас и свои ранения и также чудом вернувшимся в Австрию, где он нашел жену и в его присутствии родившуюся дочь.

По его словам, четникам можно было позавидовать. У них была «легкая» смерть. Остальные жертвы были доставлены в Любляну. Там их больше месяца держали на солнцепеке, под открытым небом, почти без воды и пищи, в огороженном колючей проволокой парке Тиволи. Многие там поумирали от жажды и жары. Ежедневно титовские чекисты выводили из парка специальные жертвы, которые больше никогда не возвращались. Они исчезали бесследно. Там, в Любляне, был казнен через повешение вождь словенцев, генерал Лев Рупник, выданный с такой же дьявольской хитростью и подлостью капитаном Дэвисом, как были захвачены и выданы русские генералы. Рядом с ним был повешен и немецкий комендант провинции Любляны в дни войны и после капитуляции Италии, генерал Эрвин Резенер.

Когда все более или менее крупные личности были выужены и ликвидированы, тысяч пятнадцать добровольцев, домобранцев и словенских четников, вместе с присоединенными к ним черногорскими четниками, которые не успели выйти из Югославии в дни отступления и попали в руки партизан, были снова погружены в грузовики и, как было сообщено в официальном коммюнике, объявленном в люблянских и других югославских газетах, отправле-

ны в «концентрационно-исправительный лагерь». На самом же деле их отвезли в провинцию Кочевье и там, на краю знаменитой, почти бездонной Кочевской пропасти, было совершено массовое убийство. Погибло свыше 16 тысяч человек, среди которых были не только бойцы, сражавшиеся против коммунистов, но и старики, тяжелые инвалиды, женщины и дети. Там погиб и ушедший от нас к сербам наш фельдфебель, знаменитый резчик иконостасов Пукалов, с женой и дочерью.

Все подходы к Кочевской пропасти (Кочевска Клисура) были закрыты рогатками, постами и непрерывно циркулировавшими патрулями. Предварительно местным жителям было сообщено, что в районе пропасти будет произведено уничтожение дефектной аммуниции, оставленной немцами, и что всякое приближение связано с опасностью для жизни.

Мучеников привозили на машинах, строили цепью на самом краю пропасти и большими партиями расстреливали из пулеметов. Свыше шестнадцати тысяч людей были в ударном порядке расстреляны в течение всего двух дней.

Станко П., рассказавший об этом страшном преступлении коммунистов не только мне, но давший официальные зарегистрированные показания, попал в одну из последних партий. Партизаны, утомленные бойней, стреляли небрежно. Он был ранен в обе ноги, без повреждения костей, и, падая вниз, сначала задержался на небольшом выступе, а затем скатился на толщу трупов. Очнувшись только ночью, он с трудом понял, где он находится. Было трудно поверить, что он еще жив. Стоял удушливый смрад быстро из-за жары разлагавшихся тру-

пов. Раздавались душераздирающие стоны других, недобитых. Его мучила жажда, лихорадка и страшная боль в ранах. Не зная куда, он полз, увязая среди трупов. Впадал в беспамятство, опять приходил в себя. Наконец, на рассвете добрался до неглубокой пещеры на дне ущелья и забрался в нее.

В пещере сочилась почвенная вода. Он лизал языком влажные камни, хоть немного утлая этим мучительную жажду. Сняв с себя рубашку и нижнее белье, с трудом перевязал раны и остановил кровотечение. Без пищи, совершенно изможденный, задыхающийся от трупного запаха, он провел в пещере три дня. В ночь на четвертый, он наощупь пополз вперед, заранее рассмотрев местность, и к рассвету добрался до западного выхода из ущелья. Это было его счастьем. К полудню приехал целый караван грузовиков, доверху нагруженных «танковым кулаками» — базаками, аэропланными бомбами небольшого калибра и аммуницией для минометов. Весь груз сброшен в пропасть на трупы, и затем был произведен взрыв, потрясший все ущелье и вызвавший хаотический обвал скал и камней.

Часть распознанных раненых была уничтожена вместе с трупами. Уцелело только несколько человек, выбравшихся раньше, среди них и Станко П. Он дополз до первых крестьянских домов, был подобран кочевскими «фольсдойчерами», спрятан и вылечен. Они же помогли ему перейти границу в Австрию.

Недавно мне говорили, что, с медицинской точки зрения, никто не может сразу поседеть от страха и переживаний. Голова 24-летнего Станка была бела, как снег...»

Из книги:

Кузнецов Б.М. «В угоду Сталину. 1945—1946» (Нью-Йорк, 1958)

События в Дахау

*Записано священником
о.Сергием со слов офицера,
пережившего эти события.*

В начале января 1946 г. из Бад-Айблинга в Дахау прибыла рабочая группа капитана Протодьяконова в количестве 164 чел. В роте

было до 25 офицеров, остальные солдаты. Все — твердо решившие не возвращаться на родину, т.е. в Советскую Россию.

До прибытия этой группы в Дахау находилось около 25 русских военнопленных, большей частью старых эмигрантов. После прибытия еще 71 человек — остаток роты кап. Протодяконова.

Рота кап. Протодяконова представляла собою крепко сплоченную, дисциплинированную часть, твердо верившую обещаниям американцев не быть выданными Советам, а по прибытии в Дахау, быть скоро отпущенными. Под руководством поручика Шереметьева, всеми любимого и уважаемого, в лагере велась культурно-просветительная работа: читались лекции, изучались иностранные языки, преуспевал струнный оркестр и издавался литературный журнал «Русская Мысль».

В десятых числах января в лагерь прибыл советский майор Прохоров. Он беседовал с ротой, стараясь уговорить добровольно вернуться на родину. Все твердо заявили ему о своем желании возвращаться в Советский Союз.

17-го января между 2—3 часами в лагерь прибыли советские офицеры. Американцы приказали всем русским роты Протодяконова выстроиться с вещами. Предчувствуя недоброе, рота выстроилась без вещей. На построение вышли также и люди, примкнувшие к роте уже в Дахау. Через 10 минут было объявлено, что отправке подлежат люди исключительно роты Протодяконова (большинство — бывшие советские подданные). Из рядов все же никто не вышел. Наоборот, в шеренги включились, из солидарности к отправляемым, офицеры других групп. Вышедших на построение окружили вооруженные поляки и американцы. Американский офицер с револьвером в руке требовал добровольного согласия на отправку на родину. Все военнопленные заявили: «Лучше расстреляйте здесь на месте, но согласия не вывоз не дадим, к Советам не поедем». Вся эта процедура продолжалась около трех часов. Наступали сумерки, людей отпустили в бараки. Помещение роты окружили вооруженные американцы. Рота объявила голодовку. Чувствуя, что настала решительная минута в их жизни, люди поставили в одном помещении стол, накрыли его белой скатертью, водрузили на стол крест, обвитый черным и поставили вокруг иконы. Весь день и всю ночь люди подходили к столу и молились. Пели церковные песнопения, возлагая свои последние надежды на Бога. Некоторые офицеры и солдаты поклялись, в случае насильственной отправки, покончить с

собой, чтобы своею кровью доказать правоту своего дела и приостановить дальнейшую насильственную отpravку.

Настало воскресенье 19-го января — Кровавое Крещение.

Утром этого дня прибыли в лагерь сильно вооруженные части Мюнхенской военной полиции. Они плотным кольцом окружили помещение роты. Всякое движение в лагере было запрещено, даже нельзя было подходить к окнам. Американцы начали врваться в помещение роты и вытаскивать несчастных. Большинство людей сняло с себя, оставшись в нижнем белье. Американцы по одиночке вытаскивали людей из бараков, а потом, подгоняемые 3—4 американскими солдатами к воротам лагеря, где люди впахивались в вагоны. Солдаты и офицеры оказывали только пассивное сопротивление: упирались, ложились на пол, но ни один не поднял руки на американцев.

Давшие клятву пожертвовать своею жизнью, начали приводить ее в исполнение. Появились носилки с первыми ранеными, их также несли в вагоны. Когда американцы дошли до последнего помещения, где забаррикадировалась группа русских, то нашли помещение залитое кровью: валялись люди с перерезанными венами, горлом, животами и висели повесившиеся. За столом с крестом и иконами стояла группа людей и под руководством полковника Белова пела церковные песнопения. Американцы, поставив автоматы на стол, направили их на несчастных и потребовали выхода. Никто не шевельнулся. Американцы не выдержали сцены и вышли. Переговорив на дворе о чем-то с советскими офицерами, они разбили окна и пустили в помещение слезоточивый газ. Перед этим они послали в помещение переводчика поручика графа Шереметьева, который, по приказанию американцев, со слезами на глазах сказал: «Все кончено, сопротивление бесполезно!» Но люди отказались добровольно выйти из помещения. Сваленные газом, они начали перерезать себе вены, горло и животы, помогая друг другу. Американцы волокли русских, обливавшихся кровью, к вагонам и беспощадно били палками. Один из них, выхватив горящую головню из костра, разведенного тут же, начал ею подгонять несчастных. Одного раненого несли на носилках. Он, сорвав с себя перевязки, перерезанным горлом хрипел, стараясь выкрикнуть что-то о демократии. Аме-

риканцы заставили его замолчать ударами прикладов.

Всего жертв было:	Погибших	14
	При смерти	21
	Раненых около	100

Всех несчастных кинули в вагоны с решетками, где в центре находилось по 4 американца с автоматами, и через Мюнхен, Регенбург и Хоф отправили в советскую зону на станцию Шенбург. Здесь поезд был встречен сильным нарядом советских солдат. Всю бывшую роту Протодьяконова куда-то отвели. Назад вернулись лишь 13 человек, которым по дороге удалось доказать американскому и польскому офицерам, что они старые эмигранты.

Среди возвращенных было 5 человек, а шестой был оставлен в советском лазарете, так как до прибытия в Шенбург принял яд. Из ста-

рых эмигрантов попали к Советам: полковник Вас. Колесников, полковник Вадим Белов, капитан Иван Малышев, шт. кап. Ник. Попенко, инженер Леон Багинский, поручик граф Ник. Щереметьев и солдаты Г. Попруженко и Никита Крейтон.

19-го января все русские, оставшиеся в Дахау, были перевезены в тюрьму, где пробыли несколько дней в самом строжайшем заключении, не зная за что. После этого у них были отобраны все вещи и они полуголые были перевезены в лагерь Платтлинг.

23-го января все их вещи были вечером разграблены вершувшимися с работ военнопленными немцами и венграми и проданы на толкучке. Кто-то залихватски играл на гармонике одного из несчастных.

Гибель музыкантской команды

(К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне)

Минуло полвека с тех пор, как отгремели салюты Победы, а боль утрат не дает успокоения родным и близким погибших воинов. В ведомственные архивы продолжают поступать запросы о захоронениях, о пропавших без вести, о прошедших через фашистские лагеря...

В 1940 г. в Красную Армию была призвана группа студентов Одесской государственной консерватории. Молодых музыкантов направили в Вологду для обучения и несения мирной строевой службы. Здесь их и застала война. Волею судеб с первых дней войны музыкантский взвод оказался на передовой, на Ленинградском фронте и почти весь погиб, защищая наш город. Обелиск в селе Мараморочка Псковской области — один из тысяч, разбросанных по всей России, немой свидетель их подвига.

Среди воинов-музыкантов находился студент II курса Консерватории по классу скрипки Георгий Михайлович Карев (1919 г.р.), о нем и идет речь в публикуемом письме. Письмо адресовано А.М.Кареву, брату студента, продолжающему и ныне поиски свидетелей гибели музыкантской команды и могилы Георгия.

Т.М.Китанина

Уважаемый Александр Михайлович!

С большим волнением прочитал Ваше письмо, ибо наше поколение, пронесшее на своих плечах все тяготы войны, не может говорить о ней без содрогания, раны нанесенные ею, никогда не заживают.

Вашего брата Жору, как мы все его звали, я знал очень хорошо.

В декабре 1939 года нас вместе призвали в Красную Армию. Ехали мы в одной теплушке от Одессы до Архангельска, и было нас 48 человек — музыкантов из Одессы, студентов муз. училища и консерватории. Многих я помню, фамилии других позабыл.

Из одесситов помню скрипача Клеандера Фиму, виолончелиста Байштাকা Шикю, скрипача Ганина Сергея (из Днепропетровска), виолончелиста Борибойма Семена (из Херсона), трубача Ольховика Василия (из Херсона), трубача Пиль Глеба (из станции Цымлянкой), флейтиста Льякова Виктора (из Самары), гобониста Якова Подоляна (из Рыбницы), вио-

лончелиста Мунтяна (из Тирасполя), дирижера-хоровика Добродеева Ивана из Одессы и многих других, да хорошо помню Павла Рогозу (ударника) — с ним мы прошли вместе всю войну.

Так вот в Архангельске нас поразбросали по разным подразделениям, даже и по разным частям. Но вот вышеперечисленные и Жора были вместе. Из Архангельска нас перевели в Вологду в 399 стрелковый полк 111 дивизии. Служили мы там в муз. взводе. У нас кроме духового оркестра был очень хороший джаз (по тем временам просто “шик”). Жора в духовом играл на альте, а в джазе на скрипке, гитаре и пел. Вы наверное знаете, что у него был тенор, но очень приятный голос. Пел он очень музыкально, проникновенно.

После Вологды дивизию перевели в Кушубу (это между Вологдой и Череповцом). Оттуда в июне 41-го мы выехали на войну. Первый настоящий бой дивизия приняла у города Остров, что на реке Великая. Бои там были кро-

вопролитные, дивизия сдерживала натиск 7 оборонных немецких дивизий. Потом отступление с боями Краснопудово—Псков. И все это время музыкальный взвод в боях непосредственно не участвовал. Мы несли комендантскую службу. Охраняли штаб дивизии, посылали нас связными в полки, а вот после сдачи Пскова, это в начале июля числа 8-го или 10-го, дивизия начала срочно отходить на Лужский оборонительный рубеж, а нас, музыкантов, поваров и все нестроевые службы оставили в прикрытии, уже мы сдерживали натиск немецких частей. В одном из тяжелых боев в деревне Мараморка* (это на Псковщине) силы были неравные, погибли почти все наши друзья-музыканты. Погиб там и наш командир дивизии. Об этом бое написано в газете «Правда» от 16 февраля 1972 года № 47 (19555) «И поднялся обелиск славы».

Сутки после боя мы с П.Рогозой и лейтенантом Олейниковым крутились в лесу около деревни в надежде кого-то встретить, а после ухода немцев похоронить убитых, забрать раненых. Но немцы обосновались в деревне основательно, вся она была забита танками, машинами. Убедившись в бесполезности ожиданий, встретив в лесу Жору, Ольховика Вас., Пономарева Ивана и еще пятерых (я их не знал), мы начали пробиваться к линии фронта, а она быстро двигалась в сторону Ленинграда. Дней 17 мы шли по немецким тылам голодные, холодные, но с верой, что пробьемся к своим. Прорвались через линию фронта у станции Уторгош (провел нас через болота один старичок из селения Сольцы). В одной из деревень (не оккупированной) мы оставили раненого в ногу Ольховика Вас. У него началась гангрена. После выхода к своим — пересыльный пункт, затем бои в составе 128 стрелковой дивизии за г. Шимск на реке Шелоне. Оставление г. Новгорода, бои на реке Мста за Новгород. Пересыльный пункт Северо-Западного фронта в г. Валдай, откуда нас четырех — меня, Рогозу П., Жору и Пономарева Ив. направили на Ленинградский фронт, где по предположению сражалась наша дивизия, по Октябрьской жд.

Мы в Ленинград не попали, т.к. ст. Чудово была занята немцами, мы кружным путем через Кириши, Мгу 26 августа попали в Ленинград. Где-то дня через два Мга была занята немцами и началась блокада Ленинграда.

В Ленинграде — сначала пересыльный пункт на Фонтанке, а оттуда — на пересыльный пункт на Выборгской стороне — Карла Маркса, 25. ПРБ 36 стр. бригады. Время в Ленинграде было очень тяжелое. На пересылке прямо формировали подразделения и на трамвае отправляли на фронт. Вот тут в начале сентября, числа 5—7-го, и разошлись наши пути. Мы с Рогозой П. попали в одно подразделение, а Жора с Пономаревым в другое. Их рота ехала не трамваем, а говорили, мне помнится, [пропущено слово. — прим. ред.], так обычно отправляли в район Невской Дубровки. Вот это все, что я знаю.

После войны я заканчивал консерваторию и работал в Одесском оперном театре с июня 1946 г. по август 1952 г. Много писал, спрашивался о судьбе своих фронтовых друзей. Вы знаете, Александр Михайлович, мы знаем музыкантов работающих и за пределами Украины. Почти ни о ком из 48 человек, уезжавших в декабре 1939 года, узнать не удалось. Жив Павел Рогоза, с ним мы прошли всю войну вместе, бывало разлучались, а затем снова встречались. Живет он в г.Киеве—140, ул. Андрея Малышка, дом 35, кв.96. Рогоза Павел Иванович, тел. 53-02-89, работает в оркестре Украинского радио и телевидения. Но вряд ли он добавит что-то еще. Слышал, что живет на Херсонщине Ольховик Вас. Ему ампутировали ногу. Но с Жорой мы с Рогозой П. расстались позже, чем с Ольховиком. Я думаю, что может следует обратиться в архив Ленинградского фронта.

В прошлом году я ездил в Мараморку, поклонился могиле и памятнику, под которым лежат мои друзья — фронтовые музыканты. Это очень трогательно. Извините, если письмо получилось несвязным.

Пишите, с уважением А.Егоров.

* Правильно — Мараморочка. — Т.К.

Неизвестные документы

По следам публикаций журнала «Новый Часовой»

В. Степаков

Еще раз об инциденте в Майниле 26 ноября 1939 г.

Не ищите название этого населенного пункта на современных картах Карельского перешейка. В настоящее время деревни Майнилы на 51-м километре Выборгского шоссе не существует. А между тем исторические события, связанные с этим местом, остаются одной из неразрешенных загадок XX в.

Известно, что 26 ноября 1939 г. в районе Майнилы произошел пограничный инцидент между СССР и Финляндией. По сообщению штаба ЛВО в этот день советские войска, «расположенные в километре северо-западнее Майнилы», подверглись артиллерийскому обстрелу с финской территории¹. В результате этого было убито «три красноармейца и один младший командир, ранены 7 красноармейцев, один младший командир и один младший лейтенант»². Как следствие, через четыре дня Красная Армия перешла границу Финляндии, дабы «проучить зарвавшихся и обнаглевших политических картежников», а также «в корне уничтожить очаги антисоветских провокаций и угрозу Ленинграду»³.

Выстрелы в Майниле можно считать отправной точкой советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Но, как повелось в истории многих войн, именно повод обычно и становится самым темным и запутанным моментом последующих событий. В этом вопросе финская война не стала исключением. Итак: кто стрелял?

До недавнего времени «Майниловская история» выглядела достаточно ясно — оголтелая финская военщина совершила наглую провокацию и получила достойный ответ⁴. Одна-

ко, в свете новейших исследований финской войны, появилось несколько иных версий относительно произошедшего инцидента. Одна из версий рассматривает выстрелы в Майниле как давление на Хельсинки в споре о территориях, своеобразное последнее предупреждение финнам со стороны Кремля⁵. Другая версия отличается от первой лишь тем, что считает инцидент провокацией органов НКВД с целью найти весомый повод к войне⁶.

Многочисленные факты политической подоплеку войны, осенних советско-финляндских переговоров, подготовки военных действий, а также свидетельские показания финской стороны, красноречиво указывают на то, что доказательная база версий имеет под собой реальную основу. И тем не менее вопрос — кто стрелял? — до сих пор остается открытым.

История как наука не отличается математической точностью. О многих событиях прошлого нам, к сожалению, приходится лишь догадываться либо строить предположения и версии. Нередко даже единодушное мнение авторитетных специалистов в области истории по тому или иному вопросу еще не означает истины в последней инстанции. Так, собственно, и произошло с выстрелами в Майниле, т.е. мы имеем логическое сопоставление отдельных фактов, показания очевидцев одной из сторон, но не имеем главного, без чего любая версия событий не более, чем догадка, а именно: документального подтверждения, неопровержимо доказывающего прямую причастность советской стороны к артиллерийскому обстрелу

в ноябре 1939 г. Во всяком случае подобных документов не обнаружено ни в отечественных, ни в зарубежных архивах. Сумеют ли исследователи советско-финляндской войны отыскать документы — это, наверное, дело времени. Но пока что ключевой момент этой войны — инцидент в Майниле — загадка истории.

Поэтому не стану навязывать читателю собственного мнения относительно инцидента, а предлагаю ознакомиться с рядом воспоминаний непосредственных участников событий, так или иначе связанных с произошедшим на советско-финляндской границе в ноябре 1939 г.⁷

Из воспоминаний Румянцева В.М.

(мл. лейтенант, 6-й отдел штаба 19-го стрелкового корпуса):

“Где-то в августе или сентябре 1939 г. наши войска вышли на исходные позиции, естественно, соблюдая максимум маскировки. Примерно в конце октября или начале ноября появился штаб 7-й армии, и в это же время прибыло еще несколько стрелковых, танковых и артиллерийских частей и соединений. <...> Одним словом шла целенаправленная и ускоренная подготовка к войне. А сообщение по радио, а потом и в газетах, о том что в районе Майнилы финны произвели провокационный артиллерийский налет у нас в штабе восприняли молчаливой улыбкой. Местечко Майнила находилось в полосе нашего корпуса, а мы узнали о таком важном ЧП через центральные средства информации! Конечно, никто это сообщение не обсуждал, ибо это было бы небезопасно для обсуждающих. Было ясно, что так надо для объявления войны”.

Из воспоминаний Юрченко Я.И.

(Красноармеец, 5-й пограничный полк Ленинградского пограничного округа):

“О Майниле могу сказать следующее. Молотов только 29.11, а правительство 30.11 дали распоряжение армии быть готовой ко всем неожиданностям и скомандовали начать войну. Тогда что же было 26.11 — инцидент или баблство? На границе маленькие моменты делают много шума. Например, на новой границе, уже после войны, корова с бычком из Финляндии перешла через границу к нам в СССР. Сколько было шума! Комиссии, протокол. Или у одного пограничника порвались тесемочные

крепления, лыжа сорвалась и уехала за границу, так с двух сторон командиры, комиссии — передавали нашим доску-лыжину с лохмотьями. А тут стреляли из орудий, а мы услышали только на 4-й день!”

Из воспоминаний Гуркова С.А.

(ст. лейтенант, командир отдельной пограничной роты 7-й армии):

“В отношении 26 ноября мне стало известно от сотрудника пограничного округа тов. Кувшинова (однокурсника по погран. училищу), который прибыл по служебным делам в штаб армии и по пути зашел ко мне как к однокашнику. Во время ужина в моем служебном кабинете в присутствии зам. по политработе Степанова и нач. штаба Зарубина был активный разговор о войне с Финляндией. Кувшинов заявил, что Майниловская застава не подвергалась обстрелу и никаких провокаций со стороны финнов не было. Видимо информация Кувшинова каким-то образом стала известна в высшем эшелоне, потому что я его больше встречал, хотя по служебным делам часто приходилось бывать в штабе пограничного округа. После финской войны бывший начальник Майниловской заставы Паничкин (погиб в первые дни Отечественной войны) будучи нач. штаба 2-й комендатуры 102-го погранотряда, часто встречался со мной (я в то время был нач. штаба 3-й комендатуры) и кроме служебных вопросов, разговор шел и о личном. Из разговоров с ним мне удалось выяснить, что он никакого участия в боевых действиях не принимал, но был награжден орденом Ленина. Я его спрашивал: “Действительно ли 26-го числа был обстрел твоей заставы?” Но получал уклончивые ответы. Видимо его награждение каким-то образом было связано с событиями 26 ноября 1939 г.”

Из воспоминаний Лященко Д.Т.

(красноармеец, 68-й стрелковый полк, 70-я стрелковая дивизия):

“По трассе Ленинград-Выборг приехало 13 легковых автомобилей. В одной из машин находился Нарком Обороны К.Е.Ворошилов. Он встречался с командирами и красноармейцами, спрашивал, как настроение, самочувствие. После чего был дан приказ вытащить на огневую позицию орудие, а мы, связисты те-

лефонно-кабельной линии, Шаварский Василь Давидович, Гулько Анатолий, Мальник, Титаренко и я, получили приказ протянуть телефонную линию до наблюдательного пункта. Сделали три орудийных выстрела по нашей территории по безлюдному месту. По чьей команде, кто производил стрельбу, какими снарядами боевыми или холостыми, я не знаю. Закончив эту операцию, мы получили приказ командира взвода снять телефон, смотать кабельную линию и возвращаться в расположение подразделения связи. После по радио было передано, что якобы финские пограничные войска обстреляли наши и что среди наших войск имеются убитые и раненые”.

Из воспоминаний Овчинникова М.А.

(лейтенант, отдельный зенитный артиллерийский дивизион 50-го стрелкового корпуса 7-й армии):

“Дивизион (номер я не помню, но во время войны дивизион входил в состав 50-го стрелкового корпуса 7-й армии) формировался в поселке Ольгино. Командир дивизиона — капитан Вантуринов, заместитель по политчасти — политрук Волков. Командирский состав комплектовался полковой школой 115-го зенитного артиллерийского полка со станции Горская. Рядовой состав дивизиона составили рабочие ленинградских заводов. <...> В середине ноября дивизион в составе трех батарей

76-мм орудий занял боевой порядок в районе Майнилы. <...> В Майниле стоял расчет нашего НКП (наблюдательно-корректировочный пункт) батареи. В его задачу входило наблюдение за воздушным противником, корректировка огня и доклад обо всем замеченном на батарее. Не трудно представить, какие могли бы быть последствия для командира батареи, если бы донесение с НКП об обстреле Майнилы не было немедленно доложено на КП дивизиона. Но никаких докладов об артиллерийском обстреле на мою батарею не поступало. Из рассказа солдат, находившихся на НКП, в этот день при проведении занятий по метанию ручных гранат произошло ЧП и было ранено несколько красноармейцев. После сообщения ТАСС солдат убедили, что их рассказ является выдумкой и что в этот день фактически был артиллерийский налет с финской территории”.

Таковы воспоминания ветеранов советско-финляндской войны. Естественно, что эти воспоминания не претендуют на истину, а могут лишь служить косвенным подтверждением какой-либо из версий. Однако воспоминания поднимают и несколько совершенно новых вопросов: были ли вообще 26 ноября жертвы среди военнослужащих Красной Армии? Равно как и то, что не стал ли так называемый артиллерийский обстрел всего-навсего банальным ЧП на учениях, которым одна из сторон не преминула воспользоваться в своих целях?

Примечания

¹ Правда. 1939. 27 ноября.

² Там же.

³ Красная Армия в боях за социалистическую родину. М., 1941. С.26.

⁴ См.: История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988. С.127.

⁵ Труд. 1989. № 273.

⁶ Забытая война (50 лет советско-финской войне 1939—1940 гг.): Военно-исторические чтения в Доме ученых им. А.И.Горького 20 ноября 1989 г. Магнитофонная запись.

⁷ Воспоминания ветеранов советско-финляндской войны записаны в 1989—1992 гг. и находятся в архиве автора.

Неожиданный ракурс

Имя барона Петра Николаевича Врангеля не нуждается в комментариях. Биографы с почти исчерпывающей полнотой исследовали его научную и военно-политическую карьеру. Нам представляется небезынтересным познакомить читателя с еще одной, во многом неожиданной, чертой его натуры. Оказывается, Петр Николаевич не был чужд и поэтическому творчеству. Во всяком случае его перу принадлежат публикуемые слова полковой песни.

В изданных в Петербурге нотах, к сожалению, отсутствует дата выпуска. Вместе с тем имеется возможность установить предположительное время появления настоящего текста (автор музыки — А. В. Ружек). В штаб-ротмистры П. Н. Врангель был произведен 6 декабря 1909 г., а в Л. Гв. Конный полк прибыл в мае 1912 г. 11 августа 1913 г. он был произведен уже в ротмистры. Таким образом слова полковой песни скорее всего появились в период с мая 1912 г. по август 1913 г.

«Один за всех и все за одного» (полковая песня)

Слова штаб-ротмистра барона П.Н.Врангеля

Один за всех, не оглядась,
И все за одного тотчас —
Заветы таковы полка.
В них полк живет уже века,
И в дни тяжелые невзгод
Пусть каждый, как один, встает
И мчится вмиг во весь опор
К штандарту по сигналу “сбор!”
Конногвардейцы, ко мне!
Быстро несись на коне,
Коли живей, руби сильней,
Врага рази...

} ХОР

Присягу верности храня,
В дни смут полк не слезал с коня,
Всегда готовый день и ночь
Царю и родине помочь.
В молчаньи грозном, как гроза,
Крамоле полк смотрел в глаза,
Готовый ринуться вперед,
Лишь час желанный подойдет.
Конногвардейцы, ко мне!
Быстро несись на коне,
Коли живей, руби сильней,
Врага рази...

} ХОР

В огонь не раз наш полк ходил:
Он шведа под Полтавой бил,
В историю целый ряд страниц
Полк записал: Аустерлиц,
И Фридланд, и Бородино
Известны каждому давно,
И на полях жестоких сеч
Не раз пришлось костями нам лечь...
Конногвардейцы, ко мне!
Быстро несись на коне,
Коли живей, руби сильней,
Врага рази...

} ХОР

“Один за всех”, не оглядась,
И “все за одного” тотчас —
Заветы таковы полка,
В них полк живет уже века,
И мощный славой боевой
И дружбой крепкой, вековой,
Полк ожидает новых сеч,
Чтоб за Царя и Русь полечь!
Конногвардейцы, ко мне!
Быстро несись на коне,
Коли живей, руби сильней,
Врага рази...

} ХОР

Публикация В.Л.Резниковского

Герой Кавказа (Григорий Иванович Глазенап)

Имя Григория Ивановича Глазенапа относится к числу основательно забытых советскими историками. В подтверждение этому достаточно привести один факт. В 1930-е гг.* в на-

* Первое издание Лависса и Рамбо на русском языке появилось в 1910-е гг.—*Ред.*

*Стой! Шабаш. Языци сдались,
Каждый стал России раб —
Посмотри, как запыталась
Бутенюп и Глазенап.*

К.Прутков «Военные афоризмы»

Григорий Иванович Глазенап был из тех людей, которые, не вызывая ни шума, ни говора о себе, представляют тем не менее серьезных и полезных деятелей.

В.Потто «История 44-го драгунского Нижегородского полка»

шей стране был опубликован переведенный на русский язык капитальный труд французских историков Э.Лависса и А.Рамбо «История XIX века». При этом в главе, посвященной событиям на Кавказе, фамилия «Глазенап» оказалась искаженной до неузнаваемости и превратилась в «Глазенов». Промах авторов объясним: вероятно они полагали, что фамилия российского генерала непременно должна оканчиваться на «-ов». Однако вопиющей ошибки не заметил и редактировавший издание Е.В.Тарле, видный специалист в области военной истории.

Причин подобного забвения по меньшей мере две. Во-первых, наиболее выдающиеся дела генерал-лейтенанта Г.И.Глазенапа были совершены в ходе Кавказской войны, о героях которой до недавнего времени вообще писали мало, полагая, видимо, что похвалы им могут повредить добрым отношениям с народами Кавказа. Вторая причина заключается, как ни странно, в многочисленности рода Глазенапов

и особенно его представителей в армии. Последнее обстоятельство сделало эту фамилию своего рода символом офицера — остзейца, а под острым пером Козьмы Пруткова Глазенап (как впрочем и ни в чем не повинный Бутенеп) стал к тому же олицетворением солдафонства. Вместе с тем известный русский историк В.Потто называл Г.И.Глазенапа “одним из лучших военачальников, участвовавших в покорении Кавказа”, а современники отзывались о нем, как о смелом, энергичном, несомненно талантливом полководце.

Григорий Иванович Глазенап родился в Лифляндии в 1750 г. По достижении 14 лет, согласно семейным традициям, был направлен на военную службу и зачислен в 3-й Гренадерский полк, где в течение 6 лет пребывал в нижних чинах, а затем был произведен в прапорщики. Вскоре после этого юный офицер перешел в Симбирский мушкетерский полк, в составе которого и получил боевое крещение во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Особенно отличился Г.И.Глазенап в сражениях у Рябой Могилы, на реках Ларга и Кагул, когда русские войска под командованием П.А.Румянцева наголову разгромили противника. В 1773 г. в награду за проявленное мужество Г.И.Глазенап получил чин подпоручика и был переведен в Лейб-гвардии кирасирский полк, считавшийся привилегированным.

С началом в 1787 г. новой русско-турецкой войны он возглавил в армии Г.А.Потемкина самостоятельный отряд легких войск, который сыграл видную роль при охране переправ через реку Прут летом 1789 г. Кроме того благодаря его смелым действиям из турецкого плена были освобождены 1127 семейств русских крестьян. Впоследствии Г.И.Глазенап участвовал в боях при Цыганке, Санге, Салкуце и в штурме Измаила. Его заслуги неоднократно отмечались в реляциях Г.А.Потемкина и И.И.Михельсона. Однако по службе Григорий Иванович продвигался медленно. К 1792 г. он достиг всего лишь чины подполковника. Причиной этого, по мнению некоторых биографов (В.Потто, А.Ельницкий), было недоброжелательное отношение генерал-аншефа И.В.Гудовича. Последний, судя по мемуарам современников, вообще являлся весьма неуживчивым и завистливым человеком. На его интриги, например, неоднократно жаловался в своих письмах А.В.Суворов, а Г.Р.Державин решительно заявлял, что “господин Гудович, чело-

век весьма слабый или попросту сказать дурак набитый барской пышностью”.

Так или иначе перемены в судьбе Г.И.Глазенапа наступили лишь со смертью императрицы Екатерины II и восшествием на престол Павла I, который не только питал неприязнь к фаворитам своей матери, но и старался вознаграждать людей, несправедливо забытых, по его мнению, в предыдущее царствование. В июле 1798 г. Глазенап был произведен в полковники, а спустя всего три месяца в генерал-майоры, одновременно ему было поручено сформировать в Харькове драгунский полк своего имени. Однако вскоре взбалмошный император переменял свое решение и приказал вновь созданный полк упразднить, а самого Глазенапа уволить в отставку в чине генерал-лейтенанта.

Лишь с воцарением Александра I Григорий Иванович смог вернуться на службу. В 1801 г. он был назначен шефом Нижегородского драгунского полка, а в 1803 г. — начальником Кавказской линии и инспектором всей кавалерии на Кавказе, где в то время сложилась очень непростая обстановка. В.Потто в связи с этим пишет: “С присоединением Грузии к России и с перемещением центра тяжести кавказской политики в Тифлис независимые горные племена оказались окруженными со всех сторон русскими владениями... Племена горцев заволновались. Даже кабардинцы, столь долго жившие в мирных отношениях с Россией, подняли знамя восстания”. К сказанному следует добавить, что недовольство горцев постоянно подогревалось агентами Персии, правительство которой было напугано активностью русских в Закавказье. В создавшейся ситуации Г.И.Глазенап решил действовать быстро и жестко. В одной из своих реляций он писал: “На азиатцев человеколюбие и амнистия не производят ничего доброго: они принимают это за знак слабости и трусость”.

В апреле 1804 г. Глазенап сформировал на реке Малке сильный отряд из восьми батальонов пехоты, четырех драгунских полков и 24 орудий и вторгся с ним в Кабарду. Не встретя сопротивления, он дошел до Баксанского ущелья и, встав там лагерем, отправил прокламацию «К кабардинскому народу». В этом послании русский военачальник требовал от кабардинцев дать клятву никогда не нападать более на русские владения. 9 мая полторы тысячи горцев неожиданно появились у русского

стана и попытались захватить его. Глазенап выслал навстречу нападавшим отряд казаков. “Боевое поле, — вспоминает один из очевидцев сражения, — превратилось в арену, на которой состязались лучшие в мире наездники: линейные казаки и кабардинцы. С обеих сторон скоро появились убитые и раненые”. В ходе ожесточенной схватки горцы начали теснить казаков. В это время внимательно следивший за развитием событий Глазенап двинул свой резерв — 16 эскадронов драгун. Его расчет был совершенно верен: утомленные боем кабардинцы не могли выдержать такого натиска и неминуемо были бы разбиты. Но тут произошло непредвиденное. Драгун возглавил генерал-майор Лецино, до этого никогда не участвовавший в боях с горцами. Вместо стремительной атаки он, выведя все 16 эскадронов в поле, начал строить их в каре, напомилавшее, по словам очевидца, “о давно забытых временах Миниха”. Каре моментально оказалось окружено “густыми толпами кабардинцев”, а казаков отгесняли все дальше и дальше от лагеря. Несмотря на критическое положение Г.И.Глазенап не растерялся. По его приказу из лагеря вышли егеря, метким огнем заставившие кабардинцев отступить.

На следующий день русский отряд оставил лагерь и двинулся в глубь неприятельской территории. “Кабардинцы, — пишет В.Потто, — нигде не показывались, и только плывавшие аулы красноречиво говорили о принятом ими твердом решении не покоряться”. 13 мая отряд Глазенапа форсировал реку Чегем, а 5 дней спустя столкнулся с 11-тысячным “скопищем” горцев, засевших на “гребне крутых и лесистых гор”. Произошло ожесточенное сражение, в ходе которого Г.И.Глазенап умело организовал несколько атак во фланг и тыл противника и заставил его отступить. 19 мая к русскому командованию явились кабардинские “уздени” с просьбой о прощении и изъявлении полной покорности. После этого Глазенап форсированным маршем вернулся на р. Боксан.

В июне-июле 1804 г. Г.И.Глазенап был вынужден совершить несколько походов против “упорствующих в недоброжелательстве горцев”. В этих сражениях Григорий Иванович разработал особую, единственно эффективную в условиях Кавказа тактику. Он отказался от крупных и малоподвижных отрядов, отдавая предпочтение небольшим по численности, но

состоящим “из искусных стрелков, наездников и самой легкой артиллерии, по узким горным тропам легко провозимой”. Подчеркивая в своих приказах, что борьба с “азиатцами” требует “недреманности”, Глазенап развернул широкую сеть осведомителей и шпионов, предупреждавших его о возможных выступлениях горцев. На каждое нападение он отвечал немедленным ударом, причем старался не только разгромить вражеский отряд, но и разрушить его родной аул, наглядно продемонстрировав этим свою решимость вести борьбу до конца. Активно использовал Глазенап и дезинформацию. Так в марте 1805 г. он распустил слух, что собирается совершить поход в Чечню, а сам стремительным маршем (за одну ночь 60 верст) двинулся в Кабарду и, застигнув горцев врасплох, нанес им несколько сокрушительных поражений. Впоследствии тактические приемы Глазенапа неоднократно использовались другими русскими военачальниками на Кавказе. И не случайно такие видные полководцы, как Г.Х.Засс, Н.П.Слепцов, Я.П.Бакланов называли Глазенапа своим учителем.

Впрочем Григорий Иванович пользовался репутацией не только бесстрашного воина, но и крайне справедливого, честного человека, хотя при этом и очень требовательного. В.Потто отмечает в своей «Истории 44-го драгунского Нижегородского полка»: “Занятия его по управлению линией были чрезвычайно обширны, а между тем при Глазенапе находились только два адъютанта: один личный, другой по званию полкового шефа. Эти два лица, да два-три писаря заменяли ему нынешние огромные штабы. Зато на адъютантах и лежала бездна работы; они бывали в своей квартире только ночью, а дни проводили у начальника, где также обедали”. Строгий и даже суровый с подчиненными Г.И.Глазенап не давал ни малейшей поправки и себе самому. Спал он всего 5—6 часов в сутки и даже в самую сильную жару появлялся только в застегнутом на все пуговицы мундире, при шпаге, в шляпе и перчатках. В то же время он охотно помогал деньгами нуждавшимся офицерам, причем каждый из них кроме того мог всегда рассчитывать на обед в генеральском доме. Впрочем, как свидетельствует сослуживец Глазенапа Броневский, полковая молодежь эти трапезы не очень-то любила, ибо Григорий Иванович был убежденным противником “бахусовых забав”, да и вообще вел спартанский образ жизни. Не обо-

дил Г.И.Глазенап своим вниманием рядовых солдат. Он неизменно присутствовал на смотрах 44-го драгунского полка и лично расспрашивал воинов об их нуждах. Наконец Глазенап решительно выступал против телесных наказаний, что для начала XIX в. было большой редкостью.

Несмотря на все усилия русского генерала обеспечить покой на Кавказе, положение там оставалось трудным. Еще в июне 1804 г. Персия начала против России открытую войну. Однако войско наследника престола Аббаса-Мирзы было разгромлено генералом Цициановым у стен Эчмиадзинского монастыря (недалеко от Эривани). Окрыленные успехом русские войска предприняли попытку захватить Баку и Решт. Однако в феврале 1806 г. главнокомандующий русской армией на Кавказе князь Цицианов был предательски убит бакинским правителем, и войско оказалось обезглавленным. Узнав об этом, персидское командование начало готовить наступление. В этой кризисной ситуации Г.И.Глазенап проявил незаурядную энергию. Как старший по чину среди русских военачальников, находившихся на Кавказе, он принял командование и, не дожидаясь распоряжений свыше, начал готовиться к походу на Баку.

Всего за месяц ему удалось собрать мощный отряд, который уже в начале марта 1806 г. двинулся в путь. При этом конечная цель карательной экспедиции держалась в глубокой тайне, а ее маршрут был прекрасно продуман. Глазенап решил двигаться через владения шамхала тарковского, расположенные в районе нынешней Махачкалы. Этот властитель считался союзником России. Григорий Иванович справедливо полагал, что избрав такой путь, он, с одной стороны, обезопасит свое войско от вражеских “засад и всяческих коварств”, а с другой — припугнет шамхала, если тот посчитает русское воинство слабым, а союз с ним невыгодным. Этот замысел увенчался успехом. Вид русской армии произвел на шамхала такое впечатление, что он не только снабдил русских фуражом и продовольствием, но и в знак особого расположения предложил Глазенапу любую из своих жен на выбор. “Как ни отшучивался наш скромный генерал, — вспоминает участник экспедиции, — он должен был указать, наконец, на одну черкешенку, которая ему понравилась более других”. Из

Тарков русский отряд выступил в сопровождении воинов шамхала.

Однако, несмотря на этот дипломатический успех, Глазенап продолжал сохранять в тайне конечную цель похода. И уж никто не мог предположить, что он посмеет приблизиться к грозной крепости Дербент, которую в свое время Петр I осаждал с целой армией. Возможно именно внезапность появления русских войск в этом районе Дагестана способствовала их успеху. Немаловажно и то, что с помощью шамхала Глазенапу удалось спровоцировать мятеж жителей Дербента против их правителя Ших-Али-хана. В итоге 22 июня 1806 г. считавшаяся неприступной твердыня была взята русскими войсками без боя. Зная силу Дербента персидский шах долго не мог поверить, что эта крепость пала. Любопытно, что ключи от города Глазенапу преподнес 120-летний старец, который в свое время участвовал в делегации дербентцев к Петру Великому. “А как приятно было, — пишет в своих мемуарах Броневский, — смотреть на нашего почтенного начальника, незабвенного Григория Ивановича, принимавшего с добродушной улыбкой поздравления и удивление”. В.Потто в связи с этим успехом русского отряда отмечает: “Взятие Дербента, с тех пор не выходившего уже из-под власти России, составляет вечный памятник, который Глазенап воздвиг себе на Кавказе”.

Под защитой стен Дербента Г.И.Глазенап начал готовиться к последнему броску на Баку. Однако состояться этому походу суждено не было. В конце июня 1806 г. главнокомандующим русскими войсками на Кавказе был назначен злейший враг Глазенапа граф Гудович. Тотчас по прибытии в Георгиевск этот генерал отдал приказ отряду оставаться в Дербенте и ждать там прибытия генерала Булгакова, который поведет его дальше. Глазенап был фактически отстранен от командования, а месяц спустя и вовсе удален с Кавказа. Гудович, по свидетельству современников, прилагал все усилия, чтобы принизить заслуги Глазенапа и возвеличить свои. Обиженный явной несправедливостью Григорий Иванович испросил себе отпуск и уехал в родовое имение в Лифляндию.

К службе он вернулся лишь в феврале 1807 г., причем получил назначение в места весьма отдаленные от милого его сердцу Кавказа. Глазенапа назначили начальником Си-

бирской линии. Один из биографов полководца пишет: “Тяжелое чувство испытал он по прибытию в Омск. Вместо привычного порядка в войсках здесь он увидел полную распушенность. Многие офицеры даже ходили по лагерю в халатах”. Григорию Ивановичу пришлось приложить немало сил для исправления ситуации. Однако он смог добиться успеха, и вскоре войска Сибирской линии были отмечены военным министром как образцовые. При этом Глазенап не ограничился приведением в порядок армейских и казачьих частей. По его инициативе в Сибири было открыто множество школ взаимного обучения для солдат, благоустроены дороги и мосты, налажены регулярные сношения с китайскими пограничными городами. В награду за “деятельность и усердие в открытии новых путей торговли с Азией” Г.И.Глазенап получил в апреле 1811 г. от царя Александра I золотую табакерку с вензелем, а в 1812 г. ему был пожалован орден св. Александра Невского.

Кроме официальных наград Григорий

Иванович снискал любовь и уважение буквально всеобщие. К нему обращались за помощью не только офицеры, но и горожане, купцы, казаки, даже киргиз-кайсаки из отдаленных кочевий. Причем, как вспоминает сослуживец Глазенапа, никто “не уходил недовольный или обиженный”. Когда 10 марта 1819 г. Григорий Иванович Глазенап скончался, благодарные жители города Омска воздвигли ему памятник. Высеченная на нем эпитафия прекрасно подводит итог жизни этого человека:

*Он действовал как муж, жил как дитя
счастливый.*

*Неправду он всегда неправдою считал,
Но сердце доброе, рассудок справедливый
На пользу родине счастливо сочетал.
Не славы громких дел искал в полезной жизни,
Старался простотой привлечь к себе сердца,
И имя чистое взял в гроб без укоризны,
Здесь дети погребли прах доброго отца.*

Литература

1. Дубровин Н. Три года из истории войны и владычества русских на Кавказе // Военный сборник № 9. 1875. С.6—10.
2. Малышев В. Выписка о службе Г.И.Глазенапа за 1816 г. // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф.608. Оп.1. Ед.хр.219.
3. Потто В. История 44 драгунского Нижегородского Е.И.В. государя наследника цесаревича полка. Т.2. СПб., 1893. С.56, 65—80.

Не только поэт, но и моряк (Великий Князь Константин Константинович)

В дневнике знаменитого американского адмирала Д.Фаррагута, посетившего в 1867 г. со своей эскадрой Кронштадт, есть такая запись. «Генерал-Адмирал пригласил меня с командирами кораблей на обед. Его высочество Великий Князь Константин Николаевич очень приветливый и интеллигентный человек. У него исключительная память. Он многое знает о Соединенных Штатах и о нашем флоте... К назначенному часу мы были в Павловске. Ровно в пять Генерал-Адмирал вошел в столовую. Поздоровавшись с каждым и пригласив всех к столу, он по обычаю своей страны пожелал всем приятного аппетита. Во время обеда Ве-

ликий Князь вел оживленный разговор, свидетельствующий о его весьма обширных знаниях, особенно в области флота и кораблестроения. О себе он говорил только, как о моряке. В конце обеда Константин Николаевич заметил, что очень хотел, чтобы его старший сын пошел по стопам отца. К сожалению, — сказал Великий Князь, — он страдает морской болезнью и не может быть моряком»¹.

— Но Ваше Высочество, — заметил Д.Фаррагут, — мне сдается, что в Вашей семье еще будут моряки.

— Это мое самое большое желание, — ответил Константин Николаевич, глядя на сидевшего за столом Константина.

Второй сын Генерал-Адмирала — Великий Князь Константин Константинович родился 10 августа 1858 г.* По существовавшей тогда традиции в день своего рождения мальчик сразу стал кавалером четырех орденов: Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла и Анны 1 ст.² Предназначенный по воле отца к службе на флоте он был зачислен в Гвардейский Экипаж. «Воспитание и образование Его Высочества велось под непосредственным наблюдением Августейших родителей»³. Будучи сами высокообразованными людьми, они много внимания уделяли развитию его гуманитарных наклонностей. Преподавателями Константина стали крупнейшие историки К.Н.Бестужев-Рюмин и С.М.Соловьев, известный петербургский виолончелист И.И.Зейферт, пианист Р.Кюндигер. В программу обучения Константина входили такие предметы, как история музыки, театральное искусство и т.д.

И все же основное внимание в учебе Великого Князя уделялось его подготовке к службе на флоте. Когда Константину исполнилось 7 лет, его воспитателем стал флаг-офицер отца лейтенант Н.А.Зеленой, представитель известной в России морской фамилии. С морем Кон-

* Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

стантин познакомился, когда ему не было и 12 лет. В 1870 г. на фрегате «Громобой» в составе учебной эскадры Морского училища он совершает свое первое плавание по Балтике. С этого времени летние учебные походы становятся регулярными. Руководил практикой Великого Князя лично начальник Морского училища контр-адмирал В.А.Римский-Корсаков (старший брат композитора). В своих регулярных письмах-докладах Генерал-Адмиралу он подробно докладывает о приобретении Константина к морскому делу. Досконально освещает его учебу и досуг, подробно пишет о его физическом и нравственном развитии, о том, что читает и чем увлекается Константин, как общается с кадетами и гардемаринами, характеризует его интересы, наклонности и т.д. Слов нет, условия в которых плавал кадет Константин Романов существенно отличались от обычного быта кадет. Вот лишь один отрывок из очередного доклада В.А.Римского-Корсакова. «20 июня, воскресенье у Ревеля. С моря подошла к фрегату военная шхуна. С нее к нам приехали в полных мундирах директор департамента внешней торговли Качалов и начальник пограничной стражи генерал-лейтенант граф Толстой, чтобы представиться Великому Князю [Константину тогда шел 13-й год. — Ю.К.]. Вскоре они уехали. Я с Великим Князем и Шурой [кадет, приятель Константина. — Ю.К.] <...> отправился к обедне в собор в город <...> Дождь перестал около 5 часов и мы отправились на фрегат <...> Поиграли в шахматы, потом Великий Князь поиграл на пианино и в заключение до чая прочитал Шуре вслух 2-й акт Иоана Грозного. 21 июня, понедельник. В 9 утра отслужили молебен, <...> потом я усадил Великого Князя за повторение пройденного. Отвечал небезошибочно, но довольно порядочно <...> После обеда с 2 до 4 Великий Князь занимался со второй артелью кадет <...> Великий Князь все это время здоров, как нельзя лучше, лицо загорело под самые глаза и румянец во всю щеку <...>»⁴. Что и говорить, внимание к кадету К.Романову соответствовало его титулу. И тем не менее это была учеба. Учеба целеустремленная, последовательная и по-своему напряженная. Из юноши делали не просто моряка, но высокообразованного, культурного человека.

В 1874 г. по достижении 16-летнего возраста Константин производится в гардемарины. Год спустя на фрегате «Светлана» он ухо-

дит в свое первое дальнее плавание. Командовал фрегатом капитан 1 ранга Великий князь Алексей Александрович, сын царя, двоюродный брат Константина. Запись в вахтенном журнале «Светланы» за 3 июня 1875 г. гласит: «В 1/2 3 начали разводиться пары. В 4 часа на фрегат прибыл Е.И.В. Константин Константинович. В 4 1/2 пары были готовы. В 4 3/4 прибыл на фрегат Е.И.В. Генерал-Адмирал. В 5 часов снялись с якоря и дали ход машинам <...>»⁵ Константин Николаевич провожал «Светлану» до Ревеля. Здесь Генерал-Адмирал сошел с фрегата и «был провожаем криками «ура!» команды, стоявшей на вантах всех мачт»⁶. И так, впереди были неизвестные моря, впереди была Европа: Копенгаген, Плимут, Брест, Кадис, Гибралтар, Неаполь, Пирей, Корфу, Венеция. Плавание Константина продолжалось до 25 сентября 1875 г. В Венеции он сходит с корабля и отбывает в Петербург — начинался очередной учебный год.

В 1876 г. в день своего рождения Константин производится в мичманы. Так уж случилось, что к этому времени резко осложнилась международная обстановка России. Назревала очередная русско-турецкая война. В историю она вошла как война 1877—1878 гг. Помимо освобождения болгар от турецкого ига Россия ставила перед собой задачу усиления своего влияния на Черном море и в проливной зоне. С этим никак не могла согласиться Англия. Ее позиция была столь непримирима, что начало военных действий на Балканах могло привести к войне с «владычицей морей». В этой ситуации вновь возникает идея крейсерской войны на океане*. Как и в 1863—1864 г., планировалось, что корабли будут базироваться на порты дружественных Соединенных Штатов. Срочно формируются две эскадры — Атлантическая и Тихоокеанская. По согласованию с американской стороной портами их базирования назначаются Норфолк и Сан-Франциско. Командующим Атлантической эскадры становится контр-адмирал И.И.Бутаков (брат известного адмирала Г.И.Буцакова), а его флагманским кораблем — фрегат «Светлана».

Одним словом, не успел 18-летний мичман отпраздновать свое производство, как надо было ехать на корабль. 11 сентября 1876 г. вахтенный начальник «Светланы» барон Энгель-

* Коршунов Ю.Л. Русский флаг у берегов Америки // Ленинградская панорама. 1989. № 9.

гард записывает в вахтенном журнале: “Стоим на якоре в эскадре контр-адмирала Бутакова на Смирнском рейде. В 8 1/2 был сигнал с «Петропавловска» — “Поднять брам-реи (РЛД)”, по которому подняли брам-стенги и брам-реи. На фрегат прибыл Е.И.В. Константин Константинович. Каната на левом клюзе 35 саж.”⁷ Так началось второе заграничное плавание Великого Князя. Однако на этот раз предстояло не просто плавание, готовились к войне. После принятия полных запасов эскадра снялась с якоря и взяла курс на Запад. Гибралтар проходили ночью в полной боевой готовности — орудия заряжены, прислуга у орудий.

Атлантика встретила моряков осенними штормами. После короткой передышки на Мадейских островах двинулись дальше. В самый канун нового 1877 г. «Светлана» отдала якорь на Норфолкском рейде. Остальные корабли ожидалось со дня на день. Надо сказать, что многие русские моряки в Америке были не первый раз. Хорошо знал Соединенные Штаты И.И.Бутаков. В эскадре С.С.Лесовского в 1863—1864 гг. он командовал фрегатом «Ослябя», был очевидцем Гражданской войны, не раз бывал на боевых позициях северян, встречался с А.Линкольном. Не первый раз здесь был и августейший командир «Светланы» Алексей Александрович. Плавая вахтенным начальником на эскадре К.Н.Посыета, он посетил Соединенные Штаты в 1872 г. Для Константина здесь все было ново и незнакомо.

С приходом в Норфолк ритм жизни на кораблях изменился. Помимо учений (начало войны ожидали вот-вот), систематических общеобразовательных занятий с нижними чинами (они были введены на флоте отцом Константином) и постоянных приборок (русские корабли всегда славились безупречной чистотой) пошли деловые встречи, обеды, приемы. Начало им положил большой бал, данный мэрией в честь офицеров русской эскадры. Вслед за ним пошли непрерывные завтраки, обеды, ужины на кораблях, в полках и многочисленных обществах. Однако венцом всех празднеств, как писали местные газеты, стал прием, устроенный на «Светлане». “Были приглашены самые красивые и элегантные дамы Норфолка, моряки находящейся здесь станции и генерал Бэрри со всеми офицерами штаба форта Монроэ”⁸.

Точно в назначенный час от борта «Свет-

ланы» за приглашенными отвалили катера. “При входе на фрегат ничто не напоминало судна, вы находились в богато убранной и прекрасно устроенной для бала зале. Палуба, <...> обтянутая как снег белым полотном, вдоль бортов устроены диваны, украшенные русскими и американскими флагами”⁹. Алексей Александрович как командир фрегата принимал гостей “у входа на шканцы, офицеры, один другого любезнее, оказывали всем величайшее внимание. Щегольски одетые матросы <...> с ловкостью услуживали гостям <...> Адмирал Бутаков и Великий Князь Константин Константинович <...> помогали Августейшему командиру <...> в оказываемом им истинно царском гостеприимстве <...> Завтрак был великолепно сервирован а la Russe. Может быть не всем известно, что в настоящее время сервировка а la Russe считается самой элегантной”¹⁰. Нет, не зря писали местные газеты, что для города “бал на «Светлане» стал эпохальным событием”. С гордостью и волнением принимал Константин чувства симпатии и уважения, которые граждане “великой республики на Западе” выражали морякам “великой империи на Востоке”.

Впрочем, время летело быстро, и в первых числах марта эскадра начала готовиться к уходу. Ее ждали в Нью-Йорке. Прощание с Норфолком русские моряки озаменовали “устроенным на «Светлане» театром и данной на нем комедии Островского <...> «Тяжелые дни». По окончании комедии был дан богатый по выбору дивертисмент, состоящий из пения, чтения юмористических сцен из народного быта и игры на *cognet-â-piston*, пианино, итальянском инструменте мандолине и др. Театр был устроен между грот и бизань мачтами в виде палатки со всеми атрибутами настоящего театра <...> Декорации и занавес не заставляли желать ничего лучшего. Над партером висела громадной величины устроенная из штыков и шомполов люстра, <...> разливавшая весьма яркий свет по всему партеру <...> Участвовавшие в пьсе были исключительно офицеры с фрегата «Светлана» и корвета «Богатырь». Дамские роли сыграны были весьма недурно <...> Театр доставил истинное удовольствие <...> всем служащим эскадры <...> и приглашенным <...> американским офицерам”¹¹. Принимал участие в вечере и мичман К.Романов.

Через несколько дней эскадра покидала Норфолк. Как провожали русских? Вот что писала об этом одна из местных газет. “В 10 ч. 30 м. 8 марта воды залива внезапно начали подниматься. Жители пришли в смятение. Но вскоре все выяснилось. Комиссия, назначенная для выяснения сути феномена убедилась, что причиной тому явились слезы прелестных жительниц города. Их заплаканные глаза были устремлены на рейд, где в отдалении еще виднелись высокие мачты кораблей, уносивших с собой столько благогородных русских, родившихся в замках и дворцах. Увидев эту ужасную, душераздирающую сцену, члены комиссии поняли таинственную причину внезапного подъема уровня воды в заливе”¹².

11 марта «Светлана» с другими кораблями эскадры прибыла в Нью-Йорк. Снова пошли визиты и приемы. Друзей и знакомых, начиная еще с Гражданской войны, у русских моряков здесь было много. И.И. Бутаков с офицерами штаба был приглашен на обед к вдове Д.Фаррагута, посетившей в 1867 г. вместе с мужем Кронштадт. Частыми гостями на берегу были и матросы. Американские газеты удивлялись — “странно”, все они вовремя являлись на свои суда.

5 апреля оба Великих Князя в сопровождении адмирала И.И. Бутакова выехали в Вашингтон. Предстоял официальный визит президенту Р.Хайзу. В тот же день президент нанес ответный визит в посольство, где остановились Великие Князья. На следующий день в Белом доме в честь русских моряков был дан большой парадный обед. “На обеде присутствовал президент, его семейство, адмирал Портер, генерал Шерман, все министры и высшие представители исполнительной власти Соединенных Штатов”¹³. Торжественность и даже некоторая помпезность приема русских в Вашингтоне не была случайной. Обстановка на Балканах накалялась. Начало войны ожидали со дня на день. Какова будет на это реакция Англии? Этого не знал никто.

Телеграмму о начале военных действий И.И. Бутаков получил 13 апреля. Собрали экипажи, объявили о царском манифесте, над водами Гудзона прокатилось троекратное “ура!”. Как и положено, отслужили молебны во славу русского оружия. К счастью благоразумие в Англии победило. Британия ограничилась дипломатическим демаршем. Крейсерская война в океане отменялась.

В конце апреля эскадра начала готовиться к отплытию. Адмирал проводил инспекторский смотр. “Проводились артиллерийские, парусные и кройт-камерные учения, свозился десант и даже проверялись успехи, сделанные в грамотности нижними чинами. Смотр был произведен сначала фрегату «Светлана», потом корветам «Богатырь» и «Аскольд». При проверке успехов грамотности адмирал сам заставлял нижних чинов читать вслух и писать под диктовку”¹⁴.

Приказание о выходе в море И.И. Бутаков получил 30 апреля, а через два дня об этом уже знал весь Нью-Йорк. “1 мая фрегат «Светлана» и оба корвета были наполнены посетителями и посетительницами, приехавшими проститься со своими русскими друзьями. Отплытие эскадры последовало 5 мая. Целая флотилия мелких шлюпок окружила суда, собиравшиеся сняться с якоря”¹⁵.

В Кронштадт «Светлана» пришла 19 июня и “23 июня, войдя в гавань, окончила кампанию. В тот же день Его Высочество В.К. Константин Константинович убыл с корабля в Гвардейский Экипаж”¹⁶.

Между тем война на юге была в разгаре и 4 июля мичман К. Романов в составе команды Гвардейского Экипажа (25 офицеров и 504 рядовых) отправляется на Дунайский театр военных действий. Здесь в ночь на 3 октября 1877 г. он отличается под Силистрией удачным спуском брандера против турецкого парохода. “За храбрость и распорядительность при воспрепятствовании турецким войскам переправиться через Дунай <...> Константин Константинович награждается орденом Св. Георгия 4 ст.”¹⁷ С окончанием военных действий на Дунае Великий Князь возвращается в Петербург. 21 мая 1878 г. он производится в лейтенанты, а в день своего 20-летия становится флигель-адъютантом. После окончания войны Константин Константинович продолжает свою морскую службу. В 1879 г. он сопровождает отца в его поездке на Черное море, участвует в испытаниях поповки «Вице-адмирал Попов».

15 сентября 1880 г. лейтенант Константин Романов уходит в свое третье дальнее плавание. На этот раз на полуброненосном фрегате «Герцог Эдинбургский». Покинув Кронштадт, фрегат посещает Шербург, Гибралтар, Алжир, Неаполь, Яффу, Пирей. На обратном пути из Архипелага заходит на Мальту, в Триест и Александрию. В Пирее «Герцог Эдинбург-

гский» неоднократно посещался греческой королевской семьей. Сам Константин Константинович гостил у своей родной сестры греческой королевы Ольги.

В вахтенном журнале «Герцога Эдинбургского» можно прочесть многочисленные записи, сделанные вахтенным начальником «флигель-адъютантом лейтенантом Константином» — так подписывался Великий Князь. Вахты были частые — на ходу и на якоре. Судя по всему без каких бы то ни было скидок на великокняжеское происхождение. Впрочем интересен офицерский состав фрегата. Вместе с лейтенантом К. Романовым вахту несли лейтенант князь И. Д. Барятенский, мичмана граф Н. М. Толстой, князь Н. А. Дондуков-Корсаков, князь К. Н. Мещерский и др. Плавание Константина Константиновича продолжалось 419 дней. 25 января 1882 г. при стоянке в Палермо в вахтенном журнале была сделана запись: «Мыли белье, койки, шлюпочные чехлы и брезенты. Съехал на берег для излечения от болезни Е. И. В. Великий Князь Константин Кон-

стантинович. К 11 часам мытье окончили и начали скатывать палубу. В 11 3/4 дали команде обед»¹⁸.

На этом практически и закончилась морская служба Великого Князя. Как вспоминает его дочь — «к великому неудовольствию и даже гневу отца»¹⁹. Вся дальнейшая служба Константина Константиновича проходила в гвардии. В течение семи лет он командовал ротой лейб-гвардии Измайловского полка. В 1891 г. был произведен в полковники, командовал Преображенским полком. В 1910 г. стал генерал-инспектором военно-учебных заведений.

И все же не служба в гвардии, как и не служба на флоте составили главный итог жизни Великого Князя. До нас он дошел прежде всего как поэт, талантливый переводчик Шиллера, Гете, Шекспира, автор многих лирических произведений, некоторые из которых, будучи переложены на музыку П. И. Чайковским, А. Г. Рубинштейном, А. К. Глазуновым, звучат и сегодня.

Примечания

¹ Farragut L. The life of David Glasgow Farragut, first admiral of United State Navg. New-York, 1879. P.491—492.

² Гуткин-Васильев В. Е. Материалы к статье о поэте К. Р. // ЦГА ВМФ. 1993.

³ Военная Энциклопедия. Т.13. СПб., 1913. С.132.

⁴ РГА ВМФ. Ф.224. Оп.1. Д.389.

⁵ Там же. Ф.870. Оп.1. Д.10574—1 кн.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д.10574—9 кн. «И».

⁸ Кронштадтский вестник. 1877. 25 февраля.

⁹ Там же. 20 апреля.

¹⁰ Там же. 25 февраля.

¹¹ Там же. 20 апреля.

¹² The Norfolk Landmark. 1877. 9 March.

¹³ Кронштадтский вестник. 1877. 8 мая.

¹⁴ Там же. 25 мая.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.10574—9 кн. «И».

¹⁷ Военная Энциклопедия. Т.13. С.132.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф.870. Оп.1. Д.13569.

¹⁹ Петербургский монархический сборник № 2. 1990. С.16.

Адмиралы Военно-Морского Флота СССР

Бабий Виктор Степанович

13.02.1921 г. Астрахань — 03.01.1994 г. С.-Петербург.

Русский. Вице-адмирал (29.10.1976). Кандидат военно-морских наук (1968), доцент (1969). Член партии с марта 1941 г. На военной службе в ВМФ с 1939 г. Окончил Высшее военно-морское училище им. М.В.Фрунзе (Баку, декабрь 1942), Высшие специальные курсы комсостава ВМФ (досрочно, 1949), командный факультет Военно-морской академии (09.1958—06.1961).

Участник Великой Отечественной войны на Черноморском и Северном флотах. После окончания училища — командир дальномерной группы и зенитной батареи КР «Молотов» ЧФ. В марте 1944 г. направлен в спецкомандировку. 30.04.1944 г. на переходе из Мурманска в Англию в составе союзного конвоя, находился на американском ТР, торпедированном немецкой ПЛ. При взрыве Б. был контужен и подобран из воды кораблем эскорта. С прибытием в Англию находился на излечении в госпитале. В августе 1944 г. с Отрядом кораблей, принятых от союзников, возвратился на СФ, где служил на ЭМ «Достойный» в качестве командира зенитной батареи и БЧ-2, а затем пом. командира корабля. Принимал участие в проводке арктических конвоев.

С 1945 по 1948 г. — капитан парусно-моторной шхуны «Планета» в Северо-Атлантической гидрографической экспедиции. Командир ЭМ «Отменный» (11.1949—11.1952), ст. пом. командира (11.1952—10.1953), командир (10.1953—04.1956) КР «Чапаев», начальник штаба (1956), командир дивизии (1956—1957), вновь начальник штаба дивизии крейсеров (1957—1958). Командир Иоканьгской ВМБ (06.1961—10.1962) СФ. Контр-адмирал (27.04.1962).

С 1963 г. — начальник отдела НИИ ВМФ

в Ленинграде, зам. начальника кафедры «Управление силами ВМФ» командного факультета Военно-морской академии (1967—1972), начальник НИИ ВМФ (01.1972—12.1982). Лауреат Госпремии СССР (1977). С 1983 г. в отставке.

Награжден: орденом Красного Знамени (1956), 2 орденами Отечественной войны 1 ст. (1944, 1985), орденом Трудового Красного Знамени (1980), 2 орденами Красной Звезды (1945), орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями, именным оружием (1971).

Похоронен на Большеохтинском кладбище.

Байков Иван Иванович

29.09.1906 г. С.-Петербург — 24.03.1992.

Русский. Адмирал (08.08.1955). Член партии с 1938 г. На военной службе в ВМФ с 1927 г. Окончил Военно-морское училище им. М.В.Фрунзе (10.1927—02.1931), командный класс Учебного отряда подводного плавания (12.1931—05.1932), военно-морской факультет Высшей военной академии, ныне Военная академия Генштаба ВС (10.1951—02.1953).

Минер ПЛ «Красногвардеец» (1931), пом. командира ПЛ «Пролетарий» (05.1932—09.1933) МСБМ. Командир ПЛ «М-16» (09.1933—03.1936), командир ДПЛ (03.1936—05.1938), начальник штаба (05.1938—10.1939), командир БПЛ (10.1939—04.1942), зам. (04.1942—04.1943), пом. (04—08.1943) начальника штаба ТОФ. Начальник штаба Северной Тихоокеанской флотилии (08.1943—08.1945). Контр-адмирал (05.11.1944). Вступив в советско-японскую войну начальником штаба флотилии, обеспечил умелое планирование и руководство боевыми действиями сил соединения против противника на Южном Са-

халине, разработку, подготовку и проведение ряда десантных операций по захвату портов на западном побережье Южного Сахалина, за что награжден орденом Красного Знамени. Б. правильно организовал взаимодействие кораблей, частей СТОФ, участвовавших в боевых операциях, в результате чего было достигнуто прочное овладение южной частью Сахалина и островами Уруп и Итуруп. Командующий Камчатским Морским оборонительным районом (08—11.1945), Камчатской (11.1945—07.1946), Сахалинской (07.1946—01.1947) военными флотилиями. Командующий 7 ВМФ (Сов. Гавань) (01.1947—10.1951). Вице-адмирал (17.01.1947). Комендант Кронштадтской военно-морской крепости (02.1953—01.1956), командующий Ленинградским военно-морским районом (01.1956—01.1961), командир Ленинградской ВМБ (01.1961—12.1971). Старший морской начальник Ленинграда. С января 1972 г. в отставке.

Награжден: 4 орденами Ленина (1935, 1951, 1957, 1967), орденом Октябрьской революции (1976), 3 орденами Красного Знамени (1945, 1946, 1956), 2 орденами Отечественной войны 1 ст. (1946, 1985), орденом Трудового Красного Знамени (1966), 2 орденами Красной Звезды (1943, 1944), медалями, именным оружием (1956).

Похоронен на Серафимовском кладбище.

Балкашин Анатолий Иванович

01 (13).07.1885 г. Городище ныне Пензенской обл. — 24.07.1954 г. Ленинград.

Русский. Инженер-контр-адмирал (21.05.1941), профессор (1942). На военной службе с 1903 г., в ВМФ с 1918 г. Окончил Морское инженерное училище (09.1903—05.1907), кораблестроительный отдел Николаевской Морской академии (09.1910—05.1913). Стажер на заводе «Новое Адмиралтейство» в С.-Петербурге (05—09.1907), в заграничии на броненосце «Слава» (10.1907—04.1908). Участвовал в спасении жителей Мессины, пострадавших от землетрясения. Пом. строителя Кронштадтского военного порта (04.1908—09.1910). После окончания академии ст. пом. строителя, строитель линейных крейсеров «Бородино» и «Наварин» (05.1913—03.1918), одновременно преподавал в Морском инженерном училище. Капитан корпуса корабельных инженеров (1915). Награжден: орде-

ном св.Станислава 3 ст., св.Анны 3 ст. (1915). Инженер-конструктор отдела имущества Главного управления кораблестроения (01.1919—05.1920). С мая 1920 по октябрь 1937 г. на преподавательской работе в Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова.

Адъюнкт кафедры «Проектирование судов» (05.1920—01.1922), зав. обучением (01—12.1922), руководитель занятий (12.1922—09.1923) кораблестроительного отдела, пом. начальника (09—12.1923), ст. руководитель (12.1923—10.1924; 04—11.1925), начальник (10.1924—04.1925; 12.1926—10.1927) кораблестроительного факультета. Штатный преподаватель машиностроительного факультета (11.1925—12.1926). Одновременно на Балтийском судостроительном заводе гл. судостроительный мастер, где провел большую работу по восстановлению судостроительных цехов к постройке первых отечественных судов (1921—1927). Находился в заграничии в Германии, Англии, Франции, Голландии в комиссии Совторгфлота (12.1925—04.1926). По возвращению на Родину пом. заведующего техбюро Балтийского завода по военному кораблестроению (04.1926—10.1927).

Ст. руководитель по военному судостроению (10.1927—12.1929), преподаватель (12.1929—04.1934), ст. руководитель (04.1934—03.1935; 07.1935—10.1937), начальник кораблестроительного отделения (03—07.1935). Зам. начальника Научно-исследовательского института военного кораблестроения ВМФ, Центрального научно-исследовательского института -45 ВМФ по кораблестроительной части (10.1937—06.1940), ст. научный сотрудник (06—11.1940).

Начальник кафедры корабельной архитектуры в Высшем военно-морском инженерном училище им. Ф.Э.Дзержинского (11.1940—07.1950). Руководитель группы проектирования на вечное хранение (1947) КР «Аврора».

За время научно-педагогической деятельности Б. написано 10 книг и более 20 печатных работ, в том числе учебники: «Проектирование кораблей, методы применяемые при составлении проекта кораблей» (М., 1940), «Проектирование кораблей, основы методологии проектирования кораблей» (М., 1954).

С июля 1950 г. в запасе.

Награжден: орденом Ленина (1945), Крас-

ного Знамени (1944), Трудового Красного Знамени (1944), медалями.

Похоронен на Богословском кладбище.

Балтин Эдуард Дмитриевич

21.12.1936 г. Смоленск.

Русский. Адмирал (16.06.1993). Герой Советского Союза (09.10.1981). На военной службе в ВМФ с 1954 г. Окончил минно-торпедный факультет Каспийского высшего военно-морского училища им. С.М.Кирова (1954—1958), Высшие специальные офицерские классы ВМФ (1968), командный факультет Военно-морской академии (08.1973—06.1975), основной факультет Военной академии Генштаба ВС (08.1978—07.1980). После окончания училища службу проходил на ЧФ. Командир БЧ-3 СКР, с 1960 г. — командир группы, ст. пом. дизельной (1968—1969), крейсерской (1969—1971) ПЛ, командир крейсерской ПЛ (1971—1973) СФ. После окончания академии — нач-к штаба (1975—1978), командир (1980—1982) дивизии атомных ПЛ. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга, а также за освоение новой техники присвоено звание Героя Советского Союза. Зам. командующего (1982—1983), командующий флотилией атомных ПЛ СФ (1983—1987), 1-й зам. командующего ТОФ (1987—1990). Начальник кафедры оперативного искусства ВМФ Военной академии Генштаба ВС (1990—1993). С января 1993 г. — командующий Черноморским флотом.

Награжден: орденом Ленина, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями.

Басистый Николай Ефремович

9(22).05.1898 г. д.Юрьевка ныне Одесская обл. Украина — 20.10.1971 г. Москва.

Русский. Адмирал (11.05.1949). Член партии с 1919 г. Военную службу начал в 1914 г., в сов. ВМФ с 1918 г. Окончил школу юнг в Севастополе (1915), минную школу Учебного отряда ЧФ (1916), Коммунистический университет им. Свердлова (10.1921—08.1922), военно-морской факультет Военно-морской академии (10.1926—03.1931), академию Генерального штаба (10.1936—04.1937).

Минно-машинный унтер-офицер на ЭМ «Жаркий», «Сулин» (1916—1918), награжден Георгиевской медалью. В период гражданской

войны участвовал в подавлении восстания гайдамаков в Одессе, в боях в районе Казани—Саратова с чехословацкой флотилией на вооруженной барже «Сережа», подавлении меньшевистского восстания в Астрахани, в боях с английской флотилией у Петровска на КЛ «Красное Знамя», против войск генералов А.И.Деникина и П.Н.Краснова в районе Царицына. С декабря 1919 г. минный машинист на ЭМ «Поражающий».

После окончания университета — лектор, инструктор, ответорг Николаевской морской базы (08.1922—10.1923), пом. комиссара Убекочерназморей (10.1923—01.1924), ответорг Учебного отряда (01—05.1924), комиссар (05.1924—10.1926), начальник машинной школы (10.1925—10.1926) Учебного отряда МСЧМ. Дублер командира ЭМ «Энгельс», адъюнкт на кафедре оперативного искусства ВМА (03.1931—04.1932). Начальник штаба бригады заграждения и траления (04.1932—03.1934), начальник 2 отдела (боевая подготовка) штаба ТОФ (03.1934—10.1936). Участник боевых действий в Испании в 1936—1939 г. в качестве военного советника командира полуфлотилии, флотилии миноносцев, начальника Морского штаба, командующего республиканского флота (04.1937—04.1938). Награжден орденом Красного Знамени. По возвращению на Родину — начальник отделения Оперативного управления ГМШ (04—06.1938). Начальник оперативного отдела штаба ЧФ (07.1938—10.1939), врид начальника штаба ЧФ (12.1938—04.1939), командир КР «Червона Украина» (10.1939—10.1941).

В Великую Отечественную войну вступил 22 июня 1941 г., непосредственно с борта КР, дав с боевой рубки первую команду на открытие огня по самолетам противника. В качестве флагманского корабля «Червона Украина» 23—27 июня принял участие в постановке мин в районе Главной базы флота, в период июля—августа довольно часто выходил в море для охраны конвоев в юго-восточной части Черного моря и для выполнения задач по боевой подготовке. Личный состав корабля оказал существенную помощь защитникам Одессы и Севастополя. Командир Отряда легких сил (10.1941—07.1942). В Керченско-Феодосийской десантной операции 1941—1942 гг. был командиром высадки десанта. В ходе операции проявил организаторский талант, дерзость, отвагу и мужество. Командир бригады КР

(07.1942—03.1943). Б. осуществлял подготовку и выполнение десантной операции в Южн. Озерейке и Станичке, доставку войск и боеприпасов в Туапсе, ряд операций по обстрелу побережья.

Начальник штаба (03—04.1943), командующий (05.1943—11.1944) эскадрой кораблей. По поручению командующего флотом организовал подготовку и осуществил захват Румынского флота в Констанце. Начальник штаба флота (04—05.1943; 11.1944—01.1945; 04.1945—11.1948), врио командующего (01—04.1945), командующий (11.1948—08.1951) ЧФ. 1-й заместитель Военно-морского министра (08.1951—04.1953), 1-й заместитель (04.1953—11.1956), зам. Главкома ВМФ по военно-научной работе (11.1956—06.1958). Военный инспектор, советник Группы генеральных инспекторов МО СССР (06.1958—09.1960), Контр-адмирал (03.01.1942), вице-адмирал (23.04.1943). Депутат ВС СССР 3—4 созывов. С сентября 1960 г. в отставке.

Награжден: 2 орденами Ленина (1942, 1945), 4 орденами Красного Знамени (1937, 1944, 1945, 1948), орденом Ушакова 2 ст. (1944), Кутузова 2 ст. (1945), медалями и орденом «Морской крест» (США. 1943).

Соч.: Море и берег. М., 1970.

Бевз Сергей Семенович

15.01.1921 г. с.Шарко-Бакумовка Панинского р-на Воронежской обл. — 26.04.1982 г. Москва.

Русский. Вице-адмирал (03.10.1972). Член партии с 1941 г. На военной службе в ВМФ с 1940 г. Окончил Воронежскую областную политпросветшколу (1937—1940), Военно-политические курсы при Политуправлении 5 ВМФ (03.1948—04.1949), Военно-политическую академию им. В.И.Ленина заочно (07.1959), основной факультет Военной академии Генштаба ВС (09.1961—08.1963), академические курсы переподготовки и усовершенствования политсостава при Военно-политической академии (1978).

Военно-морскую службу начал проходить на ТОФ. Курсант учебной роты (1940—1941), на комсомольской работе в 12 мор. железнодорожной артиллерийской бригаде (1941—1944), парторг курса Военно-морского училища береговой обороны (1944—1945), ст. инструктор по комсомольской работе политотдела Отряда

легких сил (04.1945—02.1947). Участник советско-японской войны. Зам. командира по политчасти ПЛ «Щ-139» (02.1947—03.1948), «Щ-127» (04.1949—03.1951), «С-127» (03.1951—06.1953), «Б-14» (06.1953—04.1955) БПЛ, отв. секретарь парткомиссии политотдела дивизии ПЛ (04.1955—12.1958), зам. начальника (12.1958—05.1960), начальник политотдела (05.1960—09.1961) дивизии ПЛ, зам. начальника Политуправления ТОФ (08.1963—02.1968). Контр-адмирал (22.02.1968). Член Военного совета — начальник Политотдела флотилии ПЛ СФ (02.1968—09.1971). Член Военного совета — начальник Политуправления ТОФ (09.1971—08.1976). Начальник Главного штаба и управлений Главкома ВМФ — зам. по политчасти начальника Главного штаба ВМФ (08.1976—04.1982).

Награжден: орденом Октябрьской революции (1974), Красного Знамени (1967), Трудового Красного Знамени (1982), 3 орденами Красной Звезды (1945, 1954, 1968), орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст. (1976), медалями.

Похоронен на Кунцевском кладбище.

Белашев Виктор Григорьевич

12.08.1927 г. ст.Болотная Новосибирской обл. — 07.02.1981 г. погиб при исполнении служебных обязанностей в авиакатастрофе.

Русский. Вице-адмирал (31.10.1978). Член партии с 1950 г. На военной службе в ВМФ с 1945 г. Окончил Ленинградское военно-морское подготовительное училище (09.1943—06.1945), Тихоокеанское высшее военно-морское училище (09.1945—09.1949), Высшие специальные офицерские классы ВМФ (12.1957—07.1958), командный факультет Военно-морской академии (08.1962—07.1965), Военную академию Генштаба ВС с отличием (07.1969—06.1971).

После окончания училища службу проходил на ТОФ. Командир БЧ-3 ПЛ «С-117», «С-132», «Б-13» (09.1950—09.1954). Ст. пом. командира (09.1954—09.1955), командир ПЛ «Б-17» (11.1955—12.1957), «Б-11» (09.1958—01.1959), «К-45» (01.1959—08.1962). После окончания ВМА — зам. командира (08.1965—07.1969), командир дивизии ПЛ (07.1971—09.1974), командир эскадры (09.1974—11.1978), командующий флотилией кораблей (11.1978—02.1981) ТОФ. Контр-адмирал (06.05.1972).

Награжден: 2 орденами Красной Звезды (1962, 1969), орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями.

Похоронен на Серафимовском кладбище.

Белов Михаил Федорович

22.09(5.10).1893 г. д. Ефремово ныне Ивановская обл. — 29.10.1960 г. Ленинград.

Русский. Контр-адмирал (21.07.1944). Член партии с 1919 г. На военной службе с 1914 г., в ВМФ с 1918 г. Окончил Военно-морское училище (11.1920—05.1924), минный отдел Специальных курсов комсостава ВМС РККА (02.1925—03.1926), тактические курсы (1932), курсы командиров миноносцев (1937), курсы командиров соединений (1938) при Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова. Участник 1-й мировой войны. Торпедист на миноносце «Разящий», ЛК «Гангут». В гражданскую войну участвовал в подавлении восстания на форту «Красная Горка» и против английских интервентов.

После окончания училища служил на Балтфлоте. Пом. штурмана КР «Аврора» (06.1924—02.1925), минер, пом. командира ЭМ «Володарский» (03.1926—05.1930), командир СКР «Смерчь» (05.1930—01.1931), командир и военком ЭМ «Ленин» (01.1931—04.1936), командир лидера «Минск» (04.1936—03.1938), командир бригады заграждения и траления (03—07.1938), командир УК «Свирь» (07—08.1938), на котором слушатели ВМА, СККС и курсанты военно-морских училищ провели учебный поход Кронштадт—Исландия—Мурманск—Кронштадт. Зам. Председателя (08.1938—05.1940), ст. уполномоченный (05.1940—07.1941) Постоянной приемной комиссии вновь построенных и капитально отремонтированных кораблей.

В Великую Отечественную войну вступил в августе 1941 г. командиром бригады траления Беломорской ВФ СФ. Обеспечивал боевым тралением деятельность Беломорской военной флотилии и проходы англо-американских конвоев в порты Белого моря — Архангельск и Молотовск (Северодвинск). Командир бригады траления (03.1944—02.1947) Кронштадтского Морского оборонительного района. После заключения перемирия с Финляндией Б. лично руководил боевым тралением фарватера до финских шхер включительно для прохода по нему торговых судов из Швеции и Финляндии

в Ленинград. Представитель Управления кораблестроения ВМС на судостроительном заводе в Ленинграде (05—12.1947). Зам. Председателя постоянной комиссии Госприемки военных кораблей по Балтийско-Северному театру (05.1950—10.1951). Начальник Балтийской группы Управления Госприемки кораблей ВМФ (10.1951—12.1956). С декабря 1956 г. в отставке.

Награжден: орденом Ленина (1945), 3 орденами Красного Знамени (1938, 1943, 1944), орденом Нахимова 2 ст. (1945), Красной Звезды (1943), медалями, именованным оружием (1953).

Похоронен на Серафимовском кладбище.

Берг Аксель Иванович

29.10(10.11).1893 Оренбург — 09.07.1979 г. Москва.

Ученый-организатор в области радиосвязи, радиолокации и кибернетики. Русский. Инженер-адмирал (08.08.1955). Член партии с 1944 г. Академик АН СССР (1946), Герой Социалистического Труда (1963). На военной службе в ВМФ с 1918 г. Окончил Александровский кадетский корпус (1904—1908), общие классы Морского корпуса (1908—1912), специальные курсы Морского корпуса (1914), штурманский офицерский класс (1916—1917), 4 курса электромеханического отделения Политехнического института в Петрограде (1918—1922), классы специалистов-подводников (1922), экстерном Военно-морское инженерное училище (1923), электротехнический факультет Военно-морской академии (04.1922—03.1925). Владел английским, французским и немецкими языками. Участник 1-й мировой войны. Вахтенный начальник, мл. штурман и ротный командир ЛК «Цесаревич» (07.1914—06.1916), штурман на англ. ПЛ (06.1916—11.1917). лейтенант (1917). В старом флоте наград не имел. В связи с ранением находился в госпитале (11.1917—08.1918), по штатному расписанию числился ст. пом. командира ЭМ «Капитан Белли» (12.1917—08.1918). Штурман ПЛ «Пантера», «Рысь» (08.1918—07.1921), командир ПЛ «Змея», «Волк» (07—12.1921). В годы плавания на ПЛПЛ Б. заинтересовался девиацией уклонения судового пеленгатора под влиянием больших масс железа и электромагнитных полей.

После окончания академии — преподаватель ВМИУ (05.1925—05.1927), заведующий классом связи и Специальных курсов комсостава ВМС РККА, председатель секции связи и наблюдения Научно-технического комитета Морских сил (05.1927—11.1932). Начальник Научно-исследовательского морского института связи в Ленинграде (09.1932—12.1937), где под руководством Б. была создана в 1937 г. новая система радиовооружения флота «Блокада-2», выдержавшая испытания в Великой Отечественной войне. Одновременно он вел большую научно-педагогическую работу в Военно-технической академии, Ленинградском электротехническом институте. Неоднократно выезжал в заграничные командировки: Германия (1928, 1930), США, Франция (1929), Италия (1930, 1932) для изучения зарубежного научного и технического опыта. Находился под следствием (12.1937—05.1940). Постановлением прокурора ВМФ дело было «прекращено за недоказанностью преступления». 9 мая 1940 г. Б. восстановлен в ВМФ и направлен на преподавательскую работу в Военно-морскую академию. Начальник кафедры общей электротехники, профессор кафедры общей тактики (07.1940—12.1944). Инженер-контр-адмирал (21.05.1941). Зам. наркома электронной промышленности СССР (07.1943—10.1944), зам. Председателя Совета по радиолокации при ГКО (09.1943—11.1944). Инженер-вице-адмирал (25.09.1944). В распоряжении Совета по радиолокации (12.1944—03.1950). В 1945 г. вошел в состав Оргбюро НТО радиотехники и электросвязи им. А.С.Попова. Начальник ЦНИИ (03.1950—04.1957), с 1951 г. — зам. директора Института радиотехники, зам. МО СССР по радиолокации (09.1953—02.1957), научный консультант по радиоэлектронике при зам. МО СССР по вопросам военной науки (06.1957—04.1958), военный консультант Группы генеральных инспекторов МО СССР (04.1958—09.1960). С сентября 1960 г. в отставке.

Б. автор работ по электронным ламповым генераторам, радиоприемникам, радиопеленгованию, стабилизации частоты и самовозбуждению генераторов, по радиолокации и др., выдвинул и разработал ряд проблем, имеющих важное значение для развития радиоэлектроники и для обороны страны. Председатель с

1959 г.) Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР.

Награжден: 4 орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, 2 орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 ст., 3 орденами Красной Звезды, медалями.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Соч.: Избранные труды. Т.1—2. М.; Л., 1964.

Белюсов Иван Николаевич

15.10.1902 г. с.Васильевское ныне Тверской обл. — 10.1965 г. Москва.

Русский. Инженер-контр-адмирал (05.11.1944). Член партии с 1924 г. На военной службе в ВМФ с 1922 г. Окончил школу подводного плавания МСБМ (04.1923—10.1924), Военно-морское инженерное училище им. Ф.Э.Дзержинского (10.1925—05.1930), факультет военного кораблестроения Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова (12.1935—02.1938, досрочно).

После окончания школы подплава рулевой ПЛ «Краснофлотец» МСЧМ, откуда направлен в училище, после окончания которого командир БЧ-5 ПЛ «Спартак» (05.1930—02.1933), дивизионный механик дивизиона ПЛ (02.1933—03.1934), флагманский механик БПЛ (03.1934—12.1935) ТОФ. Зам. секретаря Комитета Обороны при СНК СССР (02.1938—07.1941).

В начале Великой Отечественной войны комиссар морской группы Главнокомандующего Северо-Западного направления и командующего Ленинградского фронта (07—12.1941), зам. зав. секретариатом СНК СССР (12.1941—07.1944). Начальник Управления труда и кадров вольнонаемного состава ВМФ (07.1944—03.1947). Зам. начальника тыла ВМС (03—07.1947), начальник Управления кадров вольнонаемного состава ВМС (07.1947—04.1953), начальник отдела труда и кадров рабочих и служащих ВМС (04—06.1953), зам. начальника тыла ВМС, с мая 1955 г. — ВМФ (06.1953—03.1956). С мая 1956 г. в запасе.

Награжден: 2 орденами Ленина (1935, 1948), 2 орденами Красного Знамени (1944, 1953), орденом Отечественной войны 1 ст. (1945), Красной Звезды (1942), медалями и именным оружием (1952).

Белоусов Сергей Филиппович

18.07(01.08).1903 Воронеж — 10.02.1984 г. Ленинград.

Русский. Контр-адмирал (04.06.1940). Доцент (1952). Член партии с 1927 г. На военной службе в ВМФ с 1925 г. Окончил Военно-морское училище им. М.В.Фрунзе (12.1925—05.1928), штурманский класс Специальных курсов комсостава ВМС РККА (10.1930—10.1931), курсы усовершенствования Высшего начсостава при Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова (12.1940—03.1941).

После окончания училища — командир роты Балтийского флотского экипажа (12.1928—02.1929). Мл. штурман ЛК «Парижская коммуна» (02.1929—01.1930). Участник перехода ЛК из Кронштадта в Севастополь, затем вновь продолжил службу на БФ. Мл. штурман ЛК «Марат» (02—09.1930), штурман дивизиона ЭМ (1931), в оперативном отделе штаба МСБМ (01.1934—03.1935), флагштурман (03.1935—10.1937), врид пом. начальника штаба КБФ (10.1937—03.1938). Командир ЛК «Марат» (03.1938—03.1940). Участник советско-финляндской войны, в ходе которой корабль под командованием Б. обстреливал укрепления противника на острове Бьёркё. 1-й командир ВМБ на полуострове Ханко (03—12.1940) и начальник гарнизона (07—12.1940). После окончания курсов — начальник штаба (03—07.1941), командующий (07—09.1941) эскадрой кораблей КБФ.

В начале Великой Отечественной войны участвовал в обороне Таллина, в переводе конвоев боевых кораблей в Кронштадт, в минных постановках, переводе ЛК «Марат» из Кронштадта в Ленинград, в организации обороны Ленинграда кораблями эскадры. За нарушение воинской дисциплины осужден Военным трибуналом КБФ условно, с испытательным сроком один год, снижен в воинском звании до капитана 1 ранга. Командир отдельного Донского отряда кораблей Азовской военной флотилии. При выполнении боевого задания проявил храбрость и мужество, тяжело ранен (10.1941), находился на излечении три месяца в госпитале. Представитель Военного совета ЧФ при Военном совете Крымского фронта (02—05.1942). Командир Ейской и Темрюкской ВМБ Азовской военной флотилии (05—09.1942). Восстановлен в воинском звании контр-адмирала (05.06.1942). Командир Отря-

да легких сил ТОФ (10.1942—01.1944). Командир Одесской ВМБ ЧФ (01—07.1944). Пом. начальника Управления боевой подготовки Главного штаба ВМФ (08.1944—05.1945). Уволен по болезни из ВМФ. Ст. редактор, пом. главного редактора Морского атласа (05.1945—05.1947). Восстановлен в кадрах ВМС. Ст. преподаватель тактики (05.1947—11.1948), начальник кафедры надводных кораблей Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова (11.1948—03.1956). С марта 1956 г. в запасе.

Награжден: орденом Ленина (1953), 2 орденами Красного Знамени (1942, 1947), Красной Звезды (1933, 1944), медалями, именным оружием (1931, 1953).

Похоронен на Северном кладбище.

Бисовка Николай Захарович

20.01.1930 г. д. Глинчина Климовского р-на Могилевской обл. Республика Беларусь.

Белорус. Вице-адмирал (30.08.1988). На военной службе в ВМФ с 1947 г. Окончил Высшее военно-морское училище им. Ф.Э.Дзержинского (1947—1952), факультет военного кораблестроения по специализации энергетические установки кораблей Военно-морской академии с золотой медалью (09.1958—07.1961).

После окончания училища — командир группы электромеханической боевой части дизельной ПЛ СФ. С 1961 г. — командир электромеханической боевой части атомной ракетной ПЛ, на которой в сентябре 1963 г. совершил подледный переход через Северный полюс на Тихоокеанский флот. В 1964 начальник электромеханической службы дивизии атомных ПЛ ТОФ. В 1969 г. как один из лучших инженер-механиков флота назначен зам. начальника, а в апреле 1971 г. — начальником отдела Главного технического Управления ВМФ. Б. внес весомый вклад в освоение и эксплуатацию атомных энергетических установок ПЛ ПЛ, при его непосредственном участии разработаны документы, определяющие новые принципы эксплуатации ПЛА.

1-й начальник инспекции — адмирал-инспектор Инспекции ядерной безопасности МО СССР (10.1980—08.1990). Член международной группы экспертов МАГАТЭ по радиационному загрязнению Балтийского моря и морей Северного Ледовитого океана. Контр-адмирал (16.12.1982). С августа 1990 г. в запасе.

С 1992 г. возглавляет Управление по надзору за ядерной и радиационной безопасностью ядерных энергетических установок оборонного назначения гражданских судов Госатомнадзора России.

Награжден: орденом Ленина (1964), Трудового Красного Знамени (1978), «Знак Почета» (1972), «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст. (1990), медалями.

Болтунов Павел Иванович

10(23).01.1907 г. ст. Корниловка Сибирской железной дороги — 13.01.1956 г. Москва.

Русский. Контр-адмирал (03.01.1942). На военной службе в ВМФ с 1924 г. Окончил Военно-морское училище им. М.В.Фрунзе (09.1924—10.1927), штурманский класс Специальных курсов комсостава ВМС РККА (10.1929—10.1930), подводный класс Учебного отряда ВМС (12.1931—12.1932), военно-морской факультет Высшей военной академии, ныне Военная академия Генштаба ВС (12.1949—10.1950).

Командир взвода флотского экипажа (10.1927—01.1928), штурман ЭМ «Володарский» (01.1928—10.1929) МСБМ, Штурман ПЛ «Спартаковец» (10.1930—12.1931), пом. командира ПЛ «Гарibaldiец» (12.1932—04.1934), командир ПЛ «Л-4» (04.1934—02.1937), командир ПБ «Эльбрус» (02.1937—02.1939), начальник штаба 4 БПЛ (02.1939—02.1941) ЧФ.

Великую Отечественную войну вступил командиром 1-й БПЛ (02.1941—09.1942) в июне 1941 г. на ЧФ. С первых дней войны БПЛ, состоявшая из 4-х дивизионов, включавших 22 большие и средние ПЛ, действовала на морских коммуникациях противника и выполняла различные спецзадания. Уже 15 августа ПЛ «Щ-211» первой на флоте открыла боевой счет, потопив ТР противника. В конце года ПЛ «Л-4», «Л-5» и «Л-6» совершили 14 походов. Было поставлено 260 мин, на которых подорвались два ТР противника. Подводники, руководимые Б., действовали отчаянно, внося свою лепту в общее дело победы над врагом. С декабря 1941 и по декабрь 1942 г. ПЛ ПЛ совершили 75 боевых похода. Они высаживали на побережье противника разведгруппы, вели активное наблюдение за аэродромом противника

под Севастополем, по их данным наносились удары, доставляли различные грузы, вывозили раненых и больных. В августе 1942 г. БПЛ заминировала подходные фарватеры. Командир БПЛ (09.1942—01.1943) в период, когда ПЛ ПЛ были объединены в одну бригаду пятидивизионного состава. В период обороны Кавказа они совершили 64 боевых похода на вражеские коммуникации, прилежавшие у южного берега Крыма и вдоль западного побережья от Босфора до Одессы. Под руководством Б. было потоплено 15 судов противника и повреждено 5. Начальник отдела подводного плавания штаба ЧФ (01.1943—03.1945). В ходе кампании 1943 г. подводники флота совершили 102 боевых похода, потопили и повредили 27 ТР и др. легких судов, уничтожили 18 боевых кораблей и вспомогательных судов противника. Несмотря на тяжелые условия подводники делали все, чтобы содействовать очищению Крыма и Севастополя от захватчиков. Б. был награжден орденом Ушакова 1 ст., семь ПЛ награждены орденом Красного Знамени, пять стали гвардейскими, семи морякам присвоено звание Героя Сов. Союза. За гибель личного состава и ПЛ снят с должности и назначен с понижением. Начальник штаба Отряда учебных кораблей (03—11.1945) ЧФ.

В послевоенный период вновь командир БПЛ (11.1945—05.1947) ЧФ. Зам. адмирал-инспектора (05.1947—06.1948), адмирал-инспектор подводного флота (06.1948—12.1949) инспекции ВМС Главной инспекции ВС. Начальник Управления боевой подготовки ПЛ и ПЛО Гл. Управления боевой подготовки (10.1950—10.1952), зам. начальника по подводным силам (10.1952—04.1953) Морского Генерального штаба. Зам. начальника Управления боевой подготовки Гл. штаба ВМФ (04.1953—01.1956). Принял активное участие в разработке проектов «Наставления по боевой деятельности подводных лодок» (НПЛ-52) и «Курса боевой подготовки подводных лодок» (НПЛ-52).

Награжден: 3 орденами Красного Знамени (1942, 1944, 1945), орденом Ушакова 1 ст. (1944), Отечественной войны 1 ст. (1946), медалями.

Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Военно-морские атташе

Анципо-Чикунский Лев Владимирович

22.12.1898 г. с.Тимирязево ныне Старооскольского р-на Белгородской обл. — 16.06.1938 г. Москва.

Русский. Инженер-флагман 3 ранга (26.11.1935). Член партии с 1920 г. На военной службе в старом флоте с ноября 1916 г., в ВМФ с 1918 г. Окончил 2 курса Морского инженерного училища (1916—1918), электротехнический класс Соединенных классов специалистов флота (04.1920—01.1921), электротехнический факультет Военно-морской академии (1927). Владел французским и немецкими языками.

В гражданскую войну в отряде моряков Петрограда в мае 1919 г. воевал против войск генерала Н.Н.Юденича, в октябре 1919 — январе 1920 г. на бронепоезде «Черноморский». С ноября 1921 г. — секретарь комиссара Морской академии. Находился в командировке в Германии по сопровождению разоруженного крейсера «Диана» (03—09.1923). В ноябре 1923 г. отчислен из академии и направлен в распоряжение штаба МСБМ. Электротехник ЭМ «Троцкий» (12.1923—09.1924), ЛК «Марат» (09—11.1924), пом. ст. электротехника, ст. электротехник ЛК «Парижская коммуна» (11.1924—1927), зав. портовой электростанцией Главного военного порта МСБМ, Кронштадтского судоремонтного завода (1927—01.1928).

Военно-морской атташе при полпредстве СССР в Турции (01.1928—1930). Начальник Управления ВМС РККА Р.А.Муклевич пишет Начальнику Разведуправления Я.К.Берзину: «...Анципо-Чикунский прекрасно знает наш флот и морские вопросы и будет достойным; член партии и политической стороны никаких сомнений не вызывает; хорошо зарекомендовал себя в Турции; свободно говорит по-французски и читает (а теперь может быть и говорит) по-английски...»

Военно-морской атташе при полпредствах СССР в Италии и Греции (01.1931—09.1932), причем в Греции эта должность введена впервые.

Зам. начальника Управления вооружений УВМС РККА (09.1932—04.1934). Военно-мор-

ской атташе при полпредствах Италии и Греции (04.1934—02.1936), в Англии (02.1936—1937). Зам. начальника отдела Главного морского штаба РККФ (1937—01.1938). Арестован 29.01.1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 16.06.1938 г. по обвинению в участии в контр-революционной террористической организации, приговорен к расстрелу, приговор был приведен в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 23.11. 1956 г. реабилитирован.

Батис Эрнест Иванович

08(20).08.1892 г. Добленская волость и уезд Курляндской губ. ныне Латвийская Республика — 29.08.1937 г. Москва.

Латыш. Капитан 2 ранга (16.03.1936). На военной службе в РККА с 1918 г., в ВМФ с 1919 г. Член партии с 1913 г. Окончил Высшее городское училище в Митаве (1910), вечерние общеобразовательные курсы в Лондоне (1913) и Бостоне (1915), Курсы усовершенствования высшего начсостава (1926—1927), Особый курс (1933—1935) при Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова. Владел английским, немецким, французским и турецким языками. Родом из бедной семьи, в поисках работы эмигрировал сначала в Англию, где работал плотником, вступил в Социалистическую партию (1913); в 1914 г. переехал в США, в Бостоне окончил курсы плотников-строителей, плотник на судах судоверфи, матрос. Член американской Социалистической партии (1914—1917). В январе 1918 г. вступил в отряд моряков в Нью-Йорке, с которым в марте 1918 г. прибыл в Петроград. 1 апреля направлен на продовольственную работу во 2-й Александро-Невский продрайон; 1 августа по призыву большевиков назначен в распоряжение военного комиссара Вологды, а 20 августа назначен организатором продотрядов на Севере. Комиссар 2-х Северо-Двинских курсов мл. комсостава КА в Великом Устюге (11.1918—02.1919), запасного батальона (02—03.1919). С апреля 1919 г. — на политработе Северо-Двинской военно-речной флотилии. Агитатор, врид заведующего политотделом (05—06.1919), политкомиссар штаба, начальник политотдела (06—

11.1919), комиссар (11.1919-02.1920) флотилии. Член комиссии по обследованию боеспособности Северного морского воздушного дивизиона. Начальник политотдела Беломорской флотилии (03—04.1920). После ее реорганизации в Морские силы Северного моря 25 апреля 1920 г. — 1-й начальник политотдела. Начальник Политуправления Балтийского флота (09.1920—04.1921). С июля 1921 г. — член Центральной фильтрационной комиссии. Помощник начальника Морских сил по политчасти (11.1922—07.1924), комиссар МСДВ и Владивостокского военного порта (07.1924—05.1926), одновременно начальник политотдела (11.1922—10.1923; 10.1925—10.1926), комиссар и начальник политотдела МСДВ и Амурской речной военной флотилии (05—09.1926) и комиссар и начальник политотдела АРВФ (09.1926—06.1927, фактически до 16.10.1926). Начальник 4-го (командного) отдела Учебно-Строевого Управления ВМС РККА (1927—1930). Перед назначением на должность военно-морского атташе в Турцию Начальник Управления Военно-Морских Сил РККА Муклевич характеризует Батиса начальнику Разведуправления Берзину: "...Начальник IV отдела Учебно-Строевого Управления УВМС; занимал крупные политические должности на флоте, недурно знает флот как таковой; в свое время окончил годичные курсы Усовершенствования командного состава; член ВКП(б) с 1913 г. Знает английский и немецкий языки..."

Военно-морской атташе при полпредстве СССР в Турции (1930—1932). Пом. начальника штаба Черноморского флота (04.1935—11.1936). Начальник штаба отд. дивизиона миноносцев и сторожевых кораблей Северной военной флотилии (11.1936—03.1937). Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Награжден: орденом Красного Знамени в 1928 г. за героизм и отвагу, проявленную в борьбе с интервентами, именованным оружием.

Белли Владимир Александрович

10(22).07.1887 г. С.-Петербург — 01.07.1987 г. Ленинград.

Русский. Контр-адмирал (04.06.1940). Профессор (12.05.1945), кандидат военно-морских наук (16.12.1940). На военной службе с 1903 г., в сов. ВМФ с 1918 г. Окончил Морской кадетский корпус (09.1900—04.1906), минный

офицерский класс (10.1912—09.1913), курсы радиотелеграфии при минном офицерском классе (09.1913—01.1914), один курс практической восточной академии по японскому отделению (1919), второй курс института Востоковедения по японскому отделению (1922). Владел английским и французским языками.

Вахтенный офицер ЭМ «Прочный» (04—07.1907), полуротный командир отряда новобранцев (10.1907—04.1908), вахтенный офицер КЛ «Грозный» (04—09.1908), ЛК «Цесаревич» (09.1908—07.1909), КР «Аврора» (07.1909—10.1912), мл. минер КР «Громобоец» (01—05.1914), ст. минер ЛК «Цесаревич» (05.1914—03.1916), флагманский минер штаба минной дивизии БФ (03.1916—08.1917). Участвовал в спасении пострадавших при землетрясении в Сицилии и Калибрии (1908), в 1-й мировой войне. Капитан 2 ранга (1917). Награжден: орденом св.Станислава 3 ст. (1912), св.Анны 3 ст. с мечами и бантом (1916), св.Владимира 4 ст. с мечами и бантом (1916), иностранным орденом и медалью.

После Октябрьской революции продолжил службу. Пом. флагманского капитана штаба БФ (08.1917—02.1918). Участник ледового перехода из Гельсингфорса в Кронштадт. Командир ЭМ «Капитан Белли» (07.1918—07.1919), флагманский минер штаба Морсил Республики (07.1919—01.1921). Начальник части Управления ВМУЗ (01—10.1921), Учебного отдела Строевого управления УМС РККА (10.1921—11.1922). В октябре 1922 г. Б. был командирован в Пекин для участия в предполагавшихся переговорах с Китаем и Японией в качестве морского эксперта при делегации СССР на упомянутых переговорах. Ввиду происшедших в дальнейшем затяжек с началом переговоров Б. был задержан в Пекине на неопределенный срок, выполняя одновременно обязанности морского атташе.

Военно-морской атташе при полпредстве СССР в Китае (11.1922—06.1924). Из-за финансовых соображений по просьбе морского командования и при поддержке Зам. Председателя РВС СССР М.В.Фрунзе, но при активном возражении Наркома иностранных дел, был отозван из страны.

Начальник Иностранного отдела (06.1924—07.1925), пом. начальника Оперативного управления штаба РККФ (07.1925—11.1926). Преподаватель кафедры стратегии Военно-морской академии (11.1926—10.1930).

Репрессирован 15.10.1930, восстановлен в кадрах РККФ 04.01.1932 г. Ст. руководитель (11.1932—06.1937), исп. должность начальника кафедры и начальник командного факультета (06.1937—07.1939), исп. должность начальника кафедры оперативного искусства Военно-Морской академии им. К.Е.Ворошилова (07.1939—05.1945).

Принял участие в Великой Отечественной войне. Летом (1942 и 1943) по два месяца находился на Северном и Балтийском флотах, с одновременным руководством практикой слушателей командного факультета. С 1943 г. — консультант международно-правового отдела Главного Морского штаба ВМФ. В 1944 г. зачислен в списки офицеров оперативной службы. С 1945 г. привлекался к чтению лекций в академиях Генерального штаба и им. М.В.Фрунзе.

Начальник кафедры стратегии и оперативного искусства (05.1945—08.1949), одновременно начальник командного факультета (05—09.1945) Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова. Б. участник международных переговоров. В сентябре 1922 г. находился в составе делегации РСФСР по переговорам с Японией в качестве морского эксперта, в июне 1925 г. в составе делегации на советско-финляндской конференции по вопросу поддержания порядка и содержания мореходных сооружений в Финском заливе. С августа 1949 г. в отставке.

Награжден: орденом Ленина (1945), 2 орденами Красного Знамени (1944, 1949), орденом Отечественной войны 1 ст. (1945), Трудового Красного Знамени (1943), медалями.

Похоронен на Смоленском кладбище.

Соч.: Борьба за Тихий океан. М.; Л., 1929.

Операции подводных лодок. Л., 1933.

Военно-морской международно-правовой справочник. 1 кн. М.; Л., 1939; 2 кн. М.; Л., 1940.

Флот в первой мировой войне. Т.1—2. М., 1964.

Блокада и контрблокада. М., 1967.

Боевые действия в Атлантике и на Средиземном море. 1939—1945. М., 1967.

Воспоминания. В 2-х ч. (Рукопись в РГА ВМФ).

Беренс Евгений Андреевич

30.10(11.11).1876 г. Тифлис — 07.04.1928 г. Москва.

Русский. Капитан 1 ранга (10.04.1916). На военной службе в старом флоте с 1892 г. (с перерывом), в сов. ВМФ с 1918 г. Окончил Морской кадетский корпус (1895). Владел английским, немецким, французским языками. В 1904 г. — ст. штурман КР «Варяг», участвовал в морском бою у Чемульпо (1904), за этот бой награжден орденом св.Георгия 4 ст. (1904). После русско-японской войны преподавал в Морском кадетском корпусе, читал лекции в Академии Генштаба, служил на кораблях Балтийского флота. Пом. ст. офицера (1906—1908), ст. офицер (1908; 1909) ЛК «Цесаревич». Принял участие в спасении жителей Мессины (Сицилия) во время землетрясения, за что награжден медалью. Военно-морской агент в Германии и Голландии (11.1910—06.1914), командир КР «Адмирал Невельской» (06—08.1914), прикомандирован к Морскому Генштабу (08.1914—06.1915). Военно-морской агент в Италии (06.1915—03.1917). Начальник статистического (03—07.1917), иностранного (07—11.1917) отделов Морского Генштаба. После Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти. Начальник Морского Генштаба (11.1917—04.1919), одновременно член Высшего Военного Совета (04—09.1918). Участвовал в разработке плана Ледового похода Балтийского флота 1918 г., обосновал доклад Советскому правительству о необходимости затопления Черноморского флота в Новороссийске в 1918 г. Командующий Морскими Силами Республики (04.1919—02.1920). Для особо важных поручений РВС Республики (02.1920—03.1924).

Военно-морской атташе при полпредствах в Англии (03.1924—12.1926) и одновременно во Франции (01.1925—12.1926). Небезынтересна в связи с этим телеграмма от 15 июля 1925 г. начальника Морских Сил СССР А.В.Домбровского Беренсу: «Морское командование считает Вас не только морским агентом Англии зпт но представителем Морведа всех Зап.-Европейских государств и признает соответствующую Вашему положению должность Старшего флагмана зпт что приравнивается к чину вице-адмирала тчк Время пребывания Вашего в должности Старшего флагмана надлежит считать с 1 января 1920». Для особо

важных поручений при Наркомвоенморделами (05.1927—04.1928).

Участие Б. во внешней политике Советского государства: на конференции по заключению мирного договора с Финляндией (1920); военно-морской эксперт на Генуэзской конференции (1922); на Лозанских конференциях (1922—1923); на конференции по сокращению военно-морских вооружений в Риме (1924), где выдвинул требование о возвращении русских военных кораблей, уведенных белогвардейцами в Бизерту в 1920 г.; осенью 1927 г. в Женеве принял участие в работе 4-й сессии Комиссии Лиги Наций по подготовке конференции по разоружению.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Бологов Николай Александрович

25.05(07.06).1894 г. Нижнедевицк ныне Воронежской обл. — 22.06.1969 г. Москва.

Русский. Контр-адмирал (04.06.1940). В ВМФ с 1918 г. Член партии с 1919 г. Доцент (1938). Окончил Воронежский кадетский корпус (08.1904—09.1909), Морской корпус (09.1909—04.1914), минный офицерский класс (09.1916—03.1917). Знал английский язык. На военной службе с 1911 г. Ревизор и ротный командир крейсера «Митава» (08.1914—03.1915), флаг-офицер штаба 2-й бригады крейсеров (03.1915—09.1916). Участник 1-й мировой войны. Награжден орденом св. Станислава 3 ст. с мечами. Лейтенант (1916).

После Октябрьской революции службу продолжил в ВМФ на Балтике — ЭМ «Константин» (03.1917—02.1918). Флаг-секретарь штаба минной дивизии (08.1918—03.1919), пом. командира ЭМ «Капитан Изыльметьев» (03—06.1919). Принял участие в Гражданской войне — адъютант отряда моряков Петроградской морской базы против генерала Юденича, участвовал во взятии «Красной Горки» и Ямбурга. Командир ЭМ «Выносливый» (08.1919—06.1920), «Самсон» (06.1920—03.1921), ЛК «Парижская коммуна» (03—08.1921). Начальник отдела Оперативного отдела МСБМ (08.1921—05.1922). Начальник и комиссар Учебного отряда МСБМ (05.1922—03.1924). Начальник и комиссар Военно-морского училища им. М.В.Фрунзе и Специальных курсов усовершенствования командиров флота (03.1924—10.1926). Начальник Учебного отдела (10.1926—10.1927), пом. начальника Учебно-строевого Управления УМС РККА (10.1927—12.1929). Военно-морской атташе при полпредстве СССР в Японии (12.1929—

12.1932). Начальник 3-го (кадры) Управления УВМС РККА (12.1932—04.1934). Командир и военком Отряда Учебных кораблей БФ (04—10.1934).

С 1934 г. продолжил службу в Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова. Адъюнкт (10.1934—10.1936), руководитель кафедры военно-морской истории (10.1936—12.1937), исп. должность начальника командного факультета (12.1937—04.1938), исп. должность профессора кафедры (04.1938—03.1939), начальника кафедры (03.1939—04.1941) военно-морской истории. Пом. начальника Исторического отдела ГМШ ВМФ (04—11.1941).

Принял участие в Великой Отечественной войне при обороне Ленинграда. Находился при главнокомандующем войсками Северо-Западного направления (08—11.1941), с 11 по 25 августа непосредственно в штабе командующего Морской обороной Ленинграда и Озерного района. Начальник Исторического отдела (11.1941—07.1943). Начальник международно-правового отдела ГМШ ВМФ (07.1943—03.1946). Находясь на этой должности, зачислен в группу офицеров оперативной службы ВМФ (02—10.1946). Представитель НК ВМФ при Уполномоченных СНК СССР по делам контрольных комиссий Румынии и Финляндии, находился в составе морской группы делегации СССР на Ялтинской конференции союзников. Под его руководством проведены подготовка проектов договоров с Италией, Румынией, Финляндией, Германией, касающихся военно-морских флотов и баз, разработки материалов по проблемным вопросам морского международного права.

Исп. должность начальника кафедры Отечественной войны Высших Всеармейских военно-политических курсов ГПУ СА (10—11.1946), исп. должность зам. начальника Военно-политической академии им. В.И.Ленина по НУР (11.1946—07.1947), там же начальник кафедры ВМС (07.1947—08.1948). В отставке с августа 1948 г.

Награжден: орденом Ленина (1945), Красного знамени (1944), Нахимова 2 ст. (1944), Красной Звезды (1944) и медалями.

Соч.: Альбом по истории развития военного корабля: Учебное пособие. Л., 1936 (две главы).

Мировая империалистическая война 1914—1918 гг.: Курс лекций. Л., 1938.

Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Список сокращений

БПЛ — Бригада подводных лодок	МСБМ — Морские силы Балтийского моря
БЧ — Боевая часть	МСЧМ — Морские силы Черного моря
ВМБ — Военно-морская база	ПБ — Плавбаза
ВМС — Военно-Морские силы	ПЛ — Подводная лодка
ВС — Вооруженные силы	СТОФ — Северная Тихоокеанская флотилия
ГМШ — Главный морской штаб	СФ — Северный флот
ДПЛ — Дивизион подводных лодок	ТОФ — Тихоокеанский флот
КБФ — Краснознаменный Балтийский флот	ТР — Транспорт
КЛ — Канонерская лодка	Убеко — Управление по безопасности кораблевождения
КР — Крейсер	УК — Учебный корабль
ЛК — Линейный корабль	ЧФ — Черноморский флот
МО — Министр обороны	ЭМ — Эсминец

Автор настоящей публикации вносит дополнения к биографиям, опубликованным во втором номере журнала:

Г.Н.Аврамова: начальник училища с 08.

А.П.Александрова: похоронен на Смоленском кладбище.

В.А.Андреева: кремирован, урна с прахом — на Донском кладбище.

Л.И.Антонова: умер в г.Луга 26.08.1969 г., похоронен на городском кладбище.

В 4-м номере редакция продолжит публикацию биографий российских адмиралов и военно-морских атташе.

С.И.Романовский

Некоторые зигзаги российского исторического процесса

Публикацией материала Сергея Ивановича Романовского редакция журнала открывает новую рубрику «Историческая публицистика». Представляя настоящую статью, написанную ученым-естественником, действительным членом Международной ассоциации историков науки, главным научным сотрудником Всероссийского научно-исследовательского геологического института имени А.П.Карпинского, доктором геолого-минералогических наук, мы надеемся, что расширение тематики публикуемых в журнале материалов, привлечет внимание читателя, а взгляд на проблемы исторической науки человека, долгие годы интересующегося перипетиями российской истории, стремящегося понять ее логику и динамику, будет небезынтересен всем, кто считает себя русским интеллигентом.

*И буду громко хохотать,
Чтоб сердцу не было так жутко...*

Пьер Ронсар

Историческая колесница

История — удивительная наука. Она обладает колоссальной притягательной силой. Ею интересуются почти все, а многие, не будучи профессионалами, даже пытаются проводить собственные исследования. В чем ее магия? Возможно, в ее слабости: она не имеет собственного жесткого теоретического каркаса, а потому дает широкий простор для конструирования произвольных объяснительных схем, которые всегда, как писал Н.А.Бердяев, точно соответствуют “духу познающего”. Именно поэтому мы не имеем и никогда не будем иметь просто историю России, но непременно — в “духе” Татищева, Карамзина, С.Соловьева либо Ключевского.

Однако методологическая слабость истории является одновременно ее мощным психофизическим стимулятором. На самом деле, хорошо известно, что история напрочь лишена предсказательных функций, она все знает о

прошлом, способна трансформировать груды достоверных фактов в так называемый исторический процесс, более того — оценить тренд этого процесса, но он в лучшем случае упрется в день сегодняшний и оборвется. В “завтра” истории путь заказан. Не отсюда ли расхожее: поживем — увидим. Любые рассуждения о будущем история с презрением отбрасывает, поручив сии шарлатанские функции футурологии. С ней она ничего общего иметь не желает.

Правда, на определенных этапах развития исторической науки ей делали методологические прививки, пытаясь ее истинам придать объективный характер. Так случилось впервые в середине XIX столетия, когда теорию эволюции органического мира пытались перенести и на исторический процесс: стали рассуждать о его эволюции и делать заключения об объективном характере исторического развития.

Примером “эволюционного” толкования российской истории является известный многотомный труд С. М. Соловьева. И хотя человек — основная составляющая исторического потока, он мог вести себя только как ничтожная щепка, влекомая в его водовороты. В лучшем случае человек мог что-то предпринять, но повлиять на течение потока был не в состоянии.

Такой подход пришелся по душе марксистским историкам. Как же: если история объективна, значит все, что сотворили практики марксизма с Россией, было предначертано немолимой поступью исторического процесса. К тому же из объективности истории вытекало еще одно “неуязвимое” следствие — ее безальтернативность и уникальность каждого исторического момента: сравнивать не с чем да и рассуждать незачем. Почти на целое столетие русские историки были лишены возможности задавать вопросы прошлому.

Однако необратимость истории действительно является следствием ее объективности, из необратимости же вытекает и преемственность исторического процесса, равнозначность и незаменимость любого его этапа. Тогда напрашивается вопрос: коли мы говорим о преемственности истории, значит исторический процесс должен иметь некую внутреннюю логику, познав которую можно давать и обоснованные экстраполяционные прогнозы? Но этого историк, слава Богу, делать не умеет. Следовательно, преемственность исторического процесса — чисто апостериорная, мы цементируем два смежных исторических периода, когда они уже канули в Лету, но никакая внутренняя логика нашей концепции не позволит однозначно сказать — каким будет следующий период, какие события его определят.

Почему? Да только потому, что история — это концентрат, даже конгломерат политической деятельности ведущих исторических персонажей. Они стоят за бруствером исторической колесницы и часто поворачивают ее совсем не на ту дорогу, на которую, казалось бы, указывает внутренняя логика исторического процесса. Отсюда, кстати, вытекает интересная чисто научная проблематика: связать складывающуюся веками ментальность нации с разумом и волей конкретных исторических деятелей, инициатива которых и предопределяет цепь исторических колдовращений.

Из всего сказанного вытекает вывод, к ко-

торому в свое время пришел Н.А. Бердяев: “Имманентного смысла история не имеет, она имеет лишь трансцендентный смысл”. Поэтому любые предсказания, даже сбывшиеся, точнее все же считать пророчествами*. На что, к примеру, мог опираться 16-летний Лермонтов, когда писал свое жуткое — кстати сбывшееся — «Предсказание»:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон...

Ответить невозможно. Приводить рациональные доводы глупо, а пытаться дознаться до неведомых движений души поэта — бессмысленно.

Может быть, следует перевести интересующую нас проблему в другую плоскость и попытаться понять, что станет с историей, если ее лишит навязанного нами же детерминизма, зато наделить всеми атрибутами вероятностной науки, т.е. предположить, что она в состоянии просчитать вероятность последующего события, когда известно, какое событие реально перед ним произошло. Что из этого может следовать? Очень многое. Если, к примеру, исторический пасьянс покажет, что наиболее вероятно одно, а на самом деле случилось другое, значит доля субъективной воли, учесть которую практически невозможно, играет в истории решающую роль. Станет также ясно, что пресловутая внутренняя логика исторического процесса является пока доминирующим аргументом только потому, что грамотно разложить событийные карты истории — задача еще более сложная, чем выстроить классические объяснительные концепции в рамках истории детерминированной.

К тому же есть еще один довод в пользу именно вероятностного подхода к историческому процессу. Он опирается на постулаты так

* Если предсказание принадлежит к категории естественнонаучных, являясь по сути синонимом таких понятий как прогноз, экстраполяция, заключение по аналогии, то пророчество — понятие скорее богословское, отражающее признак сверхъестественного откровения. Даром пророчества в наибольшей степени были наделены гении русской литературы: Лермонтов, Тютчев, Достоевский. Они не могли “знать” будущее, но, тем не менее, отчетливо “видели” его.

называемой философии нестабильности бельгийского физико-химика Ильи Пригожина. Из нее следует, что даже если мы в принципе можем знать начальные условия в бесконечном числе точек, что на языке истории означает знание всех свершившихся событий за конкретный отрезок времени, будущее тем не менее остается принципиально непредсказуемым.

Итак, с будущим история ничего общего иметь не может. Это не ее сфера. И все же “поля нереализованных возможностей” история анализировать обязана, ибо это дает основание ученым мысленно пройти и по другим историческим тропам и, оценив складывающиеся исторические перспективы, более трезво относиться к тому, что реально свершилось. Ю.М.Лотман считал, что “непройденные дороги для историка такая же реальность, как и пройденные”. Для историка — да, но не для истории. Историк и путешествует по этим дорогам только для того, чтобы понять почему история ими пренебрегла.

Артур Шопенгауэр выдвинул крайне психологически неприятный тезис: история человечества — это история зла, поскольку в схватке силы и разума верх всегда берет сила, ведь ее пособником является разум и он же становится слугой новой силы. Получается па-

радоксальный, на первый взгляд, вывод, будто разум — умножитель зла. На самом деле никакого парадокса нет. Если разум рассматривать в пространстве нравственных категорий, то он может рождать только добро. Но коли мы переместились в пространство исторических реалий, где непрерывно, как полагал английский историк Томас Карлейль, идет смертельная “игра эгоизмов”, разум вынужденно становится активным участником этой “игры”, в том числе и в команде победителей, т.е. более сильных. К тому же основная сила победителей чаще всего — ложь, упакованная в сладкую облатку всеобщего счастья. Поэтому разум оказывается еще и невольным заложником подобной “игры”.

Какой же “эгоизм” чаще всего побеждает? Тот, который в состоянии подчинить своей воле политику страны, сделав ее *своей* для народа. В этом смысле любая историческая фигура незаменима. Именно поэтому “тайна истории уходит в тайну личности” (Г.С.Померанц). Можем ли мы оторвать политику Чингизхана от самого Чингизхана, наполеоновскую империю — от Наполеона, большевистскую Россию — от Ленина, немецкий национал-социализм — от Гитлера? Мы вольны сколько угодно пинать эти фигуры, но обязаны увенчать их лаврами победившей силы.

Как посмотреть...

Например так: как бы ни трактовали процесс российской истории, какую бы мотивацию ни подводили под укрепление московского абсолютизма, чем бы не объясняли постоянное разрастание плохо приспособленного к человеческому бытию “жизненного пространства”, для простого человека, особенно мыслящего и совестливого, жизнь в России всегда была безрадостной. Это была бесконечная череда преград и преодолений. Человек жил, неся тяжкий крест своей жизни, не ведая, что “крест” этот наследуемый, что надежды на лучшую жизнь не сбудутся и крест понесут следующие поколения. Русский человек, однако, всегда был богобоязненным, а потому не роптал. А ежели и случалось, то злился на писаря, старосту или урядника. Для него именно эти люди были источником постоянного унижения, именно они олицетворяли жизненные невзгоды. Царь же

всегда был свят. На него молились, на него уповали.

Столь же святым для русского человека всегда было понятие Отечества. За него он рдел, за него и жизнь отдавал. Так его воспитывала православная церковь, таким его делала русская история.

И не задумывался никогда православный — а взаимна ли эта любовь? Что он лично, простой русский мужик, значит для России? Ценит ли она его? Помыслить подобное, да еще возжелать уважения к своей личности для русского человека было бы проявлением непростительной гордыни. Россия возвышалась в его глазах как неприступный бастион, с высоты которого отдельного человека и не разглядеть вовсе. Поэтому свою малость и ничтожность русский мужик воспринимал как должное. Человек в России всегда был пылью, ос-

тающейся на проселке после бешеного скача “птицы-тройки”.

В отличие от черни дворянское сословие вполне сознавало свою цену, хотя и дворяне понимали, что любой из них в отдельности для российского монстра ровным счетом ничего не значит. И тем не менее будущность России, ее судьба были для них превыше всего. Как и чернь, они столь же преданно любили свою страну, как любят дети непутевую мать. Они искренне полагали, что не только можно, но и должно указывать на язвы всегда больной российской действительности, что во имя будущего “плохого царя” можно и устранить, но столь же искренне они уважали российское прошлое, каким бы мрачным оно ни было; они твердо были убеждены в том, что история страны — от Бога, а потому и не желали иметь другую историю. Здесь несколько перефразированы известные слова Пушкина, написанные им в связи с панически отчаянным «Философическим письмом» изверившегося Чаадаева.

И все же в чем-то Чаадаев был прав. Ибо похоже на то, что если и дал Бог России такую историю, то потому только, что за какие-то ее прегрешения забыл о России вовсе, как будто и нет такой страны на Земле. Чем же она провинилась перед Господом? Не тем ли, что путь ее оказался несправедливым, что земли умножала без меры, подавляя своей массой чухонцев, свинцом — чеченцев, что сколотила в итоге разноплеменную империю и все силы употребила на удержание порядка в ней? Коли так, то нечего и роптать: благополучной Империя быть не может. Ведь нет в ней человека, а есть только традиции и сила.

Подданный империи — всегда ее раб. Свободы* он лишен по праву своего рождения.

* Вопросы свободы, свободы воли тождественной свободе выбора — вечные спорные вопросы философии и богословия. В осмысленной постановке они существуют со времен Сократа. Их трактовали и как свободу творческой силы, и как безусловную нравственную волю, и как производящую причину человеческих поступков. В данном очерке свобода понимается скорее как социокультурная категория, как некая равнодействующая тех нравственных и интеллектуальных устремлений человека, которые контролируются и ограничиваются существующими в государстве нормами и историческими традициями. Соответственно, русские “воля”, “вольница” отражают полное небрежение этими нормами и традициями, разрыв их.

Рабская же психология человека — это любимая дочь деспотии, являющейся духом империи, ее религией. Но природу и в этом обмануть нельзя. Сила может заставить человека согнуться, может даже сломать его, вынудить пресмыкаться и заискивать, но и она не способна убить в человеке дух свободы. Он может быть так глубоко упрятан в неведомых тайниках души, что человек за всю жизнь так и не заглянет в них. Но дух этот жив. И чем сильнее он придавлен, тем страшнее его прорыв. Когда такое случается, жить на Руси становится еще страшнее. Вырвавшаяся наружу вольница разносит все на своем пути. Случалось такое часто: Стенька Разин, Емелька Пугачев и многие другие “горланы” продемонстрировали это наглядно. Но наиболее кроваво “свобода” разлилась по России в 1917 г. Красный террор, белый террор — это родные братья той стихии, которая мгновенно запылала в русской душе; беспредел, безудержная жестокость — единственное, что могло ее по-настоящему возбудить. Круги ада, в которые была ввергнута Россия, есть логическое завершение русской революции по-русски.

Академик Д.С.Лихачев, пытаясь очертить контуры национального характера русского человека, выделяет две основные, с его точки зрения, черты. Это стремление к “воле” и тяга к “крайностям”. О том же в начале века писал и Д.С.Мережковский: “Нас очень трудно сдвинуть; но раз мы сдвинулись, мы доходим во всем, в добре и зле, в истине и лжи, в мудрости и безумии до крайности”. О причинах подобных крайностей мы уже знаем. Но крайность — это всегда сверхъестественно, это всегда не столько дело и чувство, сколько экзальтация и надрыв. Даже любовь к отечеству и та — надрывная: “Россия! родина! те, кто любил тебя, жил тобою, верил в тебя, знали ли они от тебя что-либо, кроме муки? За муки любили, чрез муки верили...” (С.Н.Булгаков).

Не в этом ли и состоит суть “загадочной русской души”? Не вековечное ли рабство ее родословная? Не есть ли свидетельство гипертрофии духа то, что русский человек, безропотно вынося плеть и издевательства, думал не о собственном достоинстве, а о счастье всего человечества? И не то же ли неискоренимое рабство, которым насквозь проржавел русский человек, является глубинной причиной того, что в России никогда не велась целенаправленная, последовательная борьба за свободу, не по

этой ли причине России противопоставлены порядки “западных демократий”, которые так и не прижились у нас и можно быть уверенным в том, что не приживутся до тех пор, пока человек не раскрепостит свою душу.

Максимум, на что способны были наши пращуры, так это взять топоры да колья и, зайдя в раже от пьянящей вольницы, крушить вокруг все и вся. А поостыв, трезвели и понуро плелись в свои загоны да подставляли шеи под еще более жесткие хомуты. Причем, если раб-крестьянин был терпелив беспрдельно, то раб-интеллигент, напротив, нетерпим и нетерпелив. Ему, если что пригрезилось, так подавай все сразу и сполна. Еще Ключевский заметил, что нетерпимость и беспрдельное терпение русского народа — две, казалось бы, взаимоисключающие черты, воспитаны веками русской истории: первая порождена расколом XVII в., вторая — следствие верования людей в лучшую жизнь.

Чисто русской особенностью заключалась и в том, что все преобразование в стране шло “сверху”, причем дозированно (иначе Россию разорвало бы как паровой котел) и не вовремя. Веками могли жить, ничего не предпринимая, но как только царь начинал какие-либо реформы, то радикальные аппетиты требовали большего, причем нажимали на того, кто и сам готов был уступить. Под твердой царской дланью безропотно пригибались, а за царем-освободителем с бомбами гонялись четверть века и доконали-таки.

Умнейший Ф.И.Тютчев точно заметил, что в истории есть роковой закон, по которому страна расплачивается за прошлые грехи не тогда, когда они совершаются и не тогда, когда грешат еще больше, а тогда только, когда решают не грешить более, когда пытаются повернуть страну на путь реформ. Так было и во Франции, когда при Людовике XVI расплатились за грехи Людовиков XIV и XV, так было и в России при Александре II, который своими реформами расплачивался не за себя, а за отца своего.

Корень зла, вероятно, в том, что от царя исходил только начальный реформаторский импульс, в жизнь же реформы проводила армада чиновников, олицетворявшая собой действительную власть, а ей все эти начинания были не нужны, она оставалась столь же безнравственной, какой и была...

Все крайности русской истории, которые

справедливо связывают, с одной стороны, с невероятными просторами страны, суровым климатом, многонациональным составом населения, а с другой — с натужными усилиями правительства удержать эту аморфную массу в целости и повиновении, привели в итоге к тому, что технология управления империей-монстром, не меняясь веками, постепенно старела и со временем перестала быть адекватной внутренним процессам, подспудно вызревавшим в российском обществе.

Как это ни странно, дрожжами, поднявшими эти процессы на неуправляемую высоту, была русская культура в широком смысле этого слова. Принято считать, что главное предназначение культуры — “улучшать” качество истории. В целом так оно, вероятно, и есть. И в тех странах, где национальная и мировая культура как бы фильтруются всем обществом и постепенно достигают самых его нижних слоев, уровень культуры нации постепенно растет и тогда, на самом деле, можно говорить о том, что культура “улучшила” историю. Но и в этом случае процесс ассимиляции народом достижений культуры крайне медленный, эволюционный. Реальное его влияние можно ощутить по прошествии многих веков.

В России же и этот процесс протекал весьма своеобразно. В допетровской России, когда она была еще “юной”, если воспользоваться терминологией С.М.Соловьева, основным рассадником культуры была православная церковь. И в то время в этом отношении все русское общество было, как это ни странно, более однородным: православная культура в большей мере воздействует на чувства человека, чем на разум, а это в равной мере доступно всем верующим. С началом петровских реформ произошло резкое расслоение общества: верхняя его пленка стала получать светское, в том числе и европейское, образование, т.е. такая культура давала человеку не только знания, но и прививала способность к размышлению. Тогда как все остальные слои общества по-прежнему подпитывались только эмоционально. К концу XVIII столетия это расслоение стало наиболее разительным: дворянство и высшая светская знать владели французским языком значительно лучше, чем родным русским, тогда как 95% населения было просто неграмотным. Россия оказалась покрытой практически непроницаемой пленкой, через которую достижения европейской цивилизации в толщу на-

селения страны не проникали вовсе. Культура поэтому не столько пропитывала общество, сколько еще более разъединяла его, отчуждала основную массу народа от правящей элиты и становилась не элексиром здоровья русского общества, а детонатором взрыва.

Но в любом случае, с конца XVII в. Россия начала взрослеть, в русском обществе стали задумываться о путях развития страны, появилась тяга к знаниям и даже прижились первые посадки вполне современной науки. Одним словом, стал расти и набирать силу образованный слой общества, для которого на первом плане уже стояла мысль.

Бердяев полагает, что основной конфликт, подспудно вызревавший в течение XVIII и XIX вв., — это столкновение идеи дальнейшего укрепления империи (ее носители — Двор и вся царская бюрократия) и идеи православного московского царства (Москва — третий Рим), она проникала через церковные проповеди в самые толщи необразованной части населения и в сильно деформированном виде — даже в среду русской интеллигенции. Этот идеологический нарыв не помешал, однако, создать величайшую литературу и вырваться из-под спуда “напряженной, своеобразной, очень свободной мысли”.

Русские писатели (поэты прежде всего) фокусировали русскую историю в точный, наглядный и единственный образ. Они обладали даром, которого напрочь лишены историки-профессионалы: отчетливо *видеть* будущее. В определенном смысле коротенькое «Предсказание» Лермонтова перевешивает 12 томов дошного Карамзина, а отчетливо увиденные Достоевским сквозь завесу времени “бесы” — наиболее доходчивое разъяснение русскому обществу социально-экономического гнояника “нигилизма”. Д.Л.Андреев в своей знаменитой ныне «Розе мира» назвал Лермонтова и Достоевского “великими созерцателями «обедных бездн»” — бездны прошлого и бездны будущего.

Можно сказать, что русская литература XIX столетия — это напряженный нерв русской истории. Русские поэты тонко и глубоко чувствовали нависшую над Россией грозную тучу. Ее никто не видел, а они уже слышали громовые перекаты. Лермонтов, Тютчев, Блок буквально рвали душу своими пророческими рифмами. И нельзя пенять русскую интеллигенцию и даже архаичное царское прави-

тельство, что они не слышали предреkania своих поэтов. Слышали, разумеется. Но русская интеллигенция рефлексировала эти образы будущего по-своему: через истерическую публицистику и туманную религиозно-мистическую философию. От подобных рецептов можно было прийти в еще большее уныние. Правительство же, призванное уравновешивать настроения разных социальных сфер, судорожно металось между “устоями” и назревшими новациями. А поскольку оно никогда в России не было самостоятельным, то все начинания верхов оказывались “не ко времени”, они не столько успокаивали людей, сколько раздражали их.

К тому же русская интеллигенция, наиболее совестливая и комплексирующая часть общества, чувствовала себя в России “отщепенцами”, никому не нужными интеллектуальными отходами государства: народ на них смотрел как на пришельцев с Луны, а для правительства они служили постоянным раздражителем, оно отмахивалось от “интеллигентских штучек”, как от назойливо жужжащих комаров. Это возбуждало у интеллигенции еще больший преобразовательский зуд...

Крупный русский философ С.Л.Франк в 1918 г. вынес свой приговор интеллигенции, столь “навредившей” российской истории: “Русская интеллигенция не оценила и не поняла глубоких духовно-общественных прозрений Достоевского и совсем не заметила гениального Константина Леонтьева, тогда как слабая, все упрощающая и нивелирующая моральная проповедь Толстого имела живое влияние и в значительной мере подготовила те кадры отрицателей государства, родины и культуры, которые на наших глазах погубили Россию. Тот семинарист, который, как передают, при похоронах Некрасова провозгласил, что Некрасов выше Пушкина, предсказал и символически предуготовил роковой факт, что через сорок лет Ленин был признан выше Гучкова и Милюкова...”

Подобный приговор можно и обжаловать. Во-первых, все же поняла и прочувствовала русская интеллигенция прозрения Достоевского. И именно поэтому судорожно заметалась в поисках “спасительного” рецепта. Но российский государственный организм к тому времени уже был столь сильно поражен злокачественными новообразованиями, что лечить его интеллигентскими пилюлями было бессмыс-

ленно. Во-вторых, Россию никто не погубил. Она жива по сию пору. Рухнуло все привычное, насиженное и любимое. Россия же попала в историческую трясиину. Но любая трясиина не бездонна. И хотя из эволюционного развития выброшено почти целое столетие, Россия болотная жижа не поглотила. Выбраться из нее действительно трудно. Но это уже другой вопрос. В-третьих, как это не грустно признать, но юрист-заочник Ульянов оказался все же “выше” профессора Милюкова хотя бы потому, что сумел взерошить на целое столетие — а возможно и более — полмира, а могучая Россия встала — таки перед ним на колени, и он со своими последышами вытворял с ней все, что вздумается, 75 лет.

Вывод поэтому можно сделать вполне определенный: русская интеллигенция выполнила свой моральный долг так, как она его понимала, — добросовестно и надрывно указав на все язвы, изъевшие страну. Язвы эти, кстати, были видны и без ее указаний. Но чтобы они не расползались по телу, чтобы лечить их терапевтически, нужно время и немалое. Интеллигенция же — прежде всего “демократическая” — была нетерпелива и требовала немедленного исцеления. Добиться же его можно было только хирургически, что, к несчастью для страны, и случилось. Единственное, что могло уберечь Россию от революционного скальпеля, — ее нравственное здоровье. Но, как оказалось, и оно было подорвано.

В.О.Ключевский выделял четыре основных импульса, существенно повлиявших в допетровской России на расшатывание нравственных основ нации: падение Византии, борьба московского государя со своими боярами, пресечение старой династии Рюриковичей и церковные новшества Патриарха Никона (раскол).

... Россия тяготела к Византии, но в середине XV в. басурманы покорили Константинополь и столицы православия не стало. Россия еще не успела укоренить в своей душе идеи Христа, как ее поглотили монголы, а за два с половиной столетия ига сменилось восемь поколений православных; после освобождения России в XV в. это был уже исстрадавшийся, вымученный, догматизированный и отсталый Христос (В.О.Ключевский). Европейское христианство ушло далеко вперед, а Россия стала вынашивать затхлую идею “Москва — третий Рим”. Идея оказалась утопической и поклоне-

ние ей в итоге привело к расколу, к окончательному надлому и срыву русской души — глубоко верующей, впечатлительной и темной. Московское православное царство стало, по выражению Бердяева, “тоталитарным государством”. А суть раскола русский философ видел в том, что раскол поставил под вопрос мессианское призвание русского народа, что православное царство, Третий Рим, “повредилось” государственной властью, а высшей церковной иерархией “овладел антихрист”.

Истинное православие уходит под землю. Далее раскол как бы трассируется через всю русскую историю: раскольничей стала русская демократическая интеллигенция, считавшая, что властью в стране наделена “злая сила”, по сути раскольничьим оказалось и диссидентское движение в середине XX в.

Русская православная церковь уже к началу XVIII столетия была бессильной и униженной. Она перестала быть той церковью, которая, как писал С.Л.Франк, “не только имела когда-то великих святых и проявила великое духовное творчество, но и своею нравственной силой содействовала объединению русского народа и спасению его от татарщины и развала Смутного времени”. Эта униженность православной церкви не могла не сказаться на прогрессирующем развитии депрессивного состояния русского национального духа. Следующий этап болезни: апатия, безразличие, а по сути — паралич духа и привел в итоге к тому, что народные массы оказались глухи к спасительным стенаниям русской интеллигенции, что православие не стало той нравственной броней, которая в другой ситуации могла бы с легкостью отразить все удары по тысячелетнему укладу народной жизни. Сакральность души русского народа оказалась весьма неглубокой, ее хватило лишь на то, чтобы внутренне принять и даже оправдать насилие.

Даже умнейшая часть русской интеллигенции не чувствовала этих опасных тенденций. Крупный русский философ князь Е.Н.Трубецкой еще в начале XX в. уповал на Христианство, как на “единственную нравственную силу, перед которой у нас склоняются народные массы”.

Напрасно. В критический момент нравственный стержень народа быстро переломился, и народ российский не смог противостоять напору разрушительной стихии. А возможно — и это вернее — не счел нужным сопротивляться:

кому? он же сам и явился этой самой стихией, она была для него родной, вполне русской по размаху и удали. Вывод, сделанный В.С. Соловьевым, приходится по этим причинам признать убийственно точным: “Власть духовная, носительница высшего нравственного начала в обществе, никакого нравственного авторитета у нас не имеет”.

Еще в XIII в. князь Александр Невский поведал святую истину: “Не в силе Бог, а в правде”. Создается впечатление, что русские государи, стоявшие у руля исторического процесса, делали все возможное, чтобы ее опровергнуть. Но Истину опровергнуть нельзя, а жизнь опрокинуть можно, чего, к несчастью, и добились...

Возникает вопрос: почему уже два столетия лучшие умы напрягаются в тщете — непременно помочь, указать истинный путь, “спасти” Россию? Начиная с середины 60-х гг. XIX в. в России на практике последовательно опробовались разные “спасительные” модели: народовольческая, социал-демократическая, кадетская, большевистская, демократическая. Для полноты картины не хватает лишь фашистской модели, но и она России не заказана.

Ответить на поставленный вопрос несложно: русская действительность сама поставляла подобные социальные заказы. А вот почему заказы эти воплощались в столь уродливые для нормального развития страны формы, вопрос более интересный.

Рискну высказать такое предположение. Политическое уродство всегда является следствием насильственных инъекций в государственный организм радикальных новаций. То, что государство нуждалось в преобразованиях, понимали все — и те, кто отвечал за него, находясь у власти, и те, кто радел за лучшую будущность, стремясь эту власть перехватить. Изначальная непримиримая вражда этих сил в принципе не могла дать положительных результатов. К тому же, вынашиваемые оппозицией идеи были всегда предельно радикальными, поскольку любые мягкие преобразования привели бы к эволюционному, т.е. по-житейски медленному изменению социального и политического климата страны и делалось бы это уже существующими властными структурами, что ни в коем случае не устраивало радикалов. Отсюда радикализм и политически уродливые формы достижения своих целей: от

бомбометания до вооруженного захвата власти.

Немаловажную роль в этом противостоянии играл общественный климат, постоянно подпитывавшийся беспокойной мыслью русского интеллигента. И здесь можно отметить чисто российский политический абсурд: власти не нуждались в интеллекте нации, они не опирались на него, а активно отторгали. Поэтому свободная “напряженная мысль” русского интеллигента была ориентирована не на помощь власти, а на “раскачку” общественного мнения. И от этого — не реальные проекты и предложения, а туманные теории и полуабстрактные прожекты, а они-то и являлись теоретической опорой радикализма. И, само собой, судьбы России решались за нее, Россия была обязана подстраиваться под идеи “спасителя”: западника или славянофила — безразлично. Им нетерпелось до зуда, а России было не до них. Они суетились вокруг идеи, Россия дремала. Тогда объявлялся студент с бомбой под мышкой, Россия на некоторое время пробуждалась, но затем погружалась в еще более тяжелый беспокойный сон.

Есть у российской истории еще одна, если можно так сказать, сущностная своеобычность: все она преодолевала с трудом, с надрывом, почти на пределе своих возможностей. Россия, как телега, завязшая в грязи, — возница бешено стегает коней, они рвутся изо всех сил, телега вылезает из одной колдобины и тут же завязает в следующей. Сидит на троне сильный царь, как Петр Великий, например, — Россия добивается крупных успехов, но чернь бунтует. Слабый царь на троне — успехов никаких, чернь тем более беснуется. Взаимопонимания между властью и народом в России не было никогда. Лошади тащили государственный воз под свист плети и грубые понукания возницы.

Отсюда и явное сочувствие русской интеллигенции тем, кто “заступался” за народ. Булавин, Болотников, Разин, Пугачев в глазах русского человека — национальные герои-мученики. Да и вся русская историография сначала вполголоса, а в советское время — в полный голос была на стороне этих возмутителей спокойствия, не задумываясь над тем, что стало бы со страной, если бы, не дай Бог, кто-либо из них добился успеха.

Будучи абсолютно бесправным, русский крестьянин своего бесправия не сознавал вов-

се, ему и в голову не приходило требовать (от кого?) каких-то прав, он не представлял себе, что они вообще могут существовать. Но возбудить его было легко. Он, не вникая, зачем и на что его зовут, охотно шел за очередным “горланом”.

Любопытна и такая особенность российской истории. Русский народ ни о чем никогда не спрашивали, но все творили от его имени и при его полном молчании. “Народ безмолствует...” — эти пушкинские слова рефреном проходят через всю российскую историю. Разве князь Владимир спрашивал народ: а не принять ли нам православие? Разве считались с народом, когда объединенные русские княжества (точнее — князья) выбрали монархическую форму правления, предпочтя единовластную Москву митинговым традициям Новгорода?

Нет, разумеется. Народ русский смиренный. Он быстро свыкается с новым, ибо ему всегда казалось, что это новое хоть в чем-то облегчит беспросветную жизнь. Поэтому любые крутые преобразования русский человек не столько поддерживал как необходимые новации, он их смиренно воспринимал как данность и продолжал жить. Не вернее ли поэтому считать народы России не творцами истории, а ее жертвами.

И при всем при том, даже если откинуть примитивный взгляд на историю как на простое дление времени с чередой сменяющихся друг друга событий, а считать, что история — это процесс аккумуляции культурных ценностей, достигаемый через генетическую связь поколений, то все равно, как справедливо считал Бердяев, органической преемственности в русской истории никогда не было. Исторический процесс в России не развивался, а продвигался рывками, с многочисленными протуберанцами и откатами вспять.

На самом деле, история знает семь как бы разных России: киевскую, татарскую, московскую, петровскую, постпетровскую, советскую и, наконец, постсоветскую (криминально-демократическую). Не от этого ли еще одна уникальная особенность этой страны: Россия живет, как заметил Д.В.Философов, “сразу во все исторические эпохи”. У каждого нового поколения это создает иллюзию сопричастности ко всей истории России и одновременно — уверенность, что именно с него как бы начинается история. “Мне иногда кажется, — писал В.В.Розанов, — что я понял всю историю так,

как бы «держу ее в руке», как бы историю я сам сотворил, — с таким же чувством уроднения и полного постижения”.

Розанов уникален тем, что был недостижим для любых условностей, он не стеснялся писать то, о чем другие умалчивали, он был всегда искренен и его не волновало — как увязываются его разные “искренности”. Признаюсь, что Розанов попал в яблочко — и мне кажется, что я понял “всю историю”, и мне кажется, что я “держу ее в руке”. Что же я понял?

Россия, распластанная от Балтийского моря до Тихого океана, своей тяжестью раздавила собственное благополучие. Она из века в век наращивала территорию и этот аккреционный процесс прекратился только на рубеже XX столетия. Вот как росла площадь Российского государства по подсчетам А.А.Кизеветтера:

перед воцарением Петра I	— 265 126 кв.миль
при кончине Петра I	— 275 571 —”
при кончине Анны Иоановны	— 290 802 —”
при кончине Елизаветы Петровны	— 294 497 —”
при кончине Екатерины II	— 305 794 —”
при кончине Александра I	— 339 871 —”
при кончине Николая I	— 375 774 —”
при кончине Александра II	— 389 311 —”

Не будем обсуждать меру “естественности” этого процесса. Это отдельный вопрос. Нас интересует судьба человека в России, как неизбежное следствие судьбы самой России. Мысль Бердяева о том, что русский народ пал жертвой необъятности своей земли, нуждается в некотором обосновании, как, впрочем, и известный исторический афоризм Ключевского: государство пухло, народ хирел.

Казалось бы, чем крупнее страна, чем богаче она природными ресурсами, тем легче ей развиваться. Исторический опыт становления России показывает, что все как раз наоборот. И, вероятно, не сами по себе гигантские размеры страны и даже не тоталитарная монархическая власть тому виной, а то, что процессы, определяющие устойчивость и оптимальное развитие российской государственной системы, постоянно шли с разными скоростями, что вынуждало силовыми методами “ускорять” одни процессы и теми же насильственными приемами приглушать другие.

В истории России не было такого периода, чтобы политическая, экономическая и социальная системы функционировали согласованно. К тому же темпы разрастания территории

всегда опережали процессы внутреннего саморазвития страны и неизбежно приводили не к укреплению государства, а к потере внутренней устойчивости. Россия гордилась своими габаритами и одновременно боялась их.

На протяжении многих веков Россия жила в постоянном напряжении: извне ей грозили то татары, то литовцы, то поляки и она была вынуждена расходовать на содержание войска почти все свои ресурсы. Основная производительная сила страны — крестьяне — стала рабами государства, и оно, получив неисчерпаемый источник для пополнения войска, одновременно создало себе дополнительный, уже внутренний, очаг постоянной напряженности. Нужны были силы, чтобы держать в узде свой собственный народ. Во время правления Ивана Грозного (XVI в.) такая сила была найдена. Это “государев страх”.

Опричный террор, четко осмысленный своей полной алогичностью и невиданной по тем временам масштабностью, привел всю страну в состояние полного безволия и слепого повиновения, поселил во всех слоях общества неистребимый страх. Этот “государев страх” был впоследствии основным механизмом всех новаций, он помог Никону в XVII в. и Петру Великому в XVIII в. Живет он в потаенных уголках загадочной русской души по сию пору.

Можно приводить еще множество чисто российских факторов, как бы предопределив-

ших специфический характер русской истории. Это и малое число городов, разделенных почти незаселенными пространствами, и суровый климат, и многочисленные “национальные территории”, постепенно превращенные в резервации, и концентрация культуры, а затем и науки, всего в нескольких крупных центрах, что привело к резкой поляризации уровня культурной зрелости народа, и многое другое.

Андрей Белый в 1908 г. так зарифмовал свою боль:

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

Никто, разумеется, не виноват в тяжелой российской истории. Перед историей, кстати, никто и не может быть повинен, если вслед за Пушкиным все же считать, что история страны — от Бога. Все, следовательно, шло так, как предназначено. Все потрясения, исторические катаклизмы, даже общенациональные трагедии — одним словом все, что люди расхлебывают своей жизнью, — не более чем искупление грехов прошлых поколений. Грехи же затираются только временем, т.е. все той же историей. Поэтому единственное, что требуется от человека, — это осознать смысл своего прихода в этот мир и жить без стенаний и ропота.

Луиза Кессених — женщина-улан

Предлагаем вниманию читателя материал, подготовленный известной петербургской актрисой Татьяной Львовной Пилецкой.

Татьяна Львовна принадлежит к известной в Петербурге фамилии Урлауб. На протяжении полутора столетий представители этой фамилии были заметны в художественной жизни города, оказывали на нее свое влияние. Это и Август Урлауб, прибывший в Петербург в 1837 г., — художник по эмали, портретист, акварели и миниатюры которого хранятся в Русском музее. Его сыновья — Федор и Яков — служили в труппе Императорских Санкт-Петербургских театров. Сын Якова Урлауба — Людвиг Урлауб, стал известным архитектором, удостоился звания академика и титула коллежского ассесора, строил храмы, казармы, дома в Петербурге, проектировал главный павильон на знаменитой Нижегородской выставке 1896 г. А сын Федора Урлауба — Егор

Урлауб, также художник, академик, был вместе с Репиным и Поленовым удостоен Большой золотой медали за картину «Воскрешение дочери Иаира» — его работы находятся в Третьяковской галерее, в Русском музее и Казанском соборе. А на картине «Девочка с куклой», написанной в 1937 г., изображена и сама Т.Л.Пилецкая, тогда Танечка Урлауб. Ее крестным отцом был Петров-Водкин, с которым дружил ее отец...

Татьяна Львовна — петербургская актриса, хорошо известная своими работами в театре и кино. Читатель наверняка помнит созданные ею образы в фильмах «Разные судьбы», «Княжна Мэри», «Сильва», «Прощание с Петербургом», в спектаклях Театра Ленинского комсомола «Сирано де Бержерак», «Бесприданница», «Женитьба Белугина» и др. В настоящее время Т.Л.Пилецкая работает в том же театре (ныне именуемом «Балтийским домом»).

В нашей детской памяти есть наиболее яркие моменты, которые помнятся долгие годы, я бы даже сказала — всю жизнь. Так я, сколько себя помню, вспоминаю три вещи, которые были в нашем доме и висели всегда на почетном месте, — это два портрета и маленькая картинка, шитая бисером, и если не знать ее историю, то можно было бы просто подивиться рукодельному искусству вышивавшей. Эти три вещи в нашей семье имеют свою историю, уходящую в прошлые века. После длительных поисков и работы в архивах появились интересные подробности о личности, которая была изображена на портретах. Вот об этом и хотелось бы рассказать.

Предлагаемое читателю повествование, очевидно, нужно начать с того, что на упомянутых портретах изображена моя прапрабабка. Один портрет написан маслом, на нем — молодая, очень некрасивая женщина с мужской стрижкой ежиком, в зеленом мундире с красным стоячим воротником и с тесаком на ленте бежевого цвета. На второй картине — та же женщина, но уже в преклонном возрасте, в чепце и платье, на котором можно наблюдать воинские награды — крест и медаль.

Прошли годы, прошла ужасная война 1941—1945 гг., которая унесла столько жизней; она не обошла и нашу семью, погиб мой брат — 21 года. Эвакуация, тяжелое послевоенное время не способствовали занятиям историческими экскурсами. Но в жизненных тяготах и лишениях, переездах и переселениях каким-то чудом сохранились две реликвии из трех — картинка, шитая бисером, и портрет старой женщины с боевыми наградами на груди.

Прошло много лет, и как-то я подумала: а почему бы не восстановить биографию этой женщины, почему бы не узнать, за что она получила эти награды, и не заглянуть в историю прошлого столетия. И началась работа, причем работа почти вслепую, ибо я никогда

Луиза Графемус Кессних.

не работала в библиотеках и архивах, а тут пришлось поднять множество материалов, проанализировать различные документы. Ушло на это 2 года.

Первым моим шагом было знакомство с доктором исторических наук В.М.Глинкой, который, когда я описала ему утраченный портрет, сразу сказал мне, что изображенная на нем женщина служила в прусских войсках, сражавшихся с Наполеоном вместе с русскими войсками. В.М.Глинка выяснил, что в Эрмитаже есть такая же литография. Но, к великому несчастью, В.М.Глинка скончался, и все свои документы и портрет я получила обратно уже от его вдовы. Что делать? И вот, когда я не знала, в каком направлении продолжить поиск, раздался телефонный звонок, и мне сообщили, что меня разыскивает родственник, который тоже занимается поисками своих предков и хотел бы меня повидать.

Вскоре состоялась наша встреча с В.А.Кесснихом. Мы объединили усилия и стали дальше работать вместе. Дела у нас пошли резуль-

тативнее и быстрее. Наконец, мы смогли получить представление об изображенной на портрете женщине.

Ее имя Луиза Графемус Кессених. Родилась она в 1786 г. в Кельне, надо полагать, в благочестивой семье, воспитывавшей девушку в самых добрых и мирных традициях. Растили ее для семейной жизни, обучали наукам и рукоделию, в котором девушка быстро преуспела и стала искусной мастерицей. Но жизнь уготовила ей совсем иную судьбу — она проявила себя как храбрый воин, преданная дочь своего народа, а кроме того, как человек, который умел руководить и собирать вокруг себя людей, чем и прославилась она в Петербурге в 1840-х гг. Впрочем, об этом несколько позже.

Прежде всего я задалась целью узнать, как, когда и при каких обстоятельствах эта женщина надела военный мундир. И вот в один из счастливых для меня дней в Библиотеке Академии наук удалось прочитать статью в газете «Русский инвалид» за 1815 г. «Луиза Мануе, или Женщина-улан». Автор статьи писал: «Издатель сих листов имел уже случай видеть многих воинов, коих мужественные подвиги и тяжелые раны вселяют невольное и весьма живое участие, но еще ни один из виденных им инвалидов не имеет более прав на всеобщее внимание и уважение, как женщина-улан, о которой намерен он сообщить теперь некоторые подробности. Женщина сия имеет двух детей, оставлена мужем, который уехал в Санкт-Петербург, вступил там в Российскую службу и продолжал оную 5 лет. Лишь только Луиза Мануе услышала о вступлении Российских войск в Германию, как уже решилась отыскать отца своих детей. Так как нежность чувства препятствовала ей вместе с солдатами идти в Силезию, то и решилась она скрыть свой пол и сама вступить в военную службу. Она открылась о сем Ее королевскому высочеству супруге Принца прусского Вильгельма, которая и подарила ей лошадь и совершенно ее снарядила, — так Луиза Мануе вступила уланом в Блюхеров корпус, где пол ее никому не был известен, кроме Принцессы, Принца и Ротмистра ее эскадрона, коему была она рекомендована от их Высочеств. Она сражалась потом во всех битвах достопамятного 1813 года, при Буцене ранена была в шею, при Ганау — в ногу и при Метце получила рану, которая заставила ее провести два месяца в Саарбрюкском госпитале. После чего отправилась она,

однако же, к своему полку и с союзными войсками вошла в Париж. Природным умом своим, присутствием духа и храбростью оказала она важные услуги, обратившие на нее внимание Высоких Союзников. Способ, коим она о себе изъясняется, показывает столь же много нежности чувства, как и тонкости ума, что все еще возвышается истиною выразительностью лица ее и заставляют невольно принимать живое участие в ее жребии, доселе довольно горестном. Вместе с сим ею правила и нежная любовь к ее детям, что вселяет к ней искреннее уважение. Она с нетерпением ожидает здесь возвращения Всемиловитейшего Государя Императора, которому, равно, как и Императрице Елизавете Алексеевне, известны храбрость ее и заслуги. Некоторые человеколюбивые особы оказали ей, между тем, пособие и издатель сих листов вручил ей из кассы инвалидов 100 рублей. Дай бог, чтобы число благодетелей ее не уменьшилось до совершенного решения судьбы ее».

Прочитав эту статью, я оказалась в тупике. Почему Мануе? Откуда эта фамилия? Эта ли женщина у меня на портрете? И вот в подтверждение того, что мы на правильном пути, В.А.Кессених обнаружил целое дело Луизы Графемус Мануе (фамилия мужа) в Центральном государственном военно-историческом архиве Москвы, выдержки из которого приводятся ниже.

«Дело от 19 апреля 1817 г. Кельн.

По прошению на Высочайшее имя поданному от вдовы Луизы Графемус о всемиловитейшем воззрении на бедное с детьми ее положение.

Всемиловитейший Государь!

Указом 1-го, прошедшего декабря Ваше Величество объявили между прочим, что правительство в особенности занимается о вдовах и детях, оставленных военными, пожертвовавшими жизнью для блага Отечества, и что печется об их пропитании. Быть матерью двух детей, коих отец, находясь на службе Вашего Величества офицером, был убит в сражении при Монмартре, последовательно могу считать себя уже в числе тех тысяч, кои имеют право на сие благодеяние, но я уповаю, что моими собственными жертвованиями и личной храбростью я предпочтительно должна надеяться на великодушие Вашего Величества. Подробное описание службы моей в течение кампаний 1812, 1813, 1814, 1815 гг. находится в Петербургском журнале «Инвалид» в статье

о «Луизе Графемус, или женщина-улан». Прощствие сие, верно, слишком известно Вашему Величеству, чтоб имела я нужду еще раз обременять новым рассказом, прибавлю лишь к тому, что, как только услышала я, что Наполеон бежал с острова Эльба, видя Отечество, угрожаемое новыми опасностями, которых не могла перенести, оставила мирное свое жилище, чтобы опять вступить в службу в уланский корпус под командой генерала Бюлова, где в третий раз была ранена под Бель-Алиансом в руку, быв уже награждена за вторую рану железным крестом. От последней же находилась несколько месяцев в госпитале Брюксельском, а с того времени не токмо здоровье мое было расстроено, но лишилась даже совершенно правой руки и не в состоянии уже заниматься женскими рукоделиями, в которых могла считать себя мастерицей [вот откуда, наверное, та картинка, шитая бисером. — Т.Л.]. Полагаясь на благородство чувства Вашего Величества и упираясь на сии обстоятельства, упадаю к стопам Вашего Величества, умоляя великодушные Ваше о не оставлении Милостивым воззрением на женщину с двумя детьми, пожертвовавшую все Отечеству для избавления их от несчастного положения, в коем находятся. Зная в полной мере правосудие Вашего Величества, не сомневаюсь о принятии моего справедливого прошения и в сей вере честь имею пребывать.

Вашего Величества всепокорнейшая слуга подписала. Луиза Графемус.

Колонь 1817 г. 17 мая”.

Нельзя обойти вниманием документы, появившиеся в связи с прошением Луизы. К примеру в письме генерала А.А.Закревского А.С.Меншикову, датированном 18 октября 1817 г., говорится о том, что по имеющимся сведениям муж Луизы ни в Русской армии, ни в германских корпусах, ни в ополчении не служил. В списках убитых при Монмартре его фамилия отсутствует, “а потому об определении означенного Графемуса-Мануе ему не известно”. Далее же Закревский писал: “Прошение Луизы Графемус о пожертвовании средств на воспитание детей ее, высочайше повелено было препроводить к Статскому советнику Пезаровиусу для исследования, та ли вдова Графемус, которая в минувшую кампанию служила в Прусских войсках и о подвигах коей напечатано было в «Русском инвалиде». Статский советник Пезаровиус в исполнение высочайшего повеления доносит, что вдова Луиза Графемус

точно та самая, о коей упомянуто было в «Русском инвалиде» и которая, по свидетельствам ее начальников, служила уланом в корпусе генерала графа Бюлова-Денневицкого. Отличалась в разных сражениях и с союзным войсками вступила в Париж. В 1814 г. получила железный крест и прусскую воинскую медаль. В 1815 г. покинула мирную жизнь и определилась в службу, при Бель-Алиансом ранена в правую грудь и в левую ногу. Имеет чин уланского вахмистра и получает инвалидный пенсioen по два талера прусской монеты в месяц. Из скромности носит обыкновенное женское платье, но имеет с собою и уланский мундир”.

Таким образом, мы, наконец, узнали, за что получила воинские награды эта женщина, которая так серьезно смотрит с портрета, где она изображена в женском платье, но искусно наброшенная шаль скрывает отсутствие правой руки. Идя шаг за шагом по биографии Луизы Графемус Кессених, выясняем, что она выходит замуж за молодого переплетчика Иоганна Кессениха и имеет от него троих детей: Николая, Карла, Елизавету. Но деятельная, кипучая, я бы даже сказала, неумная натура не дает ей покоя и она, будучи все-таки инвалидом, продолжает свою мирную жизнь не менее активно, чем военную.

Известно, что великие писатели помимо всего прочего обладают одним удивительным свойством. Порой то, что не удастся найти в календарях и справочниках, можно обнаружить в литературных произведениях; это свойство можно назвать способностью к своеобразной исторической консервации. Имена людей, упомянутых в бессмертных произведениях, не могут бесследно исчезнуть, они неизменно переходят из одного издания в другое и некоторые из них со временем даже обрастают примечаниями. Так в поэме Н.А.Некрасова «Прекрасная партия» есть строки:

“Он буйно молодость убил,
Взяв образец в Лавласе,
И рано сердце остудил
У Кессених в танцклассе”.

Редактор и автор примечаний К.И.Чуковский счел нужным пояснить: “Содержательница танцкласса Луиза Кессених была одной из петербургских знаменитостей: в молодости она служила в прусском уланском полку, участвовала во многих сражениях и дослужилась до чина вахмистра, открыла в Петербурге танцкласс”.

Еще одно упоминание и характеристику танцкласса можно встретить в стихотворном фельетоне Н.А.Некрасова «Новости»:

“Когда б вы не были, читатель мой,
Аристократ, и побывать в танцклассе
У Кессених решился со мной,
Оттуда вы вернулись бы в экстазе
С утешенной и бодрою душой”.

Чем для Некрасова была интересна эта женщина? Не для рифмы же только он вставил это имя в свои произведения. А ведь в те времена в Петербурге были и другие танцклассы. Весьма вероятно, что молодой Некрасов посещал танцкласс Кессених, здесь он мог чувствовать себя непринужденно и, кстати, здесь мог встретить героев своих будущих произведений, так как танцкласс посещала преимущественно разночинная молодежь, мелкие чиновники, купцы, офицеры, студенты.

19 января 1844 г. в газете «Северная пчела» появилась любопытная заметка. Вот ее содержание: “Редакция «Северной пчелы» получила письмо с просьбой пригласить охотников до танцев и до благотворений на вечер, который дан будет, с позволения начальства, 25-го января, в квартире Танцевального Общества, на Фонтанке, у Измайловского моста, в доме Тарасова. Сбор за вход по полтора рубля серебром с кавалера, с правом ввести безденежно двух дам, назначен в пользу бедных здешних иностранцев. Письмо подписала Луиза Графемус Кессених, бывшая вахмистром Королевской Прусской службы. Разумеется, что редакция удивилась этой подписи и из любопытства навела справку. Оказалось, что Г-жа Графемус Кессених точно служила в прусских уланах, в 1812—1815 годах была во всех сражениях с полком, имеет медаль и военный орден, с чином вахмистра и теперь, на старости лет, содержит в Петербурге так называемый танцкласс. Храбрая Амазонка скрывала пол свой на службе, но теперь знаки военного отличия украшают женский корсаж! Замечательно, что Г-жа Графемус Кессених препоясала меч и взяла в руки уланскую пику единственно из энтузиазма, одушевлявшего тогда Германию на борьбу с Наполеоном”. Чудные были времена! Из этой заметки следует, что храбрая Амазонка не только понимает преимущества рекламы, но и чувствует себя достаточно уверенной, чтобы поместить ее в крупнейшей газете того времени. Чем пита-

лась эта уверенность? Есть ли еще какие-либо упоминания о танцклассе, чтобы можно было составить представление об этом заведении и его хозяйке?

Оказывается, в сочинениях М.Е.Салтыкова-Щедрина неоднократно встречается упоминание о танцклассе Кессених. Великий сатирик был суров и беспощаден к “благонамеренным” обывателям и не очень-то лестно отзывался об этом заведении: “Я знал, например, много таких карьеристов, которые, никогда не читав ни одной Русской книги и получившие научно-литературное образование в танцклассе Кесених, не на шутку поверили им”. Для Щедрина увлечение романами Поль де Кока, кафешантанными театрами Берга, опереттами Оффенбаха и Леккока, цирком, танцклассами и шансонетками является одной из примет бездельности и отсутствия благонамеренности. В «Современной идиллии» Щедрин даже приводит описание внутреннего убранства типичного для танцкласса того времени: “Вот тут, у этой стены, стояли старые разбитые клавикорды; вдоль прочих стен расставлены были стулья и диваны, обитые какой-то подлой запятнанной материей. По углам помещались столики, за которыми имелось пиво. Посередине мы танцевали”. Так писал М.Е.Салтыков-Щедрин в «Благонамеренных речах» в 1872—1876 гг. Таким вспоминался ему танцкласс его юности. А вот свидетельство еще одного современника. Ревельский врач Е.А.Ризенкаммпф в начале 40-х гг. подружился с юношей Достоевским и пишет в своих воспоминаниях: “Одно из главных мест в числе петербургских удовольствий занимала музыка, начались концерты гениального Листа, кроме этих удовольствий молодые люди находили развлечение на вечеринках в частных клубах, но Достоевский чувствовал себя скованно в семейных домах, оставались балы, маскарады и, наконец, для так называемой “золотой молодежи” существовали танцклассы с шпицбалами: Марцинкевича, Буре, мадам Кессених [выделено мною. — Т.Л.]. Здание танцкласса просуществовало как увеселительное заведение до 80-х годов XIX века, посещалось оно самой невзыскательной публикой: мелкое купечество, модистки, приказчики, попадались офицеры и чиновники. Клуб устраивал танцевальные вечера, спектакли, маскарады и располагал оркестром под управлением Рейнбольда”.

Итак, можно предположить, что Некра-

сов, Салтыков–Щедрин, Достоевский посещали танцкласс Кессених, а став членом английского клуба, Некрасов мог с ностальгией по ушедшей молодости вспоминать танцкласс нашей героини. Почему же именно этот танцкласс они, возможно, посещали? Попробуем высказать предположение. В середине 40–х гг. они были молоды, бедны, честолюбивы. Некрасову в 1845 г., равно как и Достоевскому, было 24 года, Салтыкову–Щедрину 19 лет; все они так или иначе были связаны с военными. Приятель Некрасова Д.В. Григорович — воспитанник инженерного училища. Это он познанил Некрасова с Достоевским. Салтыков–Щедрин — сначала воспитанник Царскосельского лицея, затем — чиновник Военного министерства. А если взять план старого Петербурга, то мы увидим, что дом Тарасова, где помещался танцкласс, находился по соседству с 1-й ротой Измайловского полка, дом 1 — ныне 1-я Красноармейская дом 9. Здесь же недалеко, в нарвской части, располагалась школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, а также множество воинских частей и военно-учебных заведений.

Кстати, наиболее подробное и интересное упоминание о Кессених мы встречаем еще в одной публикации. В февральских номерах «Русской старины» за 1884 г. был помещен материал «Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в 1845—1849 гг.» (Воспоминание одного из воспитанников). Читаем: «Выступали мы в лагерь обыкновенно под вечер, так как переход в Петергоф совершался с ночлегом. Первый привал делался у известного «Красного кабачка», тогда уже увядшего, но все-таки хранившего некоторые следы былой славы. Содержательницей его в то время состояла некая г-жа Кессених, гнусной наружности старуха, в юных летах служившая, как говорили, в прусских войсках, вроде нашей девицы Дуровой, так по крайней мере, свидетельствовал висевший в «Красном кабачке» портрет ее, снятый в молодых летах, на котором она изображалась в мундире, с тесаком через плечо. Бранные подвиги сей героини, кажется не записаны на скрижалях истории: знаю я лишь, что на старости лет она, покинув меч, возлюбила занятие увеселительными заведениями. В самом Петербурге содержала танцкласс, а на петергофской дороге царила в «Красном кабачке»».

Отметим здесь два существенных момен-

та. Во-первых, военная биография Л.Кессених подтверждается лицом, которого никак не заподозришь в излишних симпатиях к ней — «подвиги сей героини, кажется, не записаны на скрижалях истории». Это, кстати, нуждается в проверке. Не исключено, что в прусских газетах 1812—1815 гг. имеется упоминание о девице-вахмистре. Во-вторых, любопытна связь Л.Кессених с «Красным кабачком». Об этом заведении читаем в «Справочной книге для столичных жителей и приезжих»: «Красный кабачок», небольшой загородный трактир, на 10 версте Петергофской дороги, существующий со времен Петра и славящийся издавна вафлями. По историческим показаниям 27-го мая 1710 г., Петр с знатными особами и посланниками, выезжал к «Красному кабачку» навстречу князю Меншикову, торжественно возвращавшемуся в Петербург. В 40–х годах был период упадка, но в начале 50–х гг. некая г-жа Кессених восстановила былую славу трактира знаменитыми танцевальными вечерами с прохладительными напитками». Любопытно, что издателем путеводителя был Н.Греч — один из редакторов «Северной пчелы». И откуда ему было знать, что не только вафлями прославился «Красный кабачок», а тем, что в нем в 1836 г. встречался А.С.Пушкин и А.А.Дельвигом. Пушкин писал жене: «Разве в наше время, когда мы били немцев на «Красном кабачке» и нам не доставалось, и немцы получали тычки, сложа руки». В 1833 и 1834 гг. М.Ю.Лермонтов останавливался здесь со школой гвардейских подпрапорщиков и юнкеров по пути в летние лагеря. К слову, в упомянутой «Справочной книге» упущен из виду один примечательный факт. В «Красном кабачке» в напряженный момент своего воцарения провела одну из ночей императрица Екатерина II, выступившая из Петербурга с присягнувшими ей гвардейцами, чтобы низложить своего супруга. Современник оставил воспоминания о внутреннем убранстве кабачка, о кушаньях, поданных Екатерине Алексеевне, — изобильный стол был увенчан паровым ананасом, погруженным в медное ведро со взбитыми сливками и украшенным хрустящими вафлями [выделено мною. — Т.Л.].

Что же касается Л.Кессених, то маловероятно, что она владела «Красным кабачком» в 1839—1840 гг. Следовательно, встречать М.Ю.Лермонтова и А.С.Пушкина она не могла. Но боевое прошлое не давало покоя Луизе,

Картинка, шитая бисером (работа Луизы Графемус Кессених).

ее тянуло к служивому народу, который привык встречать ее зимою в танцклассе, а с начала июня — в «Красном кабачке» у Петергофской дороги, по которой войска двигались в летние лагеря. Она была популярна в военной среде, эта популярность, очевидно, и является объяснением того, что близко общавшийся с военными в начале 40-х гг. Некрасов упомянул Кессених в двух стихотворных произведениях, навсегда увековечив ее имя.

Теперь, когда перед нашими глазами развернулась почти вся жизнь этой женщины, мне захотелось пройти, что называется своими ногами, по упомянутым в материале местам. Я побывала в Измайловском саду и притронулась к более позднему деревянному уцелевшему зданию, стоявшему на месте танцкласса Кессених, затем прошлась по переулку, где стоит здание — бывшая долговая тюрьма, вышли на Фонтанку и направилась на место «Красного кабачка». Он не сохранился, но место его я уточнила — он находился возле Красненского кладбища.

Казалось бы на этом можно было бы и закончить изыскания, но не установить место ее

захоронения я просто не могла. В наших семьях долгие годы хранились исторические реликвии, но уж слишком много лет прошло, чтобы они все дожили до наших дней. Так, навсегда утеряны во время эвакуации мундир и шпага Луизы Кессених, черепки чашки, на которой она была изображена в военной форме при всех регалиях. Погиб портрет, написанный маслом, но чудом уцелел портрет Луизы в пожилом возрасте, кстати, сделанный в год ее смерти. Уцелела картинка, шитая бисером, и, что самое главное, уцелели некоторые документы, которые нам очень помогли в наших поисках.

Живы и домашние легенды. Согласно одной из них, Луиза, узнав, что муж ее сражается на фронте, поехала его искать, нашла его умирающим на поле боя, надела его мундир и храбро сражалась с врагом. Другая легенда гласит [со слов моего отца. — Т.Л.]: при награждении героини военными наградами император спросил о ее желании, на что она ответила: «Единственное мое желание — чтобы меня похоронили над землей».

Что и было исполнено. Она была захоронена в цинковом саркофаге, который стоял на больших лапах. До войны мой отец видел этот саркофаг, о чем мне и рассказывал. При разборе семейных документов, после смерти моего отца, я обнаружила пачку перевязанных ленточкой бумаг. В ней оказались документы о крещении, свадьбах и похоронах моих предков. Среди них я нашла похоронное свидетельство о смерти моего прадеда, Николая Кессениха, сына Луизы. Документ этот переведен, вот его содержание:

В глубочайшем благоговении к Богу!

С величайшей тяжестью скорбящего сердца, сегодня, когда тело моего подававшего надежды Сына Николауса Генриха, нашедшего смерть рядом с матерью, моей душевной супругой Луизой Графемус Кессених, образ которой я храню в душе, которая умерла 30 октября 1852 года и получила место упокоения 2 ноября 1852 года.

Волково кладбище. Горячо скорбящий супруг и отец. С.—Петербург.

Там же была обнаружена фотография Иоганна Кессениха с сыном, по-видимому, Николаем, моим прадедом, за шахматной доской. Но ставить точку мне показалось рано. Хотелось довести все до конца и найти место упокоения Луизы Графемус Кессених. Я отправилась в Исторический Архив (ныне РГИА), где во многом благодаря любезной помощи Пушкинского дома мне удалось решить эту нелегкую задачу. В Книге записей погребенных лютеранского «Волкова кладбища» я прочла: “2 ноября 1852 г. в возрасте 66 лет скончалась Луиза Кессених. Отпевали ее в церкви Св. Екатерины и захоронили в семейном склепе-часовне. Место это купил ее муж Иоганн Кессених. Участок 97 — могила 20—25 размером 8¹/₂ аршин”. Впоследствии там же были захоронены ее сын Николай и муж

Иоганн Кессених. Поехав с В.А.Кессенихом на Волково кладбище, я с огорчением обнаружила, что могила Луизы не сохранилась. На этом месте лежит надгробный камень с именами похороненных в XX столетии уважаемых людей. До сих пор мы надеемся, что нам, потомкам легендарной женщины-улана, позволят установить на этом участке (рядом с другими надгробиями) камень, который увековечит память нашей родственницы.

Рассказанная же история свидетельствует о том, что наши прекрасные женщины храбро сражались наравне с мужчинами не только в Отечественную войну 1941—1945 гг. И в далекие, теперь уже легендарные времена были женщины, чей патриотический дух вел их на поля сражений, дабы спасти Отечество свое от грозной опасности.

Донат Константинович Жеребов

Донат Константинович Жеребов родился в 1916 г. в Уфе. Выпускник Ленинградского Института инженеров промышленного строительства (1939). В декабре 1939 г., после преобразования института в Высшее Военно-морское инженерно-строительное училище, зачислен в кадры Военно-Морского флота в звании воентехника 1-го ранга и назначен начальником лаборатории производства военно-строительных работ. В декабре 1940 г. ему было присвоено звание военного инженера 3-го ранга.

Участник войны с Германией. Полковник с 1949 г. С 1964 г. — в запасе и в отставке. Проживает в Санкт-Петербурге. Автор более 100 публикаций, посвященных истории Ленинградской битвы 1941—44 гг. Военный консультант Диорамы «Прорыв блокады Ленинграда». Соавтор (с Н.Ключниковым) сценария документально-публицистического фильма «Битва за Ленинград» (Лентелефильм, 1994).

«НЧ»: Донат Константинович, как Вы встретили начало войны?

Д.К.Жеребов: Сразу же после начала войны я в составе большой группы командиров нашего училища был отправлен на строительство Красносельского укрепленного района: Пулково, Красное Село, Ропша. Возглавлял все работы военинженер 2-го ранга Белобоков Афанасий Иванович. Меня, тогда по сути еще мальчишку, он взял к себе начальником штаба оборонительных работ. Курсанты и преподаватели училища разбивали по составленным схемам будущие огневые точки, противотанковые

рвы, а женщины Ленинграда, строительные организации, заключенные возводили укрепленный район. Большим минусом того, что мы тогда делали, являлось то, что для отходящих частей мы не отрывали траншеи и ходы сообщения. Это было запрещено перед войной нашими военными наставлениями.

«НЧ»: Почему?

— Считалось, что нельзя давать возможности для отступления и закапывания в землю. Полагали, что если боец лег в траншею, то его из нее в атаку за ухо не поднимешь. И мы не отрыли ни одной траншеи. Я знаю случай, ког-

да уснувшие ночью красноармейцы обнаружили утром у себя под боком сидевшую в нами же отрытом противотанковом рву немецкую пехоту. И выбить ее оттуда уже было нельзя. Кстати, одна из причин того, почему немцы взяли Красное Село, заключалась как раз в том, что под Красным Селом не были открыты траншеи и ходы сообщения. После того, как до Красносельского Ура “докатились” отступившие военные строители, мы им все сдали и нас перебросили на Лужский рубеж... В дальнейшем я служил на Ленинградском, Волховском, Карельском и 3-м Украинском фронтах.

После войны до 1953 г. преподавал в родном училище на кафедре фортификации, на кафедре тактики и инженерного обеспечения боя. В 1953 г. меня назначили заместителем начальника Пушкинского военно-строительного технического училища, где проработал 7 лет. Затем уехал под Красноярск, где несколько лет строил ракетные установки.

«НЧ»: Вы известны своими многочисленными публикациями по истории Ленинградской битвы. Чем Вас привлекла именно эта тема?

— Начнем с того, что вся трагедия войны, ужасы войны во время самой войны в нас, молодых тогда людях, оказались приглушены... Мы очень быстро продвигались по званиям. В 1942 г. я стал капитаном и майором. В 1943 — подполковником. Будучи майором, я занимал полковничьи должности, например, должность начальника штаба инженерных войск 54-ой армии. Закончил я Ленинградскую битву начальником инженерной разведки Волховского фронта. Тогда войну мы до конца не воспринимали. Конечно, ужасные картины были... Именно там я почувствовал тот трупный запах, о котором пишут сейчас, вспоминая о 1-й мировой войне. Но это все как-то не воспринималось... Шла война, выполнялись определенные задачи... Вот только после войны стало что-то проясняться. Разговаривать-то нельзя было. Но один на один, один-вдвоем, все же говорили почему мы так плохо воевали. И как бы договаривались, если кто доживет до таких времен, когда можно будет сказать — пусть скажет. И вот я почти один остался из моих немногих товарищей, кто дожил до этого времени.

«НЧ»: С Вашей точки зрения, существуют ли сейчас объективная история Ленинградской битвы?

— Пока нет. В 1995 г. в Санкт-Петербурге впервые вышла книга под названием «Ленинградская битва 1941—1944». Первая ласточка на пути создания российской истории Ленинградской битвы 1941—44 гг. Но это лишь сборник 17-ти ранее опубликованных статей об этой Битве. В 1994 г. вышла книга «Ленинград в борьбе. Месяц за месяцем». К сожалению, в ней была сделана очередная попытка скрыть существование Ленинградской битвы 1941—1944 гг.

Этому есть свое объяснение. “Героическая и драматическая оборона Ленинграда”, о которой пишут в этой книге авторы, была обороной А.Жданова, Обкома ВКП(б) и Ленинградского фронта. А Ленинградская битва велась между Сталиным и Гитлером. И Жданов, по глупости, или по другой причине, решил создать Музей обороны Ленинграда, и в этом музее Сталин терялся. Я был председателем комиссии по приемке помещения от музея для нашего училища. Хорошо знаю, какие там экспонаты были, экспозиция и т.п.

Ленинградская битва оказалась в забвении, о Волховском фронте вообще нельзя было говорить. Когда я в 1964 г. демобилизовался, то начал постепенно интересоваться историей Ленинградской битвы, хотя делал это очень осторожно...

«НЧ»: Почему сейчас, когда казалось бы созданы все условия, правду о Ленинградской битве не говорят?

— А потому что правда очень разная... У каждого была своя война, у каждого своя судьба, у каждого своя точка зрения. И я только сейчас, выполняя как бы свой долг перед моими друзьями, вышел на серьезные и глобальные вопросы, связанные с историей Ленинградской битвы.

«НЧ»: Какие страницы истории Ленинградской битвы Вы считаете малоизвестными, драматическими?

— Прежде всего должна быть создана концепция роли и значения двух основных фронтов, участвовавших в этой битве. В ней участвовало 6 фронтов, но основную роль играли Ленинградский и Волховский. Битва длилась 1125 суток. Ленинградский фронт из 1125 суток 900 суток находился в окружении. Фронт был в окружении! Вы где-нибудь встречали такую фразу? Нет. Была блокада, но на самом деле фронт находился в окружении; кольцо окружения 200 км. Вместе с фронтом в кольцо

попал Ленинград, Кронштадт, Колпино, Сестрорецк, Всеволожский и часть Парголово-ского райнов Ленинградской области. А вся заслуга за победу в Ленинградской битве 27 января 1944 г. в приказе об освобождении Ленинграда от блокады, подписанным не Сталиным (хотя Сталин подписывал приказы об освобождении Мги, Чудово и т.п.), а Ждановым, оказалась приписана Ленинградскому фронту. Но Ленинград освобождали еще и 2-ой Прибалтийский фронт, и Волховский фронт. Эта фальсификация также не раскрывается. Поэтому первой задачей является задача реабилитации двух фронтов, выяснения какую роль они сыграли в этой битве.

Волховский фронт создали очень поздно — в декабре 1941. Когда его организовывали, Жданов и Хозин имели свою 54-ую армию в Приладожье. Мерецков просил: «Дайте мне эту армию, я буду действовать единым командованием и едиными силами». Хозин и Жданов воспротивились наотрез, заявив, что они 54-ой армией и армиями, находящимися в окружении, разорвут кольцо. Сталин сказал, что если это лучше, пусть будет так. Это оказалось хуже.

«НЧ»: Как Вы оцениваете персонально военных руководителей Ленинградской битвы?

— Очень тяжелый вопрос. Возьмем, к примеру, Кирилла Афанасьевича Мерецкова. Все, кто знал генерала Мерецкова, о нем отзывались очень отрицательно как о полководце. Мерецков отличился в Испании, затем все-таки его армия прорвала «линию Маннергейма» в 1940 г. В первый день войны его арестовали, в конце августа выпустили, бросили на 7-ю и 4-ю армии, затем на Волховский фронт. Ни у одного из ветеранов Волховского фронта и тех, с кем я встречался, нет положительной оценки Мерецкова. Обосновано это тем, что все боевые задачи решались числом, а не умением, и ни одной операции на Волховском фронте им до конца доведено не было. В том числе и в 1944 г. Хозин еще более отрицательная фигура. Барин, сибарит... Мне очень близка точка зрения А.Н.Яковлева, высказанная им, когда мы с ним беседовали. Она заключалась в том, что Система не могла породить полководцев, которые воевали бы так, как надо. Очень сложно с оценкой Леонида Александровича Говорова... Говоров как стратег с задачей не справился. Он был прекрасным артиллеристом. Он выступил в декабре 1940 г. на совещании высшего

комсостава по вопросам обороны крупных городов с помощью артиллерии. Что, кстати, ему довелось использовать при защите Ленинграда. Но как маршал, как общевойсковой стратег Говоров не состоялся. Он в феврале 1944 г. попросил у Сталина ликвидировать вторично Волховский фронт, чтобы ему легче было управлять армиями. И второй раз такое решение оказалось ошибкой. Он не справился, и мы выпустили армию Линдемманна на позицию «Пантера».

Слишком стремительным был взлет генерал-лейтенанта артиллерии Л.Говорова к маршальскому званию. Вступив в командование Ленфронтом 9 июня 1942 г., он через шесть месяцев был произведен в генерал-полковники (15.01.43), спустя еще 10 месяцев — в генералы армии (18.11.43) и еще через 7 месяцев в Маршалы Советского Союза (18.06.44).

Это не было случайностью. Сталину нужны были маршалы. Много маршалов, генералов армии, маршалов родов войск. Нужны для того, чтобы самому стать Генералиссимусом Советского Союза.

Я глубоко уважаю Говорова. Все, кто с ним сталкивались, очень хорошего мнения о нем, как о человеке. Я глубоко убежден, что он не добровольно написал 1 июля 1942 г. заявление о вступлении в партию. Скорее всего, ему намекнул Жданов, что беспартийных командующих фронтом не бывает. Л.Говоров конечно же знал о том, что беспартийного заместителя командующего Северным фронтом генерала К.Пядышева посадили еще летом 1941 г. А о Пядышеве прекрасные отзывы. Наверное, Говоров это все прекрасно понимал, переживал, и, может быть, в этих коллизиях кроется еще одна из причин его раннего ухода из жизни (1897—1955).

«НЧ»: Кого Вы можете положительно охарактеризовать?

— Мне симпатичен командир III-й стрелковой дивизии, затем командующий 54-й армией генерал Сергей Рогинский. Мне с ним пришлось работать. Но опять же, когда 54-я армия стала преследовать противника, он тоже с задачей не справился.

«НЧ»: Пожалуйста, скажите несколько слов о Любанской операции 1942 г.

— Во-первых, она не должна называться Любанской. Это одна из мифологем советской военной истории. Волховский и Ленинградский фронты начали эту операцию 1942 г. в рамках

общей сталинской наступательной операции от Ладоги до Черного моря. Директивами этим двум фронтам ставилась задача: наступать на Волосово, на Лугу, Новгород. Полностью разгромить Линдеманна, полностью его уничтожить, если он не будет сдаваться в плен, Ленинград полностью деблокировать и т.п. Названия никакого эта операция не имела.

Наступление захлебнулось сразу же, потому что из 4 армий двух фронтов с места сдвинулась только одна 2-я Ударная. И, прорвавшись к Любани, прорвав две оборонительные полосы противника, своим наступлением армия дала название всей операции. Приняли решение — 2-ю Ударную повернуть прямо на Любань и 54-ю армию с Тосненского направления развернуть на Любань. Только с 28 февраля 1942 г. эта операция имеет право называться Любанской.

«НЧ»: Кто несет ответственность за трагедию 2-ой Ударной армии?

Я считаю, что Сталин и Мерецков. Мерецков не имел никакого права, будучи командующим фронтом и зная в каком состоянии находится 2-я Ударная армия, вообще отдавать ей приказы о каком бы то ни было наступлении. В начале операции 2-я Ударная армия по своему составу равнялась 1 стрелковому корпусу, ничего “ударного” в ней не было. Не имелось танков, авиации и т.п. И прекрасно осознавая все эти вещи, Мерецков все-таки приступил к выполнению поставленной задачи, хотя наверняка представлял себе, что она невыполнима. Эта непорядочность, это спасение своей жизни, обернувшееся гибелью целой армии. Кстати, той трагедии, которая случилась в дальнейшем, уже после марта 1942 г. могло и не случиться. Если бы Федюнинский, командующий 54-й армией и Мерецков, командующий Волховским фронтом, действовали не порознь, а совместно. А они совместно не действовали.

«НЧ»: Почему?

— Когда уже армию развернули на Любань, Федюнинский еще пытался прорваться к Тосно... Был такой генерал — П.Егоров, уже скончавшийся, автор книги «Маршал Мерецков», где он очень хорошо пишет о Мерецкове; эта работа издана. И у него есть рукопись, не изданная, находящаяся в моем архиве, — «На Волховских рубежах». Егоров являлся историографом Волховского фронта. Он был во 2-й Ударной армии командиром полка, его ранили,

он пробился из окружения и впоследствии в штабе Волховского фронта занимался обобщением опыта боевых действий — то есть, фактически, историей всего фронта. В частных беседах Егоров мне прямо говорил: “Более бестолкового, чем Мерецков, я не знаю”. И в этих его словах тоже заключается многое...

«НЧ»: А генерал Власов? Что Вы думаете по поводу второго командующего 2-й Ударной армией?

Я, может быть, скажу слова неприятные и нестандартные для людей моего поколения, да и для многих сегодня. К генерал-лейтенанту Власову я, прежде всего, отношусь с большим уважением. Это мое личное мнение, я ничего не боюсь и не боюсь говорить такие слова. Настало время называть вещи своими именами. Встретился бы я с Власовым, я бы пожал ему руку. Почему? Потому что Власов — это крупная фигура, сильная личность, это политическая фигура, и надо было иметь огромное мужество, чтобы сделать тот шаг, который он сделал.

«НЧ»: Не касаясь его действий уже в плену, как Вы оцениваете деятельность Власова на посту командующего армией?

— Когда Власов принял армию, а это случилось в середине апреля 1942 г., то у нас в штабе фронта, где мне часто приходилось бывать, сразу же пошли разговоры, что Власов там начал наводить порядок. Но было поздно. Армию уже к тому времени окончательно загубили Мерецков и Клыков — ее командующий.

«НЧ»: Несколько слов о противнике. Как воевал Вермахт?

— Немцы воевали умнее по одной главной причине. У нас в боях на Волховском фронте на 90% в каждой операции, в каждом наступлении участвовали не обученные солдаты, а пополнение, которое мы получали в неограниченном количестве. Брали очередной призыв, без учебы, без подготовки, — и гнали. И в первом же бою 60—80% активных штыков погибали. Вермахт же в 1941—43 гг. под Ленинградом представлял собой кадровую, профессиональную армию. Поэтому они, конечно, воевали рациональнее. Кроме того, они сидели на высотах, а мы не имели права отступить из болота на следующую высоту. Умнее были их полевые командиры. Допрашивали пленного: “Когда Вы видели в последний раз командира батальона?”. Ответ: “Месяц тому назад он по-

являлся у нас на переднем крае”. “Командира роты”? — “Неделю назад”. То есть командиры батальонов и рот имели прекрасное управление с помощью вышколенного младшего офицерского состава, им не нужно было рисковать собой. Немцев в численном соотношении гораздо меньше было в 1942—1943 гг., чем нас. И потери соответствующие. На Волховском фронте они составляли 1:4, 1:5, а в первые дни конкретных операций 1:10, не в нашу пользу, конечно.

Особенно велики были потери в сержантском и офицерском составе. Командующий Волховским фронтом К.Мерецков за 746 суток потерял 965 857 человек. Из них: офицеров — 81 665, сержантов — 160 223, солдат — 723 969. Среднесуточные потери Мерецкова составили: солдат — 960, сержантов — более 210, офицеров — около 110 человек. Всего — 1280.

Кем же воевал Мерецков? Солдатами или же сержантами и офицерами!?

Арифметика войны... Лишь она дает нам правильное представление о том, как воевали тогда советские полководцы. Не случайно, что мы до сих пор так и не имеем точных данных о наших потерях.

«НЧ»: Что Вы можете сказать об операциях по прорыву блокады Ленинграда и по полной деблокаде города?

В январе 1943 г. я сам прошел все эти 6 км с двумя саперными батальонами, разминировав территорию, и все это видел своими глазами. Никакой стратегии в этой операции не было. Даже спасение Ленинграда и его жителей оказалось весьма относительным. К 18 января 1943 г. в городе оставалось 600 000—650 000 человек. Ладога снабжала их продовольствием в достатке, после того, когда из 2 500 000 осталась четверть. «Искра» — это бесполовая операция, проведенная Г.К.Жуковым. Директиву на прорыв блокады составил Жуков 8 декабря 1942 года и дал подписать Сталину. И что? Несмотря на весь созданный Жуковым огромный перевес, Синявинские высоты ему взять не удалось, до реки Мойки не дошел, свою собственную директиву не выполнил. Блокада была прорвана на узеньком участке, где немедленно построили узкоколейную железную дорогу, которую именовали “дорогой смерти”. С Синявинских высот немцы били прямой наводкой по поездам, идущим по этой дороге. И Жуков за операцию по прорыву блокады 18 января 1943 г. получил Маршала.

А 28 января 1943 г. — он, Мерецков, Говоров и командармы получили ордена Кутузова и Суворова.

«НЧ»: С Вашей точки зрения, можно ли было блокаду снять или прорвать в 1941—1942 годах?

— В сентябре 1941 г. такая возможность существовала. Она связывалась с тем, что 54-я армия “с колес” из под Гайтолово прорвалась на 6—8 км, потрепала 8-ю танковую дивизию Вермахта* есть свидетельство Ф.Гальдера, который пишет, что Гитлеру пришлось принять ряд срочных мер, чтобы как-то стабилизировать положение. Немцы считали, что Шлиссельбург им придется оставить. Маршал Г.И.Кулик, командовавший армией в этой операции, здесь совершенно не при чем. Кулик имел прекрасного начальника штаба, опытного и толкового генерала Сухомлина. Разрабатывал операцию он. И вторая возможность появилась в начале 1942 г. 54-ю армию необходимо было передать Волховскому фронту, пустив его в Приладожье, а 2-ю Ударную армию, которая в начале января только прибывала, выгружать не в Малой Вишере, а в Волкове и из-под Гайтолово этой армией и бить. Если 2-я Ударная армия под Мясным Бором прорвалась на 70—75 км, то здесь-то было всего 12—16 км. Но Жданов воспротивился и этому... Надо разобраться с версиями Солсбери, который пишет, что Ленинград превратился в разменную карту в номенклатурной борьбе между Ждановым и Малинковым.

«НЧ»: Что же, с Вашей точки зрения, Донат Константинович, необходимо, чтобы максимально приблизиться к правде?

— Искать документы и публиковать их. Хотя надо учитывать то обстоятельство, что документам штабов армии и фронта верить необходимо с большой осторожностью. Я принимал участие в составлении отчетов по операции «Искра», затем Смердынской и Канда拉克шинской операциям. Мы тогда шутили, что отчеты составляем не только для историков, а для старшего начальства и военного прокурора. Объективную картину можно воссоздать, если выслушать участников, проработать архивы и критически проанализировать все опубликованное на сегодняшний день. Хотя, подчеркиваю, все участники битвы будут рассказывать разное. Я с волнением прочел в интервью Й.Хоффманна (№ 1 «Новый Часовой» — прим.ред.), что вопрос о причинах массового

героизма ни в нашей армии, ни в Вермахте не исследовался. Это верно. Шли в бой? Конечно, шли. А попробуй-ка из окопа не выскочить... Заградотряды — то стояли. И у нас стояли. У меня под Вороново находился такой заградотряд.

«НЧ»: Что Вы хотите пожелать нашему журналу?

— Я хотел бы, чтобы Ваш журнал внес свою лепту в восстановление правды о Ленинградской битве. И чтобы ваши историки обязательно занялись ею; в первую очередь, я хотел бы, чтобы именно ваш журнал сформулировал само понятие Ленинградской битвы. Определил ее итоги, потери и жертвы, которые понесли все ее участники, соотнес бы эти потери с полководческими орденами, генеральскими и маршальскими званиями, полученными советскими военачальниками в ходе этой битвы.

Российскую историю Ленинградской битвы 1941—44 гг. нужно начинать с создания Краткой хроники этой битвы. Публикации в Вашем журнале молодых российских историков должны способствовать получению ответов на вопросы: почему Ленинградская битва тянулась Сталиным так долго — 1125 суток? Почему в ходе этой битвы только от голода в Ленинграде ушло из жизни от 1,5 до 2,0 млн. жителей, “ненужных для обороны”? Почему в ходе этой битвы Ленинградский фронт в течение 900 суток вел бои за Родину, находясь в окружении, а Ленинград был с ним в блокаде? Кто повинен в тех страданиях, которые пришлось перенести ленинградцам? Гитлер с его генералами, или и Сталин с его сподвижниками?

«НЧ»: Большое спасибо.

Июнь 1995 года, С.-Петербург

РУССКИЙ СКАУТЪ

Орган разведческой связи ОРЮР и исторической хроники деятельности национальных молодежных организаций России и Русского Зарубежья

Ведущий рубрики — инс. Кирилл Александров,
начальник 38-го сводного отряда Генерального штаба
генерал-майора М.Г. Дроздовского
(2-я Санкт-Петербургская дружина «КРЫМЪ» ОРЮР)

Организация Российских Юных Разведчиков

ХРОНИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Разведческая печать

К началу июня 1995 г. в Северо-западном отделе ОРЮР выходят три общеразведческих печатных органа.

— Информационный листок Северо-Западного отдела ОРЮР (2 стр.) Главный редактор — дружинница Марина Александрова. Листок выходит ежемесячно. Вышли №№ 1 (февраль), 2 (март), 3 (апрель). Информацию для листка можно передавать по телефону: (812) 105—22—17, Марине Александровой.

— «ОЛИФАНТ» — бюллетень, который выпускает Ст.рц. 2 Аня Финоженок с помощью начальника 2-ой Санкт-Петербургской дружины «КРЫМЪ» инс. Юры Звягина (6 стр.). Вышли №№ 1 (март), 2 (апрель). Периодичность не установлена. Информацию можно передавать по телефону: (812) 261—64—76, Ане Финоженок. Помимо хроники и официальных извещений, печатаемых в листке СЗО ОРЮР, «Олифант» с удовольствием печатает стихи, заметки, объявления и т.п.

— РУССКИЙ СКАУТЪ — рубрика в журнале «Новый Часовой», который выходит 2 раза в год. По мере возможности мы будем печатать и статьи разведчиков о лете-95. В № 4 можно присылать фотографии, заметки по адресу «Нового Часового» (РУССКИЙ СКАУТЪ). Информацию можно передавать по телефону: (812) 260—61—11, Кириллу Александрову.

Лагеря, походы, биваки

1-я Санкт-Петербургская дружина «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»
инс. П.Тищенко

На Масленицу 1995 г. недалеко от ст.Орехово на Карельском перешейке собрались разведчики и руководители 1-й дружины, 3-й дружины «Павловск», а также гости из АСП.

В одно из воскресений марта ребята из отрядов Св.Ксении Петербургской и Иоанна Шанхайского посетили Литургию в Храме Иконы Смоленской Божьей Матери. Новички в этот день впервые исповедовались и причастились Св.Христовых Тайн. В сослужении Литургии участвовал Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн.

25—31 марта дружина «Санкт-Петербург» организовала свой весенний лагерь на Оленьем острове северного плеса Вуоксы. Количество лагерников — 60 человек из 35-го отряда разведчиц Св. Ксении Петербургской, 37-го сводного отряда Белого генерала М.Д.Скобелева, 39-го сводного отряда Св. Андрея Первозванного, отряда разведчиков Иоанна Шанхайского и гостей из Ногинска (78-ой сводный отряд князя Святослава) преодолели все трудности и с честью провели лагерь.

В Страстную неделю ребята отрядов Св.Ксении Петербургской и Иоанна Шанхайского осыпали купленные на отрядные деньги куличи и одарили ими больных двух городских

больниц — Мечниковской и Марининской. Скобелевцы работали в Пантелеймоновском соборе.

В Георгиевский поход 7—9 мая вышли звенья 39-го сводного отряда Св. Андрея Первозванного. Отличилось звено «Волк».

6—7 мая на подворье бывшего Торожковского монастыря трудились отряды Св. Ксении Петербургской и Св. Иоанна Шанхайского.

2-я Санкт-Петербургская дружина «КРЫМЪ» инс. Юрия Звягина

3—4 февраля в пос. Можайское инс. Юрий Звягин, Ст. рц. 2 Аня Финоженок и инс. Саша Пашехонов провели 1-й семинар старших разведчиков. Главная проблема семинара — что делать в ОРЮР ребятам после 15 лет? Численность семинара — около 30 человек из дружины «КРЫМЪ» и дружины «ПАВЛОВСК».

9—11 февраля в пос. Можайское прошел бивак 38-го сводного отряда генерал-майора М.Г. Дроздовского. Численность bivака — 25 человек. Дроздовцы занимались разрядами, играми, спектаклями и, конечно, добрыми делами, помощью ближним. Перетаскали кучу угля, сбросили снег с крыши магазина и еще много чего сделали полезного. В bivаке принимали участие ребята из Общества Друзей и Родителей при дружине «КРЫМЪ». Bиваком руководил начальник отряда — инс. Кирилл Александров.

25—30 марта в пос. Можайское прошел XI-й лагерь Дроздовского отряда «Перекопъ», ставший дружинным лагерем весны 1995 г. Численность лагеря — около 40 человек. В лагере приняли участие ребята из 18-го сводного отряда адмирала А.В. Колчака и нового сводного отряда генерал-адъютанта М.В. Алексеева, которым руководит вит. Максим Королев. Начальник лагеря — инс. Юрий Звягин.

14—16 апреля в пос. Можайское 8-й сводной круг витязей и дружинниц провел очередной семинар для взрослых, интересующихся работой в ОРЮР и педагогикой. На семинаре присутствовало 9 человек. Семинаром руководил инс. Юрий Звягин и инс. Кирилл Александров. Вопросы, по которым были прочитаны лекции и проведены дискуссии, — о религиозном и национальном воспитании, о перспективе вступления ОРЮР в ВОСД и т.п.

Светлое Христово Воскресение ребята из Дроздовского и Колчаковского отрядов встретили в храме Св. Благоверного Князя Александра Невского (Красное Село).

с 27 апреля по 4 мая вит. Андрей Ниткин

провел лагерь 22-й сводной стаи «Викинги» в пос. Можайское. 14 волчат и белочек замечательно справились со всеми возложенными на них задачами и обязанностями. Затем там же состоялся короткий бивак Алексеевского отряда. В проведении лагеря помогали држ. Вера Болдырева, нов. Добрякова Оксана и вит. Максим Королев.

17—19 мая дроздовцы численностью 17 человек отважно совершили марш-бросок без палаток в район Петеярви на Карельский перешеек. Это был отложенный из-за плохой погоды Георгиевский поход. Разведчики спали в шалашах. Руководили походом инс. Кирилл Александров и председатель ОДР дружины «КРЫМЪ» Игорь Быков. По итогам похода подводились итоги годового звенового соревнования. Лучшим звеном 1994/1995 гт. признано звено «Ягуаров» Ст. рк. 3 Романенко Кирилла. Они выиграли звеновой поход по Крыму в июле 1994 г.

С 25 мая по 5 июня в пос. Можайское состоялся лагерь 22-й стаи «Викинги», которой руководит вит. Андрей Ниткин. Лагерников было около 20 человек. Программа лагеря была выполнена полностью, несмотря на то, что сам лагерь буквально накануне оказался на грани срыва из-за отсутствия финансирования. Благодаря пожертвованию бывшего русского разведчика из США А.М. Игнатовича лагерь состоялся.

3-я Санкт-Петербургская дружина «ПАВЛОВСК» инс. Юрия Дыляева

16 марта дружина «Павловск» встретилась с одним из старейших русских скаутов 20-х гт. капитаном дальнего плавания, ученым-метеорологом В.И. Чернышом. В конце своего разведческого пути он стал скаутмастером. «Мы носили короткие штаны, синие галстуки, ходили в походы, пели песни и отчаянно дрались», — так сказал в своем выступлении бывший скаутмастер Черныш.

25 марта в штаб-квартире на Петербургской улице в Павловске дружина «Павловск» провела вечер, посвященный Дню Рождения Ст. Р. Ск. О.И. Пантюхова. Вечер вела шин. Таня Дыляева. Звучали стихи и песни под гитару.

26—28 марта в деревне Поги на подворье Софийского собора прошел весенний лагерь дружины «Павловск». Численность лагеря — 20 ребят и 2 руководителя. Лагерники помогали собору, но 28 марта ввиду обильного снегопада лагерь пришлось закрыть. 1 апреля в бас-

сейне «Атлантида» разведчики сдавали экзамен по плаванию.

11 апреля отряд Цесаревича Алексея дружины принял участие в церемонии, посвященной Международному Дню освобождения малолетних узников концлагерей.

В апреле разведчики из 40-го отряда Генералиссимуса А.В.Суворова инс. Саши Пашехонова продолжили свое увлекательное путешествие по Эрмитажу.

В апреле в дружине «Павловск» состоялась игра «В поход за именем звена». Преодолев трудный маршрут, звено бывшего волчонка Юры Никулина получило имя «Бобры».

На Пасху разведчики отряда Цесаревича Алексея стояли при светильниках в Знаменской церкви Царского Села, помогая ставить свечки и следя за лампадками.

В начале мая на дворах пенсионеров-инвалидов работали ребята из отряда Ст. Р. Ск. О.И.Пантюхова. На территории мемориала «Невский пятак» работали разведчики из отряда Цесаревича Алексея. Они также они благоустраивали Казанское кладбище, где захоронены люди, не имеющие родственников.

Помимо этих добрых дел, разведчики и разведчицы дружины «Павловск» в мае работали на подворье Софийского собора в деревне Поги.

4-я Санкт-Петербургская дружина «ФОРТ СЕРАЯ ЛОШАДЬ» инс. Сергея Грабова

В апреле разведчики отряда Н.С.Гумилева и отряда А.Баранова совершили поход на Бабинское озеро недалеко от Кингисеппа с целью поиска места для будущего летнего лагеря.

Общие мероприятия

С 23 по 31 марта в пос. Сясьстрой прошел очередной этап КДВ «Братья Костра», посвященный разведческой теории. Собрались раз-

ведчики со всех уголков России. Прибыли инс. Илья Ильин из Москвы, инс. Олег Денисенко из Обнинска, шин. Миша Клейн и Олег Быстрецких из Екатеринбурга, ребята из Тольяти, Мурманска и Рыбинска. Общая численность — около 60 человек.

С 13 по 16 апреля в Павловске в помещении воскресной школы при Софийском соборе Царского Села прошли первые катехизаторские курсы для руководителей ОРЮР. «Без Православия у России нет будущего» — это хорошо понимали все курсанты, собравшиеся в дни Великого Поста. На курсы приехали ребята из дружины «Висагинас» (Литва) во главе с шин. Сашей Осиповым.

30 апреля, несмотря на холод, дождь, ветер и снег, в Павловске состоялся традиционный парад, посвященный 86-й годовщине основания российского разведчества. На параде присутствовал почти весь СЗО ОРЮР, гости из Шуи, Дзержинска, дружина «Немецкая Слобода» из Федерации Православных Следопытов (Москва), отряд из АСП. После парада в краеведческом музее Царского Села состоялось открытие выставки, посвященной ОРЮР. На открытии присутствовал председатель Комитета по делам молодежи мэрии С.-Петербурга г. С.Прущак. На Соборной площади у православного креста состоялся праздничный молебен.

Затем, несмотря на ужасные погодные условия и температуру ниже 0, более 70 участников парада до 2 мая принимали участие в слете на оз. Оредеж, где продемонстрировали исключительные способности выживания.

22 мая в помещении штаб-квартиры 39-го сводного отряда Св. Равноапостольного Андрея Первозванного состоялось очередное заседание штаба Северо-Западного отдела ОРЮР. Присутствовал начальник отдела — инс. Андрей Ключко. Обсуждались вопросы летних лагерей, финансирования, уплаты членских взносов, организации международного лагеря, а также работы в 1995/1996 учебном году.

Примечания

АСП — Ассоциация скаутов Санкт-Петербурга (Федерация Скаутов России).

ВОДС — Всемирная Организация Скаутского Движения.

инс. — инструктор, руководительский чин ОРЮР.

вит. — витязь
држ. — дружинница

члены ОРЮР после 17 лет,
сознательно посвятившие себя
дальнейшей работе с ребятами.

нов. — новичок.

СЗО ОРЮР — Северо-Западный отдел ОРЮР.

Ст.рц.2 — Старшая разведчица 2-го разряда.

Вол./Бел. — Волчата/Белочки; мальчики и девочки 7—10 лет, объединенные в особую единицу ОРЮР — стаю.

Ст.рц.3 — Старший разведчик 3-го разряда.

Ст.Р.Ск. — Старший Русский Скаут.

шин. — штаб-инструктор, руководительский чин ОРЮР.

КДВ — Курсы для Вожаков Звеньев.

Скаутмастер Р.В.Полчанинов

К истории юных разведчиков —
русских скаутов

ВВЕДЕНИЕ

Многие годы в СССР нельзя было объективно писать о скаутизме, так как он считался движением буржуазным и враждебным коммунизму. Информация же о деятельности русских скаутов-разведчиков за границей вообще оказалась под полным запретом.

За границей о русском скаутизме можно было свободно писать и писать что угодно. Этим пользовались разные историки-любители. Ссылаясь друг на друга, они наконец так

запутали историю русского скаутизма, что их “трусами” нельзя пользоваться серьезным исследователям.

Из-за обилия всевозможных мифов, я не могу здесь вступать в спор с разными дилетантами, но считаю своим долгом предупредить добросовестных авторов о необходимости осторожного подхода ко всему, что нельзя доказать первоисточниками или что выглядит не очень правдоподобно.

ПОТЕШНЫЕ — 1908 г., ЮНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ — 1909 г.

Появлению разведчества в России предшествовало создание в Бахмуте (ныне Артемовск, Донецкая область) в 1908 г. А.А.Луцкевичем «Первого народного класса военного строя и гимнастики Его Императорского Высочества Государя Наследника Великого Князя Алексея Николаевича»¹. Император Николай II дал согласие, чтобы “класс” назывался именем цесаревича и пригласил мальчиков (они тогда еще не назывались потешными) на смотр в Царское Село.

Император Николай II, ознакомившись с книгой «Scouting for Boys» генерал-лейтенанта Баден-Пауэлла², распорядился, чтобы Генеральный штаб перевел и издал эту книгу. Книга была названа «Юный разведчик» и, хотя на ней была дата 1910 г., она фактически вышла осенью 1909 г.⁴

30 апреля 1909 г. Олег Иванович Пантюхов собрал в Павловске группу мальчиков, положив начало Царскосельской дружине юных разведчиков и вообще русскому скаутскому движению в России и в Зарубежье.

Никакого бурного роста разведчества в России после появления книги Баден-Пауэлла «Юный разведчик» не было. Известно, что разведческая работа в 1910 г. велась только в Цар-

ском Селе, Петербурге, Москве и Владикавказе⁵.

22 мая 1910 г. в Царском Селе император сделал смотр бахмутскому “классу”, как он сказал 2 января 1911 г. Баден-Пауэлла на аудиенции, “для поощрения других школ начать скаутскую работу”, и добавил, что “первая школа, в которой начался скаутизм, была на юге России”, имея в виду Бахмут.

Император говорил с Баден-Пауэллом по-английски и решил русское слово “потешный” перевести как “бойскаут”. О юных разведчиках в Царском Селе или Петербурге император, видимо, еще не знал.

Сразу после аудиенции в Царском Селе Баден-Пауэлл отбыл в Москву, где в его честь был устроен обед, вероятно, Захарченко, а встреча с О.И.Пантюховым и В.Г.Янчевецким в петербургском отеле была случайной, благодаря сообщению в газете о приезде Баден-Пауэлла в Россию⁷.

Император Николай II остался доволен смотром потешных из Бахмута и распорядился устроить в 1911 г. всероссийский смотр потешных. Подготовка смотра была поручена капитану С.И.Назимову (в полковники он произведен в 1911 г.)⁸. С.И.Назимов побывал во всех

концах России, проверяя работу с потешными. 10 августа 1911 г. в Петербург на царский смотр прибыло несколько тысяч потешных, в том числе и царскосельские разведчики, которые были с посохами, треугольными галстуками, в “бурских” шляпах и длинных брюках⁹.

Император Николай II поблагодарил всех участников смотра и всех потрудившихся, включая родителей, но нового смотра потешным не назначил.

18 июня 1912 г. в Царском Селе был произведен только смотр воспитанников средних учебных заведений Петербургского учебного округа, включая соколов и юных разведчиков¹⁰.

В 1913 г. никакого смотра не состоялось, а в 1914 г. началась война. В 1912 г. в России было около 100 000 потешных, в 1913 г. их оставалось всего около 20 000. К 1914 г. движение окончательно заглохло¹¹.

В 1911 г. О.И.Пантюхов, В.Г.Янчевецкий и В.Ф. фон Эксе (потешные) начали хлопоты о создании «Общества объединения всех отрядов юных разведчиков и потешных в России»¹², но правительство проект не одобрило, предпочитая иметь дело не с организацией, а с движением без единых форм и центра.

Чтобы правильно понять разведческий дух дореволюционной России, мы не должны подходить к событиям того времени с сегодняшним взглядом на вещи и сегодняшней терминологией. Отряд и дружины того времени совсем не то же самое, что отряд или дружина сегодня, и так во всем.

Ценным источником информации является для нас журнал «Ученик», который начал выходить под редакцией В.Г.Янчевецкого (известного литератора, писавшего под псевдонимом «В.Ян») с 4(17) сентября 1910 г. (так было написано — “4(17)”: одновременно старый и новый стиль).

В журнале был отдел «Юный разведчик», получивший позднее подзаголовок «Вестник русских разведчиков и потешных». В первые годы было трудно провести четкую грань между одними и другими.

В «Ученике», например, есть заметка: «Есть юные разведчики и в Троках», в которой говорится: “5 декабря по сообщению “Вил.В.Л.” у местной православной церкви состоялся парад от батальона 11-го пехотного Уральского полка, причем левее солдат с ружьями стояла рота “юных разведчиков”, ор-

ганизованная из учеников местного городского училища. Наверно, это один из первых случаев участия потешных на параде вместе с войсками”. Спрашивается — кто же был на параде?¹³

В письме из Полоцка сообщалось о работе “легиона юных разведчиков”, где под руководством офицера человек 50 гимнастов занималось прыганием через снаряды, военным строем, сокольской гимнастикой и 2-м разрядом¹⁴. 3-го разряда в то время еще не было, а программа 2-го разряда состояла из следующего: титул императора, флаг, разведческое обещание, законы, компас, строй, 4 узла, и “сокращенная сигнализация Морзе”, т.е. буквы: В, З, М, С, Т, и Ц, применявшиеся для команд¹⁵.

О.И.Пантюхов не только основал первый отряд юных разведчиков России, но и составил первое руководство — «Памятку». «Памятка» состояла из «Предисловия» и «Устава», но не в современном смысле слова, а в смысле руководства. В нем 100 пунктов.

Пункт 3 дает схему Царскосельской дружины. Сколько в ней “рот” — не сказано, но в “роте” — 4 “взвода”, а в “взводе” 2—4 звена по 6—8 человек. Слово — “патруль” или “отряд” в памятке нет¹⁶.

В каждом городе существовали свои “организации”, которые одновременно назывались или “дружиной”, или “легионом”, или “отрядом”.

В Киевском отряде герл-скаутов к концу 1915 г. насчитывалось около 100 человек¹⁷, в деревне Гремихи был отряд в 3 человека, а на станции Проказна — отряд в 6 человек¹⁸.

В «Памятке» О.И.Пантюхова начальник “роты” назывался “офицером”, “взводный командир” — “унтер-офицером” или “инструктором”¹⁹.

Звенная система в нашем понимании не существовала.

В пункте 5 сказано: “2—3 раза в неделю по объявленному расписанию разведчики собираются на сборное место для производства общих занятий”.

В пункте 6 сказано: “Занятия производятся фронтом, маршировкой, разведческими играми, гимнастикой, пением и подготовкой для действия в поле, глазомерным определением расстояний, сигнализацией, чтением планов и карт и проч.”.

Пункт 50 назван «Сведения из Строевого устава» (строй и команды), а пункт 51 — «Сведения из Устава Полевой службы». Оба «Устава» заимствованы у армии²⁰.

ВОЕННЫЕ ГОДЫ: 1914—1922 гг.

Все же стараниями О.И.Пантюхова, при поддержке сочувствующих 8 сентября 1914 г. был утвержден устав петроградского общества «Русский скаут» (но не всероссийского). Председателем общества избрали вице-адмирала Ивана Федоровича Бострема. Общество стало готовиться к съезду. «Первый съезд по скаутизму» (официальное название) состоялся в Петрограде 8—12 января 1916 г. (по старому стилю 26—30 декабря 1915 г.). К тому времени уже велась или начиналась разведческая работа в 24 городах²¹, но судя по списку городов, он не совсем полный. Но даже если прибавить еще несколько городов, то результаты первых 7 лет работы надо считать более чем скромными.

«Первый съезд по скаутизму» внес кое-какой порядок и принял единые для всех тексты законов (10 — перевод с английского), ТО (торжественного обещания), обычаев и заповедей разведчиков. Обсуждался вопрос названий «юный разведчик» или «бойскаут» и было решено, что можно пользоваться любым названием²². Ни в России, ни в зарубежье употребление слова “разведчик” никогда не прекращалось.

Первый съезд имел безусловно всероссийское значение, хотя из 24 “организаций” присутствовало только 4: Царское Село, Петроград, Москва и Киев.

Если в первые годы (1909—1914 г.) большинство руководителей было офицерами, то на съезде из 81 члена съезда только 6 были военными²³.

Бурный рост разведчества-скаутизма приходится на 1916 г. Те, кто были молоды для армии, шли в отряды юных разведчиков или основывали новые. Бурный рост разведчества связан с подъемом патриотических чувств и жертвенности так же, как ослабление разведческой работы бывает сопряжено с упадком интереса к делу от сытой и беспечной жизни (“ожирение совести”, как говорится в ОРЮР).

О результатах Второго съезда по скаутизму у нас нет точных данных. Известно, что вместо 10 законов, переведенных с английского, были приняты 12 законов, составленных русскими руководителями, и было решено, что

скаутмастер (скаутмастер, как тогда говорили) — звание, а не должность, как было принято считать в Англии. Можно сказать с уверенностью, что песня Адуева «Будь готов, разведчик» не была принята разведческим гимном, так как в «Спутнике скаута», Петроград, изд. Березовского (год не указан, но судя по тексту — 1917 г.), составленном О.И.Пантюховым, песни Адуева нет, а есть «К новой творческой работе!» — «Скаутский марш», слова В.С.Преображенского. Марш начинается словами:

Горит заря свободной жизнью новой...
Скорей к труду! Не надо лишних слов!
Готовы ль мы? Разбиты ли оковы?
О, да! Горит душа, и я готов! Готов!

Этот куплет затем повторялся как припев. По свидетельству К.А.Алексеева, хабринского руководителя, этот марш исполнялся как гимн²⁴.

7 ноября 1917 г. большевики захватили власть, после чего в России началась гражданская война. Часть разведчиков-скаутов оказалась на красной территории, другая — на белой.

Надо полагать, что симпатии большинства скаутов были на стороне белых. Во всяком случае В.А.Кудинов в своей книге «Большие заботы маленьких граждан» (М., 1990 г.) приводит имена только трех руководителей — О.Тарханова, Н.Максимова и М.Лозинского, перешедших на сторону красных, и добавляет, что “многие вступили в комсомол, работали в подполье против белых”. Эта фраза звучит неубедительно, так как далее он подробно пишет о широком участии скаутов на стороне белых (С.7—8).

24 февраля 1918 г. Эстония объявила о своей национальной независимости. Русские скаутские отряды оказались первыми русскими отрядами за границей. 18 ноября то же самое сделала Латвия. Появились новые русские зарубежные скаутские отряды. 1918 г. считается началом русской скаутской работы в Зарубежье.

На съезде руководителей в Новочеркасске с 29 сентября по 1 октября 1919 г. О.И.Пантюхову было присвоено пожизненное звание Старшего русского скаута (Ст.Р.Ск.)²⁵.

СКАУТИЗМ В РСФСР И СССР В 1918—1926 гг.

Вероятно, скауты в России не заметили или решили игнорировать Октябрьский переворот. Зимняя работа продолжалась нормально.

Не заметили скауты в первое время и перехода на новый стиль. После 31 января 1918 г. наступило не 1, а 14 февраля, но скауты отпраздновали день Св. Георгия не 6-го мая, а по привычке устроили парад 23 апреля 1918 г. Этот парад был для них последним легальным парадом.

В том же году — 1918 — изд. Березовского выпустило 4-е издание книги Баден Поуэлла «Юный разведчик» с предисловием И.Жукова.

Созданный в 1918 г. РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи сразу же пожелал подчинить себе все существующие молодежные организации, в том числе и скаутские.

Если бы в России была единая скаутская организация, большевикам было бы легко заменить высшее руководство своими людьми, но в России были сотни независимых друг от друга отрядов и дружин, и у большевиков не хватило людей взять их всех под свой контроль. По этой же причине не могли большевики и запретить сразу все независимые организации, так как в условиях полного развала страны надо было как-то оградить молодежь от влияния преступного мира, а это делали скауты.

Часть скаутских отрядов нашла себе покровителя в лице Всеобуча — Всеобщего воинского обучения. В декабре 1918 г. на 2-м съезде Всеобуча было решено создать движение «юков» — юных коммунистов на базе скаутских отрядов. «Юки» или «юк-скауты» были отрядами, чьи руководители, ради сохранения внешних скаутских форм, пошли на компромисс с советской властью за счет идеологических уступок²⁶.

«Юк-скауты» не стали массовой организацией, а только одним из течений в скаутизме²⁷. Гораздо было больше всяких независимых организаций — «Братьев костра» и др.

Желание подчинить себе скаутские организации вызвало враждебность скаутов к РКСМ (комсомолу).

В октябре 1919 г. на 2-м всероссийском съезде РКСМ было решено распустить скаут-

ские отряды, но Всеобуч продолжал покровительствовать «юк-скаутам», и решение осталось пустым словом на бумаге²⁸.

В октябре 1920 г. РКСМ решил развалить скаутизм изнутри, переманивая к себе скаутских руководителей. Кое-кто перешел, но скаутизм уцелел.

В конце 1921 г. Н.К.Крупская опубликовала брошюру «РКСМ и бойскаутизм», в которой советовала комсомольцам создать детскую организацию, скаутскую по форме, но коммунистическую по содержанию.

19 мая 1922 г. на 2-й конференции РКСМ была создана Пионерская организация. Скаутским руководителям, которые пошли на компромисс с РКСМ, казалось, что «назвавшись пионерами», они смогут сохранить скаутизм. РКСМ пошел на некоторые уступки, согласившись сохранить девиз — «Будь готов!», треугольный галстук и знак — три языка пламени (вместо трех лепестков лилии)²⁹.

РКСМ удалось переманить на свою сторону выдающегося скаутского руководителя Николая Фатьянова, о котором В.Кудинов писал в «Романе с барабаном» (М., 1990 г. С.132): «В начале 1922 г. он голодал, так как был безработным, и Московский комитет РКСМ взял его на работу инструктором» (вскоре умер — 5 июня 1922 г.).

Незадолго до смерти, 13 мая он составил «Декларацию скаутмастеров» с призывом «объединиться с РКСМ для совместной работы». Под этой декларацией 18 мая подписались 17 скаутмастеров, 3 потом присоединились, а 2 — сняли свои подписи. 16-летний скаутмастер Сергей Шорыгин поставил условием для сотрудничества сохранение названия «скаут» и лилии. Под этим предложением было тоже несколько подписей³⁰.

Это было последней попыткой склонить скаутмастеров к добровольному сотрудничеству. В самом начале от сотрудничества отказались и не подписали декларацию В.Попов, руководители еврейских скаутов при обществе «Макаби» и некоторые другие³¹.

ЦК РКСМ относилось с подозрением к скаутмастерам, перешедшим к пионерам. Целью РКСМ было полное уничтожение скаутизма. «Даже к отрядам «юных пионеров», которые состояли из старого скаутского состава, подходили как к скаутским организациям»³².

11 января 1923 г. скаутская работа была объявлена нелегальной и начались преследования скаутов, ушедших в подполье³³. Этот день мы считаем днем запрещения скаутизма в СССР.

Не все скаутские организации послали своих делегатов на Всероссийское совещание 27 августа 1922 г., не все потом перешли на нелегальное положение³⁴.

Один секретный комсомольский документ указывает, что в 1923 г. в подполье в СССР было 15 000 скаутов³⁵.

НЭП — Новая экономическая политика, введенная советским правительством в начале

1921 г., как утверждал Ленин, “всерьез и надолго”, — была частичным разрешением капитализма и некоторых гражданских свобод. Скаутским руководителям НЭП давала надежду, что все “образуется”, что надо только потерпеть некоторые “временные трудности” и что большевики вообще долго не удержатся у власти. Так что можно понять и тех, кто пошел на сотрудничество и тех, кто ушел в подполье. Потом были арестованы и те другие. 1926 г. считается последним годом подпольной работы. Всего было репрессировано около тысячи человек³⁶.

ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКИХ СКАУТОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ

До революции отсутствие в России единой скаутской организации играло отрицательную роль, но в годы советской власти помогло скаутским организациям 9 лет сопротивляться комсомольскому давлению. За границей же надо было сразу объединить всех скаутов, оказавшихся в эмиграции. Именно в эмиграции, а не в странах, граничащих с СССР.

Дело в том, что во всех этих странах русские люди жили столетиями и после отделения этих стран от России они сразу же получили подданство, став меньшинствами. У русских меньшинств была иная психология, чем у эмигрантов. Были, конечно, исключения, но не о них сейчас речь.

Если борьба с денационализацией (ассимиляцией) была общей проблемой, то вопрос борьбы с большевизмом больше волновал эмиграцию, чем меньшинства, у которых на первом плане была борьба за свои культурные права — в первую очередь — школы.

День русской культуры отмечали и одни и другие, но День непримиримости к большевизму (7 ноября) местные власти меньшинствам отмечать не разрешали.

Русские скауты, принадлежащие к национальным меньшинствам, должны были на более или менее автономных началах быть членами местных скаутских организаций.

В таком же положении оказались и русские скауты имени Духновича на Подкарпатской Руси (Чехословакия), основанные в 1929 г.

Только Румыния, присоединив к себе Бессарабию, запретила русских скаутов в Киши-

неве³⁷, а Эстония до 1937 г. разрешала своей русской молодежи состоять в эмигрантских скаутских организациях с центром в Нью-Йорке³⁸.

У русских скаутов, принадлежащих к национальным меньшинствам, было желание иметь связь с русскими скаутами в других странах, но не организационную (они не имели на то права), а чисто духовную: обмен журналами, дружеская переписка и т.д.

Законы и Торжественное Обещание (ТО) у этих скаутов были русским переводом местных законов и ТО. Но в Польше и Прикарпатской Руси местные скауты разрешили русским скаутам, принадлежащим к национальным меньшинствам, носить русскую лилию со Св. Георгием. В Финляндии русские скауты имели тоже право на особый значок, но они почему-то решили носить вместо лилии лук со стрелой (теперь в ОРЮР знак «За верность»).

Русские скауты, принадлежащие национальным меньшинствам, признавали Пантюхова основателем скаутизма в России и Ст. р. ск. (Старшим русским скаутом), но не имели права ему подчиняться. В странах, граничащих с Россией, не было отделов ОРС — Организации Русских скаутов за границей, но Пантюхов назначил туда своих представителей, что не противоречило местным законам. Обычно он назначал своим представителем того, кто представлял русских скаутов перед местным скаутским начальством.

ВОС — Всероссийская Организация Скаутов существовала в Сибири уже в 1918 г.³⁹, но формально она была учреждена только 20

марта 1919 г. в Челябинске на съезде скаутских руководителей Сибири, Урала и Приуралья. Главой организации был избран О.И.Пантюхов, а его заместителем ст.скм. К.А.Перцов. Ввиду гражданской войны, учреждение «Всероссийской организации» имело чисто символическое значение⁴⁰. Созданная Пантюховым приказом номер 11 от 11 ноября 1920 г., Организация Русских Скаутов за границей⁴¹ была законной преемственницей Всероссийской Организации Скаутов. Тем же приказом ГК — Главная квартира Константинопольской организации русских скаутов стала ГК ОРС за границей. Приказом Ст. р. ск. № 22 от 22 января 1921 г. ГК была упразднена, и вместо нее 22 марта 1921 г. был создан Совет по делам русских скаутов в составе О.Пантюхова, Н.Неводовского, С.Траилина, Я.Репнинской, А.Дехтерева и Клочко⁴². Совет долго не просуществовал из-за разъезда русских из Турции в 1923 г.

Приехав в конце 1923 г. из Константинополя в Нью-Йорк, Пантюхов «как пробу оформить Русский скаутизм за пределами России» составил «Временный устав» ВНОРС — Всероссийский Национальной Организации Русских Скаутов и утвердил его приказом № 146 от 23 ноября 1924 г.⁴³

Устав предусматривал «верховный орган организации» — «Съезд Русских Скаутов» и «Совет Русских Скаутов» при Ст.р.ск. В примечании к параграфу 12 была предусмотрена письменная связь. В 1920 и 1930 гг. Совет так и не был создан и не было ни одного съезда.

ВНОРС стала авторитарной организацией без выборных должностей. Пантюхов назначал и смещал начальников отделов, а те, в свою очередь, — начальников дружин.

Не было отчетности, отделы не платили членских взносов в центр, не было центральных периодических изданий, ни единых программ, ни единой терминологии. Например, девочки до 10—12 лет назывались «птенчиками», в Югославии — «пчелками», а в Польше — «белочками». Не было слетов.

Отсутствие центрального органа связи возмещалось частично беседами Ст.Р.Ск., носившими номера приказов⁴⁴.

Подчинение начальников отделов главе ВНОРС носило добровольный характер. Не желавшие подчиняться покидали ВНОРС и создавали свои («параллельные») организации скаутского типа.

ВНОРС, вернее ее мужская ветвь, была членом БСИБ — Бойскаутского Интернационального Бюро в Лондоне. Полагающийся членский взнос Пантюхов платил из собственных денег, несколько понижая численность.

Женские ветви скаутских организаций не могли быть членами БСИБ, и потому БСИБ требовало от всех скаутских организаций, в том числе и от ВНОРС, выделение герл-скаутов в отдельную, независимую организацию.

БСИБ во внутренние дела скаутских организаций не вмешивалось и на отделении герл-скаутов от бой-скаутов особенно не настаивало. Пантюхов все же решил в 1929 г. выделить «вожатых (герл-гайд)» в отдельную организацию, назначив Главной руководительницей свою супругу Нину Михайловну и утвердив для русских гайд особый знак — три цветка подснежника⁴⁵.

Для укрепления единства русских скаутов Ст.Р.Ск. совершил в 1929 г. поездку на Всемирный джамбори в Англию, посетив по дороге русских скаутов во Франции, Югославии, Польше, Латвии и Эстонии.

С той же целью, по словам А.Шатерника, он назначил Б.Цыновского заведующим ИЧ — инструкторской частью и поручил ему составить проект нового устава организации. Проект был готов в 1933 г., но Пантюхов он не понравился и не был утвержден. Б.Цыновский и вместе с ним весь Бельгийский отдел покинули организацию. В 1920-х и 1930-х гг. так обычно кончались конфликты между скаутскими руководителями.

САРАЕВЦЫ

Сараевцы — Борис Борисович Марино, Ростислав Владимирович Полчанинов, Святослав Владимирович Пелипец и Малик Ибрагимович Мулич (местный боснийский мусульманин) и их учителя: Иван Семенович Светов (Белград), Александр Михайлович Шатерник

Сараевцы — Борис Борисович Марино, Ростислав Владимирович Полчанинов, Святослав Владимирович Пелипец и Малик Ибрагимович Мулич (местный боснийский мусульманин) и их учителя: Иван Семенович Светов (Белград), Александр Михайлович Шатерник

(София) и Максим Владимирович Агапов–Танганский, — занимают особое место в истории ОРЮР.

Светов вошел в историю разведчества как основоположник работы с одиночками. У него не было семьи, и он свою душу и все свободное время отдавал работе с детьми. В 1931 г. он обратился через югославский скаутский журнал «Нови скаут» к русским, состоящим в Союзе скаутов королевства Югославии, с предложением вступить в переписку с русскими скаутами.

Сараевцы не были единственными членами югославских скаутов, но были единственными откликнувшимися. Так 4 апреля 1931 г. в Сараеве был основан патруль «Волк».

В 1951 г. ОРЮР отметил 20-летие этого события выпуском значка, который получили все одиночки, бывшие в том году в ОРЮР.

Вторым учителем сараевцев был Шатерник, назначенный Паитюховым приказом № 263 от 24 декабря 1933 г. на пост заведующего ИЧ. Ему же Ст.Р.Ск. поручил составление нового проекта устава. Шатерник был представителем национального течения в русском скаутизме. Он предложил новое название — Национальная английская Организация Русских Скаутов–разведчиков — НОРС–Р и замену терминологии на русскую. Шатерника поддерживало большинство руководителей в Маньчжурии и Китае, а в Югославии — сараевцы. Термин «скаут–разведчик» был придуман в Харбине. О.И.Пантюхов утвердил 17 августа 1934 г. новый устав и новое название для организации.

Третьим учителем сараевцев был Агапов — основоположник русской системы руководящих курсов, которым он дал название–девиз — «Будем как солнце!» (сокращенно БКС), взятый из стихотворения Бальмонта.

БКС давал ответ на вопрос, во имя чего

ведется работа со скаутами, а не только на вопрос, как ее надо вести.

В то время как югославские скауты в основу своих курсов для руководителей положили русскую систему БКС, русские скауты ее игнорировали до тех пор, пока к югославам учиться на БКС курсы не поехали Мартино в 1934 г. и Полчанинов в 1935 г. После этого они, основываясь на программах БКС, провели в 1937 г. КДВ — курсы для вожаков и в 1938 г. КДР — курс для руководителей.

Благодаря Светову, Шатернику и Агапову сараевцы сделали из маленького и не очень активного Югославского отдела один из наиболее крупных, на долю которого легла вся тяжесть проведения подпольной работы.

До войны в Белградской дружине был отряд скаутов и отряд гайд. Иногда велась работа с волчатами, иногда появлялся 2-й белградский отряд русских скаутов. Белградские скауты и гайды жили дружно, любили “своих” и не любили “чужих”. Сараевские скауты были для белградцев тоже “чужие”.

В 1937 г. в Белград приехало три “сараевца”. Б.Б.Мартино взял за 2-й белградский отряд, а Малик Мулич и Святослав Пелипец основали два новых отряда. “Старые белградцы” сразу стали говорить, что в Белграде — “один белградский отряд и три сараевских”.

Во время войны “старые белградцы” не принимали участия, по разным причинам, в подпольной работе. В подполье ушли только “сараевские” отряды.

Психология “старых белградцев” была и у скаутских руководителей в Риге. В феврале 1944 г. среди эвакуированных псковичей в Риге оказались псковские разведчики и разведчицы. В день Св. Георгия рижане отказались пригласить их на свой праздник, который отмечали по старому стилю 23 апреля, и не пришли к псковичам 6 мая.

ГОДЫ ВОЙНЫ: 1939—1945 гг.

На Подкарпатской Руси 4 декабря 1938 г. произошел переворот, и к власти пришли украинские шовинисты, запретившие все русские организации, в том числе и скаутов. 15 марта 1939 г. на открытии сейма (парламента) они переименовали страну в Карпатскую Украину, названную “республикой одного дня”, потому

что в тот же день она была оккупирована венграми. В Венгрии скаутская работа в годы войны продолжалась, а на Подкарпатской Руси венгры разрешили работу «Бывшему Центру Русских Скаутов имени Духновича» («Карпатский голос» 1940 г.).

В Болгарии и Финляндии скаутская рабо-

та продолжалась до конца войны⁴⁶, а в Англии она вскоре после начала войны прекратилась.

В Маньчжурии русские скауты были формально запрещены в 1942 г., но работа велась до конца лета 1944 г., и японцы ей не мешали⁴⁷. В Китае, оккупированном японцами, работа прекратилась в Пекине вскоре после налета на Перл-Харбор, в Тяньцзине — 1 ноября 1942 г., а в Шанхае — 6 мая 1945 г.⁴⁸

Первыми начали подпольную работу скауты в Варшаве (весна 1940 г.) под названием Национальная Организация Русской Молодежи⁴⁹.

НОРМ — Национальная Организация Русской Молодежи — была создана нацистами в Берлине в 1939 г. Начальником был С. фон Таборицкий, который поручил вести работу начальнику штаба И.Мелких. Русские скауты в Литцманштадте (Лодзь) и других городах Польши, присоединенных к Германии, стали создавать «НОРМы» для прикрытия скаутской работы. То же сделали витязи в Праге и Брно. В 1941 г. из Белграда в Берлин приехал О.Поляков и договорился с И.Мелких о подпольной работе разведчиков-скаутов под названием «Ушкуйного войска разведчиков» в рамках «Норм-а». Приказом Ст.р.ск. № 295 от 1 августа 1936 г. был назначен новый заведующий ИЧ — Агапов. Когда в апреле 1941 г. немцы оккупировали Югославию и запретили скаутов, он передал свою должность Б.Б.Мартино. В годы войны Martino возглавлял подпольную скаутскую работу, а Р.В.Полчанинов его одно время замещал⁵⁰.

В начале 1941 г. Пантюхов переименовал НОРС в ОР — Организацию Разведчиков⁵¹.

И.Мелких хотел объединить все организации Национальной Организации Русской Молодежи и сделать свой берлинский штаб Центральным штабом. Таборицкий и «гитлер-югенд» дали согласие. В это время (март 1942 г.) витязи в Праге и Брно присоединились к подпольным скаутам (откуда у нас название и знак для старших). И одни и другие признали Центральный Штаб, а И.Мелких обещал покровительство подпольной скаутской работе внутри НОРМ. Он и нач. витезей др. Н.М.Сергеев были приняты в состав ИЧ.

В Германии работа велась непрерывно. Полчанинов провел подпольный Курс для Вожаков (КДВ) в Нидерзаксверфене перед самым приходом американцев. Американцы пришли 11 апреля 1945 г., вожаки сразу стали собирать звенья, и 28 апреля, за 10 дней до конца войны, был уже первый сбор дружины, в мае парад по случаю дня Св. Георгия⁵².

Начальник Французского отдела НОРС-Р В.А.Темномеров и его руководители не вели подпольной работы. Из-за этого они не смогли сразу ее начать. Париж был освобожден 24 августа 1944 г., а они только спустя полтора года, 30 декабря 1945 г., возобновили работу, устроив скаутскую елку (по новому стилю).

4—6 ноября 1945 г. в Мюнхене состоялся «Съезд руководителей юных разведчиков», на котором Организация Разведчиков была переименована в Организацию Российских Юных Разведчиков, а Martino был избран заместителем Ст.р.ск. на Европу.

ОРИО И НОРС-Р

Темномеров поступил на службу в беженский отдел Лиги Наций и таким образом смог помогать русским «перемещенным лицам» («ди-пи» — 'Dislaced Persons') в Германии, Австрии и Италии.

Перед отъездом в Германию он поручил вести скаутскую работу во Франции Г.А.Боброву, а в Германии думал найти каких-нибудь старых скаутов и помочь им начать работу в лагерях перемещенных лиц.

Опекавшая беженцев организация ЮНР-РА — United Nations Relief and Rehabilitation Administration — дала Темномеру адрес

Martino. Встреча состоялась в декабре 1945 г. Темномеров был очень удивлен, узнав, что скаутская работа уже ведется во многих беженских лагерях, что летом были проведены три скаутских лагеря, что выходит журнал «Разведчик», что в ноябре был съезд руководителей — первый за всю зарубежную историю, что организация приняла новое название ОРИО, а сам Martino был избран заместителем Ст.р.ск. на Европу⁵³. Темномеров никак не мог понять, что это могло быть сделано без ведома и согласия самого Ст.р.ск. О.И.Пантюхова. Новое название ему не понравилось.

Темномеров сказал Мартино, что нельзя было начинать работу и устраивать съезд, не получив согласия Ст.Р.Ск. Б.Б.Мартино говорил, что надо было действовать, а Темномеров говорил, что надо было ждать. “Сараевский” стиль работы Темномеровой был незнаком и непонятен.

Раньше Темномеров симпатизировал младороссам, которые были против НТС, и узнав, что Мартино член НТС, он дал Пантюхову неблагоприятный отзыв о нем и ОРЮР. По рекомендации Темномерова, Пантюхов назначил начальника Французского отдела НОРС-Р Бобровского своим заместителем на Европу. Мартино должен был в приказе № 7 § 2 от 21 декабря 1946 г. отказаться от должности заместителя Ст.скм. на Европу и называться Старшим скаутмастером.

Собственно говоря, Мартино уже был Ст.скм., но в ОРЮР в 1945—1946 гг. было три руководительских звания: “младший скм”, “скм” и “ст.скм.”. После приказа № 7 звания были соответственно переименованы в “инс”, “ски” и “скм”, а звание “Ст.скм.” стало должностью — один Старший скаутмастер на всю ОРЮР.

Устав НОРС-Р 1934 г. устарел, и ОРЮР в 1947 г. выработала «Временное уложение», а НОРС-Р во Франции — свой новый устав. Пантюхов временно утвердил оба до тех пор, пока не будет выработан один общий устав. Возглавляя одновременно и НОРС-Р и ОРЮР, он сохранил таким образом единство организации.

9 мая 1948 г. в ОРЮР было около 800 человек⁵⁴, а во Франции менее ста, но Бобровский требовал, чтобы Марокканское предста-

вительство ОРЮР было передано Французскому отделу НОРС-Р и чтобы вся ОРЮР подчинялась ему как зам. Ст.р.ск. на Европу. Мартино же требовал подчинения Французского отдела ГК ОРЮР⁵⁵.

В это время советская агентура вела яростную кампанию против НТС, находя поддержку, по разным причинам, в разных кругах русской эмиграции. Бобровский стал обвинять ОРЮР в связях с НТС, не считаясь с тем, какой вред он этим наносит российскому скаутизму.

О.И.Пантюхов, хотя и старался быть нейтральным в этом конфликте, все же симпатизировал Бобровскому, а не Мартино. Кончилось это тем, что ОРЮР приняла в 1957 г. новый устав, в котором должность Ст.р.ск. была полностью упразднена.

Б.Б.Мартино умер в 1962 г., а О.И.Пантюхов — в 1973 г. Незадолго до своей смерти он назначил своим заместителем В.В.Красовского (Калифорния), но после его смерти новым Ст.р.ск. был избран Н.Седяревич (Аргентина). Красовский был за объединение с ОРЮР, а Седяревич — против. Из-за этого в НОРС (слово разведчик уже было упразднено) произошел раскол. Группа Красовского присоединилась в 1979 г. к ОРЮР. Северо-Американский отдел (и только он один) принял название ОРЮР-НОРС. С Седяревичем остались дружины в Буэнос-Айресе, в Сиднее и Париже. Позднее в НОРС произошел новый раскол — Седяревич остался Ст.р.ск. в Буэнос-Айресе, а Сидней и Париж избрали Ст.р.ск. А.Князева. В ОРЮР тоже произошел раскол — Г.Лукин создал свою ОРЮР в Южной Америке.

ВОСД, АВОРС и ОРЮР

Перестройка, начатая Горбачевым, не могла не коснуться пионерской организации. Все ею были недовольны — и партия, и пионеры. КПСС решила, сохраняя пионерскую организацию, создать еще и свой советский скаутизм.

В 1988 г. в февральском номере журнала для пионерских руководителей «Вожатый» появились две статьи: о “красных скаутах” и «...А ценное сохраним» и еще 6 декабря в «Комсомольской правде» — «Мы соскучились по разнообразию» и «Скауты».

У Полчанинова была и раньше переписка с СССР, и потому Г.В.Лукьянов дал адреса двух своих знакомых, которым в начале марта 1989 г. Р.В.Полчанинов послал несколько книг духовного содержания и краткую информацию о работе ОРЮР⁵⁶. Весной 1990 г. начались первые сборы ребят и родителей в 82-ой школе в Черноголовке под Москвой⁵⁷, и через Г.В.Лукьянова было прислано приглашение членам ОРЮР в США посетить Черноголовку. 6 июня 1990 г. состоялась встреча местных и

зарубежных членов ОРЮР в Черноголовке⁵⁸. 11 июня в Павловске был зажжен разведческий костер, в который в знак преемственности В.Б.Федоров положил обуглившуюся ветку из прошлогоднего лагерного костра в Новом Павловске (США)⁵⁹.

В июле скм. Л.Р.Селинская совместно с историко-культурным центром «Российское Зарубежье» устроила ряд выставок в Москве, на которых много места занимали экспонаты ОРЮР⁶⁰.

С 11 по 29 августа в с. Горелец Костромской обл. под руководством скм. Г.Лукьянова был проведен лагерь «Возрождение». Через несколько дней на ворота лагеря была прибита дощечка с надписью «ОРЮР». 46 лагерников (но не все) пожелали вступить в ОРЮР, сдали III разряд и дали ТО. В знак преемственности отряду в Черноголовке было передано знамя отряда св. кн. Александра Невского, основанного в Фюрстенвальде (Германия) в июле 1945 г.⁶¹

Статьи на скаутские темы в советской печати, публиковавшиеся с 1988 г. должны были подготовить советское общество к возрождению «скаутинга» в СССР. В то же время велись закулисные переговоры между руководителями ВЛКСМ — Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи и ВОСД — Всемирной Организации Скаутского Движения. Было решено, что руководство КПСС и правительство СССР обратятся к ВОСД с

просьбой разместить в скаутских лагерях 1235 белорусских детей, пострадавших от чернобыльской аварии. ВОСД разместила их в 15 европейских странах, о чем подробно писалось в советских газетах⁶².

Чтобы оформить создание «советского скаутизма», в Москве 15—17 ноября 1990 г. состоялся учредительный съезд АВоРС (официальное название) — Ассоциации Возрождения Российского Скаутизма. На этом съезде неожиданно для организаторов оказались местные руководители ОРЮР и делегации из США во главе с скм. Л.Р.Селинской, в которую входили: О.О.Пантюхов — сын основателя разведчества в России и скм. А.Ф.Захарьин. Местные комсомольцы и представители ВОСД из Женевы подвергли нападениям представителей ОРЮР, объявив их самозванцами.

«Комсомольская правда» от 25 ноября 1990 г. закончила статью «Отечество нам Царское Село» словами: «Пионеры и скауты — два берега одной реки. И между ними нужно наводить мосты». Таковы были планы коммунистов, но неудавшийся переворот 19—21 августа 1991 г. изменил дальнейший ход событий. 22 августа главари ГКЧП были арестованы, а Ельцин объявил бело-сине-красный флаг — флагом России. 26 декабря РСФСР была переименована в РФ — Российскую Федерацию.

Фактически Организация Российских Юных Разведчиков стала первой организацией, возвратившейся на Родину из Русского Зарубежья.

Примечания

- 1 Русские скауты // Сб. Сан-Франциско, 1969. С.24.
- 2 Титульный лист 1-го издания 1908.
- 3 Библиография. 1993. № 1. С.86.
- 4 Пантюхов О.И. Русским скаутам. Белград, 1929. С.17.
- 5 Разведчики на Кавказе // Ученик. 1910. № 10. С.316.
- 6 Русские скауты. С.24.
- 7 Русские скауты. С.27.
- 8 Юный разведчик // Ученик. 1910. № 13. С.405—406; 1911. № 1. С.567—569.
- 9 Царское спасибо потешным // Там же. 1911. № 50. С.1159; Фото в архиве автора.
- 10 Календарь ученика. 1912—1913. С.77.
- 11 Клименко В. Русское юношество — наша смена // Часовой. 1960. № 409. С.21.
- 12 Всероссийский союз разведчиков // Ученик. 1911. № 31. С.901.
- 13 Юный разведчик // Там же. 1911. № 24. С.717—718.
- 14 Письмо из Плютска // Там же. 1911. № 40. С.1032.
- 15 Пантюхов О.И. Памятка юного разведчика. Царское Село, 1911. С.6—7.
- 16 Там же. С.5.
- 17 Скаутизм в России // Труды 1-го съезда по скаутизму 26—29.12.1915 г. в Петрограде. Петроград, 1916; Анохин А.К. Первый Киевский отряд герл-скаутов. Там же. С.51.

- 18 Государевы потешные люди // Ученик. 1911. № 48. С. 1127—1129.
- 19 Пантюхов О.И. Указ. соч. С.6.
- 20 Там же. С.22, 25.
- 21 Труды 1-го съезда... С.126.
- 22 Там же. С.94—95, 32—33, 75.
- 23 Там же. С.128.
- 24 Письмо Алексеева К. в архиве автора (20.05.1991).
- 25 Русские скауты. С.36.
- 26 Кудинов В.А. Большие заблуты маленьких граждан. М., 1990. С.29.
- 27 Там же. С.32.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С.18.
- 30 Там же. С.22—23.
- 31 Там же. С.19.
- 32 Там же. С.39.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С.35.
- 35 Крайнов Г. Скауты в России // Отечественная история. 1993 № 5. С.208.
- 36 Кудряшов Ю. История, теория и практика скаутизма. Архангельск, 1992. С.7.
- 37 Лейденниус В. Другу ли? // Воскресение 08.1961. № 37. Эслинген. Германия.
- 38 Русские скауты. С.286.
- 39 Копия письма Жукова И. на бланке ВОС от 17.02.1918 // Архив автора.
- 40 Русские скауты. С.107—108.
- 41 Репнинский Я. Моя работа со скаутами на Босфоре. София, 1923. С.54.
- 42 Там же. С.80.
- 43 Пантюхов О.И. Русским скаутам. С.43—44.
- 44 Там же. С.163—269.
- 45 Приказ Ст.р.ск. № 224 от 26.01.1929 // Русские скауты. С.433—434.
- 46 Там же. С.250.
- 47 Там же. С.235.
- 48 Там же. С.175, 176, 158.
- 49 Письмо Войцеховского С. от 13.05.1972 // Архив автора.
- 50 Приказ начальника И.Ч. скм. Б.Б.Мартиню № 3 от 11.02.1942.
- 51 Приказ по отделу НОРС-Р в Центральном и Южном Китае от 6.05.1941 ст. рук. подпоручика г. Радецкого-Микуллица; приказ № 4 и.о. нач-ка И.Ч. скм. Р.Полчанинова.
- 52 Трибух С. ОРЮР в Менхегофе и окрестных лагерях // Страницы истории ОРЮР. 15.10.1987. № 4; Martino V. Russian Jamboree. London, 1950. P.170.
- 53 Труды съезда.
- 54 Monnet J.R. The Least of These // Архив автора.
- 55 Приказ скм. Б.Б.Мартиню № 6, § 4 от 17.10.1946, подписанный в последний раз в качестве заместителя Ст.р.ск. на Европу.
- 56 Истоки возрождения: Интервью с Аристовым В.В. // Вестник Богородского отдела ОРЮР. 25.10.1991. Спецвыпуск Черноголовской газеты.
- 57 Там же. Хроника скаутской жизни.
- 58 Сувалова М. Посещение храма Покрова Пресвятой Богородицы, прием в Черноголовке и Костер в лесу // Вестник руководителя ОРЮР. 07—08.1991. № 381. С.30.
- 59 Ткачевская Л. Костер за Россию... в России // Там же. С.37—41.
- 60 Страницы истории Русского Зарубежья // Советская молодежь. (Рига.) 1990. 23 авг. С.3.; Матюхин П. Легко ли быть русским на чужбине // Голос Родины. 1990. № 3. С.15 и др.
- 61 Приказ по лагерю от 29.08.1990.
- 62 Зайкин В. Бойскауты — детям Чернобыля // Известия. 1990. 29 июня; Горбачев М.С. Всемирному съезду скаутов // Известия. 1990. 24 июля.

Для сотрудников архивных учреждений, библиотечных работников, исследователей.

«Именной список русского научного зарубежья»

с указанием архивных дел: по картотекам Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (до 1917 г.) и Государственного архива Российской Федерации в Москве (1917—1945 гг.); в алфавитном порядке от А до Л; с рубрицированным тематическим указателем. / Автор-составитель Ю.Н.Сухарев, Санкт-Петербург, 1994. 459 с. А-Л: 740 персон.

Ксерокопия авторской рукописи находится:

- 1) в справочной библиотеке РГИА, Санкт-Петербург,
- 2) в научной библиотеке Федеральных Архивов, Москва.

К сведению заинтересованных лиц информация о рубриках тематического указателя: астрономия; военные науки; евразийские исследования; искусство; историко-генеалогические исследования; история, культура; карпаторусские исследования; казачество; литературоведение, критика; математика, прикладные направления математики; медицина, врачевание; науки о земле, добыча ископаемых, климатология; образование, педагогика; право; природоведение; психология; сельское хозяйство; социология; техника, теории в технике, промышленность; транспорт; химия; физика; филология, языкознание; философия; церковь, богословие, наставительное слово, церковное искусство; археология; экономика.

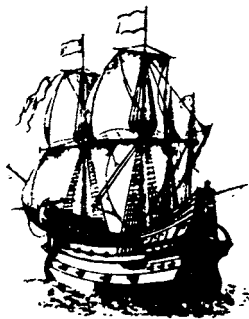
**Информационный бюллетень ЯЛИК
(Язык, Литература, История, Культура)**

предполагает опубликовать
серию очерков по истории названий
русских судов и лодок.

Шхуна, бот, шлюп, карбас, шнека.

А какие другие общенародные и
местные названия вы знаете?

Ждем ваших писем по адресу:
199034. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11.
Филологический факультет, ЯЛИК.

**ЯЗЫКОВОЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
В СЕРИИ «НАСЛЕДИЕ УЧЕНЫХ»
ИЗДАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

Максимов Д.Е. Стихи

•

Пропп В.Я. Русские аграрные праздники

•

Еремин И.П. Исследования по древнерусской литературе

•

**Васильева–Шведе О.К., Степанов Г.В.
Теоретическая грамматика испанского языка**

*199034. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.
Языковой центр филологического факультета СПбГУ.
Тел. (812) 218 97 13; (812) 218 95 33. Факс (812) 233 06 72.*

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

Русский военно-исторический журнал

Зав. редакцией Г. И. Чердниченко

Технический редактор Ю. Ю. Таурина

Художник Е. А. Соловьева

Издательская лицензия ЛР № 020351 от 27.12.1991.

Подписано в печать с оригинала-макета 23.07.95. Формат 60×84¹/₈. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,9.
Тираж 1000 экз. Заказ № 685.

Языковой Центр филологического факультета СПбГУ.
Российская Федерация, 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

Отпечатано с оригинала-макета в АООТ «Типография „Правда“». 191126, С.-Петербург,
Социалистическая ул., 14.

